

05
ЖС 36
ЖС-12178

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Годъ XXII.

Выпускъ I—II.

1913.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.
1913.

Редакція „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“

ПОСВЯЩАЕТЪ НАСТОЯЩІЙ ВЫПУСКЪ

Дмитрію Николаевичу

АНУЧИНУ

КО ДНЮ СЕМИДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

V. Засѣданіе 27 апрѣля 1912 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, С. К. Булича, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: М. А. Адабаша, Б. Б. Барадійна, А. А. Веселовскаго, Н. А. Виташевскаго, Э. А. Вольтера, В. Г. Глазова, А. А. Достоевскаго, Н. П. Евстифѣева, А. И. Иванова, И. С. Иванова, А. О. Кана, В. Л. Котвича, Т. Кибальчича, А. А. Макаренко, Н. Н. Михайловскаго, Э. К. Пекарскаго, А. А. Петерса, Н. Θ. Рахманилова, А. Д. Руднева, С. Г. Рыбакова, А. Θ. Селиванова, Р. Д. Семенова-Тянь-Шанскаго, А. К. Сержпутовскаго, А. М. Смирнова, П. Н. Черемисинова, Л. Я. Штернберга и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитаны и утверждены журналы засѣданій Отдѣленія 30 марта и 6 апрѣля.

II.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе печатныхъ изданійхъ.

1. *Národopisný Věstník Československý*. R. VII, Č. 2—3. 1912.
2. *Časopis Museálnej slovenskej spoločnosti*. R. XV. Č. 1. 1912.
3. Родопски Напрѣдъкъ. Годъ IX. Кн. V и VI. Пловдивъ. 1912.
4. August von Löwis of Menar. *Der Held im Deutschen und russischen Märchen*. Jena, 1912.

III.

Доложена просьба чл. сотр. М. Б. Едемскаго о выдачѣ ему открытаго листа для этнографической поѣздки въ Вологодскую, Архангельскую и смежныя губерніи.

Постановлено: просить Совѣтъ Общества объ удовлетвореніи просьбы М. Б. Едемскаго.

IV.

Доложено приглашеніе Организационнаго Комитета XIV Международнаго Конгресса Антропологии и Доисторической Археологии въ Женевѣ прислать представителей.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V.

Произведены выборы членовъ Медальной Комиссіи по Отдѣленію Этнографіи на 1912 г.

Избраны: А. А. Шахматовъ, А. Д. Рудневъ, Л. Я. Штернбергъ, В. В. Бартольдъ и В. М. Истринь.

VI.

Сем. Аким. Раппопортъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Еврейское народное творчество“ по слѣдующей программѣ:

I. Вслѣдствіе существующей у евреевъ въ теченіе тысячелѣтій обязательной грамотности и книжности, еврейскій фольклоръ въ большей степени проникнутъ элементами и мотивами религіозной письменности (библейской и талмудической). Онъ распадается на произведенія: 1) созданныя религіозной интеллигенціей съ дидактической цѣлью и вполне ассимилированныя народной массой, 2) созданныя народомъ подъ вліяніемъ, а часто и на мотивы религіозной письменности и 3) созданныя народомъ въ духѣ обычнаго фольклора.

Наибольшему религіозному вліянію подверглось сказочное и, отчасти, пѣсенное творчество. Произведенія народной мудрости (пословицы, поговорки и, въ особенности, житейскія притчи) эмансипированы отъ религіозности, отчасти даже проникнуты отрицательнымъ къ ней отношеніемъ.

II. Характерныя особенности сказки: 1) она всегда дидактична, 2) въ большинствѣ случаевъ, принаровлена къ популярному духовному лицу (раввину, цаднику), вслѣдствіе чего, имѣетъ характеръ легенды или сказанія, 3) въ ней отсутствуютъ мотивы воинственно-героическаго эпоса, 4) отсутствуютъ любовные мотивы, 5) основная тенденція: духовная мощь могущественнѣе физической; цѣль жизни: духовное совершенство и познаніе высшей мудрости (Торы).

Главнымъ образомъ подъ вліяніемъ творчества другихъ народовъ, въ еврейскую сказку проникли всѣ классическіе мотивы европейскаго фольклора, но они перенесены съ почвы физической, матеріальной на почву духовную. (Примѣры).

III. Основные мотивы сказки: 1) порывъ къ духовному совершенству и подвигу. Героями этого цикла являются: праведники,

отшельники, сокрытые праведники, самоотверженные люди, рѣшившіеся на борьбу съ Асмодеемъ и его воинствомъ, дабы вызвать пришествіе Мессіи. Наиболѣе обычные персонажи—Илья Пророкъ, патріархи, ангелы. Мѣсто дѣйствія—теремъ въ лѣсу, пещера, Іерусалимъ, рѣка Самбатванъ, Горы Тьмы, Море Печели.

2) Достиженіе совершенства: главнымъ образомъ хассидскія легенды. Рассказываются чудеса и описывается безграничная мощь цадиковъ.

3) Сказки гоненій и ужасовъ. Описываются кровавые и другіе навѣты, преслѣдованія, гоненія на евреевъ и чудесное ихъ спасеніе. Обычные персонажи: съ одной стороны: король, папа, бишофъ, злой царедворецъ; съ другой: сокрытый праведникъ, тайный совѣтникъ царя (еврей) „второй отъ короля“ (еврей), ангель, „гойлемъ“ (нѣчто въ родѣ гомункулуса, созданнаго праведникомъ специально для борьбы противъ кровавыхъ навѣтовъ).

4) Сказки о колдунахъ и дѣтскія.

IV. Народныя пѣсни: 1) Большинство на религіозные мотивы: переложенныя молитвы, праздничныя, восхвалительныя (Бога, Торы, Ираиля, Іерусалима), хассидскія, мистическія. 2) Бытовыя, большей частью проникнуты религіознымъ настроеніемъ и въ элегическомъ тонѣ. 3) Дѣтскія, свадебныя, любовныя, рекрутскія, семейныя. 4) Юмористическія, осмѣивающія человѣческія слабости. Героическія, историческія и воинственныя совершенно отсутствуютъ.

Характерная особенность пѣсни, что многія на русскомъ, польскомъ языкахъ, нѣкоторыя смѣшанныя.

V. Притча. Старая форма. Притча дидактическая. Ея творцы (проповѣдники, синагогальные обличители). Современная притча-анекдотъ. Освобожденіе отъ вліянія религіозной догмы. Тонкій юморъ, художественность, злободневность. Безпощадная критика пороковъ.

VI. Пословицы и поговорки. Сходныя съ европейскими; заимствованныя. Библийскія и талмудическія.

Пословицы и поговорки на другихъ языкахъ (древне-еврейскомъ, русскомъ, польскомъ, смѣшанныя).

Двухъ-этажныя пословицы: сентенція и ея отрицаніе.

Основныя черты: скептицизмъ, особенное отношеніе къ Богу, отрицаніе прописной морали. Глубокая житейская мудрость, юморъ, мораль, пословицы.

Заключеніе.

VI. Засѣданіе 28 сентября 1912 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. Ѳ. Ольденбурга, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: Б. Б. Барадійна,

Г. В. Вильямса, Н. А. Виташевскаго, Ѳ. К. Волкова, К. К. Гильзена, А. А. Достоевскаго, Л. Ѳ. Добротворскаго, М. Б. Едемскаго, П. П. Елсакова, В. Н. Зайцева, Д. К. Зеленина, В. И. Юхельсона, А. А. Макаренко, В. П. Мансикка, С. Е. Малова, Н. Н. Михайловскаго, П. Г. Москалева, А. А. Миллера, Напалкова, Р. Р. Поле, А. М. Позднѣева, И. П. Поддубнаго, Л. Я. Штернберга, и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложена просьба профессора Софійскаго университета Л. Милетича выслать университету полный комплектъ „Живой Старины“ въ обмѣнъ на „Извѣстія семинарія по славянской филологіи“.

Постановлено: удовлетворить.

III.

Доложена просьба Предсѣдательницы Совѣта Калужскаго Общества ревнителей о народномъ благѣ въ память 1812 г. о бесплатной высылкѣ „Живой Старины“ въ читальню Общества.

Постановлено: просить предварительно прислать Отчетъ Общества.

IV.

Доложено о поступленіи изъ Библіотеки Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III списка книгъ, поступившихъ въ библіотеку за май 1912 г.

Постановлено: благодарить.

V.

Доложено о печатныхъ изданіяхъ, поступившихъ въ Отдѣленіе:

1. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1912, № 1, 2, 3.
2. Каталогъ книгъ библіотеки А. П. Бахрушина, вып. II. Москва, 1912.
3. Этнографическое обозрѣніе, 1911, № 3—4. Москва, 1912.
4. Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссіи, вып. 29. Саратовъ, 1912 г.
5. Красноярскій Подъотдѣлъ И. Р. Географическаго Общества. Отчеты за 1907—1910 г.г. Красноярскъ, 1912.
6. Извѣстія Калужскаго Общества Изученія природы мѣстнаго края. Книга I. Калуга, 1912.

7. Учасіе Саратовской губерні въ Отечественной войнѣ 1812 г. Составилъ Н. Ф. Хованскій. Изд. Сарат. Уч. Арх. Комиссіи. Саратовъ, 1912.
8. Отчетъ о дѣятельности Общества Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. СПб. 1912.
9. Труды Ярославской Губ. Уч. Арх. Комиссіи, Кн. V. Москва, 1909.
10. Труды Ярославской Губ. Уч. Арх. Ком. Кн. 6-ая, вып. II. Ярославль, 1912.
11. Ученыя записки И. Московскаго Университета. Отдѣлъ ест.-истор., вып. 30, 31, 32.
12. Труды Оренб. Уч. Арх. Комиссіи. I. А. Кастанье, нагробныя сооруженія Киргизскихъ степей. Оренбургъ, 1911.
13. Сообщенія И. Православнаго Палестинскаго Общества. 1912, т. XXIII, вып. II.
14. Етнографічний Збірник. Т. XXX. Етнографічні матеріали з Угорської Русн. Зібрав Володимир Гнатюкъ. Т. VI. У Львові, 1911.
15. Kwartalnik Historyczny. R. XXVI. Z. 1—2. We Lwowie. 1912.
16. Národopisný Věstník Československý. R. VII. Č. 5—6, 7—8. Praha. 1912.
17. Časopis Musea Království Českého. 1912. V Praze.
18. Zprava o Museu Království Českého za rok 1911. V Praze. 1912.
19. Родонски Напрѣдкъ. Годъ IX, кн. VII, VIII, IX. Пловдивъ. 1913.
20. F. F. Communications N. 10. Übersicht der mit dem Verzeichniss der Märchentypen in den Sammlungen Grimms, Grundtvigs, Afanasjews, Gonzensbachs und Hahns übereinstimmenden Märchen. Zusammengestellt von Antti Aarne. Helsinki, 1912.
21. Political Science Quarterly, №№ 2, 3. 1912.
22. Программа для собиранія произведеній народной словесности. Изд. Комм. по нар. слов. при Этн. Отд. И. О. Л. Е. А. и Э. Москва, 1912.

Постановлено: передать въ бібліотеку Общества.

VI.

Доложено о присланныхъ въ Отдѣленіе рукописяхъ:

- 1) Свящ. Петровъ, Языческія вѣрованія чувангъ.
- 2) Савельевъ, Матеріалы по этнографіи Бѣльской вол. Енисейскаго уѣзда и губерніи (4 тетради).
- 3) В. Смолинъ. Образцы народной литературы изъ подъ Томска.
- 4) Г-жа Казановичъ, Общая характеристика русскаго сектантства.
- 5) Покойный проф. Сырку, Народный календарь румынскаго населенія въ Бессарабіи.

- 6) Его же, Погребальные обычаи и обряды румынъ Бессарабиі.
 7) Ткачъ, Пастушескій грѣхъ, разсказъ изъ народной жизни.
 8) Медвѣдскій, Сборникъ бѣлорусскихъ народныхъ пѣсень (съ нотами).
 9) Аванасьевъ, Свадебныя пѣсни Ардатовск. уѣзда, Симбирской губ.
 10) Тростянской, Народныя пѣсни, Землянскаго и Задонскаго у.у. Воронежской губерніи.

Постановлено: передать на разсмотрѣніе Редакціонной Комиссіи.

VII.

1) Доложено письмо г-на Иванова съ предложеніемъ 100 русскихъ пѣсень.

2) Доложено письменное предложеніе г. Н. Никольскаго издать его рукопись: „Статистическія свѣдѣнія о Мордвѣ съ указаніемъ литературы о ней на мордовскомъ языкѣ“.

Постановлено: передать оба предложенія въ Редакціонную Комиссію.

VIII.

Д. чл. В. И. Юхельсонъ сдѣлалъ сообщеніе: „**Восемнадцатый Международный Съездъ Американистовъ въ Лондонѣ въ Маѣ 1912 года**“, на которомъ докладчикъ присутствовалъ въ качествѣ делегата отъ Общества. Программа сообщенія:

Происхожденіе и задачи американизма. Историческій обзоръ международныхъ съездовъ американистовъ. Первые 10 съездовъ происходили только въ Европѣ. Дальнѣйшее преобразование съездовъ и чередованіе ихъ засѣданій въ Америкѣ и Европѣ. Организація съездовъ американистовъ. Новѣйшія проблемы американизма и преобладающее въ немъ значеніе американскихъ изслѣдователей. Участіе русскихъ делегатовъ на съездахъ американистовъ. Первый международный съездъ американистовъ въ Англии. О членахъ съезда по государствамъ и о делегатахъ отъ правительствъ и ученыхъ обществъ. Засѣданія XVIII-го съезда американистовъ въ зданіи Лондонскаго университета. Доклады на Лондонскомъ съездѣ по Палеоантропологии, Физической Антропологии, Лингвистикѣ, Археологии, общей Этнологии, и Колоніальной Исторіи Америки. Приемы и торжества. Поѣздки делегатовъ въ Кембриджъ и Оксфордъ. Конференція въ Лондонскомъ Королевскомъ Антропологическомъ Институтѣ по вопросу объ основаніи международныхъ съездовъ для обсужденія общихъ антропологическихъ и этнологическихъ проблемъ.

Дополненія и замѣчанія по поводу сообщенія были сдѣланы: Л. Я. Штернбергомъ, С. Ѳ. Ольденбургомъ, Ѳ. К. Волковымъ, Д. К. Зеленинымъ.

IX.

Докладчикъ внесъ въ Отдѣленіе предложеніе о томъ, чтобы Отдѣленіе высказалось за желательность учрежденія международных конгрессовъ по антропологии и этнографіи.

Постановлено: разослать предложеніе докладчика членамъ Отдѣленія при повѣсткѣ на одно изъ слѣдующихъ засѣданій.

VII. Засѣданія 12 октября 1912 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательства въ Отдѣленіи, С. О. Ольденбурга, въ присутствіи г.г. почетныхъ дѣйствительныхъ членовъ, членовъ сотрудниковъ: В. М. Алексѣева, Б. Б. Барадійна, Л. С. Багрова, О. К. Волкова, Э. А. Вольтера, А. А. Достоевскаго, Д. К. Зеленина, М. Б. Едемскаго, А. И. Иванова, И. С. Иванова, В. И. Юхельсона, П. К. Козлова, П. Н. Луппова, Н. Я. Марра, В. П. Мансикка, С. Е. Малова, А. А. Макаренко, М. А. Нарбута, Э. К. Пекарскаго, А. Д. Руднева, С. И. Руденко, Б. А. Тураева, Л. Я. Штернберга и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе печатныхъ изданіяхъ.

1. Ю. А. Яворскій, Великорусскія пѣсни въ старинныхъ Карпаторусскихъ записяхъ. СПб. 1912.
2. Его же, Пропавшая западно-русская книга „Діалогъ о смерти“ 1629 года. СПб. 1912 г.
3. Вѣстникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Харьковъ, 1912, вып. 2.
- 4—7. Отчеты Имп. Росс. Историческаго Музея имени Имп. Александра III въ Москвѣ за годы 1908—1911. Москва. 1909—1912.
8. Каталогъ книгъ библіотеки А. П. Бахрушина. Книги на иностранныхъ языкахъ. Москва, 1912.
9. И. Рудченко, Народныя южнорусскія сказки. Вып. 1—2. Кіевъ, 1869—1870 (Даръ Э. А. Вольтера).

Постановлено: передать въ библіотеку Общества.

II.

Б. Л. Богаевскій сдѣлалъ сообщеніе: „Жертвенныя церновныя приношенія современныхъ грековъ“ по слѣдующей программѣ:

I. Мѣсто, занимаемое „вотивными“ приношеніями въ религіозной жизни народа.

- II. Вотивныя приношенія въ древней Халдеѣ, Греціи и Римѣ.
 III. Вотивныя приношенія въ современной Италіи и Германіи.
 IV. Жертвенныя церковныя приношенія въ современной Греціи.

1. *Приношенія подражательныхъ изображеній:*

- a. челоѳческія изображенія,
 b. изображенія частей челоѳческаго тѣла,
 c. изображенія животныхъ и частей ихъ тѣла,
 d. изображенія изъ растительнаго міра,
 e. изображенія неодушевленныхъ предметовъ.

2. *Приношенія изображеній символическаго характера:*

- a. пылающее сердце,
 b. рука, держащая письмо.

3. *Приношенія цѣнныхъ предметовъ:*

- a. предметы украшенія иконъ,
 b. предметы женскаго украшенія,
 c. предметы, представляющіе цѣнность (часы, медали, деньги).

V. Цѣль жертвенныхъ приношеній:

- a. приношенія обѣтныя,
 b. приношенія просительныя.
 c. приношенія благодарственныя.

VI. Распространеніе обычая жертвеннаго приношенія среди грековъ.

VII. Жертвенныя церковныя приношенія въ Россіи.

Сообщеніе иллюстрировалось діапозитивами.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе: В. М. Алексѣевъ, Ѳ. К. Волковъ, В. И. Юхельсонъ, Л. Я. Штернбергъ, М. Б. Едемскій, А. А. Макаренко, Д. Н. Сергѣевскій, І. А. Орбели.

В. М. Алексѣевъ сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія къ докладу Б. Л. Богаевскаго. Онъ началъ съ того, что внесъ новую категорію приношеній (даже именно, скорѣе всего, приношеній, а не логически симпатическихъ символовъ), именно приношеній украшательныхъ, каковыя онъ самъ наблюдалъ въ Китаѣ (напр. въ храмѣ Вост. Гора, Дунъ Юе мяо, въ Пекинѣ), состоящихъ изъ вазъ (огромныхъ, сдѣланныхъ изъ бархата и цвѣтовъ) и арки, параллельной входной рамѣ.

(*Примѣчаніе.* В. И. Юхельсонъ возражалъ на это положеніе, основываясь на чувствахъ чукчей и алеутовъ къ божеству... Однако, помнѣнію оппонента, постройка храма Петра въ Римѣ, придѣлы въ православной церкви и т. д. суть проявленія культурнаго чувства слиянія съ творчествомъ общины, и никакихъ здѣсь исковъ къ божеству не предъявлено).

Алексѣевъ указываетъ на параллельность многихъ приношеній, наблюдавшихся имъ въ китайскихъ храмахъ, какъ напр.: кораблей въ храмахъ Небесной Владычицы (покровительницы моряковъ); женскихъ грудей, фигуръ младенцевъ, туфелькъ-копытець дѣвичьихъ ногъ и т. д.

въ храмахъ Чадоподательницы и Чодоцѣлительницы; письменныхъ принадлежности для канцеляріи Верховнаго Судіи мертвыхъ (Дунъ Юе); глазъ, какъ символа исцѣленія; надписей благодарственныхъ и прощительныхъ, въ изобиліи встрѣчающихся въ каждомъ храмѣ (формула, наиболѣе чистая: Ю цю ба инь—„попросимъ—непремѣнно отвѣтить“), изъ которыхъ любопытнѣе многихъ другихъ надписи, на которыя Алексѣевъ натолкнулся истекшимъ лѣтомъ въ Кантонѣ („помоги моей судьбѣ“ приношеніе шуллеровъ и игроковъ вообще). Относительно заклада и выкупа дитяти, имѣющаго, слѣдовательно, быть оберегаемымъ Божествомъ лично, такъ сказать, и непосредственно. Алексѣевъ привелъ полную параллель кантонскихъ обычаевъ и условился съ Богаевскимъ изучить эти интересныя формулы совместно въ одной печатной статьѣ. Наконецъ, деньги—самое существенное изъ приношеній—чаще всего встрѣчаются въ Китайскомъ храмѣ, только въ видѣ бумажныхъ вещей, сдѣланныхъ на подобіе слитковъ (ямбовъ) серебра и золота. Алексѣевъ указываетъ на универсальную повторяемость сообщенныхъ Богаевскимъ явленій.

Ө. К. Волковъ сообщилъ нѣсколько фактовъ, дополняющихъ сообщеніе и дающихъ поводъ къ установленію еще нѣсколькихъ категорій *ex voto* (приношенія коммеморативныя, приношенія предметовъ особенно дорогихъ, хотя и не имѣющихъ прямого отношенія къ боже-ству, напр. ордена), приношенія одеждъ умирающихъ дѣтей (на крестахъ) и, наконецъ, жертвы *in effigie* (бумажныя животныя и т. п.).

В. И. Гохельсонъ поблагодарилъ докладчика за сообщеніе чрезвычайно интересныхъ фактовъ изъ религіозной жизни современныхъ грековъ, фактовъ тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что докладчикъ ихъ самъ наблюдалъ и что онъ привелъ аналогичныя факты изъ другихъ христіанскихъ странъ. Желаніе В. И. было провести нѣкоторыя параллели и генетически связать сообщенныя факты съ явленіями религіозной жизни примитивныхъ племенъ. Прежде всего надо опредѣлить мѣсто занимаемое жертвами въ комплексѣ явленій, называемомъ религіей. Религія и наука преслѣдуютъ одни и тѣ же задачи, хотя и различными путями. Какъ наука дѣлится на чистую и прикладную,—при чемъ первая вытекаетъ изъ стремленія человѣка вообще познать окружающее, а вторая изоцрается въ возможно большемъ извлеченіи для себя выгодъ и устраненіи золь и опасностей представляемыхъ природой,—такъ и религія, даже самая примитивная, съ одной стороны удовлетворяетъ любознательность и жажду знанія человѣка, съ другой—заботится о доставленіи ему благъ и удаленіи отъ него зла. Первый отдѣлъ религіи составляетъ миѳологію, а второй—культъ съ обрядами. Однимъ изъ элементовъ культа, или прикладной религіи являются жертвы. Жертва вообще имѣетъ въ виду доставленіе боже-ству чего либо пріятнаго или, полезнаго,—съ человѣческой точки зрѣнія,—чтобы такимъ путемъ получить отъ боже-ства удачу, счастье, лѣченіе, отпу-

щеніе грѣховъ или, чтобы выразить благодарность за полученный уже даръ, благодать или за міровой порядокъ вообще. Упомянутыя г. Алексѣевымъ украшательныя жертвы и даже такъ называемое благоговѣніе имѣють утилитарную подкладку и весьма опредѣленную. Жертвы поэтому могутъ быть различныхъ категорій. Съ точки зрѣнія такой дефиниціи жертвы, нѣкоторыя изъ категорій приношеній упоминаемыхъ докладомъ не подходятъ подъ понятіе о жертвѣ, или употребленъ терминъ, по мнѣнію В. И., не соотвѣтствующій значенію жертвы вообще, а тѣмъ болѣе вотивной. Такъ, то, что докладчикъ охарактеризовалъ какъ обмѣнное приношеніе, мы имѣемъ и у примитивныхъ племенъ. Приведены примѣры изъ жизни эскимосовъ и коряковъ. Коряки, напримѣръ, жертвуютъ лучшихъ оленей тому божеству, которое само создало оленей и дало ихъ людямъ. Ясно, что божество въ оленяхъ не нуждается и жертву эту можно объяснить только тѣмъ, что человѣкъ желаетъ показать божеству, что онъ для него ничего не жалѣеть. Подвѣшиваніе въ храмахъ изображеній частей тѣла людей и животныхъ съ лѣчебной или превентивной отъ болѣзней цѣлью, не можетъ считаться жертвой. Это скорѣе относится къ области магіи. Модель больной части тѣла ставится въ близкое соприкосновеніе съ божествомъ и таинственное дѣйствіе отъ присутствія божества по аналогіи переходитъ съ модели на оригиналъ т.-е. на большую часть тѣла лица, давшего приношеніе. Совершенно точно такой формы магическаго воздѣйствія мы не имѣемъ у примитивныхъ племенъ потому, что тамъ нѣтъ храмовъ и божества или духи вызываются для лѣченія къ постели больного.

М. Б. Едемскій сказалъ: „Для выясненія затронутого здѣсь вопроса о классификаціи церковныхъ приношеній можно привести примѣры изъ религіозной жизни и обычаевъ нашего простого народа. Мнѣ извѣстны случаи, когда для излѣченія болѣзни прибѣгаютъ къ употребленію уже раньше, другими, привѣшенныхъ къ иконѣ чеканныхъ изображеній различныхъ частей тѣла. Въ одной изъ церквей Тотемскаго уѣзда на иконѣ Св. Николая Чудотворца было привѣшено около сотни такихъ изображеній. Каждый молящійся объ исцѣленіи снимаетъ съ иконы, самъ или черезъ церковнаго служителя, ту „привѣску“, которая удачнѣе изображаетъ большую часть тѣла, погружаетъ ее затѣмъ въ принесенный жбанчикъ съ водой и молится. По минованіи надобности привѣска возвращается на свое мѣсто. Ясно, что здѣсь „привѣски“ не являются вовсе церковными жертвами, а служатъ лишь необходимыми символами, ярче подчеркивающими характеръ прошенія молящагося и позволяющими въ то же время черезъ ихъ посредство имѣть больному соприкосновеніе съ самой иконой.

Что касается жертвенныхъ церковныхъ приношеній, то ихъ форма и характеръ являются весьма разнообразными у русскаго простого народа, и остается только, присоединяясь къ докладчику, пожелать,

чтобы эти стороны русской народной жизни были подвергнуты тщательному и всестороннему изученію и получили должное освѣщеніе. И продукты земледѣлія и скотоводства, и ткани, и женскія рукодѣлія и наряды—могутъ служить предметами церковныхъ жертвовацій. Нѣкоторыя изъ такихъ приношеній являются періодическими, другія обращаются въ обязательныя, завѣщанныя „на вѣчныя времена“, и могутъ имѣть связь съ самымъ отдаленнымъ прошлымъ. Существующій во многихъ мѣстахъ обычай варить къ праздникамъ сусло и приносить канунъ изъ него въ церковь, по народному преданію, явился на смѣну другого обычая: приносить каждую девятую мѣру хлѣба въ жертву Богу (и сжигать). Мнѣ пришлось также слышать преданіе, что въ Ракулѣ, Вельскаго уѣзда, будто бы каждый годъ въ извѣстный праздникъ прибѣгалъ къ церкви олень, котораго и приносили въ жертву Богу; теперь же на смѣну этому стали приносить пироги, сусло, пиво и проч.

Въ докладѣ не говорилось нигдѣ о томъ, существуютъ ли у грековъ обращенія съ молитвой объ исцѣленіи одной болѣзни—къ одному святому, другой—къ другому; между тѣмъ это важно было бы отмѣтить для установленія связи христіанскихъ народныхъ вѣрованій съ прежними языческими“.

А. А. Макаренко сообщилъ, что онъ наблюдалъ среди просто-народья Харьковской губерніи слѣдующее: покупаютъ восковую свѣчу, зажигаютъ ее, будучи въ церкви или часовнѣ, у основанія и ставятъ въ подставѣ фитилемъ внизъ передъ иконою Ивана-воина, моля его поразить такого-то тѣмъ или инымъ несчастіемъ.

Д. Н. Сергѣевскій сообщилъ, что изображеніе на одной изъ подвѣсокъ челоуѣка въ средне-вѣковомъ вооруженіи съ виноградной гроздью въ рукѣ, повидимому, повторяетъ мотивъ, часто встрѣчавшійся на античныхъ надгробьяхъ; на этихъ послѣднихъ онъ служилъ символомъ культа Діониса, встрѣчаясь на ряду съ другими вакхическими символами. Мотивъ былъ преимущественно распространенъ въ Малой Азіи и Италіи и перешелъ въ орнаментіку христіанскихъ надгробныхъ памятниковъ; въ коренной Греціи онъ получилъ распространеніе въ сравнительно позднее время.

І. А. Орбели сообщилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья также наблюдаются случаи приношенія въ церкви челоуѣческихъ изображеній. На развалинахъ крѣпости Каянъ Бердъ въ часовнѣ Орбели видѣлъ сдѣланныя изъ желѣза руки, ноги и даже цѣлыя фигуры, у нѣкоторыхъ изъ которыхъ были отсѣчены тѣ или иныя члены, а у другихъ члены (напр. руки) были непропорціонально велики. Недалеко отъ Каянъ Берда имѣются греческія поселенія.

На Кавказѣ и въ Турецкой Арменіи очень распространенъ обычай привязывать къ особымъ священнымъ кустамъ и деревьямъ лоскутковъ, вѣточекъ съ ягодами и ягодъ, которыя приносятся также и къ

Крестнымъ камнямъ (въ Джераширѣ) въ Карталиніи неплодныя женщины приносятъ Богоматери изображенія колыбелей, обыкновенно серебряныя. Въ Сваніи охотники приносятъ Джыгыраку (св. Георгію) стрѣлы, копья и др. оружіе.

Въ Турецкой Арменіи, напр. въ Ванскомъ вилайетѣ, охотники украшаютъ церкви рогами убитыхъ ими ибексовъ.

VIII. Засѣданіе 26 октября 1912 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, С. Ѳ. Ольденбурга, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: В. В. Барадійна, Л. С. Багрова, Н. А. Виташевскаго, Э. А. Вольтера, Г. Г. Гинкена, Н. С. Державина, А. А. Достоевскаго, М. Б. Едемскаго, Д. К. Зеленина, А. И. Иванова, С. Е. Малова, В. А. Михайлова, Н. Н. Михайловскаго, В. П. Мансикка, бар. Р. А. Майдель, В. Ѳ. Миллера, Э. К. Пекарскаго, Б. Э. Петри, А. Д. Руднева, С. И. Руденко, А. Н. Рябинина, И. И. Солосина, А. А. барона Сталь-фонъ-Гольштейна, Б. А. Тураева, П. Н. Черемисинова, В. П. Шнейдеръ, Ѳ. И. Щербатскаго, и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитаны и утверждены журналы засѣданій 28 сентября и 12 октября.

II.

Избранъ, по предложенію Предсѣдательствующаго, въ члены сотрудники Владиміръ Ивановичъ Тростянской.

III.

Разрѣшено д. чл. Я. В. Чекановскому пріобрѣсти полный комплектъ „Живой Старины“ по 1 р. за томъ.

IV.

Доложено о поступившихъ изданіяхъ:

1. Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, 1912, вып. III тома XXIII.
2. časopis Muzealneje slovenskeje spolocnosti. R. XV. Cislo 3.
3. Revue d'ethnographie et de sociologie. № 9—10. 1912.

Постановлено: передать въ Библиотечку Общества.

V.

Доложено письменное предложеніе М. В. Таряникова прислать для изданія свои этнографическіе матеріалы, собранные въ Корочанскомъ уѣздѣ Курской губерніи.

Постановлено: просить прислать.

VI.

Предсѣдательствующій далъ краткій отчетъ о дѣятельности Сказочной Комиссіи.

VII.

Н. Ѳ. Познанскій сдѣлалъ докладъ „къ вопросу о происхожденіи и развитіи заговоровъ“ по слѣдующей программѣ:

I. Мѣсто заговоровъ въ исторіи литературы.—Цѣнность заговоровъ, какъ особаго вида поэзіи.—Интересъ изученія формальной стороны заговоровъ.—Необходимость тщательной разработки морфологіи заговоровъ; безъ нея невозможно никакое дальнѣйшее ихъ изученіе.—Quomodo и quomodo-non-формулы.—Отношеніе заговоровъ этого вида къ заговорамъ эпическимъ.—Виды эпическихъ заговоровъ.—Симпатическіе приемы, практикующіеся въ заговорахъ: а) симпатическіе эпитеты, б) симпатическая гипербола.—Взаимоотношеніе между заговоромъ и сопровождающимъ его обрядомъ.—Заговоры, сопровождающіеся параллельнымъ обрядомъ.—Два вида обрядовыхъ чаръ.—Независимость обоихъ видовъ обрядовыхъ чаръ отъ заговора.—Зародыши заговоровъ.—Развитіе словесной формулы за счетъ отмирающаго обряда.—Законъ сохраненія равновѣсія между сознаниемъ и дѣйствіемъ знахаря.—Расширеніе области сравненія въ формулахъ quomodo и quomodo-non.—Два пути введенія эпической части въ заговоръ.—Оправданіе магическаго обряда мнѳомъ.—Мнѳомъ образуетъ эпическую часть заговора: то, что раньше продѣлывалъ самъ знахарь, приписывается необыкновенному существу.—Оправданіе магической силы слова.—Требованіе неизмѣнности заговорныхъ формулъ.

II. Примѣненіе изложенной теоріи къ изслѣдованію заговоровъ.

а) отъ воровъ, б) отъ грыжи; объясненіе формулы „тына желѣзнаго“.

Заключеніе.

Въ собесѣдованіи съ докладчикомъ относительно его теоріи приняла участіе: В. Ѳ. Миллеръ, В. П. Мансикка, Д. К. Зеленінъ, И. И. Солосинъ, и С. Ѳ. Ольденбургъ.

В. Ѳ. Миллеръ отмѣтивъ интересъ сообщенія, основаннаго на изученіи обширнаго матеріала заговоровъ и научной литературы

по этой области народной словесности, не нашелъ вполне убѣдительною основную мысль доклада, что заговорной формулѣ всегда необходимо предшествовалъ обрядъ и что слово служило лишь поясненіемъ дѣйствія. Могучее слово, категорическое приказаніе какого-нибудь шамана, кудесника, силъ котораго вѣрили его соотечественники, могло само по себѣ, безъ всякаго обряда, достигать опредѣленной цѣли. Для доказательства своей теоріи докладчикъ представилъ разборъ заговоровъ отъ воровъ и грыжи, находя въ ихъ содержаніи указанія на обрядъ, предшествовавшій словесной формулѣ. Но В. Θ. Миллеръ обратилъ вниманіе на упомянутый референтомъ такой заговоръ (у Сахарова), въ которомъ нельзя найти никакого намека на обрядъ; а въ заговорѣ отъ грыжи (грызи), сопровождаемомъ дѣйствіемъ грызенія больного мѣста, В. Θ. Миллеръ объяснилъ это дѣйствіе этимологіей названія болѣзни, такъ что дѣйствіе должно было пойти отъ слова, а не наоборотъ. Въ формулѣ „желѣзнаго тына“, объясняемой авторомъ изъ символическаго примѣненія желѣзныхъ предметовъ для отогнанія злой силы, В. Θ. Миллеръ находитъ лишь обычный въ заговорахъ гиперболизмъ и не усматриваетъ въ „желѣзномъ тынѣ“ отголоска какого-нибудь предшествовавшаго обрядового дѣйствія.

В. П. Мансикка сказалъ: „Мнѣ придется отчасти повторить то, что было сказано Академикомъ В. Θ. Миллеромъ.“

Самое любопытное въ сегодняшнемъ докладѣ—объясненіе эпитетовъ и гиперболы въ заговорѣ, толкованіе нѣкоторыхъ обрядовъ и, съ другой стороны, установленіе органической связи между словомъ и дѣломъ. Но въ этомъ отношеніи авторъ старается видѣть элементъ дѣла даже тамъ, гдѣ центральное мѣсто принадлежитъ слову. Объясненіе упоминанія какого-нибудь предмета въ формулѣ подъ вліяніемъ обряда далеко не всегда выдерживаетъ критику. Возможно, что формула возникла совершенно инымъ путемъ и что упоминаніе предмета или событія имѣетъ совершенно иное происхожденіе, безъ участія обряда.

Авторъ не правъ, говоря, что заговоръ передается съ безусловною точностью, въ неизмѣнномъ видѣ. Въ этомъ отношеніи заговоръ раздѣляетъ судьбу остальныхъ видовъ народной поэзіи.

Вообще, можно было сузить область предмета, остановиться на болѣе специальныхъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что теоретическая сторона заговора достаточно выяснена. Надо осторожно подойти къ объясненію эпическихъ формулъ. Слишкомъ слабо отдѣняется роль апокрифической молитвы и религіозной поэзіи въ зарожденіи заговора.

Петръ и Богородица упоминаются въ заговорѣ противъ вора вѣроятно потому, что атрибутомъ перваго является ключъ, а послѣдняя въ символикѣ уподобляется тому же предмету“.

Д. К. Зеленинъ сказалъ: „Новѣйшія изслѣдованія о заговорахъ

позволяютъ сдѣлать смѣлый выводъ, что большая часть заговоровъ не принадлежитъ къ „устной“ словесности: это переводы греческихъ апокрифическихъ молитвъ (срв. изданіе ихъ проф. Алмазова), распространяющіеся въ народѣ при помощи рукописей. Прежде формальнаго изученія заговоровъ необходимо выдѣлить эти церковно-апокрифическіе и подобные имъ элементы, которые къ формальному процессу развитія народнаго творчества не имѣютъ никакого отношенія.— Увлеченіе докладчика формальной стороной заговоровъ—слѣдъ вліянія миеологической никола, которая много занималась именно этими вопросами, а при объясненіи одной изъ заговорныхъ формулъ обычнаго зачина (въ дѣйствительности взятаго изъ греческихъ апокрифическихъ молитвъ), высказала даже и основную мысль докладчика—объ отраженіи въ заговорахъ стараго обрядоваго дѣйствія (Аѳанасьевъ. Поэтич. возр. I, 414). Мысль эта примѣнима только къ первобытнымъ заговорамъ“.

И. И. Солосинъ—указалъ на связь заговоровъ съ религіознымъ культомъ, съ нѣкоторыми церковными обрядами. Содержаніе многихъ заговоровъ напоминаетъ текстъ церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ. Иногда въ заговорѣ цѣликомъ входятъ молитвы, слова псалмовъ и т. п. Нѣкоторые псалмы, какъ напр. 96, и молитвы, какъ „Отче нашъ“, самостоятельно употребляются въ качествѣ заговоровъ. Слова церковной молитвы объ избавленіи „отъ очесъ призора“ (изъ послѣдованія „по внемга родити менѣ отроча“) находятъ себѣ соотвѣтствіе въ заговорахъ „отъ глаза“. Многіе заговоры, обереги и соединенные съ ними обряды невольно напоминаютъ молитвы изъ большого требника, въ многочисленныхъ чинопослѣдованіяхъ котораго находятся молитвы и заклинанія („надъ пшеницею осквернившееся“, надъ солью, надъ гумномъ, молитва о немощнѣмъ и неспящемъ и т. п.), съ которыми заговоры имѣютъ много общаго. Принявъ во вниманіе что въ селахъ, гдѣ духовенство живетъ общею жизнью съ народомъ, подобные чинопослѣдованія и обряды выполняются еще достаточно усердно, не слѣдуетъ-ли предположить, что церковные обряды и молитвословія служатъ одной изъ причинъ широкаго распространенія заговоровъ и живучести ихъ въ народѣ? Во всякомъ случаѣ, помимо апокрифической литературы, на содержаніе, обрядность заговоровъ, намъ кажется, должно признать также вліяніе религіознаго культа и церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ.

IX. Засѣданіе 9 ноября 1912 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. Ѳ. Ольденбурга, въ присутствіи Товарища Предсѣдательствующаго С. К. Булича, г.г. почетныхъ, дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: С. И. Акерблома,

В. М. Алексѣева, Л. С. Багрова, Б. Б. Барадійна, В. В. Бартольда, В. Н. Васильева, Ѳ. К. Волкова, А. Э. Вольтера, В. К. Гильзена, А. А. Достоевскаго, В. А. Егорова, К. Г. Залемана, Д. К. Зеленина, Д. Л. Иванова, В. И. Юхельсона, П. К. Козлова, В. Л. Котвича, Н. Лисовскаго, П. П. Луппова, А. А. Макаренко, А. А. Миллера, Н. Д. Миронова, Н. Н. Михайловскаго, П. Н. Михайлова, Э. К. Пекарскаго, Б. Э. Петри, А. М. Позднѣва, Ф. А. Розенберга, А. Д. Руднева, А. М. Смирнова, Сосновскаго, А. А. Шахматова, В. П. Шнейдера, Л. Я. Штернберга, Я. В. Чекановскаго, В. И. Ясевичъ-Бородаевской, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

С. Ѳ. Ольденбургъ заявилъ о сложеніи съ себя обязанностей Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи по недостатку свободнаго времени.

III.

С. К. Буличъ заявилъ о сложеніи съ себя обязанностей Товарища Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи по тѣмъ-же основаніямъ.

IV.

По предложенію Предсѣдательствующаго были намѣчены подачей записокъ кандидаты на должность Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи. Изъ 38 поданныхъ записокъ 34 получилъ Вс. Ѳ. Миллеръ, 3—А. А. Шахматовъ и 1—Пл. Андр. Кулаковскій.

V.

Доложено о поступившихъ печатныхъ изданіяхъ:

- 1) Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1912, № 4.
- 2—3) Труды Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи кн. IV, вып. 2 и кн. III вып. 3.
- 4) Изданіе Яросл. Уч. Арх. Комиссіи. Триста лѣтъ тому назадъ въ Ярославлѣ. Ярославль, 1912.

Постановлено: передать въ бібліотеку Общества.

VI.

Доложено о присылкѣ бібліотекой Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III списка книгъ, приобрѣтенныхъ за октябрь мѣсяць.

Постановлено: благодарить.

VII.

Доложена просьба Сибирскаго Научнаго Кружка при С.-Петербургскомъ Университетѣ о бесплатной высылкѣ ему Живой Старины.
Постановлено: исполнить.

VIII.

Доложена просьба проф. Д. Н. Кудрявскаго о бесплатной высылкѣ Живой Старины на Высшіе Женскіе курсы въ Юрьевъ.
Постановлено: исполнить.

X. Засѣданіе 30 ноября 1912 г.

Засѣданіе открылось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. Ѳ. Ольденбурга въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: Л. С. Багрова, В. В. Бартольда, С. К. Булича, П. В. Булычева, В. Н. Васильева, Г. В. Вильямса, Ѳ. К. Волкова, Э. А. Вольтера, кн. А. Е. Гагарина, К. К. Гильзена, А. А. Достоевскаго, К. Г. Залемана, Д. К. Зеленина, А. И. Иванова, В. И. Юхельсона, В. Л. Котвича, Н. Лисовскаго, П. П. Лупнова, А. А. Макаренко, Н. Я. Марра, Н. Д. Миронова, А. А. Миллера, Н. М. Могилянскаго, Э. К. Пекарскаго, А. А. Петерса, В. В. Радлова, А. Д. Руднева, Дм. Д. Руднева, барона А. А. Сталь-фонъ-Гольштейна, кн. Д. Э. Ухтомскаго, Я. В. Чекановскаго, Л. Я. Штернберга, В. И. Ясевичъ-Бородаевской, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Были произведены выборы Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи въ виду сложенія съ себя обязанностей такового С. Ѳ. Ольденбургомъ. Изъ 36 поданныхъ дѣйствительными членами Общества избирательныхъ записокъ оказалось: 1 за А. И. Соболевскаго и 35 за Всеволода Θεодоровича Миллера. Такимъ образомъ избраннымъ оказался В. Ѳ. Миллеръ, которому С. Ѳ. Ольденбургъ и передалъ предсѣдательствованіе въ засѣданіи. С. Ѳ. Ольденбургъ, при единодушномъ одобреніи собранія, привѣтствовалъ В. Ѳ. Миллера, какъ новаго предсѣдателя, послѣ чего В. Ѳ. Миллеръ благодарилъ членовъ Отдѣленія за оказанную ему честь и довѣріе, несмотря на то, что онъ въ Петербургѣ является новымъ человѣкомъ, homo novus, но вмѣстѣ съ тѣмъ 30-лѣтнее предсѣдательствованіе въ Этн. Отд. И. Р. О. Л. Е. уже указываетъ само, что онъ не будетъ въ состояніи посвятить слиш-

комъ много силъ исполненію сложныхъ обязанностей Предсѣдателя, но во всякомъ случаѣ онъ сдѣлаетъ все, что сможетъ.

II.

Быль прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

III.

Доложено предложеніе редакціи журнала „Гермесъ“ вступить въ обмѣнъ изданіями на „Живую Старину“ съ 1911 года.

Постановлено: предложеніе принять.

IV.

Доложена просьба Библиотеки Науковаго Товариства імени Шевченко у Львові доставить ей безвозмездно утраченный ею вып. I „Живой Старины“ за 1911 г.

Постановлено: просьбу удовлетворить.

V.

Доложено предложеніе редакціи журнала Rocznik Slawistyczny вступить въ обмѣнъ изданіями на „Живую Старину“.

Постановлено: предложеніе принять.

VI.

Доложено о поступившихъ книгахъ:

- 1) Уч. Записки И. Юрьевского Университета, 1912, годъ 20, № 8.
- 2) Kwartalnik Historyczny, годъ 26, кн. 3.

Постановлено: передать въ библиотеку Общества.

VII.

Доложенъ проектъ смѣты расходовъ на 1913 г. по Отдѣленію Этнографіи и состоящимъ при немъ постояннымъ комиссіямъ:

- 1) На изданіе журнала „Живая Старина“ 3.900 р.
- 2) На Комиссію по составленію Этнографической карты Россіи 2.900 р.

[Печатаніе Библиографическаго указателя Д. К. Зеленина—1.000 р.; печатаніе карты русскихъ говоровъ и изданіе шаблоновъ географической карты Россіи—900 р.; печатаніе программы—500 р.; командировки 500 р.]

- 3) На сказочную комиссію 500 р.

- 4) На изданіе записокъ Отдѣленія 3.100 р. [Окончаніе печатанія

труда Яворскаго—400 р.; окончаніе печатанія труда Макаренко—500 р.; изданіе сказокъ Архива Географическаго Общества—1.200 р.; и изданіе рукописи Молоствовою: секта Іеговистовъ—1.000 р.]

Постановлено: проектъ смѣты одобрить и передать въ Совѣтъ Общества.

XI. Засѣданіе 21 декабря 1912 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, В. Θ. Миллера, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ и членовъ сотрудниковъ: В. М. Алексѣева, Л. С. Багрова, Н. А. Бобровникова, Э. А. Вольтера, Д. К. Зеленина, И. М. Калинина, В. Л. Котвича, С. П. Луневскаго, С. Θ. Ольденбурга, С. Е. Малова, А. А. Макаренко, Э. К. Пекарскаго, И. П. Поддубнаго, С. И. Руденко, А. Д. Руднева, П. Н. Черемисинова, кн. Д. Э. Ухтомскаго, Л. Я. Штернберга, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Предсѣдательствующій предложилъ Отдѣленію на должность Товарища Предсѣдательствующаго А. А. Шахматова и на должность секретаря А. Н. Самойловича, что и было принято Отдѣленіемъ.

III.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе печатныхъ изданіяхъ:

- 1) Отчетъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III за 1911 годъ.
- 2) Каталогъ библіотеки Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III съ 11 декабря 1910 года до 30 ноября 1911 года.
- 3) № 22 двухнедѣльнаго журнала „Рыболовъ и Охотникъ“ за 1912 г.
- 4) Этнографичній Збірник. т. XXXI—II, Львовъ, 1912 г.
- 5) Chronik der Ukrainischen Ševčenko - Gesellschaft der Wissenschaft in Lemberg, №№ 45—46, 1911 г.

IV.

Д. чл. С. И. Руденко сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Жертвоприношенія черемисовъ язычниковъ Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи“, по слѣдующей программѣ:

Моленія и праздниства.—Священныя роци и жрецы.—Божества и порядокъ жертвоприношеній во время „кюсѣ“.—Приготовленія къ жертвоприношенію.—Мольбище.—Испытаніе жертвеннаго животнаго.—Закланіе жертвеннаго животнаго и жертвоприношеніе кровью.—Частныя молитвы.—Жертвоприношенія мясомъ, хлѣбомъ и медомъ и сопровождающія ихъ молитвы.—Сожженіе шкуры.—Заключеніе.

По окончаніи сообщенія Н. А. Бобровниковъ сказалъ нѣсколько словъ о желательности и важности изслѣдованія вѣрваній черемисовъ и другихъ племенъ Восточно-европейской Россіи, а затѣмъ продемонстрировалъ рядъ фотографическихъ снимковъ, относящихся къ вѣрваніямъ черемисовъ и исполненныхъ черемисомъ.

Въ преніяхъ по поводу сообщенія приняли участіе Л. Я. Штернбергъ, Э. К. Пекарскій, А. К. Сержпутовскій, Д. К. Зеленинъ, С. Е. Дмитріевъ, кн. Д. Э. Ухтомскій, А. А. Макаренко.

Предсѣдательствующій предложилъ докладчику нѣсколько вопросовъ, (кто состоитъ жрецами у черемисовъ, участвуютъ въ моленьяхъ деревни или рода?), отмѣтилъ различія въ подробностяхъ моленья между черемисами, которыхъ наблюдалъ докладчикъ, и черемисами, о которыхъ сообщали въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Московскаго Общества Любителей Естествознанія г.г. Лебединскій и Кузнецовъ, (напримѣръ при закалываніи жертвеннаго животнаго, при вѣшаніи шкуръ на деревья, при распредѣленіи чашъ съ кровью и друг.) и, въ заключеніе, поблагодарилъ С. И. Руденко отъ лица Отдѣленія за его подробный и интересный докладъ.

Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Этнографіи и состоящихъ при немъ постоянныхъ комиссій за 1912 годъ.

А. Дѣятельность Отдѣленія.

І.

Въ отчетномъ году Отдѣленіе Этнографіи имѣло 11 засѣданій. Въ засѣданіи 9 ноября С. Θ. Ольденбургъ заявилъ о сложении съ себя обязанностей Предсѣдательствующаго, дальнѣйшему исполненію которыхъ препятствуетъ отсутствіе свободнаго времени, и члены Отдѣленія обсуждали вопросъ о кандидатахъ на замѣщеніе этой должности. Въ томъ же засѣданіи С. К. Буличъ сложилъ съ себя обязанности Товарища Предсѣдательствующаго, побуждаемый къ тому обремененностью другими обязанностями. Въ засѣданіи 30 ноября на должность Предсѣдательствующаго былъ избранъ акад. В. Θ. Миллеръ, который въ слѣдующемъ засѣданіи, 21 декабря, предложилъ Отдѣленію на должность Товарища Предсѣдательствующаго ак. А. А. Шахматова и на должность секретаря — прежняго секретаря прив.-доц. А. Н. Самойловича. Въ засѣданіи 27 апрѣля были произведены выборы членовъ Медальной комиссії на 1912 годъ, а въ засѣданіи 30 ноября обсуждалась смѣта расходовъ по Отдѣленію и состоящихъ при немъ постоянныхъ комиссій на 1913 г. Въ засѣданіи 26 октября былъ сдѣланъ докладъ о дѣятельности Комиссії по сказкамъ предсѣдателемъ ея, ак. С. Θ. Ольденбургомъ. Всѣ засѣданія отчетнаго года были закрытыми; число членовъ Общества, посѣщавшихъ засѣданія Отдѣленія, выражалось, въ среднемъ, приблизительно цифрою 25; съ разрѣшенія Предсѣдательствующаго, въ закрытыхъ засѣданіяхъ присутствовали и гости. Главнѣйшія текущія дѣла и порядокъ ихъ разрѣшенія въ отчетномъ году были тѣ же, что и въ предыдущемъ.

ІІ.

Научныя сообщенія въ Отдѣленіи Этнографіи сдѣлали въ отчетномъ году слѣдующія лица и на слѣдующія темы:

1) 27 января. Чл. сотр. Н. С. Державинъ — „Слѣды древне-гру-

зинскихъ цеховыхъ организацій въ современной жизни грузинскихъ ремесленниковъ“.

2) 24 февраля. Д. чл. Б. Я. Владиміровъ — „Поѣздка по Сѣверо-западной Монголіи“ (съ діапозитивами).

3) 30 марта. Д. чл. Э. А. Вольтеръ — „Литовцы Витебской губерніи“.

4) Тогда же. Чл.-сотр. С. Е. Маловъ — „Остатки шаманства у желтыхъ уйгуровъ“ (съ діапозитивами).

5) 6 апрѣля. Д. чл. В. И. Гохельсонъ — „Изученіе алеутскаго языка, его фонетика и морфологическія основы“.

6) 27 апрѣля. С. Ак. Раппопортъ — „Еврейское народное творчество“.

7) 28 сентября. Д. чл. В. И. Гохельсонъ — „Восемнадцатый Сѣздъ Американистовъ въ Лондонѣ въ маѣ 1912 года“ (докладчикъ былъ на сѣздѣ делегатомъ И. Р. Географическаго Общества).

8) 12 октября. Б. Л. Богаевскій — „Жертвенныя церковныя приношенія современныхъ грековъ“ (съ діапозитивами).

9) 26 октября. Н. Э. Познанскій — „Къ вопросу о происхожденіи и развитіи заговоровъ“.

10) 21 декабря. Д. чл. С. И. Руденко — „Жертвоприношенія черемисовъ язычниковъ Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи“.

Такимъ образомъ, народностямъ Россіи было посвящено 4 сообщенія (1, 3, 6, 10), народамъ смежныхъ съ Россіей странъ — тоже 4 (2, 4, 5, 8), общимъ вопросомъ этнографіи — 2 (7, 9).

III.

Издательская дѣятельность Отдѣленія Этнографіи выразилась въ отчетномъ году въ слѣдующемъ:

Выпущены въ свѣтъ вып. III—IV за 1911 г. и вып. I за 1912 г. „Живой Старины“; послѣдній выпускъ, открывающій собой третій десятокъ томовъ этого журнала, посвященъ основателю „Живой Старины“ ак. В. И. Ламанскому и украшенъ его портретомъ. Члены Отдѣленія имѣютъ право получать „Живую Старину“ за 1 р. въ годъ для Петербурга и за 1 р. 50 к. съ доставкой внѣ Петербурга.

Печатаются вып. II—IV „Живой Старины“ за 1912 г., соединенные въ одну книжку, которая содержитъ исключительно матеріалы и статьи по сказкамъ (русскимъ и восточнымъ) и посвящается памяти братьевъ Гриммовъ. Приготавливаются къ печати первые выпуски за 1913 г.

Вышелъ томъ XXXV „Записокъ И. Р. Г. Общества по Отдѣленію Этнографіи“: Пѣсни русскихъ сектантовъ мистиковъ (съ 22 таблицами рисунковъ и 2 таблицами нотъ), сборникъ, составленный Т. С. Рождественскимъ и М. И. Успенскимъ. Стр. LV + 871 — 8^с.

Находятся въ печати слѣдующіе томы „Записокъ“:

О. П. Семенова — „Бытъ русскаго крестьянина“.

Ю. А. Яворскій — „Карпато-русскія сказки, легенды, преданія“ (выйдутъ въ началѣ 1913 года).

А. А. Макаренко — „Сибирскій народный календарь“ (выйдетъ въ началѣ 1913 года).

Д. К. Зеленинъ — „Библиографическій указатель этнографической литературы на русскомъ языкѣ о народахъ Россіи, начиная съ 1700 г. примѣнительно къ пуждамъ этнографической карты“ (выйдетъ въ началѣ 1913 года).

Подлежать печати:

Е. В. Молодцова — „Секта Іеговистовъ“.

Карта русскихъ нарѣчій и говоровъ съ объяснительнымъ текстомъ (составила Московская Діалектологическая Комиссія).

Намѣчены къ изданію:

Великорусскій сборникъ сказокъ изъ Архива И. Р. Географическаго Общества.

Вятскій сборникъ сказокъ Д. К. Зеленина.

Сборникъ малоросс. сказокъ И. Я. Рудченко, т. I (подготавливается).

IV.

Согласно постановленію Отдѣленія Этнографіи 1910 года, въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущемъ, у Совѣта Общества были испрошены денежныя средства лишь на командировки, непосредственно связанныя съ дѣятельностью Комиссіи по составленію этнографической карты Россіи. І. А. Кипшидзе совершилъ на средства Общества поѣздку въ Мингрелію для собиранія матеріаловъ по составленію лингвистической карты Кавказа и представилъ отчетъ объ этой поѣздкѣ съ дополнительной запиской ак. Н. Я. Марра.

Д. А. Золотаревъ, В. В. Сахаровъ, Л. Е. Чекаленко совершили на средства Общества экскурсіи для антропологическихъ измѣреній: первый—въ Новгородскую губернію, второй—въ Волинскую и третій—въ Полтавскую. Открытые листы получили отъ Общества: Б. Г. Крыжановскій для измѣреній въ Пермской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ и С. И. Руденко—для измѣреній въ Полтавской губерніи. Отчетъ о всѣхъ этихъ антропологическихъ экскурсіяхъ представленъ Ѳ. К. Волковымъ; Д. А. Золотаревъ представилъ отдѣльный отчетъ. М. Б. Едемскому былъ выданъ открытый листъ для этнографической поѣздки въ губерніи Вологодскую, Архангельскую и смежныя.

V.

Въ члены сотрудники Отдѣленія Этнографіи избраны и Совѣтомъ Общества утверждены: Влад. Иван. Тростянской (26 октября), ученый лама Зарбайнъ (30 ноября).

VI.

За труды на пользу этнографіи, согласно представленію Отдѣленія, Совѣтомъ Общества присуждена 1 Константиновская медаль, 1 большая золотая, 1 малая золотая и 6 серебряныхъ нижеслѣдующимъ лицамъ:

1) Константиновская медаль:

Чл. сотр. Павлу Аполлоновичу Ровинскому, путешественнику по Славянскимъ землямъ и Монголіи, за совокупность научныхъ трудовъ, особенно-же за четырехъ-томное сочиненіе „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ“. [Отзывъ о научной дѣятельности П. А. Ровинскаго составленъ проф. П. А. Лавровымъ и пр.-доц. А. Д. Рудневымъ].

2) Большая золотая медаль Отдѣленія Этнографіи:

Д. чл. Дмитрію Константиновичу Зеленину за совокупность его ученыхъ трудовъ по этнографіи Россіи. [Отзывъ составленъ ак. А. А. Шахматовымъ и ак. С. Ѳ. Ольденбургомъ].

3) Малая золотая медаль Общества:

Чл. сотр. Михаилу Борисовичу Едемскому за этнографическія труды по изученію Кокшениги, особенно за сочиненіе „Свадьба въ Кокшенигѣ“ (СПБ. 1911. „Живая Старина“ 1910) и докладъ „О крестьянскихъ постройкахъ на сѣверѣ Россіи“ (Засѣданіе Отд. Этног. 16 декабря 1911 г.). [Отзывъ составленъ д. чл. Д. К. Зеленинымъ].

4—9) Серебряныя медали Общества:

В. А. Анохину за сообщеніе о музыкѣ алтайскихъ турковъ (въ Отд. Этног. 3 мая 1910 г.) и за собраніе матеріаловъ по вѣрованіямъ Алтайскихъ турковъ. [Отзывъ составленъ д. чл. Л. Я. Штернбергомъ].

Н. Гр. Козыреву за статью „Свадебные обряды и обычаи въ Островскомъ уѣздѣ Псковской губерніи“ (Ж. Ст. 1912). [Отзывъ составленъ ак. С. Ѳ. Ольденбургомъ].

С. Е. Малову за статьи въ Ж. Ст. о сибирскихъ и восточно-туркестанскихъ туркахъ: „Нѣсколько словъ о шаманствѣ у турецкаго населенія Кузнецкаго уѣзда Томской губ. (1909. вып. 2—3), „Остатки шаманства у желтыхъ уйгуровъ (1912. вып. 1) и др. [Отзывъ составленъ пр.-доц. А. Н. Самойловичемъ].

Н. Ѳ. Познанскому за сообщеніе въ Отдѣленіи Этног.: „Къ вопросу о происхожденіи и развитіи заговоровъ“ (26 октября 1912 г.) и за

описание сказокъ Архива Общества [Отзывъ составленъ ак. А. А. Шахматовымъ и ак. С. Ѡ. Ольденбургомъ].

Ѡ. И. Поликарпову за статьи въ Ж. Ст. и въ томъ числѣ за работу: „Нижнедѣвицкій уѣздъ. Этнографическія характеристики“ (1912 г. вып. I). [Отзывъ составленъ ак. А. А. Шахматовымъ].

В. И. Тростянскому за рядъ рукописей, пожертвованныхъ имъ Отдѣленію, особенно же за рукописное собраніе пѣсенъ Воронежской губерніи. [Отзывъ составленъ ак. А. А. Шахматовымъ].

VII.

Изъ трехъ старыхъ постоянныхъ комиссій при Отдѣленіи Этнографіи: 1) по собиранію народныхъ пѣсенъ съ напѣвами, 2) по собиранію и изданію юридическихъ обычаевъ, 3) по собиранію и изданію русскихъ народныхъ сказокъ, продолжала свою дѣятельность, возобновленную въ 1911 году, только послѣдняя комиссія. Имѣется надежда на то, что въ 1913 году возобновитъ свою дѣятельность и 2-ая комиссія, которую еще въ 1911 году рѣшено было переименовать въ Отдѣлъ обычнаго права Комиссіи по составленію этнографической карты Россіи; въ истекшемъ году число лицъ, изъявившихъ желаніе участвовать въ трудахъ названнаго отдѣла, увеличилось. Двѣ новыхъ комиссій, организованныхъ въ 1910 году: Редакціонная и по составленію этнографической карты Россіи, продолжали свою дѣятельность и въ отчетномъ году.

В. Дѣятельность состоящихъ при Отдѣленіи Этнографіи постоянныхъ комиссій.

I. Дѣятельность Редакціонной Комиссіи.

Въ связи съ перемѣнами въ личномъ составѣ бюро Отдѣленія Этнографіи, происшедшими въ концѣ отчетнаго года, председательство въ Редакціонной Комиссіи перешло отъ С. Ѡ. Ольденбурга къ В. Ѡ. Миллеру, а должность товарища председателя — отъ С. К. Булича къ А. А. Шахматову; членами Комиссіи состояли тѣ же лица, что и въ 1911 году. Засѣданій состоялось три: 15 февраля, 12 октября и 14 декабря. Въ отчетномъ году Комиссія занималась исключительно текущими дѣлами, связанными съ изданіемъ „Живой Старини“, „Записокъ Отдѣленія“, а также съ разсмотрѣніемъ поступающихъ въ Отдѣленію рукописей и докладовъ.

II. Дѣятельность Сказочной Комиссіи.

Комиссія имѣла два засѣданія.

По порученію Комиссіи Н. Ѡ. Познанскій подвергъ полному пересмотру рукописное собраніе малорусскихъ сказокъ покойнаго П. Я. Руд-

ченко, состоящее болѣе чѣмъ изъ 1000 №№ и хранящееся въ рукописномъ Отдѣлѣ библиотекъ Имп. Академіи Наукъ. Собраніе будетъ издано Географическимъ Обществомъ подъ редакціей ак. А. А. Шахматова и Ѳ. К. Волкова, причемъ въ изданіе войдутъ и ранѣе изданныя сказки, такъ какъ, во-первыхъ, старое изданіе стало библиографической рѣдкостью, а во-вторыхъ, въ печатномъ текстѣ оказались измѣненія сравнительно съ оригиналомъ. Н. Ѳ. Познанскій же пересмотрѣлъ, подъ руководствомъ С. Ѳ. Ольденбурга и А. А. Шахматова, весь сказочный великорусскій матеріалъ Архива И. Р. Географическаго Общества и отобралъ неизданныя сказки, которыя войдутъ въ Сборникъ великорусскихъ сказокъ, подготовляемый къ изданію А. М. Смирновымъ, подъ редакціей С. Ѳ. Ольденбурга и А. А. Шахматова. Комиссія рѣшила исчерпать весь сказочный матеріалъ Архива Общества. Такъ какъ выяснилось, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ можно рассчитывать на богатый сборъ еще незаписанныхъ сказокъ, то Комиссія рѣшила лѣтомъ 1913 года командировать Н. Ѳ. Познанскаго въ Тамбовскую губернію, Н. Г. Козырева—въ Псковскую, М. Б. Едемскаго—въ Вологодскую. Комиссія надѣется, что въ настоящее время возможно собрать сказочный матеріалъ, превосходящій количествомъ все собранное и изданное раньше; нужны только искусные записыватели и денежные средства.

Комиссія просила Д. К. Зеленина приготовить къ печати имѣющееся у него собраніе Вятскихъ сказокъ; въ послѣдствіи имѣется въ виду издать Пермскія и другія сказки собранія Д. К. Зеленина.

Нѣкоторыя слушательницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ и слушатели СПб. Университета каталогизировали, подъ руководствомъ С. Ѳ. Ольденбурга и А. М. Смирнова, значительную часть напечатанныхъ сказочныхъ сборниковъ, съ краткимъ изложеніемъ содержанія. Когда работа каталогизаціи всѣхъ изданныхъ русскихъ будетъ окончена, карточки поступятъ въ Архивъ Общества.

III. Дѣятельность Комиссіи по составленію этнографической карты Россіи.

Въ отчетномъ году Комиссія собиралась одинъ разъ (30 ноября) для обсужденія проекта смѣты на 1913 годъ и разсмотрѣнія корректуры шаблона географической карты Европейской Россіи, заготовленнаго И. П. Поддубнымъ. Изданіе карты русскихъ нарѣчій и говоровъ, составленной Московскою Діалектологическою Комиссіей, въ отчетномъ году не осуществилось и отложено до слѣдующаго года. Упомянутый уже въ настоящемъ отчетѣ „Библиографическій указатель этнографической литературы“ Д. К. Зеленина начать печатаніемъ. Географическимъ Обществомъ было разослано народнымъ учителямъ губерній съ малорусскимъ населеніемъ 2000 опросныхъ ли-

стовъ о жилищѣхъ, одеждѣхъ, хозяйственномъ бытѣ и пищѣ, отпечатанныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III и предоставленныхъ имъ въ распоряженіе Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи; до 1912 года въ Комиссію возвращено болѣе 500 заполненныхъ листовъ, которые переданы для разработки Ѳ. К. Волкову.

Изъ девяти отдѣловъ Комиссіи въ отчетномъ году имѣли по 1 засѣданію 5 отдѣловъ: 1) по антропологии, 2) по жилищу и постройкамъ, 3) по хозяйственному быту, 4) по одеждѣ и украшеніямъ, 5) по вѣрованіямъ. Послѣдній отдѣлъ, окончательно еще несорганизованный, собрался 20 апрѣля подъ предѣлательствомъ Ѳ. К. Волкова, чтобы наблюдать камланье шамана кудинскимъ бурятъ, оказавшагося въ Петербургѣ.

Въ засѣданіи отдѣла *по антропологии* 16 марта, было доложено о результатахъ пересмотра и критики имѣющагося печатнаго матеріала по антропологии великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, поволжскихъ финновъ и инородцевъ бассейна рѣки Оби; къ журналу засѣданія приложены списки литературы; докладывали: Ѳ. К. Волковъ, Я. В. Чекановскій, С. И. Руденко и Д. А. Золотаревъ. Какъ упомянуто выше, пятеро лицъ были командированы отдѣломъ для производства антропологическихъ измѣреній въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Въ засѣданіи отдѣла *по жилищу и постройкамъ*, 13 апрѣля, были разсмотрѣны слѣдующія программы для собиранія свѣдѣній о жилищѣхъ и постройкахъ, примѣнительно къ нуждамъ Комиссіи по составленію этнографической карты Россіи: 1) программа Д. К. Зеленина (жилище и постройки великороссовъ); 2) программа А. К. Сержпутовскаго (жилище и постройки бѣлороссовъ); 3) программа С. И. Руденко (жилище и постройки башкиръ).

11 апрѣля состоялось первое собраніе отдѣла *по хозяйственному быту*; предѣлательствовалъ Ѳ. К. Волковъ, секретарствовалъ А. К. Сержпутовскій; была выработана основная программа по хозяйственному быту, по образцу которой будутъ составлены программы для отдѣльныхъ народностей.

Въ засѣданіи отдѣла *по одеждѣ и украшеніямъ*, 4 апрѣля, были разсмотрѣны программы по одеждѣ и украшеніямъ: 1) Ѳ. К. Волкова—для малороссовъ, 2) А. К. Сержпутовскаго—для бѣлороссовъ и поляковъ, и 3) С. И. Руденко—для башкиръ.

Отдѣломъ *по языку* былъ командированъ, какъ упомянуто выше, И. А. Кишидзе въ Мингрелію для собиранія матеріаловъ по говорамъ Мингреліи.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

I. Засѣданіе 11 января 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдательствующаго, А. А. Шахматова, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ, членовъ сотрудниковъ и многочисленныхъ гостей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Чл. сотр. С. Г. Рыбаковъ прочелъ вступительное слово Н. И. Привалова о кобзарѣ Харьковской губерніи И. И. Кучугура-Кучеренко. Н. И. Приваловъ не могъ, по болѣзни, присутствовать въ засѣданіи.

II.

И. И. Кучугура-Кучеренко исполнилъ:

1. Старинную казацкую думу про Морозенка.
2. Ой не кыпися пива-меды! (Чумацкая пѣсня).
3. Скину кужель ма повицу,
Сама пиду на вулицу (веселая пѣсня на бандурѣ).
4. Дума про Олексія Поповича (Буря на Черномъ морѣ).
5. Ой не шуми, муже.
6. Дума про смерть Богдана Хмѣльницкаго.
7. а) Ой, дивчина-горлица,
До казака горнется!
б) Ой, за гаемъ-гаемъ.
в) Гречаньки.

Послѣдній номеръ былъ исполненъ на трехъ бандурахъ г. Кучугура-Кучеренко и любителями г.г. Гемба и Пестряковымъ.

II. Засѣданіе 18 января 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ, Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: И. С. Абрамова, В. В. Бартольда, С. І. Балтромайтиса, А. А. Бѣлоголовыхъ, Н. А. Виташевскаго, Э. А. Вольтера, А. А. Достоевскаго, С. Е. Дмитріева, М. Б. Едемскаго, Д. К. Зеленина, А. И. Иванова, И. С. Иванова, И. М. Калинина, В. П. Лохельсона, И. Катальскаго, А. А. Макаренко, Н. Н. Михайловскаго, М. П. Мозина, А. Москалева, И. П. Поддубнаго, М. М. Пришвина, М. С. Свержевскаго, Т. И. Тихонова, П. Ѳ. Унтербергера, В. Шведова, Ющенко, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитаны и утверждены журналы засѣданій 21 декабря 1912 г. и 11 января 1913 года.

II.

Доложено о присылкѣ бібліотекаремъ Этн. Отд. Русскаго Музея Императора Александра III списка книгъ, поступившихъ въ бібліотеку Отдѣла за ноябрь 1912 г.

Постановлено: благодарить.

III.

Прочитанъ докладъ медальной комиссіи.

Постановлено: докладъ утвердить и передать въ Совѣтъ Общества.

IV.

Прочитанъ отчетъ по Отдѣленію Этнографіи за 1912 годъ.

Постановлено: отчетъ утвердить и передать въ Совѣтъ Общества.

V.

Дѣйств. чл. Д. К. Зеленинъ сдѣлалъ сообщеніе „къ вопросу объ этнографическомъ изученіи русской плетеной обуви („лаптей“)“ по слѣдующей программѣ:

Лапти, какъ особый типъ обуви. Древность лаптей; названіе ихъ. Географическое распространеніе и матеріаль. Два главныхъ типа плетенія лаптей: бѣлорусско-малорусскій и великорусскій; типъ смѣшанный (такъ называемые „татарскіе лапти“). Разновидности лаптей, отличающіяся по формѣ, отдѣлкѣ и т. п. Незученность этого типа обуви.

Съ вопросами по поводу сдѣланнаго сообщенія къ докладчику обращались: Э. А. Вольтеръ, Н. А. Виташевскій, М. А. Мозинъ, Святскій, М. Б. Едемскій.

Предсѣдательствующій, признавая цѣнность сдѣланныхъ докладчикомъ наблюдений надъ географическимъ распространеніемъ типовъ плетенія лаптей, замѣтилъ, что при этнографическихъ наблюденіяхъ желательны историческія справки. Такъ интересно было бы выяснитъ, не отразились ли на типѣ финскихъ лаптей мѣры Петра Великаго, который, по свидѣтельству Штелина и Голикова, примѣтивъ на „чухонскихъ мужикахъ“ очень плохую обувь, приказалъ привезти въ Петербургъ нѣсколько искусныхъ лапотниковъ изъ Нижегородской и Казанской губерній и отправилъ ихъ въ Выборгскій уѣздъ, чтобы они научили „чухонцевъ“ умѣнью плести хорошія лапти. Штелинъ увѣряетъ, что мужики по всей русской Финляндіи дѣйствительно, вслѣдствіе этой мѣры Петра В., научились въ нѣсколько мѣсяцевъ плести хорошія лапти изъ ивы и липы. Если это такъ, то въ финскихъ лаптяхъ, по крайней мѣрѣ, въ Выборгскихъ мѣстахъ, можетъ быть великорусскій типъ плетенія вытѣснилъ старый финскій.

VI.

Д. чл. С. Е. Дмитріевъ прочелъ докладъ: „**Байга у караниргизовъ по случаю смерти манана Шабдана Джантаева въ Пишпенскомъ уѣздѣ**“ по слѣдующей программѣ:

Личность Шабдана Джантаева; заслуги его передъ русскимъ правительствомъ и отношеніе къ нему соплеменниковъ.

Рѣшеніе тынаевцевъ устроить безпримѣрныя поминки своему сородичу, умершему 6-го апрѣля 1912 года.—Приготовленія къ поминкамъ.—Время и мѣсто байги (скачекъ).—Участники байги.

Причитанія по умершему присяжныхъ плакальщицъ внутри его юрты, отмѣченной стягомъ, и поклоненіе гостей реликвіямъ покойнаго.—Пѣвцы (акыны) и музыканты.—Угощеніе (аш).

Организація скачекъ и спортивные приемы; *даякъ, калтытюнь, сюреу*.—Отношеніе киргизовъ къ своимъ скакунамъ.—Породы коней, участвовавшихъ въ состязаніи.—Общія и частныя скачки.—15-верстная скачка по случаю перевозки юрты покойнаго и его стяга изъ Б. Кебина на мѣсто поминальныхъ торжествъ 5-го октября, 10-верстная скачка 11-го октября, 10-верстная скачка для двухлѣтокъ (кунан) и трехлѣтокъ (дунон) 12-го октября и 38-верстная—для коней всѣхъ породъ и возрастовъ 14-го октября.—Призы.

Программа 13-го октября: скачки для русскихъ казаковъ—семирѣковъ Самсоновской станицы; рыцарскій турниръ у киргизовъ (сайыш или сайыс); борьба (кѳрускен).—Стрѣльба изъ лука.—Заключеніе.

Сообщеніе иллюстрировались діапозитивами.

III. Засѣданіе 15 февраля 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи, Вс. Ѳ. Миллера, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: И. С. Абрамова, В. В. Бартольда, А. А. Достоевскаго, Э. А. Вольтера, Г. В. Вильямса, Б. Б. Барадійна, М. Б. Едемскаго, Д. К. Зеленина, Д. Л. Иванова, И. М. Калинина, В. Л. Кошвича, И. Ю. Крачковскаго, Н. Я. Марра, А. А. Миллера, Н. Н. Михайловскаго, и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложено о поступившихъ книгахъ:

- 1) Dr. Josefjanko: O praveku slovanském (kurs šestipřednáškový). Прага 1912.
- 2) Отчетъ о дѣят. Ниж. Уч. Арх. Ком. за 25 лѣтъ. 1913.
- 3) Kwartalnik historyczny, годъ XXVI, вып. 4. 1912.
- 4) Sbornik musealnejslovenskej spoločnosti. Годъ XVII, вып. II, 1912.
- 5) Anmerkungen zu den Kinder- u. Hausmärchen der Brüder Grimm. Neu bearbeitet von J. Bolte und G. Polivka. Erster Band Leipzig, 1913:
- 6) Уч. Зап. II. Юр. Унив. годъ, 20. № 11. Юрьевъ. 1912.
- 7) Rocznik Slawistyczny. T. V. Kraków. 1912.
- 8) Národopisný věstník československý. Прага 1913.
- 9) Каталогъ книгъ библіотеки А. П. Бахрушина вып. III. Москва. 1912.
- 10) The American Museum Journal. January, 1913.
- 11) Časopis Muz. slov. spoločnosti. Годъ XV, вып. 4. 1912.

III.

Доложено о присылкѣ библіотекаремъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III списка книгъ поступившихъ въ библіотеку Отдѣла въ декабрь 1912 года.

Постановлено: благодарить.

IV.

Д. К. Зеленинъ передалъ для Архива Общества рукопись Д. О. Святскаго: „Пѣсни и сказки крестьянъ с. Прудковъ и с. Сѣжного Сѣвскаго у. Орловской губ.“ съ предисловіемъ Д. К. Зеленина. Постановлено: благодарить жертвователей.

V.

Доложено о поступленіи рукописи И. М. Калинина: „Чудь и пань“.
 Постановлено: передать въ Редакціонную Комиссію.

VI.

Доложено письмо члена Комиссіи по устройству бесплатной читальни при Московскихъ Педагогическихъ курсахъ О-ва воспитательницъ и учительницъ М. Изюмовой съ просьбой о бесплатной высылкѣ Живой Старины.

Постановлено: просьбу удовлетворить.

VII.

Въ члены-сотрудники Отдѣленія избраны: сотрудники „Живой Старины“ Мезерницкій и Демичъ и Саратовскій этнографъ Мих. Евг. Соколовъ.

VIII.

Чл. сотр. И. С. Абрамовъ прочелъ сообщеніе „Быть поволжскаго села (Саратовской г.) по этнографическимъ записямъ мѣстнаго крестьянина“, по слѣдующей программѣ:

Письмо хранителя музея Саратовской Ученой Архивной Комиссіи С. А. Щеглова объ авторѣ этнографическихъ записокъ, крестьянинѣ с. Князевки Петровск. у. Саратовской губ. Гаврилѣ Заварицковѣ.—Изъ прошлаго с. Князевки. Легенды о Стенькѣ Разинѣ.—Достопримѣчательные мѣстные типы. Колдуны и колдуньи.—Разказы о крѣпостномъ правѣ.—Исторія разведенія картофеля въ с. Князевкѣ.—Дѣтскія пѣсни и игры. Крестьянская свадьба.—Изъ области мѣстнаго фольклора: пѣсни, загадки, похоронныя причитанія, сказки и приказы.—Народное знахарство.—Желательность изданія трудовъ крестьянина этнографа.

Д. Л. Ивановъ задалъ докладчику нѣсколько вопросовъ. Д. К. Зеленинъ заявилъ, что по его мнѣнію, многіе отдѣлы изъ рукописи Заварицкова, особенно отдѣлъ объ особыхъ мѣстахъ и способахъ погребенія нечистыхъ покойниковъ (затаптываніе въ трясины и т. п.), представляютъ собою большой этнографическій интересъ. Рукопись Заварицкова желательно напечатать, исключивъ лишь его собственныя стихотворенія, ошибочно ванныя „пѣснями“.

Предсѣдательствующій, отмѣтивъ интересъ нѣкоторыхъ этнографическихъ данныхъ, сообщенныхъ крестьяниномъ Заварицковымъ о его родномъ селѣ, обратилъ вниманіе на легенду о Стенькѣ Разинѣ. Среди многочисленныхъ легендъ, записанныхъ на Волгѣ о немъ, легенда Заварицкаго отличается полнотой и любопытна для характеристики народныхъ представленій объ этомъ героѣ народныхъ пѣсней и преданій конца XVII в.

IX.

Д. чл. А. Н. Самойловичъ подѣлился своими этнографическими наблюденіями надъ Ставропольскими туркменами, которыхъ онъ посѣтилъ лѣтомъ 1912 года: были показаны діапозитивы и коллекція одежды, собранная для Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. Докладчику было задано нѣсколько вопросовъ Н. Я. Марромъ, В. В. Бартольдомъ, Д. К. Зеленинымъ, А. А. Миллеромъ, С. И. Руденко.

IV. Засѣданіе 15 марта 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предѣтельствомъ Предѣлствующаго въ Отдѣленіи Ве. Ѳ. Миллера, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ:

В. М. Алексѣева, Н. А. Виташевскаго, Ѳ. К. Волкова, А. А. Достоевскаго, М. Б. Едемскаго, П. Жукова, Д. К. Зеленина, А. И. Иванова, В. М. Іонова, В. П. Іохельсона, П. М. Калининна, И. Ю. Крачковскаго, А. А. Макаренко, С. Е. Малова, Б. Э. Петри, А. К. Сержпутовскаго, Л. Я. Штернберга, стороннихъ посѣтителей и при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложено письмо А. А. Смирнитскаго изъ Одессы съ предложеніемъ напечатать въ „Живой Старинѣ“ записанную имъ въ 1910 году вертепную пьесу „Тронь“, которая исполняется на Рождество крестьянами посада Новоархангельскъ, Тишковской волости Елизаветградскаго уѣзда. Къ письму приложенъ оттискъ работы А. А. Смирнитскаго „краниологическая коллекція въ музеѣ сравнительной анатоміи при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ“.

Постановлено: просить А. А. Смирнитскаго прислать въ Отдѣленіе на просмотръ рукопись пьесы „Тронь“, а оттискъ передать въ бібліотеку Общества.

III.

Доложено письмо земскаго врача городского участка Псковскаго Уѣзднаго Земства, Э. Я. Заленскаго, сообщающаго о своихъ работахъ по изученію народнаго знахарства и по собиранію народныхъ пѣсень и извѣщающаго Отдѣленіе о присылкѣ ему двухъ книгъ г. Заленскаго: 1) Изъ записокъ земскаго врача. Деревенскія эпидеміи. Народное знахарство. 2) Что есть современная деревня Псковскаго уѣзда.

Постановлено: благодарить Э. Я. Заленскаго за присылку его трудовъ и передать обѣ книжки въ бібліотеку Общества.

IV.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе печатныхъ изданіяхъ:

1) Гермесъ, иллюстрированный научно-популярный вѣстникъ античнаго міра. Тома 8—11, и № 1—5 тома 12.

2) В. А. Мошковъ. Болгарія, ея други и недруги, разсмотрѣнные со стороны вырожденія. Варшава. 1913.

3) Извѣстія состоящей подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ Тамбовской Ученой Арх. Ком. вып. 55. Тамбовъ. 1913.

4) Библиотека знанія. Индоевропейцы. Проф. О. Шрадера. Переводъ Ѳ. И. Павлова подъ редакц. А. Л. Погодина.

5) Э. Я. Заленскій. Изъ записокъ земскаго врача. Деревенская эпидемія. Народное знахарство. Псковъ. 1908.

6) Э. Я. Заленскій. Что поетъ современная деревня Псковскаго уѣзда. Псковъ. 1912.

Постановлено: передать въ бібліотеку Общества.

V.

Д. чл. Э. А. Вольтеръ сдѣлалъ сообщеніе „Причитанія (raudas) у Литовцевъ“ по слѣдующей программѣ:

Цѣль сообщенія—выработать вопросникъ для анкеты о современномъ бытованіи похороннаго плача.—Главнѣйшіе типы литовскихъ причитаній съ 1882-1909 г.г.—Царство душъ покойниковъ Велисовъ въ причетахъ.—Покойники, опираясь на кресты, выходятъ изъ могилъ.—Пять братьевъ въ рукахъ Крижаковъ крестоносцевъ и обученіе ихъ въ зеленомъ строю шпицрутеновъ.—Обрядъ кунигованія невѣсты, плачь передъ барскимъ смотромъ.—Древнѣйшія извѣстія о причитаніи обрядовомъ родовыхъ жрецовъ и начальниковъ надъ воинами.—Эпические мотивы причитаній у Стрѣйповскаго и въ пѣсняхъ.—Новѣйшія изслѣдованія и сборники похороннаго фольклора Свенцицкаго.—Этногр. зборникъ Тов. Шевченка. Otto Böckel.—Программа Ѳ. К. Волкова.—Ходъ изученія причитаній на Литвѣ. Записи 50-хъ годовъ братьевъ Юшкевичей. Новыя наблюденія 1885-87 г.г. Новѣйшія разысканія послѣ 24 апрѣля 1904 года. Фонограммы и записи грамотныхъ литвинокъ на мѣстахъ.

Выводы. У литовцевъ и древнихъ прусовъ причитанія надъ покойниками произносились мужчинами, а не женщинами. Рекрутскія плачи являются продолженіемъ или откликами древнихъ причетовъ родовыхъ жрецовъ или родоначальниковъ—князей. Кунигованіе—свадебный плачь въ связи съ отбытіемъ князей подати. Преобладающее значеніе женщины въ причитаніи устанавливается подъ вліяніемъ христіанства и культа Богоматери.

Сообщеніе сопровождалось исполненіемъ причитаній на фонографѣ. Въ собесѣдованіи по поводу сообщенія приняли участіе: А. К. Сержпутовскій, Д. К. Зеленинъ, Я. В. Прохоровъ, Н. А. Вита-

шевскій, Л. Я. Штернбергъ, А. А. Макаренко, Ѡ. К. Волковъ, В. И. Юхельсонъ.

А. К. Сержпутовскій сказалъ, что „причитанія похоронныя производятся импровизаціей, а потому записывать ихъ при помощи фонографа очень трудно. Записывать слѣдуетъ, когда причитаютъ на кладбищахъ при проводахъ покойника и т. п. Въ импровизаціи причитаній вносятся вѣрованія и повѣрія причитающей женщины“.

Я. В. Прохоровъ указалъ докладчику, что „1) Литовское причитаніе объ умершихъ родителяхъ одинаково съ таковымъ же у Славянскихъ народовъ великорусовъ, бѣлорусовъ и малороссовъ. Существуютъ также свадебныя пѣсни въ честь невѣсты-сироты того же содержанія. 2) Причеты не являются импровизаціей и представляютъ собой воспроизведеніе старыхъ давно существующихъ образцовъ. 3) Въ Калужскомъ уѣздѣ при положеніи въ гробъ стелютъ подъ покойницу ея старую рубашку, кладутъ подъ нея вѣникъ (въ гробъ). Послѣ положенія въ гробъ надъ ней родственники причитаютъ на извѣстный мотивъ“.

Н. А. Виташевскій сказалъ слѣдующее: „отношеніе между причитаніями по покойникѣ и рекрутскими причитаніями прослѣдить не трудно: рекрутъ въ положеніи человѣка, для котораго возможна и даже очень вѣроятна смерть въ ближайшемъ будущемъ. Такимъ образомъ, объяснены причитанія какъ результатъ желанія оградить оставшихся въ живыхъ отъ посѣщенія ихъ духомъ покойника. Но въ иномъ положеніи—причитанія свадебныя: тутъ элементъ боязни посѣщенія покойникомъ оставшихся въ живыхъ совершенно отсутствуетъ. Такимъ образомъ, можно думать, что причитаніе какъ таковое, самостоятельно эволюціонировало, и свадебное, напримѣръ, причитаніе, заимствуя отъ причитанія по покойникѣ внѣшнюю форму, по причинамъ своего возникновенія ничего общаго съ причитаніями по покойникамъ не имѣетъ.—Къ вопросу о характерѣ происхожденія причитаній по покойникѣ обращаю вниманіе собранія на то, что у довольно хорошо изученной мною народности,—у якутовъ,—совершенно нѣтъ причитанія, какъ я въ этомъ убѣдился за время моего 14-ти-лѣтняго близкаго соприкосновенія съ якутами, и это несмотря на то, что у тѣхъ же якутовъ на лицо—много пріемовъ огражденія оставшихся въ живыхъ отъ посѣщенія ихъ покойникомъ: сохранились воспоминанія объ убійствѣ на могилѣ рабовъ покойника, до сихъ поръ убиваютъ коня, скотину, „убиваютъ“ котлы и оружія, „кормятъ“ покойника,—и т. д. Единственное указаніе въ этомъ родѣ заключается въ томъ, что шаманъ дѣлаетъ изображеніе ѱѣр'я покойника и обращается къ нему съ рѣчью (содержаніе которой не установлено), но и слѣда причитаній въ истинномъ смыслѣ нѣтъ“.

Ѡ. К. Волковъ выразилъ сомнѣніе относительно возможности включить свадебныя въ число причитаній вообще. Кромѣ содержанія ихъ наблюдается напримѣръ въ Украинѣ разница въ самой формѣ „плача“. Въ

украинской свадьбѣ онъ выражается исключительно пѣснями и только въ очень рѣдкихъ мѣстностяхъ слѣдующихъ орацій имѣющихъ впрочемъ видимо книжный характеръ и вообще замѣняющихъ собою пѣсни и свадьбы С.-Западной Украины на примѣръ въ Гродненской губ. и пр. Кромѣ того Ѳ. К. Волковъ указалъ на нѣкоторые несоотвѣтствующія названія игръ надъ мертвыми—фактами и выразилъ мнѣніе что выраженіе это врядъ ли возможно вводить въ программу. Въ отношеніи причитаній онъ предлагаетъ различать три формы: 1) плачь безъ словъ (такъ наз. *пойканье* или *голосінне*) 2) речитативныя причитанія съ плачемъ и 3) ораціи“.

Предедательствующій отмѣтилъ достоинства реферата, заключающіяся въ обстоятельности и точности наблюдений, указалъ на то, что хотя похоронныя причитанія составляютъ, повидимому, всюду преимущественно спеціальность женщинъ, однако литовскія древнія извѣстія объ обрядовомъ причитаніи родовыхъ жрецовъ и начальниковъ надъ воинами являются далеко не исключительнымъ фактомъ. Такъ на Кавказѣ у тушинъ участіе въ оплакиваніи покойника принимаютъ и мужчины, ударяя себя кулаками въ грудь и восхваляя умершаго. У гурійцевъ существуютъ спеціальныя плакальщики. У киргизовъ мужчины поютъ причитанія въ честь извѣстныхъ вліятельныхъ покойниковъ. У гагаузовъ причитанія обязательны не только для женщинъ, но и для мужчинъ и т. п. По мнѣнію В. Ѳ. Миллера, изъ свидѣтельства объ участіи въ оплакиваніи покойниковъ жрецовъ и начальниковъ у литовцевъ въ древнее время нельзя еще выводиться, что женщины были прежде устранены отъ этой роли и что у литовцевъ плакальщицы появились лишь въ послѣдствіи подвліяніемъ культа Богородицы. Скорѣе можно думать, что у литовцевъ, какъ и у другихъ народовъ мужчины оплакивали преимущественно павшихъ воиновъ и знатныхъ покойниковъ, воздавая имъ этимъ послѣднюю честь, но при этомъ участіе женщинъ въ обрядовомъ оплакиваніи всякаго покойника представлялось все же обязательнымъ.

Въ параллель къ тому, что духовенство у литовцевъ относилось съ терпимостью къ народному обычаю оплакиванія В. Ѳ. Миллеръ замѣтилъ, что на Кавказѣ у гурійцевъ при голошеніи надъ покойникомъ также присутствуетъ духовенство и даже приглашаются архимандриты.

VI.

Г. А. Бончъ-Осмоловскій сдѣлалъ сообщеніе „О религіозномъ культѣ хевсуровъ“ по программѣ:

Празднества. Священнослужители. Святѣлища. Священные предметы. Общій обзоръ вѣрованій.

За позднимъ временемъ докладчикъ опустилъ послѣдній пунктъ своего сообщенія. Были показаны священные предметы хевсуровъ, собранные для Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III и діапозитивы.

Докладчику были предложены нѣкоторые вопросы А. А. Макаренко и Н. Я. Марромъ.

Русскіе народные обряды со старою обувью.

Соотвѣтствующіе обряды другихъ народовъ. — Девять свидѣтельствъ о русскихъ обрядахъ, два о финскихъ и два о чувашскихъ. — Замѣчанія о нихъ. — Разныя объясненія обрядовъ этого цикла въ литературѣ. — Объясненіе Самтера и его мотивировка. — Поправки къ объясненію Самтера на основаніи данныхъ финскихъ и русскихъ обрядовъ. — „Куринные боги“.

У западно-европейскихъ этнографовъ мы встрѣчаемъ нѣсколько попытокъ сгруппировать и объяснить народные обряды и обычаи, связанные со старою обувью. П. Сартори уже въ 1894-мъ году напечаталъ обширную статью подъ заглавіемъ „Башмакъ въ народныхъ повѣрьяхъ“¹. Θ. Захаріе посвятилъ этимъ обычаямъ начало своей статьи „Къ древне-индійской свадебной обрядности“². Наконецъ, Э. Самтеръ удѣлилъ недавно тому же вопросу цѣлую главу своей книги „Рожденіе, бракъ и смерть“³. — Мы не называемъ здѣсь ряда авторовъ, которые касались даннаго вопроса между прочимъ: нѣкоторые изъ нихъ будутъ упомянуты нами ниже.

Всѣ названные этнографы не привлекали соотвѣтствующихъ русскихъ⁴ обрядовъ и обычаевъ. Между тѣмъ, эти послѣдніе представляютъ немалый интересъ въ общей суммѣ немногочисленныхъ народныхъ повѣрій о старой обуви.

Цѣль нашей настоящей замѣтки — собрать свѣдѣнія о русскихъ обрядахъ и обычаяхъ, связанныхъ со старою обувью, и попытаться объяснить ихъ по аналогіи съ западно-европейскими, индійскими и иными соотвѣтствующими обрядами, уже въ большей или меньшей

¹ Paul Sartori, Der Schuh im Volksglauben (Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, IV. 1894).

² Theodor Zachariae, Zum altindischen Hochzeitsritual (Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, XVII. 1903).

³ Ernst Samter, Geburt, Hochzeit und Tod. Beiträge zur vergleichenden Volkskunde. 1911. Гл. XVIII, напечатанная первоначально авторомъ въ Neue Jahrb. XIX, въ 1907 г.

⁴ Правда, Захаріе и Самтеръ приводятъ со словъ путешественника XVII-го вѣка Мартиньера русскую легенду объ одномъ сапожникѣ и объ Иванѣ Грозномъ. Легенда эта создана въ объясненіе мѣстнаго обычая вѣшать на одно дерево старые лапти.

степени выясненными у названных выше изслѣдователей. Говоря о русскихъ обрядахъ, мы не могли опустить изъ виду также и обряды сосѣднихъ финно-угровъ и чувашъ: вслѣдствіе территоріальной близости тѣхъ и другихъ весьма возможны были взаимныя заимствованія, а также и общее переживаніе различныхъ чужихъ вліяній.

Первоначально мы считаемъ умѣстнымъ познакомить читателей съ наиболѣе типичными обрядами другихъ народовъ. Въ этихъ обрядахъ можно различать три главныхъ группы: 1) обряды свадебные, 2) обряды при отправленіи въ путь и 3) обряды, предохраняющіе отъ злого глаза и злыхъ духовъ. Въ первыхъ двухъ группахъ старая обувь обыкновенно *бросается* въ слѣдъ новобрачныхъ или отправляющихся въ путь; въ послѣднемъ же случаѣ бросанія обычно не бываетъ, а обувь просто *выставляется* въ соответствующемъ мѣстѣ.

Говоря о свадебныхъ обрядахъ, напомнимъ прежде всего читателямъ одну сцену изъ романа Диккенса „Давидъ Копперфильдъ“¹:

„Пока мы суетились у дверей, мистеръ Пегготти запасся старымъ башмакомъ и подалъ его м-съ Геммиджъ, прося бросить его намъ вслѣдъ на счастье.— Нѣтъ, пусть это сдѣлаетъ кто иибудь другой, Денль,—отвѣтила м-съ Геммиджъ.— Я несчастная, одинокая женщина, и все, что напоминаетъ мнѣ о женщинахъ не несчастныхъ и не одинокихъ, дурно дѣйствуетъ на меня.“—„Да, ну, старая!“—воскликнулъ мистеръ Пегготти.—„Возьми и брось!“—Нѣтъ, Денль,—отвѣтила м-съ Геммиджъ, всхлипывая и грустно качая головой.—Еслибъ я меньше чувствовала, другое дѣло. Ты не такъ чувствуешь, какъ я. Ты не такой неудачникъ, какъ я. Брось лучше самъ.—Но тутъ Пегготти, которая до сихъ поръ торопливо перебѣгала отъ одного къ другому, цѣлуя каждаго, а теперь уже сидѣла вмѣстѣ съ нами на повозкѣ (мы съ Эмли сидѣли рядомъ на двухъ маленькихъ стульяхъ), закричала, чтобы м-съ Геммиджъ непременно бросила башмакъ. М-съ Геммиджъ, наконецъ, уступила, но омрачила праздничный характеръ нашей поѣздки, залпавшись слезами и упавши въ безпомощномъ состояніи на руки Хама, съ заявленіемъ, что она всѣмъ въ тягость, и что лучше прямо отдать ее въ богадѣльню“.

Здѣсь описывается моментъ передъ отправленіемъ молодыхъ въ церковь для бракосочетанія. Въ виду имѣется широко распространенный въ Англій, особенно на сѣверѣ, равно какъ и въ Шотландіи, народный обычай, по которому въ слѣдъ новобрачнымъ, когда они уѣзжаютъ изъ церкви или же покидаютъ родительскій домъ, бросаютъ старый башмакъ², иногда замѣняемый зернами риса. Тотъ же самый обычай существуетъ и въ Даніи³. На Рейнѣ въ брачную пару кидали башмаками въ то время, когда она оставляла свадебный ширъ⁴.

¹ Гл. 10. „Собраніе сочиненій Диккенса. Переводъ Ю. А. Говсѣева“. Т. XXIII. Сиб. 1898, стр. 145—146.

² F. Liebrecht, Zur Volkskunde. Alte und neue Aufsätze. Heilbronn 1879. Стр. 492, со ссылкой на Folk Lore. Choice Notes from Notes and Queries. London. 1859, стр. 261 и слѣд.

³ Samter, Geburt, Hochzeit und Tod, 195.

⁴ Samter, тамъ же, стр. 196.

У цыганъ въ Трансильваніи и Семиградіи молодой четвъ, когда она впервые вступаетъ въ свою палатку, кидаютъ старый башмакъ, сапогъ или сандаліи, чтобы брачный союзъ былъ плодовитымъ ¹. На турецкой свадьбѣ жениха осыпаютъ цѣлымъ градомъ старыхъ башмаковъ, для предохраненія его отъ злого глаза ². Подобный же обычай существовалъ, повидимому, и въ древней Греціи; по крайней мѣрѣ, на античной вазѣ съ изображеніемъ свадьбы старикъ бросаетъ брачной парѣ башмакъ; другой башмакъ уже лежитъ на полу: видимо, тоже только что кинуть ³.

Переходимъ къ случаямъ другого рода. Въ Затерландѣ отправляющемуся въ путь или идущему изъ дому по дѣламъ бросаютъ, при выходѣ его изъ дверей, деревянный башмакъ, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи ⁴. Сартори цитуетъ нияженѣмецкую народную комедію XV-го вѣка, гдѣ герой, отправляясь „къ чорту“, проситъ указывающаго ему дорогу еврея: „чтобъ мнѣ тамъ повезло, брось мнѣ въ слѣдъ старый башмакъ“ ⁵. Въ Англіи бросаютъ старый башмакъ идущему куда-либо, желая ему успѣха ⁶. Въ Ааргау бросаютъ туфлю или башмакъ отъѣзжающему родственнику ⁷.

Переходимъ къ третьей категоріи интересующихъ насъ обрядовъ. Повѣрье о томъ, что старая обувь служитъ берегомъ отъ злого глаза, распространено главнымъ образомъ въ Россіи (о чемъ, впрочемъ, рѣчь будетъ ниже), въ Индіи и въ Турціи. Мы уже встрѣтили выше этотъ же самый мотивъ въ турецкомъ свадебномъ обрядѣ: въ жениха бросаютъ старую обувь, чтобы предохранить его отъ злого глаза. По словамъ Самтера, въ Константинополѣ и въ Индіи до сихъ поръ существуетъ обычай класть на домъ старый башмакъ, для предохраненія обитателей дома отъ злого глаза ⁸. У племени Мараваръ въ южной Индіи роженица остается послѣ родовъ въ отдѣльномъ помѣщеніи 15 дней; чтобы удалить отъ нея въ это время нечистую силу, около нея кладутъ ножъ или другую какую-либо желѣзную вещь; по ту же самую роль можетъ выполнить и старый башмакъ, равно какъ

¹ Zachariae, Zum altindischen Hochzeitsritual, 135, со ссылкой на Wislocki, Vom wandernden Zigeunervolk, 189; W. Crooke, The popular religion and folk-lore of Northern India, т. II. 1896, стр. 34, со ссылкой на E. S. Hartland, Legend of Perseus, 1894—95, стр. 171.

² Zachariae, тамъ же, 135, со ссылкой на M. R. Cox, An introduction to folk-lore. 1895, стр. 18.

³ Samter, тамъ же, 196, гдѣ приведенъ и рисунокъ.

⁴ Sartori, Der Schuh im Volksglauben, 153.

⁵ Тамъ же, стр. 152.

⁶ Zachariae, тамъ же, 136, со ссылкой на Brand, Observations on popular antiquities. Лондонъ, 1841—42, III, 85. Другія цитаты у Самтера, 198, примѣч. 2.

⁷ Samter, тамъ же, 198, со ссылкой на Rochholz, Schweizersagen aus dem Aargau, I, 79.

⁸ Samter, тамъ же, стр. 198.

и старый вѣшникъ ¹. У сосѣдняго съ Мараваромъ индійскаго племени Катурамаратхисъ родильница находится въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ родовъ въ отдѣльной палаткѣ; возлѣ ея помѣщенія въ это время лежитъ пара старыхъ башмаковъ, которая предохраняетъ роженицу и ея питомца отъ злого глаза и удаляетъ отъ нихъ нечистыхъ духовъ ². Въ Бомбеѣ повивальная бабка, для предохраненія отъ злого глаза, держитъ въ лѣвой рукѣ башмакъ, приспособленіе для вѣянья хлѣба и вѣшникъ ³.

Въ Индіи же, въ округахъ Годавари, беременная женщина жжетъ рисъ и привязываетъ башмакъ къ дверному косяку, чтобы отразить отъ себя демоновъ ⁴. Въ разныхъ мѣстахъ Индіи младенцу, на пятый день по рожденіи, кладутъ подъ подушку кожаный башмакъ, чтобы отогнать отъ него злого духа; равнымъ образомъ и тотъ, кого давить во снѣ домашней, спитъ съ башмакомъ подъ подушкою ⁵.

Старая обувь служить оберегомъ не только для живыхъ существъ, но также и для растений. Въ Индіи, для защиты отъ злого глаза посѣвовъ, выставляютъ на поляхъ, на колу, старый башмакъ: въ другихъ мѣстахъ для той же цѣли прикрѣпляютъ старые башмаки къ плодовымъ деревьямъ; а нѣмцы въ Канадѣ кладутъ старые башмаки подъ вѣтви огурцовъ, чтобы получить обильный урожай ⁶.

Нѣсколько особнякомъ стоитъ нѣмецкое повѣрье, въ силу котораго для утишенія поднятой вѣдьмами бури выбрасываютъ башмаки ⁷.

Переходимъ теперь къ *русскимъ обрядамъ*. Во всѣхъ нихъ есть одна общая черта: въ качествѣ старой обуви употребляются исключительно изношенные лапти (плетеная изъ древесной коры низкая обувь съ длинными веревками для привязыванія ея къ ногѣ), извѣстные въ говорахъ подъ названіемъ „осметковъ“ и „отонковъ“.

1. Изъ русскихъ свадебныхъ обрядовъ со старою обувью намъ извѣстны только два. Свящ. Ник. Ловцевъ въ рукописномъ описаніи села Рыковой Слободы, Рязанскаго уѣзда и губерніи, сообщаетъ, что передъ тѣмъ какъ свахѣ-сходатаѣ идти сватать, ее сажаютъ за столъ, всѣ четыре ножки коего связываютъ кушакомъ,—чтобы лучше

¹ Fed. Jagor, Berichte über verschiedene Völkerstämme in Vorderindien (Zeitschrift für Ethnologie, XXVI, 1894, стр. 70).

² Jagor, тамъ-же, стр. 80.

³ W. Crooke, The popular religion and folk-lore of Northern India. T. II. Westminster. 1896, стр. 191.

⁴ The Indian Antiquary XXIV, стр. 296.

⁵ Тамъ-же.

⁶ Цитаты у Самтера, тамъ-же, стр. 199.

⁷ Karl Simrock, Deutsche Mythologie. Bonn. 1874, стр. 154.

связалась свадьба, — а въ спину свахи бросаютъ, при выходѣ ея изъ двери, осметкомъ, т. е. изношеннымъ лаптемъ, который для этого случая нарочно готовится ¹.—Сообщеніе это относится къ началу 50-хъ годовъ XIX-го столѣтія. Село Рыкова Слобода отстоитъ въ 8-ми верстахъ отъ Рязани и населено казенными крестьянами, вѣроятно бывшими однодворцами, т. е. потомками военно-служилыхъ людей. Среди послѣднихъ было вообще не мало выходцевъ изъ за западнаго рубежа, плѣнныхъ и разныхъ иноземцевъ (особенно въ „драгунскихъ службахъ“). Черезъ посредство этихъ послѣднихъ сюда могли легко проникнуть и нѣкоторые западно-европейскіе обычаи. А такъ какъ отмѣченный обычай бросать свахѣ въ спину старый лапоть является у русскихъ чѣмъ-то единственнымъ и исключительнымъ, то можно было бы думать о случайномъ занесеніи столь распространеннаго въ Западной Европѣ обычая. Однако, и въ Казанской губерніи также отмѣченъ русскій свадебный обрядъ со старыми лаптями, хотя и отличный отъ рязанскаго (см. ниже 2).

Мы не упоминаемъ здѣсь о весьма широко распространенномъ у русскихъ свадебномъ обычаѣ, по которому женихъ даритъ невестѣ лапти (какъ это было въ старину) или же башмаки, коты (что обычно теперь); этотъ обычай не имѣетъ ничего общаго съ рассматриваемыми нами обрядами уже по одному тому, что тутъ дарится *новая* обувь. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ простымъ подаркомъ, лишеннымъ мифологическаго значенія.

2. Другой случай употребленія изношенныхъ лаптей въ русскихъ *свадебныхъ* обрядахъ отмѣченъ въ с. Косяковѣ Свіязскаго уѣзда Казанской губерніи, но только въ исключительномъ случаѣ, а именно— при бракосочетаніи вдовца. „Когда вѣнчается вдовецъ, тогда мальчики и взрослые парни приходятъ къ церкви съ охапками изношенныхъ лаптей и, лишь только изъ церкви появляется новобрачный, закидываютъ его гнилыми лаптями. Бомбардировка лаптями продолжается до входа новобрачнаго вдовца въ его домъ или выѣзда за полевые ворота села. Дѣлается все это въ полной увѣренности, что безъ такой бомбардировки бракъ вдовца будетъ несчастливъ“ ².—Такимъ образомъ, и здѣсь бросаніе лаптей въ новобрачнаго предвѣщаетъ ему благополучіе.

3. Чтобы покончить съ обрядами, въ конхъ старые лапти *кидаются*, упомянемъ еще о *чувашикомъ* обычаѣ. У чувашъ Казанской губерніи „старые лапти кидаются въ догонку уѣзжающему изъ деревни начальству: волостному писарю, становому приставу и судебному слѣдователю“ ³. Нужно думать, что этимъ выражается пожеланіе уѣз-

¹ Архивъ Географ. Общ. XXXIII, 24.

² Сѣверн. Вѣстникъ, 1888, № № 5, с. 93 (изъ Волжскаго Вѣстника, 1888, № 61).

³ В. Магнитскій. Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры, 183.

жающимъ „скатертью дороги“, счастливаго пути; предполагать противоположное нельзя уже по одному тому, что случившаяся съ начальствомъ при отъздѣ изъ данной деревни непріятность легко могла повлечь за собою непріятности и для жителей этой деревни.—У казанскихъ же чувашъ существуетъ еще обычай „вышитъ старыя лапти на сучья березъ по почтовымъ трактамъ“¹; здѣсь, повидимому, выражается пожеланіе счастливаго пути всякому путнику безразлично.

Всѣ прочіе русскіе обряды со старою обувью не имѣютъ ничего общаго со свадьбою, а большею частью и вообще не связаны съ какимъ-либо опредѣленнымъ моментомъ времени. Почти во всѣхъ ихъ старая обувь является оберегомъ отъ злого глаза и только въ одномъ случаѣ (10) предохраняетъ куръ въ курятникѣ отъ шалостей домового. Распространены эти обряды главнымъ образомъ на востокъ Европейской Россіи, на Вяткѣ и въ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, въ Тамбовской губерніи, Владимірской, но встрѣчаются также и на западѣ, напр. въ Смоленской губерніи.

Изъ семи извѣстныхъ намъ свидѣтельствъ о русскихъ обрядахъ даннаго рода три относятся къ Вятской губерніи. На нихъ мы прежде всего и остановимся.

4. Согласно сообщенію 1848 г. изъ Нолинскаго уѣзда Вятской губерніи, мѣстные крестьяне, „изношенные лапти въ большомъ количествѣ привѣшиваютъ подъ клюками (т. е., подъ жердями съ крючьями, поддерживающими стропила крыши и водосточные желобья) у крышъ скотныхъ дворовъ на лицевую сторону — для того, чтобы скотина всякая велась“².

5. Изъ Котельничскаго уѣзда той-же губерніи въ 1850-мъ году сообщено мѣстное повѣрье: „если у хозяина навѣшено около (скотнаго) двора много отопковъ, т. е. старыхъ лаптей, (навѣшиваютъ ихъ до воза и болѣе), то и скота много будетъ; если же лапти эти, отгнивъ, отпадутъ, и скоть пройдетъ около ихъ, то бываетъ тяжело и ему“³.

6. Тотъ же самый обычай извѣстенъ мнѣ лично по впечатлѣніямъ дѣтства. На моей родинѣ, въ селѣ Люкѣ, Сарацульскаго уѣзда Вятской губерніи, въ 90-хъ годахъ XIX-го вѣка, можно было видѣть у нѣкоторыхъ крестьянъ груды „отопковъ“, т. е. изношенныхъ лаптей, висѣвшія около скотнаго двора. Крестьянскіе дома въ данной мѣстности большею частью смотрятъ на улицу конькомъ и двумя-тремя окнами избы. Въ одну линію съ выходящей на улицу стѣнной

¹ Тамъ же, с. 183.

² Архивъ Географ. Общ. X, 14, рукопись свящ. А. Войтинева „Этнографическіе матеріалы изъ села Курчумскаго“.

³ Архивъ Географ. Общ. X, 28; рукопись свящ. М. Спасскаго „О жителяхъ Тороповскаго прихода, играничныхъ съ вологодскими“.

фронтон тянется заборъ, въ которомъ по одну сторону избы находятся ворота, черезъ которые входятъ во дворъ и потомъ въ избу, а по другую сторону избы—дверцы для скота, ведущія на скотный дворъ. Изъ сѣней дома на тотъ же самый скотный дворъ выдается родъ висячаго балкончика съ перилами, большей частью некрытаго и одновременно служащаго также отхожимъ мѣстомъ. На перилахъ этого самаго балкончика обычно и навѣшивались старые лапти, привязанные своими „оборами“ (веревками) такъ, чтобы они смотрѣли на скотный дворъ. А такъ какъ дома здѣсь строятся на высокихъ срубкахъ („подпольяхъ“), то этотъ балкончикъ, полъ котораго лежитъ всегда на одномъ уровнѣ съ поломъ избы, виденъ бываетъ и съ улицы; видны вмѣстѣ съ тѣмъ и висящіе на немъ старые лапти,— въ тѣхъ, разумѣется, случаяхъ, когда скотный дворъ не закрытъ.

Груды старыхъ лаптей здѣсь вѣшаютъ на описанномъ мѣстѣ для того, чтобы велась скотина: ее никто тогда не „изурочить“ или не „сглазить“. Иными словами: старые лапти и здѣсь служатъ оберегомъ отъ злого глаза.

7. Съ аналогичнымъ обычаемъ мнѣ пришлось столкнуться въ 1904-мъ году въ Усень-Ивановскомъ заводѣ Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи. Только здѣсь старые лапти вѣшаютъ не на скотномъ дворѣ, а при входѣ въ домъ, у крыльца. Посѣтителю, при входѣ съ улицы въ ворота дома, прежде всего бросается въ глаза именно эта связка изношенныхъ лаптей, висящая на перилахъ крылечка или же на выдавшемся концѣ бревна сѣнной стѣны. Лаптей здѣсь вѣшаютъ по количеству меньше, чѣмъ въ Вятской губерніи, но и носить ихъ также рѣже.

Мѣстные крестьяне объясняли мнѣ, что они привѣшиваютъ лапти для предохраненія отъ злого глаза всего того, что находится во дворѣ и въ домѣ: „ярость-та чтобы на лаптяхъ осталась“¹.

8. Въ селѣ Матчерка, Моршанскаго уѣзда Тамбовской губерніи, „во многихъ дворахъ при входѣ въ ворота бросается въ глаза связка (отъ 50-ти до 100 штукъ) „асметковъ“, т. е. изношенныхъ лаптей, привѣшенная или къ столбу, поддерживающему навѣсъ надъ воротами, или около крыльца; это „ать лихова глаза: кадѣ лихой чплавѣкъ взглянитъ на нихъ и пидивится, тада ушѣ онѣ ничаво у миня ны дварѣ ни сможитъ сглазить“².

9. Священникъ села Рупосова, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губерніи, въ 1852-мъ году писалъ слѣдующее: „По многимъ домамъ моего прихода, едва ли и не въ каждомъ, при входѣ въ домъ, глазъ невольно встрѣтится съ старыми лаптями, которыхъ у богача не поды-

¹ Срв. мою статью „Черты быта Усень-Ивановскихъ старовѣровъ“ (Извѣстія Общ. Археологій, Исторіи и Этнографіи, XXI, 1905, № 3, стр. 233).

² Архивъ Географ. Общ. XL, 31: рукопись свящ. Стандровскаго 1854 года.

мешь и на возъ... На вопросъ мой, для чего у нихъ на дворѣ висятъ старые лапти, мужикъ, служащій при Волостномъ Правленіи полицейскимъ, отвѣчалъ: „А это вотъ, батюшка, для чего: вишь ты, какъ взойдешь на дворъ, да видя такіе лапти уже и подумаешь о нихъ да подивишься, къ чему они висятъ? Стало быть, уже старики баяли ¹ такъ: съ перваго раза *глазъ и сломишь* надъ лаптями, тогда уже не сглазишь на дворѣ ни скотины, ни въ нѣбу пришедши — сидящихъ за работою бабъ, либо вотъ когда бываетъ молодежь — ягняты и теляты, никогда ихъ никто не сглазитъ“. — Да, да, вотъ къ дѣлу зашла рѣчь, — подхватилъ тутъ земскій волостной писарь: — я видѣлъ тожь однажды у одного огородника: пріѣхалъ я къ нему на огородъ, а у него вокругъ огорода на каждомъ почти колу виситъ по старому лаптю. Я спросилъ у него: скажи, братъ старикъ, для чего это ты навѣсилъ столько лаптей на колья? аль чтобы воронья или какая птица не садилась? — „Нѣтъ, братъ добрый человекъ; а вотъ для чего. Ты вотъ пришелъ къ огороду, да и дивишься лаптямъ; считаешь только ихъ, а на огородъ мой и не смотришь. Коли бы не эти лапти, у меня бы такой капусты не было!“ — А у него такая была капуста, что рѣдко гдѣ было въ томъ году отыскать. — „И всякой такъ придетъ, да сперва глядитъ на лапти, да дивится имъ, а на капусту не глядитъ и не дивится; а то бѣ давно ея не было: либо червь бы съѣлъ ее, либо какая мошка навалилась бы, и кочаньевъ-то не было бы, а то видишь, какіе кочанья!“ ².

10. Въ Вязниковскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, видя на головѣ у куръ выщипанныя перья, заключаютъ, что куръ не взлюбилъ *домовой*; для устраненія этихъ непріязненныхъ отношеній къ курамъ домового, „въ курятникѣ подвѣшиваютъ кремнисто-бугроватый камень или глиняный рукомоиникъ съ отбитымъ на половину дномъ, или, наконецъ, перебрасываютъ черезъ пашеть, на коемъ сидятъ куры, на веревкѣ истоптанный лапоть“ ³. — Здѣсь характерно, что лапоть предназначается для умилостивленія „домового“, связь коего съ культомъ предковъ вѣ сомнѣніи. Истоптанный лапоть здѣсь равнозначущъ съ „куринымъ богомъ“, который въ простѣйшемъ видѣ представляетъ собою камень съ естественною скважиною ⁴; въ немъ мы склонны видѣть каменное орудіе, предназначенное для предковъ.

11. У финской народности пермяковъ отмѣченъ весьма интересный для насъ обычай, имѣющій много общаго съ описанными выше рус-

¹ Говорили.

² Вѣстникъ И. Р. Географич. Общества, часть VII, 1853, смѣсь, стр. 40 — 41. — Село Рупосово, повидимому, великорусское, а не бѣлорусское.

³ Архивъ Географ. Общ. VI, 53, рукопись Н. Добрынкина; срв. Труды Владим. Губ. Статист. Комитета, VII, 1868, с. 67.

⁴ Нѣкоторыя данныя о „куриномъ богѣ“ сгруппированы въ моей статьѣ „Троещипляница“ (Памятн. Книжка Вятск. губ. на 1906 г., с. 40 и 237).

скими обрядами. А именно: въ Великій четвергъ хозяйка дома „вѣситъ на передній уголъ дома голикъ и худой лапотъ для защиты цыплятъ отъ коршуна и другихъ хищныхъ птицъ въ продолженіе лѣта“¹.

12. Еще изъ финской обрядности мы приведемъ одинъ вотяцкій поминальный обрядъ, который особенно для насъ интересенъ: „По окончаніи поминокъ² начинаются *проводы* покойниковъ, совершаемые слѣдующимъ образомъ. Берутъ *старый лапотъ*, въ который кладутся перья, пухъ и уголь съ огнемъ. Этотъ лапотъ уносятъ за околицу одинъ изъ мужчинъ. Унося его, онъ дуетъ на уголь, произнося слѣдующую молитву: „Старики, ѣшьте, пейте, да *уходите отсюда*; кто намъ завистникъ, того съ собой уведите; враговъ нашихъ, колдуновъ, съ собой уведите“³.

13. Съ этимъ вотяцкимъ обрядомъ поминокъ можно сопоставить одинъ чувашскій поминальный же обрядъ. У чувашъ Казанской губерніи весеннія поминки по усопшимъ совершаются въ Великій четвергъ (такъ называемый „день выхода мертвыхъ“: *виль тухны кун*) или же въ среду и субботу той же страстной недѣли, иногда—на второй день Пасхи: въ это время, по чувашскимъ повѣрьямъ, покойники отнускаются изъ могилъ на волю. Кое-гдѣ при этихъ поминкахъ происходитъ обрядовое сожженіе старыхъ лаптей: съ пивомъ, блинами и крашеными яйцами вся деревня выходитъ въ поле, гдѣ раскладывается костеръ изъ изношенныхъ лаптей, нарочно для того берегаемыхъ и просушиваемыхъ втеченіе недѣли; черезъ этотъ костеръ собравшіеся перепрыгиваютъ до трехъ разъ, а, уходя домой, приглашаютъ къ себѣ покойниковъ словами: „приходите, дѣдушки, бабушки, дѣтушки!.. для васъ сварены яйца, напечены блины“. Костеръ изъ старыхъ лаптей иногда разводится въ полдень, на берегу рѣчки около деревни или же за рѣчкой; кое-гдѣ лапти сжигаютъ, передъ началомъ поминокъ, въ банѣ⁴. Наконецъ, иногда вмѣсто старыхъ лаптей сжигаютъ „кожуру съ лыкъ“⁵.—На основаніи этого послѣдняго обстоятельства можно было бы думать о связи даннаго обряда съ культомъ деревьевъ и вообще растительности⁶; но замѣчательно,

¹ Роговъ, Матеріалы для описанія быта пермяковъ (Пермскій Сборникъ вып. II. М. 1860, отд. 2, стр. 28).

² Рѣчь о поминкахъ общихъ, совершаемыхъ въ опредѣленное время года, а не послѣ смерти кого-либо одного.

³ П. М. Богаевскій, Очерки религіозныхъ представленій вотяковъ (Этнографич. Обзорѣніе, VII, 1890, № 4, стр. 56). Курсивъ вездѣ нашъ.

⁴ В. Магнитскій. Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры, 183—184.

⁵ Тамъ же, с. 183.

⁶ Срв. съ этимъ голикъ (старый вѣнникъ), который иногда замѣняетъ старый лапотъ въ обрядѣ пермяковъ; срв. вѣнники, коими хлещутъ мальчики тещу въ Череповскомъ уѣздѣ (Этнограф. Обзор. 1894, № 1, с. 123).

что человѣка, обувшагося на Пасхѣ (т. е. во время этихъ самыхъ поминокъ) въ *старые* лапти, чуваша называютъ „колдуномъ, наговорщикомъ“ (*тогатъмиш*)¹.—Больше оснований думать, что сожженіе лаптей—жертва умершимъ, которые, конечно, могутъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что въ честь ихъ сожжено.

Мы не останавливаемся на обычаяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ интересующею насъ группою обрядовъ. Напр., въ Казанской губерніи, при задержаніи у роженицы послѣда, привязываютъ къ ея пуповинѣ мужнинъ лапотъ и водятъ ее по избѣ². Думаемъ, что въ данномъ случаѣ прежде брался вообще какой-нибудь легкій предметъ, который однако же производилъ бы извѣстное надавливаніе и притомъ былъ бы удобенъ для привязыванья; лапотъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ; потомъ, по аналогіи съ другими предметами, употребляемыми при родахъ, стали брать именно мужнинъ лапотъ.—У Удиновъ Нухинскаго уѣзда, для ускоренія родовъ, даютъ роженицѣ пить, между прочимъ, воду изъ лантя³; этимъ, думаемъ мы, просто-напросто хотятъ вызвать отвращеніе и позывъ къ рвотѣ.

Разсматривая приведенныя нами выше свидѣтельства о русскихъ и финскихъ обрядахъ со старою обувью, мы прежде всего замѣчаемъ, что въ 6-ти изъ нихъ старые лапти одинаково служатъ оберегомъ отъ злого глаза; чаще всего они предохраняютъ отъ злого глаза скоть, почему и вывѣшиваются на скотномъ дворѣ (№№ 4, 5 и 6; срв. 10); нѣсколько рѣже предохраняютъ они всѣхъ обитателей дома (7 и 9), изъ числа коихъ, конечно, не исключается и домашній скоть; еще рѣже (9)—огородныя овощи. По пермяцкому повѣрью (11), „худой лапотъ“ предохраняетъ домашнюю птицу и притомъ не отъ злого глаза, а отъ хищныхъ птицъ. Но тутъ существенной разницы можетъ и не быть: злой глазъ вредитъ скотинѣ не самъ по себѣ, а насылая на нее разныя бѣдствія; чаще всего, правда, такими бѣдствіями являются болѣзни, но и похищеніе домашней птицы коршуномъ весьма легко можетъ быть въ числѣ такихъ же бѣдствій. Однако, во Владимірской губерніи (10) старый лапотъ предохраняетъ куръ отъ злого домового, что связать съ повѣрьями о зломъ глазѣ врядъ ли возможно.

Нѣчто особенное представляетъ собою котельническое (3) повѣрье о томъ, что если вывѣшенныя на скотномъ дворѣ лапти, „отгнивъ, отпадутъ, и скоть пройдетъ мимо ихъ, то бываетъ тяжело и ему“. Мы склонны думать, что это послѣднее повѣрье возникло, такъ сказать, на почвѣ опыта: въ данной мѣстности навѣшиваютъ лаптей

¹ В. Магнитскій, тамъ же, с. 183.

² Аршиновъ, О народномъ лѣченіи въ Казанской губ. (Изв. Общ. Археологій, Исторіи и Этнографіи, LXI, прилож., стр. 12).

³ М. Бежановъ, Краткія свѣдѣнія о с. Варташенѣ и его жителяхъ (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа, XIV, 1892, отд. 1, стр. 244—5).

„до воза и болѣе“; если такая громада упадетъ на лежащую корову,— не говоря уже о мелкомъ скотѣ, — то скотинѣ, конечно, не поздоровится. Случаи такого рода, предполагаемъ мы, и дали поводъ къ появленію этого новаго повѣрья.

Русскіе обряды, какъ мы уже замѣчали, не связаны съ опредѣленнымъ временемъ. Сколько намъ извѣстно, навѣшанные лапти никогда не убираются; навѣшиваютъ же ихъ по мѣрѣ накопленія: износятся лапти, и ихъ кладутъ вмѣстѣ съ другими. Но у финновъ и у чувашъ (13) еще сохранилась связь этихъ обрядовъ съ опредѣленнымъ моментомъ; въ вотяцкомъ обрядѣ (12) связь эта очень ясна: обрядъ совершается при окончаніи поминокъ; старый лапотъ здѣсь является безспорною жертвою умершимъ предкамъ и предназначается служить имъ обувью при уходѣ съ поминокъ обратно въ загробный міръ.

Въ пермяцкомъ обычаѣ (11) не трудно усмотрѣть связь съ тѣми же поминальными обрядами. Великій четвергъ, когда пермяки вѣшаютъ на переднюю часть дома старыи лапотъ,—день всеобщаго поминовенія умершихъ предковъ; предполагается, что въ этотъ день умершіе предки приходятъ въ жилища своихъ потомковъ ¹⁾.

Мы не упомянули здѣсь о рязанскомъ и казанскомъ свадебныхъ обрядахъ (№ 1 и 2), объ особенностяхъ конхъ была рѣчь выше; здѣсь все иначе: и время совершенія обряда—на свадьбѣ, и наличность *бросанія* лаптя, тогда какъ во всѣхъ прочихъ русскихъ обрядахъ лапти просто *выставляются* на видное мѣсто. Эти свадебные обряды, равно

¹ По свидѣтельству Стоглава (41-я глава, вопр. 26), въ этотъ день „порану солому палать и кличють мертвыхъ“. По словамъ древнерусскаго поученія домонгольской эпохи, въ этотъ день предлагаютъ мертвымъ разную пищу и томятъ для нихъ баню; посреди банъ насыпаютъ пепель, и если потомъ замѣчаютъ на этомъ пеплѣ слѣды, того говорятъ: „приходили къ намъ навья (т.е. покойники) мыться“ (Жив. Стар. IV, 1891, стр. 229, замѣтка А. И. Соболевскаго). Этотъ древнерусскій обычай сохранился въ с. Копально, Пермскаго уѣзда и губерніи, гдѣ томятъ баню для умершихъ наканунѣ родительскаго дня во вторникъ Оомной недѣли; въ натопленную баню уносятъ вѣнникъ, мыло и бѣлье, но сами не моются: грѣшно, да и можно встрѣтиться съ покойникомъ, да и банникъ напугаетъ; на другой день здѣсь тѣхъ же умершихъ угощаютъ обѣдомъ въ запертой комнатѣ (Архивъ Географ. Общ. XXIХ, 77, рукопись Ф. Дягилева, 1889 г.). Таковы русскія повѣрья; но финская мнѣологія тѣснѣйшимъ образомъ переплетена съ русскою. Какъ и у русскихъ, у финновъ поминки съ В. четверга перенесены теперь на Радуницу (Пермск. Сборн. II, 29 и 125; Б. Гавриловъ, Произведенія нар. слов. обр. и пов. вотяковъ, 185). У сибирскихъ чувашъ въ концѣ XVIII-го вѣка поминки умершихъ въ четвергъ Страстной недѣли были еще обычными. (К. Мильковичъ, О чувашахъ. Казань, 1888, стр. 19). Уржумскіе черемисы продолжаютъ и теперь поминать покойниковъ въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, причемъ это въ этотъ извѣстенъ у нихъ подъ именемъ „щелочнаго дня“ (койкече), потому что въ этотъ день покойники приходятъ мыться въ баню (Архивъ Географ. Общ. X, Милютинъ)—повѣрье, совершенно тожественное съ описаннымъ выше древнерусскимъ.

какъ и первый чувашскій обычай (3) вполне почти тождественны съ описанными выше западно-европейскими обрядами, и въ особыхъ комментаріяхъ не нуждаются.

Переходя теперь къ объясненію изложенныхъ выше русскихъ обрядовъ со старою обувью, мы прежде всего приведемъ тѣ толкованія, которыя уже даны въ этнографической литературѣ аналогичнымъ обычаямъ западно-европейскихъ народовъ, индійцевъ и турокъ.

Старымъ авторамъ были извѣстны главнымъ образомъ *свадебные* обряды интересующаго насъ цикла, и въ своихъ объясненіяхъ они исходили именно изъ свадебныхъ обрядовъ. Макъ Леннанъ видѣлъ въ свадебномъ бросаніи башмаковъ пережитокъ древняго брака черезъ похищеніе ¹. Либрехтъ усматривалъ въ томъ же обрядѣ афродизическій символъ ²; всѣ не-свадебные обряды со старою обувью онъ считаетъ производными отъ соотвѣтствующихъ свадебныхъ обычаевъ. Пердризетъ и Гучинсонъ объясняютъ свадебный обычай бросанія обуви, какъ знакъ выхода невесты изъ-подъ отеческой власти, и въ качествѣ аналогіи указываютъ на древній еврейскій обычай, описанный въ книгѣ „Руѣ“: „прежде такой былъ обычай у Израиля при выкупѣ и при мѣнѣ, для подтвержденія какого-либо дѣла: одинъ снималъ сапогъ свой и давалъ другому, и это было свидѣтельствомъ у Израиля“ ³.

Всѣ эти однобокія объясненія разобраны и признаны несостоятельными у Захаріе ⁴ и у Самтера ⁵. Для толкованія русскихъ обрядовъ они во всякомъ случаѣ не примѣнимы; даже и рязанскій свадебный обрядъ не можетъ быть совсѣмъ понятенъ съ точки зрѣнія М. Леннана, Либрехта или Гучинсона: здѣсь старую обувь бросаютъ не въ невесту, а въ сваху.

Захаріе высказалъ предположеніе, согласно которому башмаки служатъ оберегомъ отъ злыхъ духовъ потому, что духи боятся кожи ⁶. И это сомнительное объясненіе совершенно не примѣнимо къ русскимъ обрядамъ, въ которыхъ кожаная обувь никогда не употребляется, а употребляются только лапти, плетеные изъ древесной (и именно липовой) коры.

Гольдманъ видѣлъ въ обрядѣ бросанія башмаковъ путевую чару (*Reisezauber*), при которой присущая человѣческой ногѣ предохранительная сила переносится на башмаки ⁷. Изъ нашихъ обрядовъ такое толкованіе примѣнимо только къ рязанскому свадебному обряду (1), а также къ первому чувашскому (3).

¹ Лэбокъ, Начало цивилизаціи, и первобытн. сост. чловѣка. Спб. 1871, с. 69.

² F. Liebrecht, Zur Volkskunde, 492.

³ Руѣ, IV, 7. Другія цитаты см. у Samter'a, Geburt, Hochzeit und Tod, 197.

⁴ Zachariae, тамъ же, стр. 136—137.

⁵ Samter, тамъ же, стр. 197—198, 200.

⁶ Zachariae, тамъ же, стр. 138, прим.

⁷ Goldmann, Beiträge zur Geschichte der germanischen Freilassung, стр. 20 (Untersuchungen zur Deutschen Staats- und Rechtsgeschichte, herausg. von Otto Gierke,

Шире смотрять на дѣло Сартори, толкованіе коего принимаетъ и развиваетъ Захаріе, и особенно Самтеръ, которому принадлежитъ наиболѣе удовлетворительное объясненіе интересующихъ насъ обрядовъ. По Сартори, бросаніе башмаковъ служить символомъ счастья и благословенія; въ частности, на свадьбѣ оно означаетъ будущую плодовитость брака¹; но на чемъ основано это символическое значеніе башмаковъ, Сартори не объясняетъ. Вопросъ этотъ пытается уяснить Захаріе, который видитъ въ бросаніи башмаковъ чару, предохраняющую отъ злого глаза и т. п. и вмѣстѣ приносящую счастье и благополучіе². Вопросъ о происхожденіи такой чары остается однако же мало выясненнымъ.—Это объясненіе Сартори-Захаріе можно примѣнить и къ русскимъ обрядамъ, если предполагать, что существовавшіе прежде обряды бросанія старой обуви вымерли и сохранилось только общее значеніе обуви, какъ оберега.

Однако, лучше всего подходитъ къ русскимъ обрядамъ объясненіе Самтера, особенно съ нѣкоторыми поправками. Самтеръ объясняетъ обряды со старою обувью, какъ жертвоприношеніе умершимъ предкамъ. У него впервые подчеркивается съ нужнымъ вниманіемъ то обстоятельство, почему въ данныхъ обрядахъ употребляется *старая* обувь, а не новая.

Самтеръ прежде всего приводитъ рядъ свидѣтельствъ въ доказательство того, что предметы обуви, равно какъ и разныя другія принадлежности одежды, дѣйствительно употребляются въ качествѣ жертвенныхъ приношеній. Старая, ношенная³ обувь приносится потому, что она легко можетъ быть рассматриваема, какъ часть самаго чловѣка, приносящаго эту жертву; приношеніе въ жертву духамъ, особенно же умершимъ, какой-нибудь частицы своего тѣла (волосъ, крови) или своего имущества очень обычно и имѣетъ цѣлью удовлетворить эту частицею духовъ, чтобы предохранить все остальное.

Рядомъ съ этимъ, первымъ и главнымъ, мотивомъ къ жертвоприношенію старой обуви могъ быть и другой, содѣйствующій мотивъ. Весьма широко распространенъ у разныхъ народовъ обычай полагать въ гробы умершихъ обувь⁴. Последняя, естественно, предназначалась для перехода покойниковъ въ потусторонній міръ. Приносить въ жертву умершимъ обувь послѣ того, какъ переходъ этотъ уже совер-

70 Heft). Послѣ Гольдманомъ было высказано новое мнѣніе, о которомъ мы упомянемъ ниже.

¹ Sartori, тамъ же, стр. 153.

² Zachariae, тамъ же, стр. 137—138

³ Какъ на второстепенную причину этого предпочтенія *старой* обуви Самтеръ указываетъ на то обстоятельство, что въ чародѣйствѣ вообще предпочитаютъ древнія вещи, полученныя въ наслѣдство (стр. 206, прим. 1).

⁴ Къ приведеннымъ у Самтера многочисленнымъ фактамъ этого рода стоило бы прибавить современные обычаи финскихъ народовъ: черемисы въ

шился, было, по словам Самтера, не логично; но религиозные обряды развиваются далеко не всегда по законам логики. Можно думать о такой связи: такъ какъ башмаки издавна полагались въ гробы мертвыхъ, то естественно, что на нихъ стали смотрѣть, какъ на особенно пріятный мертвымъ даръ, почему и избирали ихъ предпочтительнымъ предметомъ свадебнаго жертвеннаго приношенія; большая часть свадебныхъ обрядовъ прежде всего имѣетъ въ виду умершихъ предковъ¹.

Наконецъ, Самтеръ допускаетъ возможность и еще одного второстепеннаго мотива, выставленнаго Гольдманомъ. По новѣйшему мнѣнію Гольдмана, бросаніе башмаковъ есть обрядъ путевой чары, служащей знакомъ подчиненія, принятія во владѣніе; являясь жертвою добрымъ духамъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ желаніе подчинить себѣ волю злыхъ духовъ².

Описанные нами выше русскіе обряды со старою обувью могутъ служить лишнимъ доказательствомъ въ пользу того, что предложенное Самтеромъ объясненіе подобныхъ обрядовъ, какъ жертвоприношенія умершимъ, справедливо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи русскихъ и финскихъ обрядовъ не трудно внести въ объясненія Самтера нѣкоторыя поправки и дополненія.

Вопреки Самтеру, ничего „не логичнаго“ въ томъ, что умершимъ приносится обувь долго спустя послѣ перехода ихъ въ потусторонній міръ, нѣтъ. Во время поминокъ, а вѣроятно и въ другое время, умершіе предки посѣщаютъ жилище своихъ потомковъ. Для ихъ возвращенія въ обратный путь (№ 12; срв. 13), а также и для удобства ихъ при осмотрѣ скотнаго двора, всегда грязнаго, имъ нужна обувь, которая имъ и предлагается въ разсмотрѣнныхъ нами обрядахъ. Въ пермяцкомъ обрядѣ (11) еще и теперь старая обувь выставляется на видное и почетное мѣсто дома (передній уголъ) въ день поминокъ, когда именно умершіе предки и приходятъ въ домъ, хотя связь обряда съ культомъ предковъ уже совершенно забыта. Можно предполагать, что и русскіе нѣкогда вывѣшивали обувь также въ дни поминокъ.

Для путешествія и вообще для удобнаго хожденія годится не всякая обувь; нужна обувь по ногѣ, которая бы не давила, не терла и т. п. Особенно это важно для стариковъ. Если теперь умершимъ предкамъ предложить новые лапти, то они, пожалуй, окажутся не по

гробъ покойника-мужчины кладутъ, между прочимъ, и начатый плетениемъ, но неоконченный лапоть съ кочедыкомъ, т. е. съ особымъ шиломъ для плетения (С. Кузнецовъ, Культъ умершихъ и загробн. вѣров. луговыхъ черемисъ: Этнограф. Обзор. 1904, № 1, стр. 81). То же дѣлаютъ и чувашы (Ө. Виноградовъ, Слѣды язычества въ дом. обих. чувашъ, 16; Леопольдовъ, Статистич. опис. Саратов. губ. 43).

¹ Samter, тамъ же, стр. 206—208.

² Mitteilungen des Instituts für österreich. Geschichtsforschung, XXX, стр. 332 и слѣд.; Samter, тамъ же, стр. 210.

ногѣ старикамъ или вообще не понравятся имъ почему-либо. Какъ удовлетворить вкусу стариковъ въ данномъ случаѣ, вкусу, часто столь прихотливому?—Проще всего, конечно, предложить имъ ту самую обувь, въ которой они сами ходили при жизни, или, по крайней мѣрѣ, вообще старую обувь, разношенную и обношенную, которая легко надѣнется на ногу и не станетъ давить ее; въ крайнемъ случаѣ желательна обувь, которую умершіе старики видѣли въ свое время, а то они еще, пожалуй, ея и не узнаютъ. Правда, эта старая обувь еле держится на ногахъ; но для мертвыхъ она годится: у нихъ все не совсѣмъ по-нашему.

Подъ вліяніемъ такихъ разсужденій, думаемъ мы, для умершихъ предковъ стали вывѣшивать именно старую, изношенную, казалось бы ни на что негодную обувь. Нечего и говорить о томъ, что при этомъ всегда удерживается тотъ именно типъ обуви, который носили предки: предложи имъ новый, модный, типъ, и они, конечно, не узнаютъ его, осердятся, ходя босыми, и навредятъ. Потому-то, конечно, у русскихъ и у финновъ кожаная обувь въ интересующихъ насъ обрядахъ совершенно не употребляется: въ старину всѣ носили лапти, а не кожаные сапоги.

Домашній скотъ находится подъ особливимъ покровительствомъ умершихъ предковъ. Не даромъ же „домовой“,—олицетвореніе умершаго предка, оставшагося „дома“, а не ушедшаго въ дальній міръ,—ближе всего стоитъ именно къ скоту. Если же старые лапти предназначаются для прихода умершихъ предковъ съ того свѣта, то въ лицѣ ихъ домашній скотъ получаетъ новыхъ покровителей; для него, такимъ образомъ, есть всѣ данныя хорошо вестись. И это тѣмъ болѣе, что, при обиліи знакомой и удобной обуви, пришедшіе посѣтить родной домъ умершіе предки, конечно, не полѣнятся обойти всѣ скотныя хлѣвы, конюшни и закуртки, какъ бы въ нихъ ни было грязно.

Но конечно, покровительство умершихъ предковъ простирается и на другія стороны домашняго обихода. Если, въ частности, умершій предокъ отправится вмѣстѣ съ живымъ своимъ потомкомъ куда-либо въ путь, то отъ такого желательнаго спутника можно ожидать только помощи и успѣха. Но какимъ способомъ можно вызвать загробнаго гостя на такое совмѣстное путешествіе?—Предложить ему для дороги удобную для него обувь.—На такой почвѣ мы склонны объяснять обряды съ бросаніемъ старой обуви въ спину отправляющихся куда-либо.

Восточные народы, по справедливому замѣчанію одного русскаго этнографа, живутъ подъ постояннымъ страхомъ злого глаза¹. На этой почвѣ легко могло возникнуть новое объясненіе жертвенныхъ приношеній старой обуви. Объясненіе это, столь широко распространенное въ Россіи, Индіи и Турціи, легко могло утвердиться чисто раціоналисти-

¹ Н. Ф. Сумцовъ, Культурныя переживанія. Кіевъ. 1890, стр. 233.

ческимъ путемъ: созерцаніе большого количества ни къ чему негодныхъ, некрасивыхъ и грязныхъ отбросовъ, сохраняемыхъ на видномъ или даже на почетномъ мѣстѣ, производитъ на человѣка, особенно новаго, очень сильное впечатлѣніе: посторонняго зрителя оно удивляетъ и поражаетъ своею неожиданностью, въ привычномъ — возбуждаетъ невольную улыбку. Въ томъ и другомъ случаѣ возможность гипнотическаго воздѣйствія со стороны этого зрителя, дѣйствительно, на данный моментъ, исключается или, по крайней мѣрѣ, ослабляется.

Разсмотрѣнный обычай, которому такъ посчастливилось въ западно-европейской этнографической литературѣ, можетъ пролить свѣтъ на исторію другихъ аналогичныхъ народныхъ обычаевъ и прежде всего — такъ называемыхъ „куриныхъ боговъ“. Оберегомъ для куръ служить камень съ природнымъ въ немъ отверстіемъ, иногда замѣняемый ручкою отъ разбитаго кувшина. Во Владимірской губерніи, какъ мы выше видѣли, такой „куриный богъ“ иногда замѣняется изношеннымъ лаптемъ. По аналогіи съ этимъ послѣднимъ, и въ „куриномъ богѣ“ нужно видѣть нѣчто, предназначаемое для пользованія умершихъ предковъ; что именно, — на этотъ вопросъ можно будетъ отвѣтить съ точностью только послѣ детальнаго обследованія формы „куриныхъ боговъ“; теперь же можно лишь предпологать, что это — простѣйшее каменное орудіе, которое нужно умершему предку, вѣроятно, для расправы съ тѣми существами, которыя вредятъ курамъ.

Другой, повидимому также аналогичный разсмотрѣнному обрядъ существуетъ на Вяткѣ въ такомъ видѣ: Въ Великій четвергъ, до восхода солнца, хозяйка дома, пагая, бѣжитъ со старымъ горшкомъ въ рукѣ на огородъ и опрокидываетъ горшокъ на колъ; горшокъ остается опрокинутымъ на колѣ втеченіе всего лѣта — онъ предохраняетъ куръ отъ хищной птицы. Въ такомъ видѣ обрядъ этотъ совершается, по моимъ наблюденіямъ, въ Сарапульскомъ уѣздѣ. В. Магницкій отмѣтилъ его въ Уржумскомъ уѣздѣ той же губерніи¹. Въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ. „старый горшокъ, помѣщаемый на высокомъ мѣстѣ двора, гдѣ находятся курчьи насѣсти“, называется „куричьимъ богомъ“; по мѣстному народному повѣрью, „въ этомъ горшкѣ селится духъ, покровительствующій курамъ“². — Если это опрокидываніе горшка, въ критическій день Новаго года³, на высокой колѣ во дворѣ не есть магическое закрываніе двора отъ хищной птицы (такое предположеніе весьма вѣроятно), — то въ немъ можно будетъ видѣть также жертву предкамъ: не исключена возможность, что горшокъ прежде выносили съ какой-либо пищей.

Дм. Зеленинъ.

¹ В. Магницкій. Повѣрья и обряды въ Уржумскомъ уѣздѣ. Вятка. 1883, с. 16.

² Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. 72, с. 45, ст. В. Волоцкаго.

³ Русскіе обряды Великаго четверга почти не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что это — обряды въ день Новаго года, который, къ тому же, нѣкогда падалъ именно на мартъ мѣсяць.

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи.

Образъ Горя.

I.

Мѣсто повѣсти среди произведеній народной поэзіи.

Вопросъ объ отношеніи Повѣсти о Горѣ-Злочастіи къ русской народной поэзіи пока еще не рѣшенъ въ опредѣленномъ смыслѣ. Первый издатель повѣсти, Н. И. Костомаровъ, колебался въ опредѣленіи ея характера; признавая, что по формѣ она принадлежитъ къ разряду былинъ, Костомаровъ не счелъ возможнымъ всецѣло причислить ее къ этому разряду; по выраженію Костомарова, „и философскій тонъ, и стройное изложеніе показываютъ въ ней не чисто народное, а сочиненное произведеніе“. То же колебаніе замѣтно у всѣхъ изслѣдователей, касавшихся повѣсти. Последній издатель ея, г. Сиповскій, видитъ въ народныхъ произведеніяхъ, группирующихся около повѣсти, „элементы, изъ которыхъ она сложилась“; но обращаясь къ пѣснямъ о Горѣ, ближайшимъ по содержанію къ повѣсти, г. Сиповскій признаетъ, что эти пѣсни въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сокращаютъ текстъ повѣсти¹, изъ чего прямо слѣдуетъ выводъ, что онѣ восходятъ къ ней и не могли служить ея элементами.

Чтобы выяснитъ отношеніе повѣсти къ устнымъ произведеніямъ, необходимо прежде всего опредѣлить составные элементы повѣсти. Содержаніе ея сводится къ слѣдующимъ чертамъ:

- 1) Грѣхопаденіе Адама.
- 2) Наставленія родителей молодцу.
- 3) Ограбленіе молодца другомъ въ кабацкѣ и уходъ на чужую сторону.
- 4) Молодецъ на пиру.
- 5) Наставленія добрыхъ людей.

¹ Вводная статья Костомарова перепечатана при изданіи П. Симони: Памятники стариннаго русскаго языка и словесности, вып. VII, 1, Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, стр. 5. Вводная ст. В. В. Сиповскаго—въ его изданіи: Русскія повѣсти XVII—XVIII в.в. Спб. 1905. Стр. XXXVI—XXXVII.

- 6) Наживаніе богатства.
- 7) Намѣреніе жениться.
- 8) Горе подслушиваетъ похвальбу молодца.
- 9) Совѣтъ Горя отказать невѣстѣ и идти въ кабакъ.
- 10) Второй совѣтъ Горя, явившагося въ видѣ Архангела Гавріила.
- 11) Второе пьянство молодца и второй уходъ на чужую сторону.
- 12) Рѣка на дорогѣ.
- 13) Намѣреніе молодца утопиться.
- 14) Горе мѣшаетъ этому намѣренію и заставляетъ молодца поклониться ему до земли.
- 15) Перевозчики перевозятъ молодца за его хорошую напѣвочку.
- 16) Добрые люди, крестьяне, совѣтуютъ молодцу идти на родину и просить прощенія у родителей.
- 17) Новое появленіе Горя въ полѣ.
- 18) Обратничество молодца и Горя.
- 19) Горе совѣтуетъ бить и грабить людей.
- 20) Уходъ молодца въ монастырь.

Таковы основныя черты содержанія новѣсти. Отдѣльно нѣкоторыя изъ этихъ чертъ находятся во многихъ народныхъ произведеніяхъ: но для насъ важнѣе найти такія, въ которыхъ повторялись бы всѣ главнѣйшія черты содержанія повѣсти. Таковыми нужно признать двѣ „старинны“, записанныя въ Кижяхъ, Петрозаводскаго у., отъ двухъ извѣстныхъ сказателей Кузьмы Романова¹ и Трофима Рябниина². Изъ 20 намѣченныхъ выше чертъ въ содержаніи повѣсти въ пересказѣ Романова содержатся слѣдующія 12 чертъ: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 12, 13, 15, 18, 20. Въ пересказѣ Рябниина содержится слѣдующія 4 черты: 6, 11, 17, 18; что касается третьей черты, то она измѣнена въ томъ смыслѣ, что молодца грабить не другъ, а голіи кабацкіе. Изъ этого сравненія видно, что пересказъ Рябниина столь же отличается отъ пересказа Романова, какъ послѣдній отъ повѣсти; но и въ первомъ содержатся черты повѣсти, выпавшія въ пересказѣ Романова. Тотъ видъ былины, отъ котораго пошли два извѣстные намъ варианта, очевидно, имѣлъ 14 чертъ изъ намѣченныхъ мною 20. Отсюда ясно, что повѣсть и двѣ былины представляютъ собою три варианта одного и того же произведенія. Можно думать, что нѣкоторыя черты новыхъ пересказовъ выпали еще въ повѣсти, несмотря на то, что она была записана въ XVII в. Сюда, напр., можно отнести названіе рѣки „Смородина“, сохраненное въ пересказѣ Романова (а также въ краткихъ пересказахъ сборника Варенцова).

¹ Пѣсни Рыбникова, I изд., т. I, 479; II изд., т. I, 307.

² Тоже, I изд., т. 471; II изд., т. I, 133; Гильфердингъ, № 90.

Указанныя отношенія повѣсти къ былинамъ новой записи не устраняютъ предположенія такого рода: не представляютъ ли собою олонецкія старины народную передѣлку литературнаго произведенія? Чтобы выяснитъ этотъ вопросъ, остановимся на тѣхъ чертахъ повѣсти, которымъ нѣтъ соотвѣтствія въ указанныхъ былинахъ:

1) Грѣхопаденіе Адама.

Эта черта, играющая роль вступленія въ повѣствованіе, въ той же роли имѣется въ пересказѣ духовнаго стиха о Голубиной книгѣ, включенномъ въ сборникъ Кириши Данилова. Зачинъ этого пересказа почти буквально совпадаетъ съ зачиномъ повѣсти.

Повѣсть о Горѣ.

А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго сотворилъ небо и землю, сотворилъ Богъ Адама и Евву. Повелѣлъ имъ жити во святомъ раю, далъ имъ заповѣдь божественну: не повелѣлъ вкушати плода винограднаго отъ едемскаго древа великаго... Прельстился Адамъ со Еввою..., вкусили плода винограднаго отъ дивнаго древа великаго... И вселилъ ихъ на землю на нискую... и отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ быть...

Стихъ о Голубиной книгѣ.

Да съ начала вѣка животлѣннава сотворилъ Богъ небо со землею, сотворилъ Богъ Адама съ Еввою. Надѣлилъ питаньемъ во свѣтломъ раю... жити во свою волю, положилъ Господь на ихъ заповѣдь великую...: не скушать Адаму съ еднoво древа тово сладка плоду виноградова... Прелестила змѣя подколодная, приносила ягоды съ еди-на древа. Одну ягоду воскушала Адамъ... Опускалъ на землю ево трудную... Отъ своихъ трудовъ онъ сталъ сытымъ быть...

8) Горе подслушиваетъ похвалъбу молодца.

Эта черта, играющая въ повѣсти роль главнѣйшаго момента, когда впервые появляется Горе; въ той же самой роли имѣется въ стихѣ про удачу-добраго молодца¹. Въ повѣсти молодецъ хвастается своимъ счастьемъ и богатствомъ; его „хвостанье молодецкое“ подслушиваетъ Горе; въ стихѣ онъ восхваляетъ себя за родство и приго-жество; Горе является тотчасъ изъ-подъ моста, по которому погули-валъ молодецъ, „со того слова съ молодецкаго“. Въ отличіе отъ по-вѣсти Горе является въ стихѣ послѣ рѣчи о рѣкѣ Смородынѣ или Смородовкѣ; но въ этомъ отношеніи стихъ сходенъ съ вариантомъ повѣсти—указанной выше былиной Рябинина, въ которой Горе появ-ляется на сцену въ самомъ концѣ, когда молодецъ побѣждалъ въ поле.

¹ В. Варенцовъ, Сборникъ русскихъ дух. стиховъ, 128, 131.

Такимъ образомъ, оказывается, что двѣ важныя черты повѣсти, не сохранившіяся въ олоонецкихъ старинахъ, находятся въ другихъ произведеніяхъ устной поэзіи. Изъ этого факта самъ собою вытекаетъ выводъ, что повѣсть о Горѣ-Злочастіи—устное произведеніе, стоящее на границѣ между былинами и духовными стихами.

Дошедшій до насъ въ единственной рукописи текстъ Повѣсти о Горѣ-Злочастіи нельзя признать вполне точною записью эпической пѣсни. Нѣкоторыя частности этого текста довольно легко выдѣлить изъ состава Повѣсти, въ виду того, что онѣ не подходятъ подѣ стихотворный метръ. Сюда принадлежатъ между прочимъ начальныя слова Повѣсти. Вотъ эти слова: „Изволеніемъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Вседержителя отъ начала вѣка человѣческаго“. Далѣе слѣдуютъ слова, точно соответствующія началу „Голубиной книги“ въ пересказѣ Кириши Данилова. Этими словами, и начиналась, очевидно, пѣсня. Что-же касается выдѣленныхъ мною выраженій, то слова „отъ начала вѣка человѣческаго“ не имѣютъ синтаксическаго смысла, слѣдовательно, представляютъ собою очевидную вставку, а стоящія передъ этой вставкой слова являются приступомъ, повидимому, традиціоннымъ у сѣверно-русскихъ повѣствователей-книжниковъ XVI—XVII в.в. Точно такимъ приступомъ начинается „Повѣсть о приходѣ царя Іоанна IV Василевича въ Новгородъ“: „Посѣщеніемъ и изволеніемъ и наказаніемъ Вседержителя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа¹. Сходство между исторической повѣстью о разгромѣ Новгорода и Повѣстью о Горѣ-Злочастіи не ограничивается начальными словами: во введеніи къ первой повѣсти проводится та же идея, что и въ Повѣсти о Горѣ. Авторъ повѣсти о новгородскомъ погромѣ говоритъ о томъ, что „приходить съ небеси гнѣвъ Божій на сыны противныя и непокорныя“ Идея необходимости покоряться проводится и во вступленіи къ Повѣсти о Горѣ („племя... къ своей матери непокорливо“). На основаніи изслѣдованія метрической стороны Повѣсти о Горѣ возможно выдѣлить и другія мѣста, въ которыхъ можно распознать авторство неизвѣстнаго лица, записавшаго или, лучше сказать, изложившаго письменно пѣсенный текстъ. Такимъ образомъ можно выдѣлить, напр., слѣдующія книжническія выраженія: 1) „безживотіе злое, сопостатныя находы, злую непомѣрную наготу и босоту, и безконечную нищету и недостатки послѣдніе“; 2) „такое рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери“, и т. п.

Теперь обратимся къ вопросу о происхожденіи поэтическаго образа Горя, который носитъ въ повѣсти не вполне опредѣленный характеръ.

¹ Новгородскія лѣтописи. Спб. 1879. Стр. 393.

II.

Происхожденіе поэтическаго образа Гора.

Въ одномъ причитаніи, записанномъ въ Олонецкой губ., рассказывается о томъ, что Горе сидѣло въ подземельныхъ норахъ: когда эти норы раскрыли,

Съ подземелья злое Горе разомъ бросилось...
Много прибрало семейныхъ головушекъ,
Овдовило честныхъ мужнихъ молодыхъ женъ,
Осиротило сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ.

По замѣчанію Жданова, здѣсь образъ Гора вполне совпадаетъ съ представленіемъ Смерти ¹. Подобнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ повѣсти Горе представлено всегубительнымъ существомъ, похожимъ не на злую участь вообще, а именно на смерть:

Молодецъ сталъ в полѣ ковыль-трава,
А Горе пришло с косою вострою;
Да еще Злочастіе над молотцемъ насмѣялося:
„Быть тебѣ, травонка, посѣченной,
„Лежат тебѣ, травонка, посѣченной
„И буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной!“
Пошел молодец в море рыбою,
А Горе за нимъ счастливыми неводами;
Еще Горе злочастное насмѣялося:
„Быти тебѣ, рыбонкѣ, у бережку уловленной,
„Быть тебѣ да и съѣденной,
„Умереть будетъ напрасною смертію!“

Такого рода представленія Гора находятъ себѣ полное соотвѣтствіе въ образахъ смерти, которыя встрѣчаются въ средне-вѣковыхъ памятникахъ: „смерть—косарь, который подкашиваетъ человѣчскія существованія, какъ траву; смерть—охотникъ, который ловитъ людей, точно дичь“ ²; смерть—хищная птица ³. Такіе образы лежатъ въ основѣ широко распространенныхъ лирическихъ или лиро-

¹ Сочиненія П. Н. Жданова, I, 726.

² Ждановъ, Сочиненія, I, 537.

³ Тамъ же, стр. 711—714.

эпическихъ пѣсенъ о Горѣ ¹. Въ нихъ повторяются мотивы кошенія (или жатвы), охоты и прилетанія хищной птицы (или хищнаго звѣря); Горе въ нихъ обладаетъ почти тѣми же родами оружія, что и Смерть въ житіи Василя Новаго и Прѣнія Живота со Смертью ²: косою, серпомъ, граблями, лопатою, сѣтью, неведомъ. Бѣльшая часть этихъ пѣсенъ оканчивается смертью героя или героини, при чемъ Горе закапываетъ ихъ въ землю. Повѣсть о Горѣ-Злочастіи находитъ другой выходъ для молодца въ его борьбѣ съ Горемъ: молодець постригается въ монахи, а Горе остается у воротъ монастыря; но одинъ изъ вариантовъ старины о Горѣ заканчивается смертью героя: Горе летѣло за молодецемъ ворономъ, и молодець преставился.

Отсюда видно, что въ основѣ образа Горя, даннаго въ повѣсти, былъ литературный образъ Смерти. По этому есть полное основаніе сравнивать повѣсть съ тѣми произведеніями, которыя рассказываютъ о борьбѣ героя со смертью. При этомъ, конечно, нужно взять лишь вторую, меньшую, половину повѣсти, такъ какъ въ первой половинѣ (въ изданіи г. Симони стр. 27 — 38, строки 1—208) Горе не упоминается.

Прежде всего сравнимъ повѣсть съ Прѣніемъ Живота со Смертью.

8) Горе подслушиваетъ похвальбу молодца.

Молодецъ хвалится своимъ богатствомъ. Въ Прѣніи богатырь хвалится силою ³, но въ то же время онъ „богатъ зѣло, имѣя у себя много злата и серебра, и красныхъ ризъ“ ⁴. Смерть въ Прѣніи является такъ же неожиданно, сейчасъ же за похвальбою, какъ и Горе—въ повѣсти. Слова Горя:

„Бывали люди у меня Горя,
„И мудряя тебя и досужае—
„И я ихъ, Горе, перемудрило..
„До смерти со мною боролися..
„Нани ⁵ они во гробъ вслилися“.

Въ Прѣніи то же самое говоритъ Смерть: „Не мудряя ты царя Соломона..., не умня ты Акира Премудраго ⁶... Человѣци тацїи же быша, яко и ты—и противо мя не могоша братися“ ⁷.

Въ повѣсти Горе представлено злымъ демономъ-искусителемъ.

¹ Эти пѣсни указаны мною въ Бѣломорскихъ былинахъ, стр. 612.

² См. Соч. Жданова, I, 707, 697, 701.

³ Ждановъ, I, 700—701.

⁴ См. приложение.

⁵ Пока не.

⁶ См. приложение.

⁷ Ждановъ, I, 695.

Но въ концѣ оно является совершенно другимъ существомъ, что противорѣчитъ общему замыслу слагателя. Когда молодецъ хочетъ утопиться.

14) Горе мѣшаетъ этому намѣренію и заставляетъ молодца поклониться ему до земли.

Горе напоминаетъ ему, что прежде онъ не захотѣлъ покориться и поклониться своимъ родителямъ. Въ Прѣніи Смерть говоритъ Животу: „Было ти врѣмя покаяться, но въ гордости и въ славѣ прѣбыть“¹. Роль Смерти здѣсь вполне понятна; что же касается подобнаго нравоученія Горя, то оно можетъ быть объяснено лишь, какъ заимствованіе изъ Прѣнія.

Съ Прѣніемъ стоитъ въ весьма близкой связи стихъ объ Аникѣ-воинѣ. Поэтому есть сходство между повѣстью и стихомъ. Нѣкоторыя черты Смерти, какъ она изображена въ стихѣ, вполне отвѣчаютъ чертамъ Горя въ повѣсти. Въ стихѣ Смерть говоритъ Аникѣ:

Нѣтъ у меня, у смерти,
Не отца и не матери,
Нѣтъ и малыхъ дѣтокъ,
Нѣту и молодой жены,
Нѣтъ ни сродниковъ, ни пріятелей...
Я гдѣ раба застагаю,
Я тутъ раба воскошаю:
Хоть во чистымъ полѣ,
Хоть на синімъ морѣ,
Хоть въ темнымъ лѣсѣ,
Хоть при пути, при дороги².

Горе не такое одинокое, какъ Смерть; поэтому въ повѣсти оно не можетъ говорить объ отсутствіи у него родни: по порядку расположенія мыслей въ повѣсти тотъ же, что и въ стихѣ.

Не одно я Горе — еще сродники,
А вся родня наша добрая,
Всѣ мы гладкіе, умилныя.
А кто въ семью къ намъ примѣшается,
Ино тотъ между нами замучится...
Хотя кинься во птицы воздушныя,
Хотя въ синее море ты пойдешь рыбою,—
А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую.

¹ Тоже, 697.

² Варенцовъ, Сборникъ русскихъ дух. стиховъ, 126, стр. 116.

Нѣкоторое сходство представляютъ слѣдующія слова Смерти и Горя. Смерть говоритъ Аникѣ:

Гдѣ тужуть, плачуть,
Туть мнѣ, смерти, и празникъ ¹.

Горе говоритъ молодцу:

Хочу я, Горе, въ людехъ жить...
А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ.

Наконецъ, повѣсть сближается съ Прѣніемъ и со стихомъ объ Аникѣ обиліемъ разговоровъ. Появленіе длинныхъ рѣчей Горя въ повѣсти трудно объяснить иначе, какъ вліяніемъ Прѣнія, представляющаго въ своей старой формѣ чистый діалогъ.

А. В. Марковъ.

¹ Варенцовъ, 127.

О крестьянских постройках на сѣверѣ Россіи.

А. Постройки въ смежных частях Тотемскаго, Вельскаго и Шенкурскаго уѣздовъ.

Въ предлагаемой статьѣ дается описаніе деревенскихъ построекъ главнымъ образомъ въ мѣстности, расположенной въ бассейнѣ средняго теченія р. Ваги и ея притоковъ—Усьи съ Кокшеньгой, Вели, Кулоя и частью другихъ. Населеніе всей этой области характеризуется многими общими чертами своего быта, значительно отличающимися его отъ сосѣдей¹. Здѣсь мы встрѣчаемъ и одинъ общій типъ построекъ, отличающихся довольно большими размѣрами, просторомъ жилыхъ помѣщеній, и часто внѣшней красотой. Недаромъ мѣстные крестьяне свои жилища постройки зовутъ не только домомъ, но еще часто и „хоромами“.

Каждый благоустроенный домъ состоитъ изъ цѣлаго ряда построекъ и помѣщеній: двухъ (иногда и больше) избъ съ перегородами, горницъ, клѣтей, вышекъ, скотнаго двора и проч.

Такой типъ жилища могъ сложиться лишь въ мѣстности, обильной лѣсомъ; теперь онъ поддерживается по традиціи, хотя лѣсу стало мало.

I.

Домъ или дворъ.

Приступимъ къ описанію собственно дома или двора. Беремъ для примѣра домъ кокшара (жителя Кокшеньги) средней зажиточности.

Домъ состоитъ изъ слѣдующихъ главныхъ частей: перѣдь, середка и озадокъ или задъ; между ними—зимній мостъ (сѣни) и лѣтній.

Перѣдь представляетъ изъ себя лѣтнее жилье, а озадокъ—зимнее; середка включаетъ въ себя скотный дворъ, хлѣвы, повѣть, горницы и клѣти на повѣти. Все это подъ одной общей крыши, имѣющей два ската, съ желобами по краямъ и охлупнемъ по срединѣ, на вершинѣ скатовъ.

¹ См. Н. Иваницкій, матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи, стр. 6.

Въ порядкѣ важности основной и существеннѣйшей частью дома является зимняя изба; за ней слѣдуютъ середка и затѣмъ передь. Таковъ обыкновенно и порядокъ постройки этихъ частей по времени.

1) Зимняя избá („зимовка“)

занимаетъ часть озадка дома, или весь озадокъ; въ послѣднемъ случаѣ она разгораживается капитальной стѣной на двѣ половины и

Рис. 1. Озадки домовъ.

(дер. Рыкаловской Спасск. в. Т. у).

На первомъ планѣ видны 2 окна зимней горницы и дальше ворота на конюшню, въ которыхъ мечутъ съ воза сѣно; на второмъ и третьемъ озадкахъ видны окна зимнихъ избъ.

является уже не одной избой, а какъ бы двумя, удерживая за собою по преимуществу названіе озадка; часто еще послѣднюю форму называютъ двойнями и пятистѣнкомъ. Названіе двойни чаще относятъ къ тѣмъ случаямъ, когда не одна, а двѣ стѣны разгораживаютъ озадокъ, который въ такомъ случаѣ и состоитъ уже изъ двухъ отдѣльныхъ избъ. Если изба занимаетъ часть озадка, то обыкновенно въ основѣ своей она представляетъ четырехстѣнный срубъ занимающій одинъ изъ угловъ озадка, выходя двумя составляющими внѣшнюю часть угла стѣнами наружу, двумя другими примыкая къ остальной части дома; внутри такого сруба досчатыми перегородками, переборками или заборами, могутъ отдѣляться шѣмныша, горенка, чуланъ и гѣубецъ; нѣкоторыхъ изъ этихъ отдѣленій можетъ и не быть.

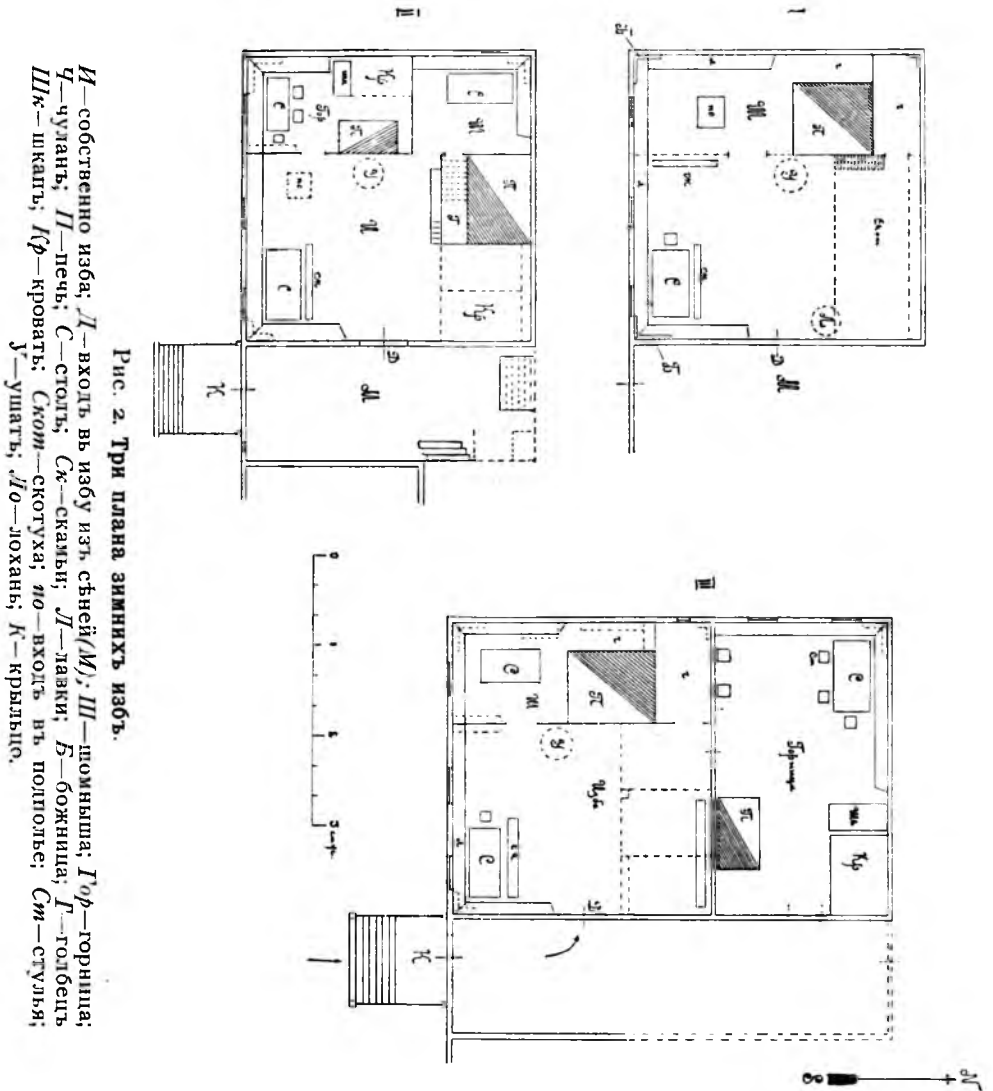
Въ расположеніи внутренняго устройства такой избы съ только что названными отгородками могутъ быть разныя вариации. Очень часто можно встрѣтить такое расположеніе: налѣво отъ входа — передній уголъ, образуемый передней стѣной (со входомъ) и лѣвой боковой (съ окнами), или сѹтки, съ образами и столомъ; дальше налѣво и впередь — горенка; направо ближе къ срединѣ правой боковой стѣны — печь, рядомъ съ которой, можетъ быть гоубецъ; за печью дальше направо въ углу — шомныша, къ которой обращено устье печи; ближе направо отъ стѣны со входной дверью до печи — полати, на нѣкоторой довольно значительной высотѣ; иногда подъ полатами — кровать; между печью и правой стѣной можетъ иногда остаться мѣсто для чулана. Часть избы, оставшаяся въ такомъ случаѣ ближе ко входу (за исключеніемъ отдѣленныхъ горницы, шомныши, чулана) можетъ быть названа *собственно избой*. Когда желаютъ указать, что какая-нибудь вещь находится въ этой части, то говорятъ, что она — въ избѣ, или — на избѣ; въ отличіе отъ того случая, когда она находится въ горницѣ, въ шомнашѣ, въ чуланѣ. (См. планъ рис. 2):

Нерѣдко встрѣчается иная комбинація тѣхъ же частей избы: тамъ, гдѣ горница, помѣщается шомныша и наоборотъ. Тогда печь бываетъ ближе къ задней (противопол. отъ входа) стѣнѣ и устьемъ обращена влѣво (въ шомнышу); а горница занимаетъ задній правый уголъ за печью, выдаваясь угломъ къ срединѣ избы. Остальное — такъ же, какъ въ предыдущемъ случаѣ. При такомъ расположеніи, если печь будетъ близко къ правой (глухой, безъ оконъ) стѣнѣ, мѣста для горницы не остается и за печью появляется вмѣсто нея лишь чуланъ (иногда можетъ не быть и его), и тогда изба приметъ видъ самый простой, довольно распространенный и, вѣроятно, самый древній, а потому болѣе присущій старымъ, особенно чернымъ избамъ. (См. планъ I, рис. 2). Въ послѣднее время все чаще и чаще появляются избы съ горницей направо, которая при этомъ отдѣляется часто капитальной стѣной (см. планъ III, рис. 2), иногда имѣетъ и отдѣльный входъ. Въ такомъ случаѣ изба простая переходитъ уже въ двойни и можетъ занимать весь озадокъ дома.

Вернемся однако къ первоначальному варианту расположенія частей избы (планъ II) и остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Итакъ, въ собственно избѣ, налѣво отъ входа, уголъ, составленный передней стѣной (со входной дверью) и лѣвой боковой, съ окнами, называется *сѹтками*. Это — главная часть избы во многихъ отношеніяхъ. Здѣсь находится божница съ образами и большой обѣденный столъ (единственный въ бѣдныхъ хозяйствахъ). По-за столу возлѣ стѣны тянутся двѣ главныя въ избѣ лавки: одна, болѣе короткая, начинаясь отъ входной двери, идетъ по передней стѣнѣ къ углу, встрѣчаясь здѣсь съ другой, болѣе длинной лавкой, тянущейся по всей длинѣ лѣвой боковой стѣны подъ окнами, доходя до задней

стѣны, при чемъ нерѣдко продолженіемъ своимъ заходя въ горницу или шомнышу. Первая лавка называется короткой или мужской, такъ какъ во время обѣдовъ и столованья вообще на ней принято сидѣть мужчинамъ; а вторая—доугой или бабьей, такъ какъ на ней

должны въ тѣхъ же случаяхъ сидѣть женщины. Лавки представляютъ изъ себя широкіе, иногда до $\frac{3}{4}$ аршина, и толстые, до 3-хъ вершк., сосновые брусья, отчасти опирающіеся на вѣзанныя въ нихъ снизу подставки—кронштейны; въ смыслъ прочности и надежности—сидѣнья несокрушимыя. На нихъ, впрочемъ, нерѣдко рубятъ рыбу, мясо и прочее.

Передъ столомъ стоятъ скамьи или стулья. Надъ лавками, параллельно имъ, на высотѣ полатей и, примѣрно, человѣческаго роста, тянутся полицы—длинные, довольно широкія, никогда однако не достигающія ширины лавокъ, полки. При чемъ не только та изъ нихъ, которая идетъ надъ долгой (длинной) лавкой, тянется во всю длину стѣны, но и другая, проходящая надъ короткой лавкой, идетъ отъ сutoкъ надъ входною дверью до правой (отъ входа) стѣны или до воронца полатей. На полицяхъ складываются всевозможные предметы домашняго обихода, особенно часто употребляемые и не слишкомъ громоздкіе и тяжелые: инструменты (ножи, ножницы, шилья, стамески, стружки и друг.), дратвы, нитки, швейки, прялки, а также—шапки, рукавицы и прочее.

И такъ, въ суткахъ сходятся (стыкаются, сутыкаются) двѣ главныя лавки и двѣ полицы; получается двойной „сутыкъ“. Отсюда, вѣроятно, (срв. слов. Даля) и названіе этой части избы—сутки („передній“ или „красный уголъ“ другихъ мѣсть).

Божница помѣщается въ самомъ углу, какъ разъ подъ полицами и представляетъ изъ себя тоже полку, но всегда болѣе или менѣе разукрашенную рѣзбой, красками и проч. Въ обычное время здѣсь помѣщается одна—три деревянныхъ иконы, средней величины, съ мѣднымъ распятіемъ и мѣдными же складнями; но къ торжественнымъ праздникамъ, въ нѣкоторыхъ домахъ, съ той и другой стороны божницы приставляются еще отдѣльныя полочки и на нихъ ставятся иконы, принесенныя на это время изъ другихъ покоевъ дома. Передъ иконами во время молитвы зажигаются восковыя свѣчки: лампы, какъ исключеніе, лишь въ богатыхъ домахъ. Сутки, значить, являются и обѣденнымъ мѣстомъ и молитвеннымъ, святымъ, угломъ, гдѣ всѣ члены семьи собираются для общей молитвы, какъ и для ѣды. Здѣсь протекаютъ всѣ главные и торжественные моменты въ жизни крестьянина. Въ суткахъ совершаются свадебныя церемоніи, проводы рекрута, а также крестины и послѣднія напутствія въ загробную жизнь.

Слѣдующей по важности частью собственно избы является мѣсто между обѣденнымъ столомъ и горницей, тоже налѣво отъ входа, у стѣны съ окнами. Тутъ ведутся многія домашнія работы: шитье, вязанье, штопанье, пряденіе и проч.; здѣсь же ставятся весной кросна: небольшія посидѣнки, какъ дневныя, такъ и вечернія, также собираются здѣсь, при чемъ для сидящихъ приставляются скамьи, замыкающія вмѣстѣ съ лавками четырех-угольную площадку—бесѣдку.

Прямо передъ входомъ у заборки, между дверями въ горницу и въ шомнышу, обыкновенно ставится ушатъ или кадка съ водою, для питья и для другихъ потребностей.

Направо подъ полатями, если нѣтъ кровати, то обыкновенно ставятся запасныя скамьи, съ помощью которыхъ нерѣдко устраняются

„примѣстки“ для спанья. Здѣсь же, ближе ко входнымъ дверямъ, вѣшается рукобѣйка надъ широкой трехногой лоханью или, у болѣе зажиточныхъ крестьянъ, — надъ мѣднымъ тазомъ. Въ этомъ углу частенько высушивается и промазывается дегтемъ конская сбруя; ставятся шайки для поенія и кормленія мелкаго домашняго скота: телятъ, овецъ и поросятъ и прочее.

Большую часть слѣдующаго направо угла занимаетъ печь, обращенная устьемъ въ шомнышу. Она всегда бываетъ сбита изъ глины, и только трубка выводится изъ кирпичей. Рядомъ съ печью, съ лѣвой стороны, пристраивается голбець, представляющій изъ себя снаружи видъ дощатой лежанки, такой же длины, какъ и печь, и лишь немножко пониже ея. По особой маленькой лѣсенкѣ, взбираются сначала, на голбець, а потомъ на печь, которая сверху представляетъ всегда довольно значительную площадку для спанья, сушенія хозяйственныхъ продуктовъ, разнаго домашняго скарба, валенокъ и проч.

Шомныша или, по терминологіи другихъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣсть той же области, куть, въ указанномъ планѣ занимаетъ задній уголъ избы направо за печью. Изъ собственно избы въ нее ведетъ входъ, между заборкой слѣва и угломъ голбца справа, иногда съ дверью, иногда безъ нея. Въ задней стѣнѣ противъ устья печи имѣется одно, рѣдко два окна. Возлѣ стѣнъ тянутся лавки или скамьи и поллицы; имѣется своя маленькая божница. У глухой (безъ оконъ) правой стѣны часто особыя полки, крытыя и съ прищелочниками, въ видѣ висячей этажерки, всегда неподвижно придѣланныя къ стѣнѣ, — для кухонной посуды. Иногда тутъ же подъ этой полкой, ближе къ печи, шкапъ для установки кушаній и кринокъ съ молокомъ (хотя послѣднія ставятся и просто на лавкахъ, а иногда даже и на полу); часто специальныхъ посудныхъ полокъ и шкаповъ не бываетъ, и тогда посуда складывается въ особую, висящую на томъ же мѣстѣ, гдѣ и полка, корзину, открытую спереди въ верхней части, очень напоминающую тѣ корзины, въ которыхъ петербургскія селедочницы разносятъ по дворамъ свой товаръ. Корзина носитъ специальное названіе судницы.

По срединѣ шомныши, иногда ближе къ божницѣ стоитъ столъ для обрядовъ, т. е. для стряпанья пироговъ и проч. Часто для этой цѣли на время приносится столѣшница (верхняя доска стола, безъ ножекъ) изъ собственно избы и для стряпанья устанавливается нижней стороной вверхъ гдѣ-нибудь на лавкахъ и скамьяхъ; сверхъ того имѣются иногда и отдѣльныя столѣшницы, въ видѣ широкой доски, тоже полагаемыя на лавкахъ или поллицахъ; въ послѣднемъ случаѣ для складыванія горячихъ пироговъ. По срединѣ пола часто имѣется входъ въ подполье, прикрытый особымъ досчатымъ люкомъ (крышкой); иногда этотъ входъ бываетъ и изъ собственно избы; а чаще всего — изъ голбца, если таковой имѣется. Въ послѣднемъ случаѣ изъ шом-

ныши въ голбець ведетъ особая дверь, за которой, на нѣкоторомъ разстояніи, спускается въ подполье лѣстница, иногда не прикрываемая уже люкомъ. Частенько внутри голбца, особенно когда изъ него нѣтъ входа въ подполье или когда послѣдній прикрывается, помѣщаются болѣе громоздкія кухонныя принадлежности: корчаги, лопаты, ведра и проч. При отсутствіи голбца эту послѣднюю роль исполняетъ чуланъ, между печью и боковой правой стѣной.

Горница при описываемомъ расположеніи частей избы не отличается особымъ просторомъ. Однако въ ней помѣщается обыкновенно такихъ же почти размѣровъ, какъ и обѣденный, столъ, вокругъ котораго стоятъ частью скамьи (со стороны стѣны), частью стулья или табуреты; лавки и полцы могутъ отсутствовать; столъ обыкновенно занимаетъ уголь между лѣвой боковой и задней стѣной; въ томъ же углу—божница.

Направо недалеко отъ стола стоитъ высокій шкапъ для чайной посуды и принадлежностей, называемый часто камѣтомъ; еще правѣе за нимъ вслѣдъ, въ углу,—кровать. Противъ кровати и шкапа у заборки, черезъ которую ведетъ входъ въ горницу, направо отъ этого входа, находится небольшая кирпичная печь—лѣжанка. Входъ въ горницу всегда съ дверью, болѣе или менѣе украшенной рѣзбой, или росписанной красками. Оконъ бываетъ одно, рѣдко два.

При болѣе упрощенномъ устройствѣ избы (см. планъ I, рис. 2.) сунки также занимаютъ лѣвый отъ входа уголь, горница отсутствуетъ; но зато остается мѣсто для чулана. Шомныша занимаетъ обыкновенно задній лѣвый уголь; печь, обращенная устьемъ въ шомнышу стоитъ въ правомъ заднемъ углу, нѣсколько отступя отъ обѣихъ стѣнъ, правой и задней, или только отъ правой. Въ такомъ случаѣ мѣсто между печью и правой стѣной и занимаетъ чуланъ въ 3—4 аршина длиною и около 2 арш. (рѣдко до 3 арш.) шириною. Въ немъ черезъ заднюю стѣну продѣлывается маленькое оконце, а со стороны собственно избы въ него ведетъ небольшая дверь, часто, впрочемъ, отсутствующая. Если печь отодвинута и отъ задней стѣны, то образуется между ними (печью и стѣной) еще маленькій чуланчикъ съ открытымъ входомъ изъ шомныши, служащій для укладки наиболѣе громоздкихъ кухонныхъ принадлежностей. Первый же чуланъ можетъ имѣть разное назначеніе: то играетъ роль маленькой горенки, то молельни для старухъ и стариковъ, то просто для свалки разнаго домашняго скарба; иногда же въ немъ держатъ нѣкоторое время только-что родившихся телятъ или ягнятъ.

Уголь направо и все пространство отъ входной стѣны до печи, подъ полатями, при этомъ расположеніи частей, являются довольно обширными. Въ старыхъ избахъ здѣсь, вдоль правой стѣны, отъ входной стѣны и почти вплоть до чулана или печи устанавливалась большая деревянная колода, у которой кормился по зимамъ рогатый скоть.

На время кормленія скотъ загонялся или приводился на веревочныхъ поводкахъ, вязакахъ, черезъ общій въ избу входъ, и привязывался къ колодѣ съ заготовленнымъ кормомъ. Вся эта часть избы называлась скотухой; названіе это, впрочемъ, удерживается для этой части избы и по настоящее время, хотя кормленіе скота въ избахъ почти вывелось повсемѣстно [и встрѣчается уже только въ видѣ исключенія въ захолустныхъ деревняхъ по р. Усьѣ, рѣже Кокшеньгѣ]. На мѣстѣ скотухи иногда и полъ не настился; въ такомъ случаѣ въ скотуху прорубался со стороны скотнаго двора особый входъ для скота, закрывавшійся небольшою дверью, и расположенный у самой земли, слѣдовательно, значительно ниже людского входа.

Въ старину кормленіе скота въ избѣ было здѣсь настолько повсемѣстнымъ, что названіе зимней избы постоянно замѣнялось названіемъ скотняная изба, что перѣдко можно встрѣтити и въ настоящее время въ свадебныхъ причетахъ и пѣсняхъ (см. мою ст. „Свадьба въ Кокшеньгѣ Тот. у.“, „Ж. С.“ за 1910 г.), а также въ преданіяхъ, сказкахъ и анекдотахъ.

Что касается того случая расположенія частей избы, когда горница отдѣляется капитальною стѣною (см. планъ III), то въ общемъ и здѣсь устройство остается такимъ же, какъ и въ первомъ случаѣ: лишь имѣется больше простору. Чуланъ здѣсь уже всегда можетъ имѣть значеніе особой комнаты, хотя, смотря по потребностямъ семьи, можетъ и отсутствовать. Печь въ горницѣ можетъ быть большихъ размѣровъ и принимать видъ обыкновенной пекарки, или лежанки и даже иногда голландки, съ особымъ дымоходомъ, выходящимъ отдѣльно и на крышу; тогда какъ трубка лежанки въ маленькой горницѣ чаще всего идетъ въ дымовую трубу большой печи (въ собственно избѣ). Когда въ такой горницѣ имѣется при печкѣ-пекаркѣ (русской) и особый входъ снаружн, изъ тѣхъ же стѣнъ, то она уже представляетъ изъ себя вторую, болѣе чистую, какъ бы запасную избу, составляя вмѣстѣ съ собственно избою двойни, занимающія уже весь озадокъ дома.

Какой бы видъ ни представляла изба въ своей дифференціаціи на части, въ ней всегда, — за исключеніемъ того случая, когда горница отдѣлена капитальною стѣною, — полъ и потолокъ являются въ видѣ общихъ простыхъ настиловъ. Полъ настилается (набирается) изъ толстыхъ, въ $1\frac{1}{2}$ —2 вершка толщиной, досокъ—половицъ, которыя имѣютъ направленіе отъ входной стѣны къ противоположной и укладываются обыкновенно на трехъ балкахъ, называемыхъ переводами; одна перевода подъ серединою половицъ и двѣ подъ концами. Переводы своими концами врублены въ стѣны. Половицы сплачиваются при помощи деревянныхъ шиповъ. Всѣ переборки, косяки дверей въ горницу, шомнышу и проч. вдавливаются или придѣлываются инымъ способомъ, непосредственно въ половыя доски. Отдѣльныхъ

досчатыхъ или иныхъ подполювъ почти не бываетъ. Чтобы удержать въ избѣ тепло, при неизбежномъ разсыханіи пола, нижнія „закладныя“ бревна зимней избы укладываются плотно на землю, затѣмъ къ нимъ приваливается и утрамбовывается земля, особенно съ внутренней стороны; въ рѣдкихъ случаяхъ подъ всѣмъ поломъ земля утрамбовывается съ глиной или мелкимъ кирпичнымъ щебнемъ и заливается известкой. Последнему обстоятельству, впрочемъ, не благоприятствуетъ устройство подполья въ качествѣ складочнаго мѣста съѣстныхъ продуктовъ. Подполье устраивается въ формѣ ямы округлой или угловатой, довольно разнообразной по глубинѣ и размѣрамъ, однако никогда почти не занимающей всей площади подъ поломъ и не превышающей роста человѣка глубиною. Края и дно подполья дѣлаются довольно гладкими и ровными, въ бокахъ имѣются широкіе земляные уступы (террасы), представляющіе подобіе полокъ.

На дно подполья изъ избы спускается дощатая лѣсенка самаго простого устройства. Входъ изъ избы черезъ полъ открывается чаще всего въ формѣ квадратнаго окна, около одного аршина площадью, и, какъ было выше упомянуто, можетъ быть въ шомнишѣ, въ голбцѣ, а иногда и въ собственно избѣ; онъ захлопывается особымъ люкомъ (дверцей), называемымъ иногда „обокбнкомъ“.

Въ подпольѣ хранятся овощи, молочные продукты и другая провизія, требующая прохладнаго мѣста, но не выносящая замораживанія.

Потолокъ, называемый иногда накѣтомъ, при чемъ послѣдній терминъ имѣетъ и болѣе общее значеніе, набирается или изъ цѣльныхъ круглыхъ бревенъ или изъ толстыхъ плахъ (распиленныхъ на двое бревна), обращенныхъ плоскою стороною во внутрь; при чемъ потолбчины укладываются параллельно „половицамъ“, имѣя то же осевое (длиннотное) направленіе, что и послѣднія. Концы потолочинъ закрѣпляются въ широкихъ выдолбленныхъ пазахъ „черенахъ“ двухъ противоположныхъ стѣнъ, а въ срединѣ поддерживаются толстой бревенчатой, (чаще всего круглой), поперечной балкой, именуемой мѣтицей¹.

Сверху потолокъ проконопачивается паклей („отрїпями“), или иногда мхомъ, и заливается глиной съ пескомъ, рѣже съ известкой; сверхъ того, покрывается слоемъ рыхлой земли.

Общіе размѣры простой зимней избы (не двѣйней), со всѣми ея частями, обыкновенно колеблются между девятью и одиннадцатью аршинами по длинѣ и почти таковы же и по ширинѣ; высота отъ 3-хъ до 4-хъ аршинъ; нрѣдка встрѣчаются избы и меньшихъ размѣровъ, а еще рѣже болѣшихъ. Стѣны выводятся изъ довольно толстыхъ (меньше 5 вершк. толщины бревна считаются не пригодными для

¹ Загадка: Сорокъ братьевъ на одномъ зголовѣ спать.

стройки зимних изб) преимущественно сосновых бревен, часто не струганых и не кантованных, только очищенных от коры. В качестве фундамента под углы вкапываются или камни—валуны, иногда до десятка и больше пудов весом каждый, или толстые бревенчатые обрубки („стулье“) стоймя; редко подкладывают еще по камню или чурбану и под середины закладных бревен; таким образом последние лежат прямо на земле, несколько углубленная в нее, так как рыхлая земля (почва) из-под закладных бревен обыч-

Рис. 3. Зимняя (скотная) изба с окнами без косяков.

(Дер. Плоская на Усье, Вельск. у.).

новенно удаляется. Под закладные бревна и на них устилается иногда береста для предохранения от сырости¹. Стены рубятся „въ зарубу“, с „зауголкамп“, и между бревнами, в пазах, прокладываются мхом; иногда затем проконопачиваются и снаружи и внутри мхом или паклей, иногда же так и остаются не конопаченными². С внутренней стороны стены отесываются и выстругиваются, однако не во всех частях: вверху, над полницами, и внизу, под лавками, а также за печью, иногда и в углу под полатами (в прежней скотухе) очень часто бревна остаются круглыми. Совсем неотесанных стен, повидимому, не было и в старину, на что указывает

¹ Существует обычай при закладке на первые закладные бревна, в угловые зарубы, класть монеты, „чтобы богато жилось“ в новой избе.

² Так называемой завалины или вовсе не делают, или делают только в исключительных случаях. Это считается и некрасивым и вредным для постройки: „стена прѣть“.

и старинная загадка: „На улицѣ—краюшка, въ избѣ—ломотокъ“ (бревно стѣны).

Оконъ въ избѣ бываетъ обычно отъ трехъ до шести; изъ нихъ два—три приходится на собственно избу; одно пли два—на горницу, и одно—на шомнышу. Въ настоящее время всѣ они дѣлаются съ косяками и подоконками и болѣе или менѣе одинаковыхъ размѣровъ (около аршина вышиною и $\frac{3}{4}$ арш. шириной). Въ старыхъ избахъ, встрѣчающихся изрѣдка и въ настоящее время, можно наблюдать и

Рис. 4. Лѣтняя изба со смѣшанными окнами.

(Дер. Максимиха, Забарск. в. Тот. у.).

безкосячныя окна, значительно меньшихъ размѣровъ и квадратной формы. Стекольная рама въ такихъ окнахъ не закрѣплялась неподвижно, а вдвигалась обыкновенно сбоку съ внутренней стороны избы; вмѣсто рамы на ея мѣсто могла задвигаться особая ставня, доска. Такого рода окна назывались „волоковыми“. Устройство волоковыхъ оконъ, по словамъ старожилонъ, вызывалось главнымъ образомъ необходимою оградяніемъ отъ ночныхъ нападений недобрыхъ людей; но, повидимому, и другія причины могли здѣсь имѣть свое значеніе: дороговизна стеколъ, лишняя потеря тепла черезъ большія окна и пр. Между волоковыхъ оконъ, посрединѣ, обыкновенно дѣлалось еще одно косячное или косячатое окно. Можно наблюдать на старыхъ постройкахъ еще какъ бы переходную форму оконъ, съ косяками, но еще безъ подоконниковъ.

Снаружи къ окнамъ придѣлываются нерѣдко досчатые ставни или обокѣнки, закрываемыя на ночь въ морозныя зимы для сохраненія тепла; за отсутствіемъ обокѣнокъ, съ тою же цѣлію окна прикрываются иногда соломенными ковриками.

Рамы въ окнахъ могутъ имѣть различный переплетъ, но чаще всего встрѣчаются шестистекольные.

Входная дверь представляетъ изъ себя крѣпко сплоченный изъ толстыхъ досокъ массивный щитъ безъ всякихъ украшеній, съ желѣзными скобами вмѣсто ручекъ, привѣшенный на двухъ или трехъ желѣзныхъ петляхъ—„крюкахъ“. Высота двери обыкновенно около 2-хъ аршинъ, а ширина около 1¹/₂ арш. Съ наружной стороны дверь часто покрывается или соломеннымъ ковромъ или паклей (рѣдко войлокомъ) поверхъ которыхъ можетъ покрываться холстиной. Косыки шириною превосходятъ толщину стѣнъ, а внизу дѣлается довольно высокій порогъ, черезъ который иногда съ трудомъ переползаютъ маленькія дѣтшки. На грани порога, обращенной внутрь избы очень часто вбивается старая конская подкова—знакъ благополучной и доброй вхожести избы.

Остановимся еще нѣсколько подробнѣе на устройствѣ нѣкоторыхъ внутреннихъ принадлежностей избы. Прежде всего обратимся къ устройству печи. Выше было уже указано, что она занимаетъ довольно внушительное пространство. Дѣйствительно, длина ея можетъ достигать 3-хъ аршинъ, а ширина около 2¹/₂ арш. Кирпичныхъ печей-пекарокъ почти не бываетъ. Онѣ „бьются“ изъ глины. Предварительно на мѣстѣ печи дѣлается особый срубъ изъ массивныхъ деревянныхъ брусевъ, придѣланныхъ поверхъ пола, подъ который въ этомъ мѣстѣ ставятся, въ качествѣ фундамента толстые бревенчатые столбы; нѣсколько выше пола дѣлается въ этомъ срубѣ прочный настилъ, помость, изъ толстыхъ плахъ, на которыхъ уже и покоится основаніе самой печи. Вся деревянная основа печи носитъ названіе опѣчковъ. По угламъ опечковъ вдѣлываются четырехгранные столбы, высота которыхъ равняется или нѣсколько превосходитъ высоту печи; впрочемъ присутствіе не всѣхъ изъ нихъ обязательно: часто остается одинъ столбъ, который по преимуществу и носитъ названіе печного столба. Для битья печи соывается обыкновенно „помочь“, такъ какъ требуется свыше десятка здоровыхъ рабочихъ ¹. Одни изъ нихъ подвозятъ и носятъ въ избу глину; другіе „уваживаютъ“ или „водятъ“, т.е. разминаютъ и умягчаютъ глину тяжелыми деревянными кіями; третьи такими же кіями бьютъ печь. Когда сбито основаніе печи и дно ея, или подъ, на подъ ставится досчатое творило въ формѣ полуцилиндра, ограничивающее внутренность печи, и по бокамъ закладываются со всѣхъ четырехъ сторонъ, между печными столбами,

¹ Печь должна быть сбита въ теченіе одного дня.

доски, служащія наружнымъ футляромъ печи; внутри этого послѣдняго накладывается глина и плотно убивается кѣями вокругъ твораила. Передняя часть основанія печи при этомъ остается свободной и выступаетъ передъ передней стѣнкой печи, образуя, на особой части опечковъ, нѣсколько тоньше прикрытый глиной особый приступокъ—шестокъ. Когда сбитая печь поустоится, черезъ день или черезъ два, доски футляра выбираются, прорѣзывается со стороны шестка устье или входъ въ печь, вытаскивается черезъ него отдѣльными досками твораило, вырѣзываются съ наружныхъ боковъ печурки, разнообразной формы и глубины, смотря по мѣсту и назначенію ихъ (для сушки обуви, рукавицъ и проч., для храненія на-готовѣ растопленнаго масла и т. д.)—и печь готова. Устье печи всегда имѣетъ форму полукруглаго окна (арки), доходящаго своимъ основаніемъ до самого пода, такъ что послѣдній образуетъ вмѣстѣ съ шесткомъ одну горизонтальную поверхность, что удобно для вдвиганія въ печь тяжелыхъ горшковъ, корчагъ и проч.

Прикрывается устье приставной заслонкой изъ листового желѣза, изрѣдка, въ старыхъ избахъ,—деревянной. Въ „бѣлыхъ“ избахъ со стороны устья на шесткѣ выкладывается изъ кирпичей „кожухъ“ съ дымовой трубой; а въ „черныхъ“ избахъ дымъ идетъ прямо въ избу, откуда черезъ особое окно, устроенное подъ потолкомъ, чаще въ самой отдаленной отъ устья печи стѣнѣ, обыкновенно со стороны сѣней,—выходитъ изъ избы, по широкой деревянной трубѣ, поднимаясь затѣмъ на крышу. На передней наружной стѣнкѣ печи отъ выходящаго изъ устья дыма надъ послѣднимъ образуется всегда широкая черная полоса, покрытая значительной толщины слоемъ сажи; это—такъ называемый чилисникъ или челѣ печи; по сторонамъ чилисника остаются бѣлыя полосы той же передней стѣнки—зѣдороги. Боковыя стѣнки устья называются ногами.

Черныхъ избъ становится въ настоящее время все меньше и меньше и постепенно онѣ начинаютъ быть лишь рѣдкими исключеніями.

Въ сосѣдствѣ съ печью обыкновенно устраиваются полѣти, на высотѣ приблизительно верхней поверхности печи и полицъ. Для полѣтей протягиваются отъ верхушекъ печныхъ столбовъ или отъ особаго массивнаго деревяннаго бруса, опирающагося на эти столбы и называемаго печнымъ воронцомъ, вплоть до (передней) стѣны, двѣ балки, на разстояніи почти сажени одна отъ другой, при чемъ задняя идетъ возлѣ самой боковой стѣны; въ глубокихъ пазахъ этихъ балокъ, изъ которыхъ свободная, не прилегающая къ стѣнѣ, тоже называется воронцомъ,—закладываются врядь доски, „полѣтницы“. Присутствіе въ устройствѣ избы двухъ, взаимно пересѣкающихся у печи, воронцовъ такъ обыкновенно, что существуетъ всѣмъ извѣстная здѣсь загадка: „Два ворона литяты да одну голову идяты“, т.-е. ѣдятъ (два воронца и печь).

Всѣ заборки, какъ и боковая обшивка голбца, дѣлаются обыкновенно изъ досокъ, набранныхъ стоймя, вертикально, а не горизонтально. Онѣ могутъ доходить до потолка (глухія) или только до вронца. Нерѣдко можно встрѣтить рѣзныя и раскрашенныя заборки. Занавѣси, въ роли этихъ заборокъ, не въ употребленіи.

Упомянемъ еще, что, въ старыхъ избахъ, тамъ, гдѣ кончается короткая, мужская лавка, у входныхъ въ избу дверей, ставился „койникъ“ (конникъ), въ который вдѣлывался свободный край лавки. По

Рис. 5. „Черная“ изба съ „дымникомъ“.
(Дер. Буганха, Заборск. в. Тот. у.).

существо онъ представлялъ изъ себя высокій кронштейнъ изъ толстой широкой доски (бруса), во всю ширину лавки, и возвышался надъ послѣдней примѣрно на пол-аршина, заканчиваясь на верху рѣзнымъ конькомъ. Какого-нибудь особаго назначенія, кромѣ вышеуказаннаго, онъ, повидимому, не имѣлъ; также точно съ нимъ, какъ и съ голбцемъ, не связывалось, по крайней мѣрѣ на памяти у живущихъ въ настоящее время крестьянъ, никакихъ особыхъ обрядовъ.

Годъ тому назадъ пришлось мнѣ видѣть въ одной изъ кокшенигскихъ деревень у крестьянскаго дома брешеннымъ въ кучу деревяннаго дома койникъ, сплоченный изъ толстыхъ брусевъ очень значительныхъ размѣровъ, который раньше стоялъ придрѣланнымъ у стѣны (съ внѣшней стороны) недалеко отъ входа въ скотный дворъ. Этотъ койникъ также заканчивался конькомъ и, по объясненію хозяина, служилъ для коновязи. Въ настоящее время для коновязи употребля-

ются кольца, вѣланныя въ столбы крыльца или въ стѣны подходящаго мѣста, съ наружной стороны дома, а также деревянные крюки въ видѣ подобія птицы или конька, но эти послѣдніе койниками не называются.

2) П е р ё д ъ .

Если зимняя изба при постройкѣ дома ставится раньше всего, то передъ (или лѣтняя изба) строится уже послѣ другихъ частей дома; какъ простая зимняя изба въ небогатыхъ хозяйствахъ можетъ составлять весь озадокъ дома, такъ, вмѣсто переда, можетъ у бѣдняка стоять одна лѣтняя изба. Въ обычномъ случаѣ, однако, передъ долженъ составлять необходимую принадлежность дома, и послѣдній безъ переда считается незаконченнымъ, не полнымъ. Необходимость переда, однако, условная: бѣдняки живутъ и зиму и лѣто въ одной и той же скотней избѣ, на озадкахъ, всю жизнь мечтая все таки и о передѣ; — передъ необходимъ настолько же, насколько необходимъ по временамъ для смѣны обыкновеннаго рабочаго сѣраго балахона болѣе чистый и приличный кафтанъ (или „везитка“), въ которомъ и въ церковь можно придти и въ люди не стыдно показаться. Являясь прикрасой дома, передъ строится насколько возможно высокимъ, просторнымъ и красивымъ; и уже въ силу этого приспособлять его для зимняго жилья было бы нелегко;—дѣйствительно, передъ и служитъ только для лѣтняго жилья и лишь изрѣдка у болѣе состоятельныхъ крестьянъ, вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ (сдача въ наемъ подъ квартиру и т. п.), бываетъ приспособленъ и для жилья въ немъ зимою. Чаще всего передъ бываетъ одноэтажный на высокихъ подвалахъ, съ вышкой; но въ рѣдкой деревнѣ нельзя встрѣтить и двухъ-этажнаго переда, также съ вышкой, или „мизиміномъ“.

Обыкновенный передъ крестьянина средней руки въ Кокшеньгѣ представляетъ изъ себя въ основѣ своей четырехугольный бревенчатый срубъ, раздѣленный по срединѣ или почти по срединѣ капитальной, бревенчатой, стѣной, направленіе которой совпадаетъ съ направлениемъ наибольшей длины всего дома; въ этомъ случаѣ онъ называется иногда пятистѣнкомъ. Нерѣдко, вмѣсто одной средней стѣны, бываютъ двѣ или на разстояніи примѣрно сажени одна отъ другой, или сближенные почти врядъ; въ послѣднемъ случаѣ получаются двѣ совершенно отдѣленные другъ отъ друга половины, представляющія изъ себя двойни; предыдущій же типъ называется иногда тройнями. Обыкновенная длина переда, совпадающая съ длиною всего дома,—около 3-хъ сажень; а ширина, болѣе или менѣе равняющаяся ширинѣ всего дома,—около 6-ти сажень.

Основные или закладныя бревна, самыя толстыя и смолистыя, укладываются на камняхъ или вкопанныхъ короткихъ столбахъ, иногда, на тѣхъ и другихъ; камни и столбы въ этомъ случаѣ изрѣдка

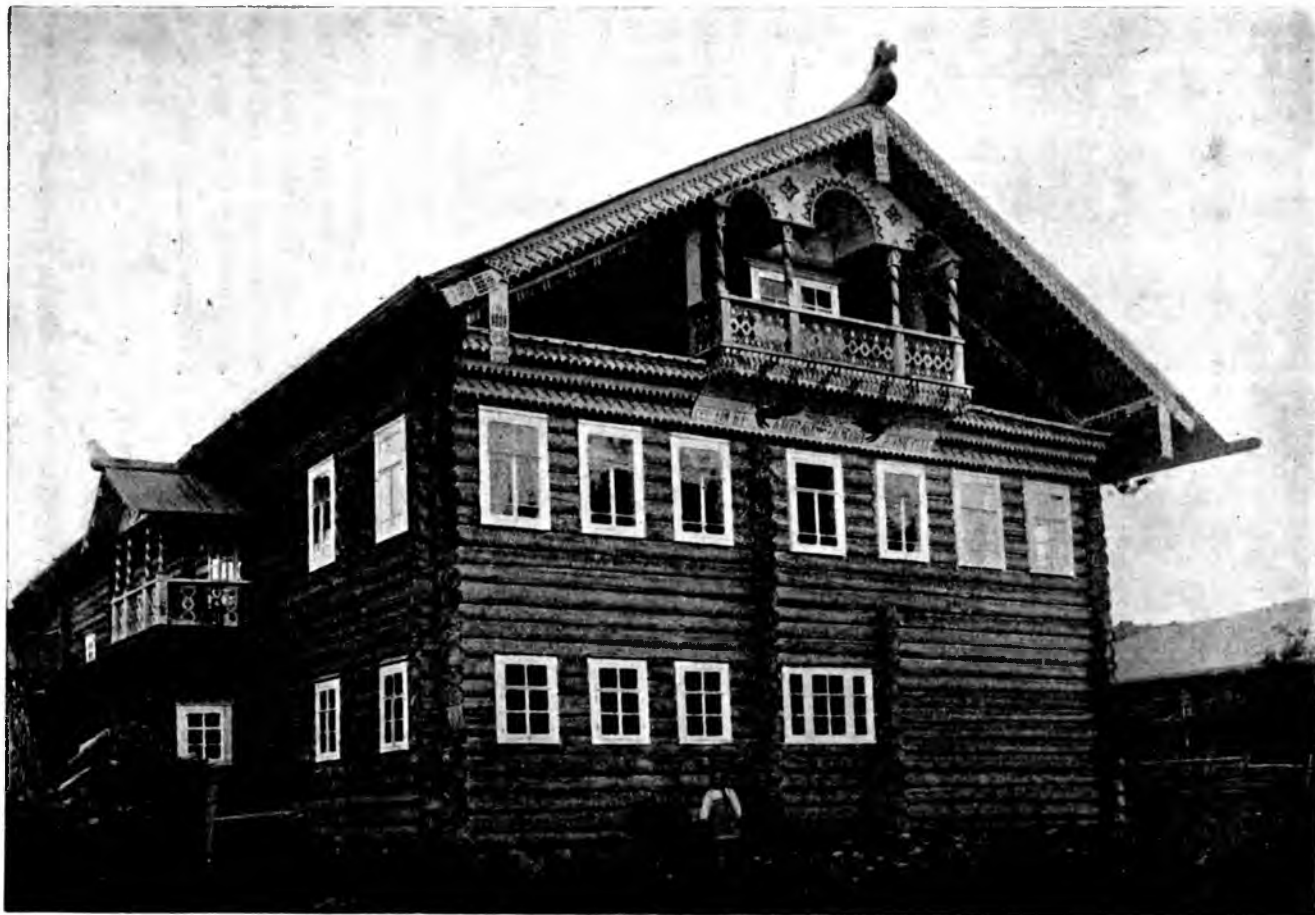

Рис. 6. Передь.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в. Том. у.).

въ послѣднее время называютъ фундаментомъ ¹. Камни выбираются изъ валуновъ, въ которыхъ обыкновенно нѣтъ недостатка, болѣе или менѣе плитообразной формы и иногда въ нѣсколько десятковъ пудовъ вѣсомъ; большіе камни, впрочемъ кладутся лишь подъ углы, а подъ стѣны—значительно меньшихъ размѣровъ; иногда же подъ стѣны, вмѣсто камней,—столбы („стѣльё“). Такой фундаментъ изъ камней складывается почти всецѣло на поверхности земли, лишь нѣсколько, для устойчивости и ровности, углубляясь въ землю; такъ что закладныя бревна всегда лежатъ выше поверхности земли, и подъ ними, между камней фундамента, нерѣдко остаются дыры, въ которыя пролѣзаютъ кошки, куры, собаки и даже иногда ребятишки.

„Рубятъ передъ“, какъ и зимнюю избу, также „на моху“, т. е. при укладкѣ бревенъ, подстилая каждое изъ нихъ мхомъ. Такъ какъ было бы трудно, почти невозможно, находить бревна длиною во всю ширину переда (около 6-ти саж.), то, употребляя бревна длиною лишь

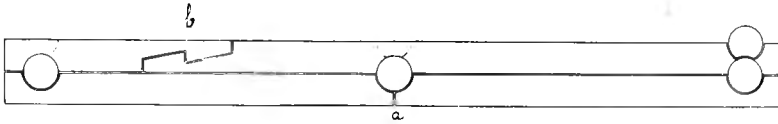

Рис. 7.

отъ угловъ до средней стѣны, трехсаженныя, приходится, для прочности, нѣкоторыя изъ нихъ связывать „въ замок“, „сращивать“. (На рис. 7 въ *a* показанъ способъ соединенія бревенъ у средней стѣны, а въ *b*—„замокъ“ или „сросты“).

Въ одной половинѣ переда устраивается лѣтняя изба, а въ другой — горница, каждая съ отдѣльнымъ обыкновенно входомъ съ „лѣтнево мѣсту“ (изъ лѣтнихъ сѣней), занимающаго всю ширину дома между передомъ и середкой. Какъ въ той, такъ и въ другой полъ представляется въ видѣ простаго настила изъ толстыхъ досокъ или плахъ, идущихъ отъ передней стѣны до задней, во всю длину, и уложенныхъ на переводахъ (балкахъ); подполковъ не бываетъ. Потолки или накаты дѣлаются изъ такой же длины и толщины досокъ, поддерживаемыхъ по срединѣ матицами; въ горницахъ иногда, особенно въ послѣднее время, вмѣсто обыкновенной матицы укладывается одна или двѣ балки; между этими балками и стѣнами набирается потолокъ изъ короткихъ досокъ, укрѣпляясь въ пазахъ балокъ и стѣнъ концами „потолочинъ“, такъ что матицы, выступающей подъ потолкомъ, нѣтъ.

Балки эти называются фризам и способъ укрѣпленія потолка при помощи ихъ называется „набирать во фризъ“. Балки-фризы имѣютъ плоскую гладко выструганную нижнюю поверхность, подѣ

¹ Слово, появившееся въ послѣднее время и еще не получившее всеобщаго распространенія.

прямымъ угломъ къ которой идутъ двѣ плоскія боковыя поверхности, на которыхъ сдѣлано по одному прямоугольному каналу, желобу-ройкѣ, въ которые и вставляются концы потолочинъ своими „торцами“. Размѣры торцевъ опредѣляются и шириной ройки, и толщиной досокъ, и глубиной „подрѣзовъ“. Нижняя поверхность фриза можетъ быть приведена въ уровень съ поверхностью потолка, но, для прочности, считаютъ полезнымъ, чтобы она нѣсколько выдавалась къ низу, чтобы, такимъ образомъ, „губы“ фриза были потолще. Итакъ при устройствѣ потолка „во фризъ“ имѣются два „черепа“ съ „надчерепками“, два „фриза“ и три ряда короткихъ потолочинъ, съ „торцами“ и „подрѣзами“ на концахъ. Это скрѣпленіе и представлено въ поперечномъ разрѣзѣ.

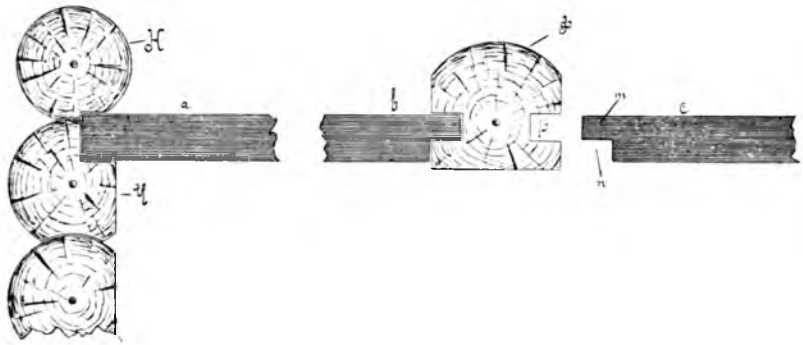

Рис. 8. Потолокъ съ „фризами“. Разрѣзъ.

Φ —фризъ; $р$ —ройки, $г$ —губы во фризѣ; $Ч$ —черепъ; $И$ —надчерепокъ; $а$ —конецъ потолочины, укрѣпляющійся въ стѣнѣ; $в$ —конецъ той же потолочины, укрѣпленный во фризѣ; $с$ —конецъ потолочины съ другой стороны фриза, вынутый изъ него, чтобы видѣть, „торецъ“ (m) и „подрѣзъ“ (n). Другой фризъ и другой черепъ съ надчерепкомъ не изображены (Должны быть правѣ). Нѣсколько схематизировано.

Въ только что описанномъ, какъ и въ другихъ случаяхъ настилки потолка или пола изъ досокъ, послѣднія укладываются рядомъ, вплотную, и сколачиваются, при помощи клиньевъ и „росколотокъ“, до полного сближенія; это называется набирать въ „приплѣтъ“. Однако издавна существовалъ, особенно часто практиковавшійся въ лѣтнихъ горницахъ и избахъ болѣе зажиточныхъ домовъ, еще иной способъ набирания (укладыванія) потолковъ, а именно,—„въ закрѣй“. При этомъ способѣ доски „потолочины“ укладываются въ два ряда такимъ образомъ, что въ нижнемъ изъ нихъ между ними остаются промежутки (широкія щели), на которые сверху накладываются „потолочины“ второго ряда, лежащія однако каждая своими краями въ прямоугольныя выемки двухъ сосѣднихъ потолочинъ нижняго ряда, какъ показано на рис. 9. Концы потолочинъ укрѣпляются въ „черепахъ“, а середина ихъ поддерживается матицей. Потолочины нижняго ряда

по краямъ снизу „дорожень“ (канеллированы) при помощи т. наз. „дорожника“, дѣлающаго по краю доски фигурный рубчатый желобокъ.

Внутреннее устройство и расположение частей лѣтней избы мало чѣмъ отличается отъ такового зимней, но все таки нѣсколько иное.

Входная дверь также располагается на срединѣ стѣны, и иногда нѣсколько большаго размѣровъ, чѣмъ въ зимней избѣ. Налѣво отъ входа въ углу между входной и внутренней стѣной—такая же глиняная печь съ трубкой, обращенная устьемъ къ противоположной отъ входа стѣнѣ съ окнами; рядомъ съ печью можетъ быть также голбець. Передъ печью, за заборкой,—шомныша. Сутки занимаютъ уголь противоположный отъ входа, правый; въ суткахъ божица и обѣденный

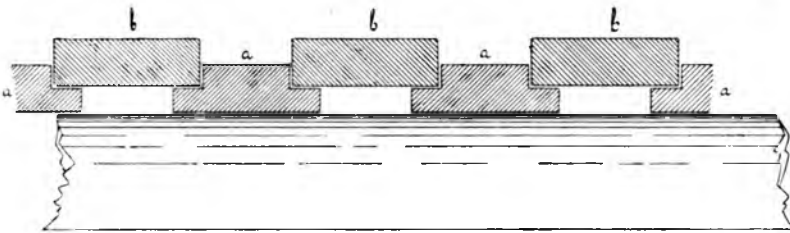

Рис. 9. Поперечный разрѣзъ части потолка „въ закрѣй“.

а—потолочны нижняго ряда; в—потолоч. верхн. ряда; подъ нижними—часть матицы.

столь. Полати—надъ входомъ, идутъ почти отъ печи и до правой (отъ входа) стѣны. Вокругъ у стѣнъ идутъ лавки и полцы. Стѣны всегда отесаны и выструганы. Оконъ обыкновенно три на противоположной отъ входа стѣнѣ (одно изъ нихъ—въ шомнышу) и два, рѣже одно или три, на правой стѣнѣ. Размѣры оконъ нѣсколько больше, и въ двухъ изъ нихъ или и больше—распашныя или открывающіяся на одну сторону (цѣликомъ) рамы. Иногда направо въ углу подъ полатами ставится деревянная кровать. Ушатъ съ водою, а также умывальникъ съ лоханью часто вовсе не ставятся въ лѣтней избѣ, а пристраиваются гдѣ-нибудь „на мосту“ (въ сѣняхъ). Черезъ шомнышу ведутъ двери, въ средней капитальной стѣнѣ переда,—въ горницу.

Горница, кромѣ входа изъ избы, имѣетъ всегда еще и отдѣльный входъ съ мосту (изъ сѣней), съ такими же простыми, въ одно полотно, дверями; этотъ входъ всегда лежитъ дальше отъ крыльца чѣмъ входъ въ избу, и дверь его также располагается примѣрно по срединѣ стѣны. Войдя въ горницу, мы видимъ налѣво въ углу у противоположной отъ входа стѣны божицу съ иконами, часто занимающую значительно больше мѣста, чѣмъ божица въ избѣ; въ томъ же углу (въ суткахъ) стоитъ столъ, такихъ же примѣрно размѣровъ, какъ и обѣденный въ избѣ, только всегда крашеный; около стола, со стороны стѣнъ идутъ лавки или скамьи, а съ двухъ другихъ—обы-

кновенно стоять стулья или табуреты. Направо впереди около дверей изъ избы часто ставится другой, меньшихъ размѣровъ, столъ, тоже крашенный; на немъ обыкновенно въ праздники ставятъ самоваръ или братыню съ пивомъ; ближе къ входной двери стоитъ „камотъ“, т. е. высокій посудный шкафъ, раскрашенный и часто съ рѣзбой; между шкапомъ и входной стѣной, въ правомъ ближнемъ углу, стоитъ деревянная широкая кровать. Часто убранство горницы этимъ и ограничивается. Печи здѣсь не

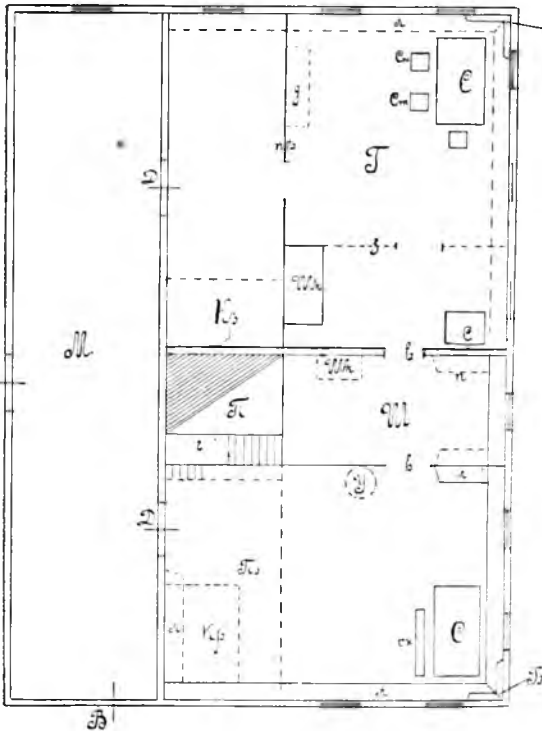

Рис. 10. Планъ одноэтажнаго (на подвалахъ) переда.

И—изба, Г—горница, III—шомныша; М—лѣтній мостъ (сѣни); Д—входы изъ сѣней въ избу и горницу; в—входъ изъ избы въ горницу; По—мѣсто полатей; с—столъ, ск—скамьи, ст—стулья, л—лавки; Б—божницы; П—печь, г—годбець; шк—шкапы; п—полки; у—ушатъ съ водой; пр—переборка съ дверью; з—возможная переборка или занавѣска; д—диванъ; кр—кроватьи. В—„ворота“, входъ съ улицы въ сѣни.

бываетъ, полицъ—также. Несмотря на такое простое убранство, горница производитъ весьма пріятное впечатлѣніе своимъ просторомъ, свѣтомъ и нарядностью, такъ какъ окна бываютъ большія и число ихъ рѣдко бываетъ меньше пяти: три—на передней, противъ входа, стѣнѣ и два (иногда и три)—на лѣвой; сверхъ того, стѣны или блещутъ своей бѣлизной, такъ какъ ни дыму, ни пыли здѣсь не бываетъ, или сплошь почти, по крайней же мѣрѣ—въ суткахъ и вблизи ихъ,—оклеиваются картинами.

У болѣе зажиточныхъ крестьянъ рѣдко горница еще раздѣляется перегородками; вмѣсто лавокъ и скамеекъ—стулья въ достаточномъ числѣ (съ простыми или рѣшетчатыми сидѣніями); имѣется мягкій диванъ, зеркало и картины въ рамкахъ. Стѣны иногда оклеиваются „шпанерами“ (обоями), а потолокъ—бѣлой бумагой.

Подъ лѣтней набой и горницей, въ случаѣ одноэтажнаго

переда, имѣются подвалы, входъ въ которые бываетъ всегда снаружи, то съ той, то съ другой изъ свободныхъ сторонъ. Часто въ подвалахъ нѣтъ ни пола и никакихъ особенныхъ приспособленій для хозяйственныхъ надобностей. Въ такомъ случаѣ они являются складочными мѣстами для всевозможныхъ деревянныхъ вещей и подѣлокъ, отсутствіе пола для которыхъ считается благоприятствующимъ обстоятельствомъ

въ цѣляхъ предохраненія отъ высыханія и растрескиванія. Сюда нагромождаются кадки, ушаты, корыта, пивныя бочки, лопаты, сырое дерево для мелкихъ подѣлокъ и проч. Иногда подвалъ приспособляется, какъ погребъ, или амбаръ, иногда-же какъ мелочная лавочка. Въ этихъ случаяхъ имѣются всѣ необходимыя спеціальныя приспособленія: погребная яма, или полъ, засѣки (сусѣки), полки и проч. Если въ избѣ имѣется голбець, то изъ него въ подвалъ нерѣдко ведетъ лѣстница.

Можно встрѣтить и совсѣмъ не утилизируемыя подвальные помѣщенія; въ нихъ даже двери не прорубаются, лишь небольшія отдушины-окошечки, „вѣтрянныя“, сообщаютъ съ наружной средой эти помѣстительныя, высокія (во всякомъ случаѣ — выше человѣческаго роста) пустыя камеры, служащія лишь основаніемъ для лѣтнихъ жилыхъ помѣщеній—избы и горницы.

Недаромъ въ настоящее время даже у крестьянъ средней зажиточности все чаще начинаютъ отстраивать двухъэтажныя переды: разница въ матерьялѣ на рубку стѣнъ получается очень небольшая.

Въ „двоэтажномъ“ переду низъ, т. е. нижній этажъ, имѣетъ такое же устройство, какъ и въ одноэтажномъ; все жилое помѣщеніе послѣдняго какъ будто опускается на мѣсто подваловъ; лишь входъ изъ сѣней въ горницу можетъ иногда отсутствовать, такъ какъ на его мѣстѣ можетъ начаться уже подвальная пристройка къ переду, занимающая часть нижняго этажа сѣней (моста).

„Верхъ“ или второй этажъ можетъ быть устроенъ или такъ же, какъ и низъ, съ избой и горницей, или въ немъ избы съ печью-пекаркой не бываетъ; въ послѣднемъ случаѣ надъ нижней избой устраивается болѣе теплая горница, а надъ нижней горницей—болѣе прохладная. Здѣсь могутъ быть, впрочемъ, разныя варіаціи, въ зависимости отъ достатка, состава семьи и проч.

Надъ избой и горницей, „въ переду“ устраивается еще всегда вышка. Она имѣетъ небольшіе размѣры, занимая съ фасада 3—4 аршина и около 4—5 аршинъ по длинѣ, и является необходимой надстройкой переда, укрѣпляющей переднюю его стѣну подъ крышей; въ то же время служить она и небольшой лѣтней горенкой, въ которой очень часто помѣщается взрослая хозяйская дочь, со своими нарядами („скрутой“) или взрослый парень съ гармоникой и проч. Иногда она служитъ кладовой. Въ вышкѣ имѣется одно или два простыхъ окна, или одно „тальянское“ (итальянское) окно; иногда отсюда бываетъ ходъ на „баухонъ“ (балконъ) или „выходы“. Нерѣдко въ послѣднее время вышку зовутъ мизиминомъ. Входъ „на вышку“ (въ вышку) бываетъ или съ повѣти или съ мосту (изъ сѣней) по особой, всегда неширокой, лѣстницѣ.

3) Серёдна.

Между передомъ и задомъ помѣщается третья часть—середка дома являющаяся, дѣйствительно, его серединой. Она можетъ не содержать ни одного жилого помѣщенія, но зато включаетъ въ себѣ очень важ-

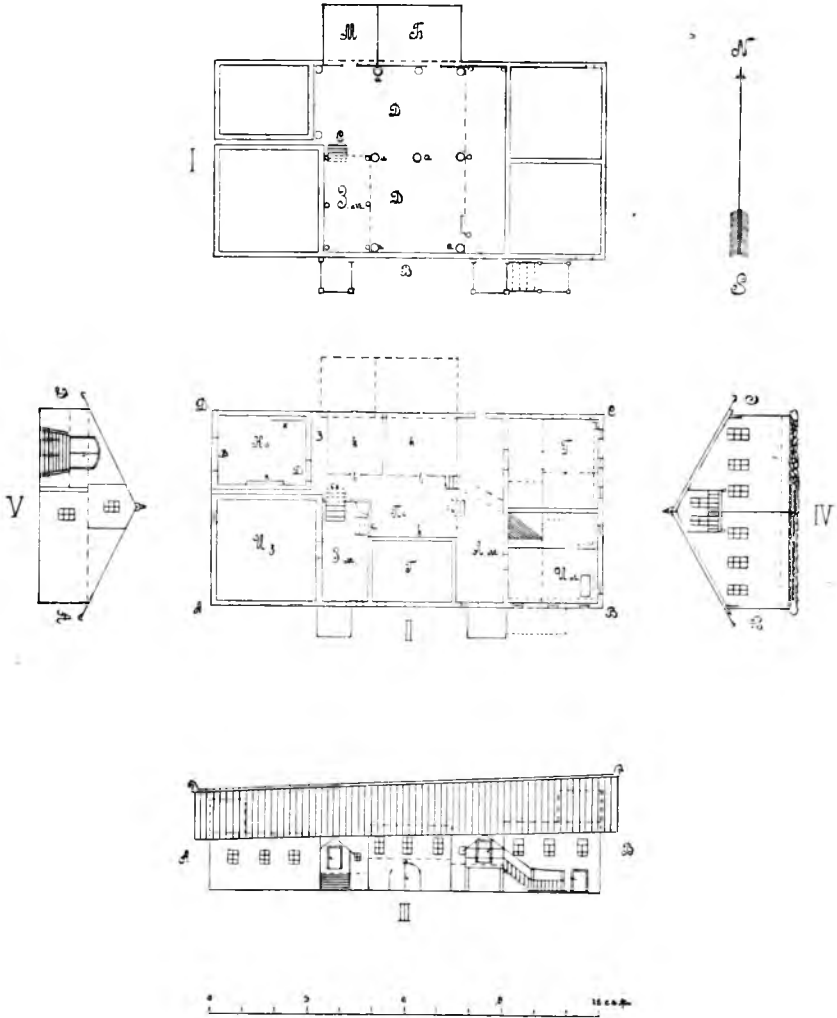

Рис. 11. Планъ и фасады дома (схематично)

I—Планъ въ нижней части (скотный дворъ). II—Планъ повѣти и жилыхъ помѣщеній на уровнѣ АВ (II); III—главн. боков. фасадъ, IV—передній, V—задній фасадъ.

ныя хозяйственныя помѣщенія и пристройки. Прежде всего здѣсь помѣщается скотный дворъ съ хлѣвами; надъ нимъ—повѣти съ клѣтками, кладовыми и проч.°

Находясь между двумя жилыми частями дома, передомъ и озадкомъ, середка не нуждается съ этихъ двухъ сторонъ въ своихъ собственныхъ стѣнахъ; лишь двѣ другія противоположныя, боковыя, стороны должны быть ограждены стѣнами; однако и здѣсь нижняя часть одной стѣны, или части ея, до высоты повѣти обыкновенно замѣняется постройками хлѣбовъ, а верхнія части обѣихъ стѣнъ—различными надстройками (клѣтками и проч.) на повѣти. Если въ домѣ нѣтъ переда (еще не построенъ) или озадка (сломанъ за ветхостью или при дѣ-

Рис. 12. Боковой фасадъ дома.

(Дер. Рыкаловская, Спасск. в. Тим. у.).

лежѣ дома), то нерѣдко съ соответствующей стороны середка съ низу до крыши, а иногда-до повѣти, забирается старыми досками, тесомъ, жердями и чѣмъ попало.

Боковыя стѣны тянутся вдоль дома, служа продолженіемъ соответствующихъ боковыхъ стѣнъ озадка и переда и образуя вмѣстѣ съ ними съ одной стороны боковой лицевой фасадъ дома, а съ другою, противоположной — задній боковой фасадъ. Со стороны перваго всегда почти и устраиваются входы въ зимнюю избу, въ передъ и въ середку (См. рис. 12).

Нерѣдко оба боковые фасада дома получаютъ ломанными вслѣдствіе того, что ширина отдѣльныхъ корпусовъ озадка, середки и пе-

реда, особенно въ разное время построенныхъ, можетъ оказаться различной, и боковыя стѣны одного изъ этихъ корпусовъ могутъ явиться не прямымъ продолженіемъ таковыхъ же другого, а лишь направляться параллельно продолженію ихъ, что особенно часто можно видѣть на задней боковой стѣнѣ дома (Рис. 12 и 21).

Если со стороны озадка и переда середка не нуждается, какъ было упомянуто, въ своихъ собственныхъ стѣнахъ для огражденія, то для укрѣпленія корпуса середки, а также и для отдѣленія повѣти отъ сѣней — эти стѣны являются необходимыми, хотя бы и не цѣликомъ и не въ сплошномъ видѣ, а иногда только въ формѣ нѣсколькихъ поперечныхъ балокъ, связывающихъ боковыя стѣны середки.

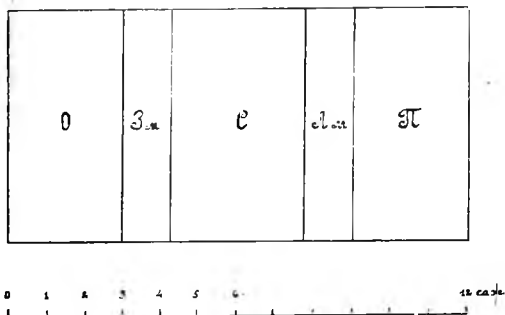

Рис. 13 (схема.)

О—озадекъ, З. м—зимн. мостъ, С—середка,
Л. м—лѣтній мостъ, П—передь.

При одновременной стройкѣ озадка, середки и переда границы между этими тремя корпусами могутъ быть совершенно сглажены съ внѣшней стороны, и тогда весь домъ будетъ представлять сплошной продолговатый корпусъ, раздѣленный поперекъ четырьмя стѣнами на пять отдѣльных частей: озадокъ или задъ, зимній мостъ (сѣни), собственно середка (главн. обр. повѣти) лѣтній мостъ и передь.

Но такъ какъ постройка всего дома одновременно во всѣхъ его главныхъ частяхъ можетъ вестись лишь въ весьма зажиточныхъ хозяйствахъ, то и является весьма рѣдкой. Поэтому обычнымъ надо считать тотъ случай, когда корпусъ всего дома составляется изъ трехъ вплотную сближенныхъ корпусовъ: переда, середки и озадка.

Если отрѣшиться отъ деталей устройства, то въ существѣ дѣла середка представляетъ изъ себя какъ бы большой сарай, раздѣленный досчатымъ помостомъ (повѣти) на два этажа — нижній и верхній; первый, безъ пола, служитъ для помѣщенія скота и называется скотнымъ дворомъ или просто дворомъ, а второй, отъ помоста повѣти до крыши, — для помѣщенія всякаго домашняго скарба, частью корма для скота.

Мѣсто для *скотнаго двора* предварительно выравнивается и нѣсколько углубляется, чтобы жидкій навозъ не вытекалъ за стѣны двора на внѣшнюю сторону.

Стѣны скотнаго двора (середки) закладываются также на камняхъ или короткихъ деревянныхъ столбикахъ (ступльчикахъ) и возво-

дятся безъ прокладки мхомъ; помѣщеніе, слѣдовательно, бываетъ всегда холоднымъ. Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, кромѣ скотнаго двора, для скота требуются еще и другія, теплыя помѣщенія—хлѣвы, которые должны быть или въ одной связи или въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ со скотнымъ дворомъ; и, дѣйствительно, хлѣвы или примыкаютъ къ скотному двору или какой либо своей частью, а то и цѣликомъ, строятся внутри двора. Отсюда понятно, что вмѣстимость и видъ скотнаго двора, въ зависимости отъ расположенія хлѣвовъ (часто и конюшня устраивается здѣсь же), могутъ быть весьма разнообразны; это разнообразіе можетъ быть и еще увеличено тѣмъ или другимъ видомъ устройства мостовъ, или сѣней. Дѣло осложняется еще и тѣмъ, что хлѣвы, будучи теплыми, значить, — плотно, „на моху“ срубленными помѣщеніями, отъ постоянной испарины въ нихъ сравнительно быстро сгниваютъ, и требуютъ перестройки, когда еще остальные части середки сохранились почти новыми; ихъ поэтому надо ставить такимъ образомъ, чтобы можно было перестраивать потомъ заново, не ломая другихъ частей середки дома.

Если ширина двора невелика, то съ самаго основанія могутъ возводиться всѣ четыре стѣны почти сплошными; лишь въ боковыхъ стѣнахъ остаются просвѣты: въ одной — для воротъ, въ другой — для окна или стѣнки хлѣва; а въ поперечныхъ стѣнахъ просвѣты могутъ и не быть или быть въ различныхъ мѣстахъ, безъ опредѣленнаго назначенія. Когда рубка стѣнъ доведена примѣрно до высоты пола въ зимней избѣ, то ближайшая къ этой послѣдней поперечная стѣнка на этой высотѣ приспособляется вмѣстѣ съ концами продольныхъ стѣнъ, въ качествѣ основы, для зимняго моста (сѣней); отъ нея къ стѣнѣ избы перекидываются балки, укрѣпляясь концами въ стѣнахъ. Все это приспособленіе вмѣстѣ съ указанной поперечной (сплошной или неслошной) стѣнкой середки называется змосьемъ (взмостьемъ). На балки взмостья настилаются вдоль по нему и поперекъ дома толстыя доски — мостовины, образующія зимній мостъ.

Подобнымъ же образомъ возводится и устраивается при помощи другой поперечной стѣны середки, между нею и передомъ, лѣтнее змосье и на немъ — лѣтній мостъ, на высотѣ, соотвѣтствующей высотѣ пола въ жилыхъ помѣщеніяхъ переда. Обыкновенно, при одноэтажномъ передѣ, лѣтній мостъ бываетъ всегда выше зимняго и чуть-чуть ниже повѣти. Ширина того и другого моста бываетъ 3 — 5 аршинъ, рѣдко больше или меньше, а длина равняется обыкновенно ширинѣ жилого помѣщенія въ передѣ или на озадкѣ.

Итакъ, поперечныя стѣнки середки, образующія взмостья могутъ быть сплошными (глухими) или почти таковыми: въ этомъ случаѣ помѣщенія подъ мостами являются отдѣльными отъ скотнаго двора и почти совершенно не утилизируемыми. Часто однако эти помѣщенія,

при помощи неирравильныхъ лазеекъ и дыръ или болѣе широкихъ прогалинъ на подобіе дверей или воротъ, а иногда и шире—сообщаются со дворомъ, и, въ такомъ случаѣ, особенно въ лѣтнее время, тутъ ютятся мелкій скотъ: овцы, телята, поросята.

При значительной же ширинѣ дома взмостыя глухими не устраиваются и въ значительной части укрѣпляются на столбахъ. Помѣщеніе подь мостами въ этомъ случаѣ являются совершенно открытыми со стороны скотнаго двора и могутъ служить для увеличенія его пространства.

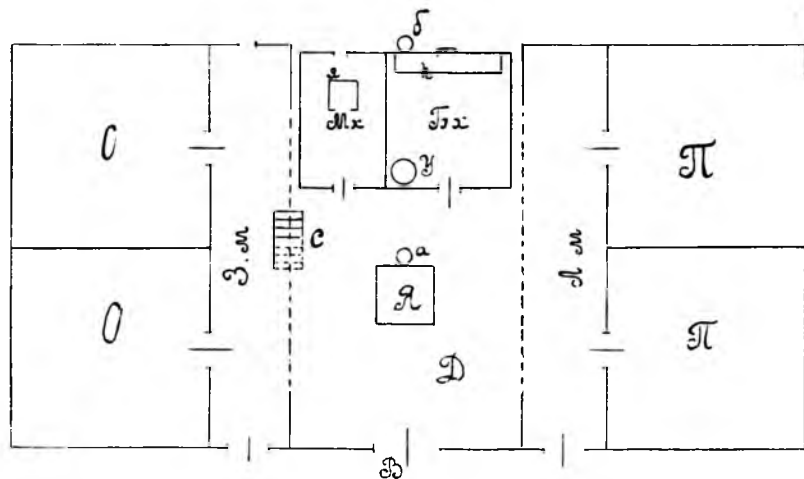

Рис. 14.

На рисункѣ 14 изображенъ планъ скотнаго двора. Д—дворъ, З.м—мѣсто подь зимнимъ мостомъ, Л.м—мѣсто подь лѣтнимъ мостомъ, Мх—малый хлѣвъ, для мелкаго скота, Бх—большой хлѣвъ для коровъ, я—ясли, к—колода, У—ушатъ или кадка для воды (питья) коровамъ, а и б—столбы, с—лѣстница изъ зимнихъ сѣней (моста) на дворъ, В—дворныя ворота, О—озадокъ, П—передь.

Такъ какъ хлѣвы помѣщаются здѣсь внутри скотнаго двора, то размѣры послѣдняго сравнительно невелики.

На рис. 11 представленъ случай, когда хлѣвы только примыкаютъ къ скотному двору извнѣ. Обозначенія тѣ же, что и на рис. 14.

Повѣть, или, какъ здѣсь произносятъ, повѣтъ¹, можетъ имѣть довольно различное устройство. Она служитъ прежде всего какъ бы широкимъ мостомъ, перекинутымъ черезъ скотный дворъ отъ зимняго жилого помѣщенія (черезъ зимній мостъ или сѣни) къ лѣтнему (черезъ лѣтній мостъ или сѣни); а затѣмъ является основаніемъ, на которомъ созидаются мелкія домовыя пристройки. Высота повѣти надь скотнымъ дворомъ должна быть такова, чтобы можно было подь ней

¹ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого района повѣтъ называютъ еще и сараемъ.

въ скотномъ дворѣ проѣхать на лошади въ полной, какъ зимней, такъ и лѣтней упряжи; для такого вѣзда приспособлены и скотныя ворота, ведущія на дворъ съ улицы.

Когда стѣны середки доведены до уровня лѣтняго моста (при одноэтажномъ передѣ), то, положивши на нихъ еще одинъ—два (рѣдко больше) ряда бревенъ, начинаютъ укладывать переводы, т.-е. балки, для повѣти. Если середка дома не широка и поперечныя стѣны ея выводились почти сплошными, то на нихъ и укладываются переводы, располагаясь вдоль по дому и укрѣпляясь концами, врубленными въ эти поперечныя стѣны; при другихъ условіяхъ переводы идутъ поперекъ дома, отъ одной боковой стѣны къ другой, также будучи врублены своими концами въ эти стѣны. Число переводъ въ первомъ случаѣ—отъ одной до трехъ, а во второмъ—не меньше трехъ. Вслѣдствіе большой длины и массивности переводъ, достигающихъ до полуаршинной толщины, и большой тяжести, какую онѣ предназначаются выдерживать, укрѣпленіе ихъ только на концахъ является недостаточнымъ, и потому для поддержки ихъ внутри скотнаго двора ставятся прочныя массивныя столбы, число которыхъ можетъ быть отъ одного до трехъ подъ каждой переводиной; часто, когда, вмѣсто задней боковой стѣны середки, ставятся хлѣвы, соотвѣтствующій конецъ одной средней переводы, а иногда и другихъ, также укрѣпляется на столбѣ (Рис. 14, б).

На переводы набирается изъ толстыхъ тесинъ (досокъ) или плахъ, называемыхъ въ этомъ разѣ повитницами, самая повѣть: при продолжномъ расположеніи переводъ (или одной переводины) повитницы укладываются поперекъ, располагаясь концами на боковыхъ стѣнахъ середки (Рис. 15), а при поперечныхъ переводахъ—наоборотъ, вдоль.

По окончаніи набирания повѣти, частью уже одновременно съ нимъ, начинаютъ возводиться надстройки надъ ней, выходящія на боковыя стороны середки. Эти надстройки—горницы и клѣты—могутъ быть и видомъ (также размѣрами) и числомъ своимъ различны. Часто на одной сторонѣ повѣти устраивается горница, а на другой—одна или двѣ клѣты; окна горницы располагаются надъ дворными воротами, а маленькія окошечки („витреницы“) клѣтей—надъ хлѣвами. Но число горницъ можетъ доходить до трехъ, такъ же точно и клѣтей: при чемъ одна изъ нихъ, видоизмѣняясь въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, можетъ имѣть значеніе амбара.

Стѣны горницъ и клѣтей при рубкѣ ихъ тѣсно, органически, связываются со стѣнами „середки“, переходя однѣ въ другія. Такъ, въ обычномъ случаѣ, боковая стѣна середки съ лицевой стороны, выходящей на улицу, выше скотныхъ воротъ и врубленныхъ въ нее затѣмъ концовъ переводинъ продолжается кверху, служа въ то же время боковой, фасадной, стѣной горницы; поперечныя стѣны середки, хотя бы и не сплошныя, служившія ниже уровня повѣти, между

прочимъ, для укрѣпленія взмоствій, теперь, выше повѣти, начинаютъ играть роль поперечныхъ стѣнъ горницы; только четвертая внутренняя боковая стѣна горницы, начинаясь отъ повѣти, является совершенно самостоятельной, не служа ни началомъ ни продолженіемъ какой-либо другой. Подобнымъ же образомъ рубятся и клѣты и др. надстройки, выходящія на другую сторону середки. Между горницей (или горницами) и клѣтами остается свободная середина повѣти, въ видѣ болѣе или менѣе значительной площадки, по преимуществу удерживающей

Рис. 15. Середка дома.

(Дер. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.).

Видны „дворныя“ ворота, концы „повѣтницъ“, окно въ горницѣ на повѣти; на улицѣ колодець съ корытомъ для поенія скота.

название повѣти; отсюда ведутъ входы въ клѣты и „горницы—на—повѣть“, а также здѣсь лежитъ и мѣсто прохода изъ зимней части дома въ лѣтнюю. Кромѣ того, отсюда идетъ ходъ на конюшню, когда она находится въ озадкѣ, рядомъ съ зимней избой; и можетъ быть устроена лѣстница на вышку, или и на обѣ вышки. Иногда и собственно повѣть со стороны лѣтняго и зимняго моста (сѣней) отдѣляется глухими стѣнами, въ которыхъ прорубаются только двери для прохода; иногда это отдѣленіе бываетъ менѣе полнымъ—при помощи заборокъ или перилъ (ограды); иногда его и совсѣмъ не бываетъ. Въ послѣднемъ случаѣ повѣть бываетъ открытая съ того и другого моста.

Для подъема на повѣтъ съ зимняго моста всегда ведетъ лѣсенка, а съ лѣтняго—или одинъ „приступокъ“, массивный четырехгранный брусъ, или тоже очень коротенькая лѣсенка, или переходъ бываетъ непосредственный, когда разница въ высотѣ уровня повѣти и лѣтняго моста бываетъ ничтожная.

Расположеніе частей на повѣти, близкое къ только что описанному, показано на II планѣ рисунка 11. *По*—повѣтъ, *Г*—горница-наповѣти, *к* и *к*—клѣти, *в*—входн въ горницу и клѣти, *с*₁—лѣстница съ зимняго моста (*З.м.*) на повѣтъ, *с*₂—съ лѣтняго (*Л.м.*), *Д*—ходъ на конюшню (*Ко*); *з*—„заукъ“, закоулочъ безъ опредѣленнаго назначенія.

Если въ скотномъ дворѣ бываетъ и конюшня, то противъ яслей конюшни на повѣти, смотря по мѣсту расположенія ихъ (яслей), дѣлается дыра для спусканія корма лошадямъ. Часть повѣти при этомъ можетъ быть обращена въ сѣноваль; для удобства же доставки сюда сѣна, въ задней боковой или задней поперечной (если въ озадкѣ одна изба, а не двѣ) стѣнѣ прорубаются широкія ворота, черезъ которыя мечуть снаружи сѣно или по особому „взвозу“ привозятъ прямо на повѣтъ. Вся середка дома при этомъ дѣлается помѣстительнѣе, увеличиваясь въ длину, иногда настолько, что боковыя стѣны пересѣкаются (перерубаются), и чрезъ то связываются, еще третьей поперечной, хотя и не проходной, стѣной; и тогда говорятъ, что „середка съ перерубомъ“. (См. рис. 12).

Лишь съ окончательнымъ установленіемъ распределенія частей и устройствомъ повѣти съ ея надстройками окончательно устанавливается и устройство и видъ мостовъ или сѣней.

На рис. 16 и 17 представлены планъ и видъ зимняго моста, при одной зимней избѣ въ озадкѣ, слѣд., когда сѣни идутъ не во всю ширину дома.

Войдя черезъ зимнія ворота, т.е. входную дверь (*В*) съ крыльца въ зимнія сѣни (*М*), видимъ, что слѣва онѣ ограничены входною стѣною зимней избы (*И*) съ массивной дверью (*Д*), повѣшенной на трехъ желѣзныхъ петляхъ, насаженныхъ на толстые желѣзные же крюки; дверь сколачивается изъ досокъ до 1½ вершковъ толщиною, скрѣпленныхъ двумя нарвами. Направо, противъ стѣны избы, мостъ ограниченъ поперечной стѣною „горницы-на-повѣтъ“ (*Г*) [на фотогр. рис. виденъ лишь одинъ задній уголъ этой стѣны]; у стѣны этой имѣются двѣ полки: одна на высотѣ полицъ избы, а другая—почти на высотѣ лавокъ въ избѣ, или нѣсколько выше (*n, n*); тутъ же имѣется обыкновенно простой деревянный шкафъ (*ш*), куда ставятся для охлаждения или хранения нѣкоторыя кушанья и провизія. Дальше направо, за угломъ горницы видны края повѣти (*По*) и лѣстница (*Л.м.*) ведущая на повѣтъ; за лѣстницей поставленъ дощатый щитъ, (*щ*) для прикрытія дыры (*д*) въ концѣ моста, служащей отхожимъ мѣстомъ. Прямо впереди, ближе къ избѣ, спускается лѣстница (*с*) на скотный

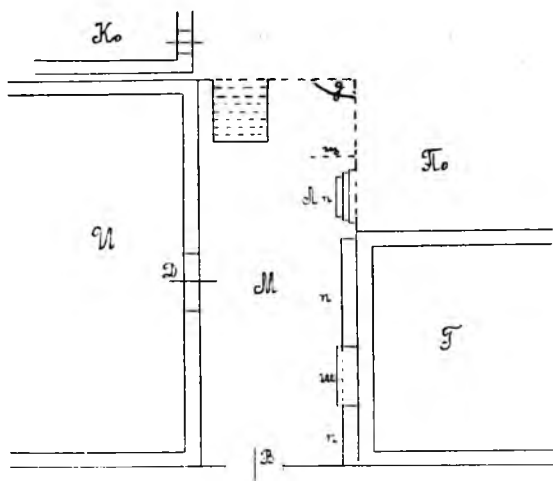

Рис. 16.

Рис. 16 и 17. Планъ и видъ зимняго моста (сѣней).
(Дер. Рыкаловская, Спасск. вол., Тот. у.).

М—мостъ; *В*—входъ на него съ улицы; *И*—зимн. изба; *Д*—дверь изъ сѣней въ избу; *Г*—горница на повѣти; *Пo*—повѣтъ; *Лн*—лѣстница на повѣтъ; *С*—спускъ на скотный дворъ, по которому женщина подымается оттуда въ сѣни; на уровнѣ ея плечъ—край повѣти, по которому идутъ перила; дальше прямо на повѣти видна клѣтъ съ дверью; между клѣтью и перилами—кровать; *ш*—щикъ; *д*—дыра (отх. м.); *п,п*—полки; *ш*—шкапъ.

Рис. 17.

дворъ (на рис. 17 по этой лѣстницѣ подымается женщина съ ведромъ, въ которомъ она носила пойло скоту). Еще дальше, черезъ большую вертикальную дыру-щель, образуемую различными уровнями конца моста и края повѣти, видна стѣнка хлѣва на скотномъ дворѣ; а выше по краю повѣти идутъ перила, за которыми непосредственно вплотную къ нимъ поставлена на повѣти деревянная кровать, для спанья лѣтомъ; дальше за кроватью видна дверь въ клѣтѣ и значительная часть передней стѣны самой клѣтѣ, на потолокъ которой съ повѣти насованы корзины, полозья, дуги отъ саней и проч. и проч. Между кроватью и клѣтью, по повѣти за уголь избы налѣво ведетъ ходъ на конюшню (*Кo*).

Направо отъ входа въ сѣни назадъ, между зимними воротами и стѣною горницы, устраивается маленькое окно; въ томъ же углу, въ стѣну горницы, между полками, или на мѣстѣ ихъ, вколачиваются длинныя деревянныя спицы, на которыя вѣшаютъ конскую сбрую: хомуты, уздечки, вожжи и проч.

Нерѣдко въ сѣняхъ устраивается своя божница, обыкновенно на стѣнѣ избы между „воротами“ и входной дверью въ избу; на божницу ставится 1—3 иконы, рѣдко больше. Если же настоящей божницы не устроено, то куда-нибудь въ уголь у входа, или надъ „воротами“ все-таки прикрѣпляется хоть одна старая икона.

Ни потолка, ни какого другого прикрытiя сверху моста не имѣется, за исключенiемъ общей для всѣхъ частей дома крыши.

Видъ и устройство лѣтняго моста мало чѣмъ отличаются отъ таковыхъ только-что описаннаго зимняго, особенно при одноэтажномъ передѣ; лишь мостъ этотъ бываетъ нѣсколько повыше, посвѣтлѣе и попросторнѣе; съ него не бываетъ обыкновенно лѣстницы на скотный дворъ, и „къ скоту“ ходятъ черезъ повѣть и зимнiй мостъ.

При двухъэтажномъ передѣ устройство лѣтняго моста значительно усложняется. Прежде всего, онъ долженъ быть двухъэтажнымъ, и, такъ какъ нижнiй этажъ его приходится на уровень скотнаго двора, то онъ непремѣнно долженъ быть вполне отдѣленъ со стороны послѣдняго; кромѣ того, задняя часть (около $\frac{1}{3}$) нижняго этажа его бываетъ иногда отдѣлена и заключена въ особыя стѣны, въ качествѣ подвального помѣщенiя. „Съ нижняго лѣтняго мосту“, т.-е. изъ нижняго этажа лѣтнихъ сѣней, обыкновенно устраивается ходъ и на скотный дворъ.

Представимъ нѣсколько подробнѣе порядокъ и расположенiе частей сначала въ нижнемъ, а затѣмъ—въ верхнемъ этажѣ лѣтнихъ сѣней.

Съ лѣтняго крыльца (*Кр*) входимъ мы „на нижнiй лѣтнiй мостъ“ (См. рис. 19 и 18, I, *М*). Направо будетъ стѣна лѣтней избы (*И.л.*) со входною въ нее дверью (a_1); налѣво напротивъ—стѣна или досчатая заборка, отдѣляющая мостъ отъ скотнаго двора, также съ дверью (a_3),

на скотный дворъ (Д). Дальше прямо и направо—лѣстница (Л) въ верхній этажъ сѣней („въ верхъ“); за ней у правой стѣны, стѣны переда, шкафъ (ш) для провизіи и полки для молока; прямо дверь (в₂) въ подвалъ (У), а лѣвѣе ея—полки (п) для кринокъ съ молокомъ. Налѣво и дальше отъ входа во дворъ въ дощатую стѣнку между дворомъ и мостомъ вдѣланъ лодокъ съ расширеніемъ въ видѣ раковины, служащій въ качествѣ писсуара (С); дальше на эту же стѣнку навѣшаны косы и грабли, а ближе, по ту и другую сторону входа во дворъ,—конская сбруя; в—„лѣтнія ворота“ (входная дверь съ крыльца

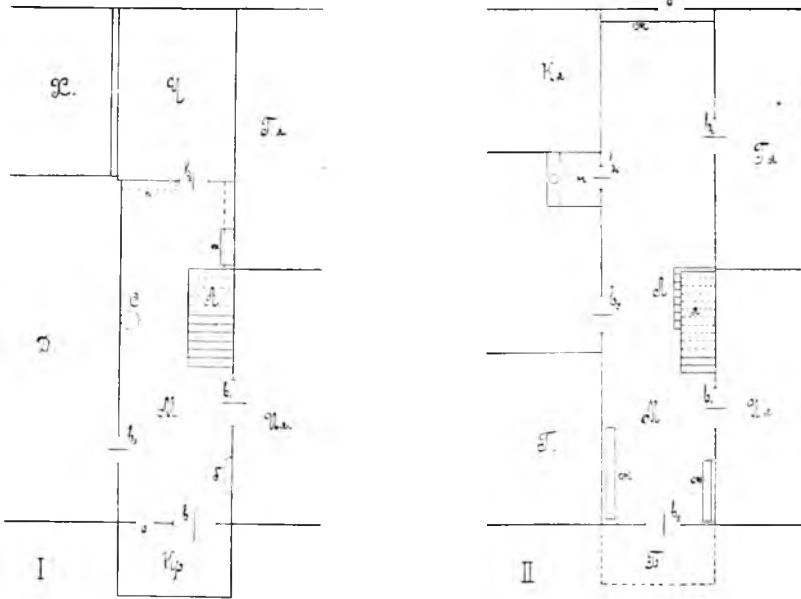

Рис. 18.

въ сѣни); о—окно; б—мѣсто, гдѣ иногда устраивается божица; Г.л.—лѣтняя горница; Х—хлѣвъ. Сверху нижнія сѣни ограничены накатомъ (потолкомъ, служащимъ для верхнихъ сѣней поломъ).

Поднявшись по лѣстницѣ „въ верхъ“, мы увидимъ передъ собой прямо окно (на фотогр. рис. нижняя часть его видна надъ лѣстницей), возлѣ котораго, пониже у стѣнки, протянута лавка (Рис. 18, II, ск.); между окномъ и лѣстницей справа—стѣна лѣтней горницы (Г.л.) съ входной въ нее дверью (в₂), а налѣво—стѣна клѣти (Кл) и еще ближе стѣна или досчатая заборка, перегородка, между повѣтью и верхнимъ мостомъ; въ ней рядомъ съ клѣтью—дверь (в₄) въ отхожее мѣсто (н). Повернувшись теперь налѣво и назадъ, мы очутимся лицомъ къ другому концу верхняго моста (сѣней). Направо вблизи окажется входная дверь (в₃) на повѣть, а налѣво, надъ лѣстницей ведущей съ нижняго моста на верхній,—лѣстница (л.) „на вышку“, нѣсколько поуже пер-

вой; сейчас же за лѣстницей—входная дверь (σ_1) въ верхнюю лѣтнюю избу (*И.л.*), а напротивъ, направо,—стѣна „горницы-на-повѣтъ“ (Γ); прямо—окно, или стеклянная дверь (σ_3) на балконъ (*Б*), находящійся надъ лѣтнимъ крыльцомъ; около этихъ послѣднихъ дверей (или окна) могутъ быть или лавки или скамьи (*ск.*). Надъ верхнимъ мостомъ дѣлается еще пѣдволока или подшивка изъ тонкихъ досокъ, замѣняющая потолокъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о внутреннемъ устройствѣ пристроекъ на повѣти.

Рис. 19. Нижній лѣтній мостъ.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в. Тот. у.).

Горницы могутъ быть теплыя и холодныя, смотря потому,—къ какому основному жилью помѣщенію, къ зимнему или лѣтнему, онѣ принадлежать; а принадлежность эта къ переду или заду опредѣляется устройствомъ и помѣстительностью зимнихъ или лѣтнихъ основныхъ жилыхъ помѣщений, а также составомъ семьи и проч. Такъ напр., если при зимней избѣ совѣзмъ нѣтъ горницы (отдѣльной отъ избы комнатки), то этотъ недостатокъ частенько и восполняетъ горница-на-повѣти, точно такъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда имѣющаяся при зимней избѣ горенка мала, а семейство велико и ведетъ большія знакомства. Однако, если горницъ на повѣти только одна и она является теплою, то ея пользуются иногда и лѣтомъ; нельзя, ко-

нечно, лишь наоборот—пользоваться лѣтней горницей зимою. Въ большихъ домахъ, кромѣ теплой (зимней) горницы, на повѣти можетъ быть одна или двѣ (даже и больше) лѣтнія (холодная) горницы.

Зимняя горница отличается по своему устройству тѣмъ, что она должна быть „сложена на моху“, имѣть болѣе прочно устроенные полъ и потолокъ и, сверхъ всего,—печь.

Если поломъ въ лѣтней горницѣ можетъ служить тотъ же помость повѣти, лишь болѣе гладко здѣсь выструганный, то для зимней горницы приходится набирать еще и второй полъ, пользуясь повѣтью, какъ подполокомъ. На потолокъ зимней горницы приходится насыпать землю или опилки и т. п., точно такъ же, какъ и на подполокъ. Печь—

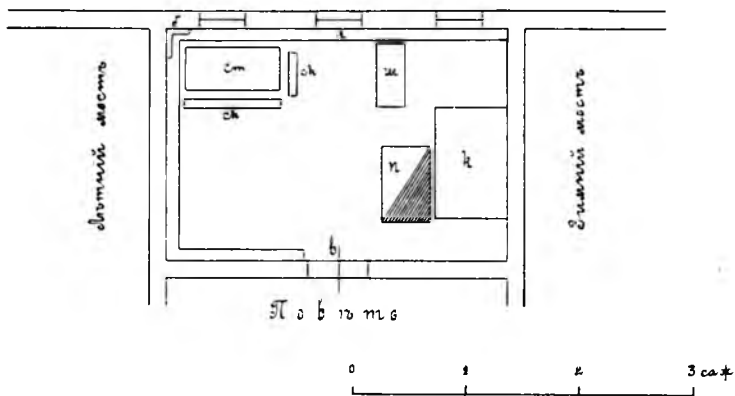

Рис. 20. Планъ горницы.

пекарка въ горницѣ устраивается рѣдко, а обыкновенно складывается кирпичная лежанка.

Чаще всего можно встрѣтить такое, примѣрно, расположеніе частей въ зимней горницѣ на повѣти. (Рис. 20).

Прямо противъ входа—стѣна съ окнами (2—3), возлѣ которой тянется лавка; налѣво, въ углу, составляемомъ этой стѣной и лѣвой поперечной—божница съ иконами („сутней уголь“, или „сѣтки“) и большой столъ, у котораго, кромѣ лавокъ со стороны стѣны, съ двухъ другихъ сторонъ могутъ стоять стулья или скамьи. Направо, отступя отъ стѣны,—лежанка, близъ которой можетъ стоять кровать; тамъ же, ближе къ окнамъ, можетъ быть шкафъ съ чайной посудой. Кровать можетъ стоять и налѣво, въ углу у входной стѣны.

В—входъ съ повѣти, *Ст*—столъ, *ск*—скамьи, *л*—лавки, *б*—божница, *к*—кровать, *ш*—шкафъ, *п*—печка.

Подобное же расположеніе можетъ быть и въ холодной (лѣтней) горницѣ. Лишь нѣтъ печи въ ней. Надо замѣтить, что нерѣдко уже совсѣмъ отстроеными горницами на повѣти не пользуются, какъ жилыми помѣщеніями, а имѣютъ ихъ въ виду про запасъ, на всякій

случай, пользуясь ими какъ складочнымъ мѣстомъ различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей и инструментовъ, а также провизіи— муки, пироговъ, кринокъ молока и пр. и пр.

Клѣти бываютъ приспособлены для храненія платья, бѣлья, холстовъ, болѣе цѣнной посуды, сруи и всевозможныхъ другихъ хозяйственныхъ вещей. Въ нихъ дѣлаются вдоль стѣнъ широкія полки; на свободной отъ полокъ стѣнѣ вбиваются длинныя гвозди, большія деревянныя спицы и грядки, прочныя гладкіе шесты, протянутые отъ одной стѣны до другой. На полкахъ и на полу ставятся нагруженные всякимъ добромъ ящики, лукошки, коробки, сундуки, корзины и проч.; на грядкахъ, спицахъ и гвоздяхъ развѣшивается всевозможное праздничное и запасное платье и бѣлье, шапки, рукавицы, кушаки и проч. и проч.

Клѣтей можетъ быть отъ одной до трехъ и даже больше, смотря по количеству женщинъ въ домѣ, особенно снохъ: каждая сноха требуетъ себѣ отдѣльной клѣти; кромѣ снохиной или снохиныхъ клѣтей, можетъ быть „свекровкаина клить“, „дивья (дѣвичья) клить“, общая клѣть.

Разумѣется, въ бѣдныхъ семействахъ клѣти бываютъ неособенно то нагружены добромъ, но все же холсты, бѣльишко и одеженка почти всегда имѣются хоть въ маломъ запасѣ.

Къ только что сдѣланному перечню различныхъ частей и помѣщеній въ домѣ и описанію нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣдуетъ добавить еще дватри слова относительно конюшни. Уже было указано, что она можетъ помѣщаться въ скотномъ дворѣ, а также и врядъ съ зимней избой, на озадкѣ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, а также и тогда, когда она стоитъ совершенно отдѣльно отъ дома, ее принято строить въ два этажа: нижній—для лошадей, а верхній—для сѣна и др. корму лошадямъ. Если конюшня стоитъ на озадкѣ дома, врядъ съ зимней избой, то входъ въ нижнее помѣщеніе ея, гдѣ стоятъ лошади,—въ стѣю—дѣлается обыкновенно въ задней поперечной стѣнѣ дома (см. рис. 11, V и II); надъ нимъ выше дѣлаются широкія ворота, къ которымъ ведетъ бревенчатый, болѣе или менѣе отлогій помостъ, въ видѣ наклонной плоскости, называемый звозомъ (см. рис. 21), по которому привозится на конюшню сѣно и другой кормъ лошадямъ. (См. звозъ у отдѣльностоящей конюшни, на рис. 37). Помѣщеніе для лошадей пола не имѣетъ и иногда разгораживается жердями на отдѣленія, называемыя также стѣями. Если или колода для корма придѣлываются обыкновенно къ стѣнамъ. Въмѣсто окошка, дѣлается лишь небольшая „витреница“. Стѣны бываютъ складены обыкновенно безъ моху и не конопатятся. Потолокъ надъ собственно конюшней (стаей) набирается изъ толстыхъ тесинъ или плахъ, а то изъ круглыхъ нетолстыхъ бревень. Противъ яслей на потолкѣ дѣлаются дыры для спусканія корма.

Потолокъ конюшни (стаи) служить поломъ для ея верхняго этажа, имѣющаго значеніе сѣновала, хотя такъ и не называемаго, а извѣстнаго въ формѣ составнаго наименованія—„на конюшнѣ“. На конюшнѣ сѣно складывается въ большія груды около стѣнъ, доходящія иногда до самой крыши, представляющей часть общей крыши дома.

Рис. 21. Озадокъ дома со взвозомъ.
(Д. Березникъ на Усѣѣ, Вельск. у.).

На рис. 11, II, представленъ планъ верхняго этажа конюшни, въ полу котораго сдѣланы два отверстія надъ яслими.

4) Крыша ¹ дома, наружныя его пристройки и украшенія.

Всѣ описанныя выше части дома,—передъ, озадокъ и середка, со всѣми, относящимися къ нимъ подраздѣленіями,—въ концѣ концовъ составляютъ обыкновенно одно цѣлое, одинъ сложный корпусъ, покрытый одной общей крышей,—домъ или дворъ. При одновременной стройкѣ отдѣльныхъ корпусовъ частей дома высота ихъ болѣе или менѣе подгоняется подъ одну прямую (или почти прямую) линію; правда, линія эта никогда не бываетъ горизонтальною и тѣмъ болѣе—параллельною поверхности земли, занимаемой домомъ; напротивъ того, она всегда идетъ наклонно, понижаясь отъ переда къ озадку, благодаря чему только и можно уравнивать верхи различныхъ по высотѣ

¹ На ряду со словомъ крыша употребляется постоянно и слово кровля, которое раньше пользовалось безусловнымъ преимуществомъ надъ первымъ.

отдѣльных частей (корпусовъ) дома; тому же обстоятельству обыкновенно благоприятствуетъ еще и то, что самая высокая часть дома, перёдъ, обыкновенно ставится на болѣе низкомъ мѣстѣ, чѣмъ озадокъ. Такимъ образомъ, общія очертанія бокового фасада имѣютъ форму не прямоугольную, а трапецевидную. (См. рис. 12, а также рис. 11, III).

Когда рубка стѣнъ дома закончена, и надо „крыть крышу“— приступаютъ къ установленію опорныхъ частей крыши. Прежде всего поперекъ дома укладываются свѣзи (связи), идущія отъ одной боковой стѣны къ другой. Каждая свезина (связина) представляетъ изъ себя такую же длинную и развѣ немного менѣе толстую слѣгу (бревно, длинное и ровное), какъ и переводы; число ихъ обыкновенно доходитъ до девяти: три въ переду, по столько же въ середкѣ и озадкѣ; при чемъ по одной „свезинѣ“ приходится на каждую поперечную стѣну дома и по одной промежуточной въ переду, заду и

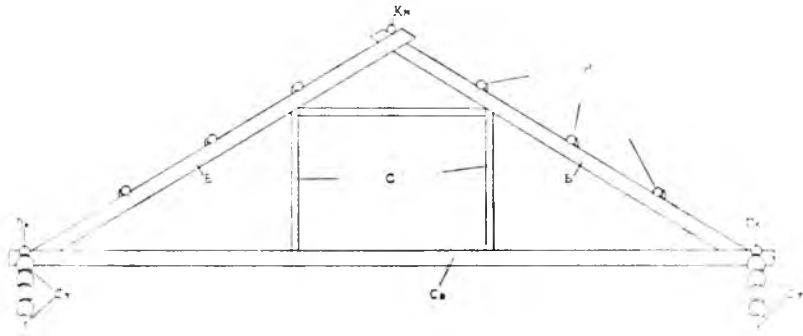

Рис. 22.

середкѣ (всего три промежуточныхъ). На „свезинахъ“ утверждаются быки, или стропила, и кладутся „подкурѣтники“. Быковъ ставится по парѣ на каждую „свезину“, по одному быку (стропилу) съ каждой стороны: при этомъ одинъ конецъ каждого быка укрѣпляется, частью вдабливается, въ соответствующемъ концѣ связины, а другими, приподнятыми навстрѣчу одинъ другому, концами эта пара скрѣпляется между собою, образуя въ мѣстѣ скрѣпленія маленькій перекрестъ. Каждая пара быковъ со своей связиною вмѣстѣ напоминаетъ поставленный своимъ основаніемъ грубый плотничій ватерпасъ, представляя въ тоже время, въ общихъ очертаніяхъ, фигуру равнобедреннаго треугольника, основаніемъ котораго является связина, боковыми сторонами—быки, а крестообразное ихъ скрѣпленіе служитъ вершиною этого треугольника. Иногда подъ вершины быковъ на связинахъ ставится по одному не толстому столбику, которые вверху соединяются между собою перекладиною; столбики именуются стѣйками, а иногда вмѣстѣ съ перекладинами—тоже стропилами.

На рисункѣ 22 изображена, нѣсколько схематично, постановка одной пары быковъ въ разрѣзѣ.

Ст, Ст — продольныя стѣны дома; *Св.* — связина; *Б, Б* — быки (стропила); на нихъ въ поперечномъ разрѣзѣ представлены три пары обрѣшетинъ или рѣшетинъ (*Р*) и одна „кнезевая“ (*Кн.*); *С* — стойки съ перекладиной; *Пк* — подкуретникъ.

Когда быки поставлены, то на нихъ вдоль по дому и поперечно быкамъ кладутся обрѣшѣтины или рѣшетины — длинныя нетолстыя бревна (слѣги), обыкновенно по три съ той и другой стороны и, сверхъ того, одна называемая кнезевой, по самому верху быковъ. На боковыхъ стѣнахъ по концамъ связинъ, у мѣста ихъ скрѣпленія, съ быками полагаются тонкія бревна — подкуретники (подкурятники), служащія, вмѣстѣ съ налагаемыми на нихъ еще болѣе тонкими надкуретниками, для удержанія (укрѣпленія) куриць или куръ, особыхъ крюковъ, съ помощію которыхъ держатся желоба по краямъ крыши. Курицы вырубаются изъ елокъ (2¹/₂—3 вершк. толщ.) исключительно, такъ какъ у этихъ деревьевъ чаще встрѣчаются толстыя корни, отходящія отъ ствола почти подъ прямымъ угломъ; вслѣдствіе чего вырубленная съ частью такого корня елка и даетъ прочный природный крюкъ для курицы. (См. рис. 23).

Рис. 23.

На рис. 23 курица представлена отдѣльно: на рис. 24 изображенъ способъ ея закрѣпленія между „подкуретникомъ“ и „надкуретникомъ“, въ особомъ гнѣздѣ, съ помощію сдѣланнаго на самой курицѣ подрѣза, и положеніе верхняго конца курицы (подъ обрѣшетиной крыши); рис. 25 показываетъ разрѣзъ способа закрѣпленія курицы въ гнѣздѣ.

А — курица; *г* — головка курицы; *з* — зобъ; *ж* — мѣсто желоба; *б* — подрѣзъ; *п* — подкурятникъ; *н* — надкурятникъ; *гн* — гнѣздѣ; *ст* — верхнее бревно стѣны; *об* — обрѣшѣтина, подъ которой лежитъ верхній конецъ курицы.

Какъ укладывается на курицы желобъ, видно на рисункахъ 4, 6, 12 и др.

Сооруженіемъ только что описанныхъ опорныхъ элементовъ крыши стройка дома собственно и считается законченною. Поэтому, когда поднимаютъ послѣднюю самую верхнюю изъ этихъ частей — кнезевую, то устраиваютъ даже особое празднество. — „Плотники-те севодни горланяють пѣсни и не стукуютсе: видно кнезевую подымали, дакъ виномъ Иванъ-отъ (хозяинъ строившагося дома) напоиу“... Такіе разговоры можно слышать по этому случаю. Также говорятъ: „севодни кнезевая! — спрыски съ хозяйна, щобы жить весело было!“.

Той или другой постановкой указанныхъ элементовъ разумѣется

уже опредѣляется и форма крыши дома. Впрочемъ о различныхъ формахъ крыши почти не приходится говорить, такъ какъ съ незапамятныхъ поръ до самаго послѣдняго времени употребляется лишь форма двускатной крыши, какъ нормальная, вполне законченная. Если наряду съ двускатными встрѣчались и встрѣчаются нерѣдко крыши односкатныя, то это считается недостройкой и объясняется

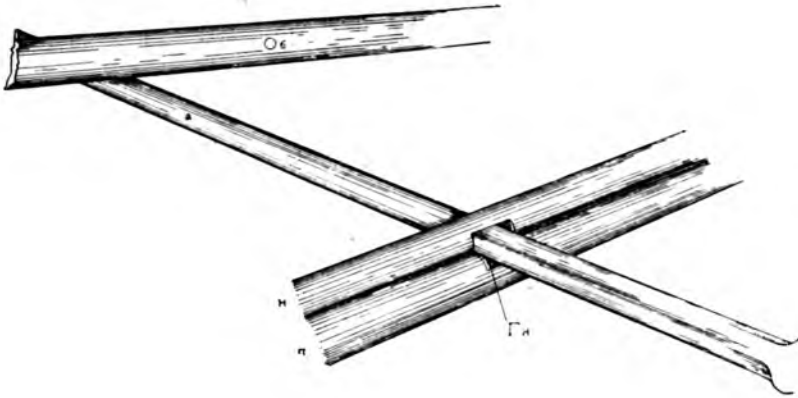

Рис. 24.

или бѣдностью или безпечностью хозяина или какимъ-нибудь неблагопріятнымъ обстоятельствомъ, помѣшавшимъ устроить настоящую крышу (двускатную). Впрочемъ, для настоящаго, полнаго дома, при его весьма значительной ширинѣ, было бы и невозможно устройство односкатной крыши; послѣдняя поэтому чаще встрѣчается на отдѣльно стоящихъ избахъ и разныхъ пристройкахъ при домѣ (хлѣвахъ, баняхъ и проч.). Для односкатной крыши одна стѣна постройки надрубается повыше остальныхъ и отъ нея идущія двѣ поперечныя стѣны

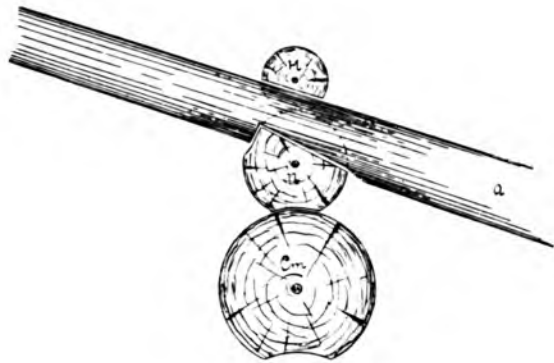

Рис. 25.

скашиваются, понижаясь по направленію къ остальной, четвертой; на эти скошенныя стѣны кладутся обрѣшетины и на нихъ уже—крыша. Средину между настоящей двускатной крышей и односкатной занимаетъ пониженная двускатная же крыша, для которой быковъ не ставится, а по срединѣ дома вдоль дѣлается невысокій надрубъ или на невысокихъ подставкахъ, поставленныхъ на связины, утверждается продольная балка, вродѣ князевой, и затѣмъ по обѣимъ ея сторонамъ

параллельно ей еще по нѣсколькx легкихъ обрѣшетинъ, подпертыхъ тоже на связинахъ; затѣмъ уже на это подобіе настоящихъ обрѣшетинъ настиляется крыша съ едва замѣтными отлогими скатами на двѣ стороны. Такой способъ закрытія называютъ лабазомъ. Говорятъ, что „домъ закрыть лабазомъ“. Иногда это выраженіе можетъ употребляться и по отношенію къ односкатной крышѣ. Крытіе лабазомъ при двухъ скатахъ считается лишь вопіющей недоуѣлкой въ домѣ.

Лишь въ послѣднее время появляются изрѣдка крыши нѣсколько иного устройства,—трехскатныя и четырехскатныя. Нельзя сказать, чтобы такія крыши вовсе не были извѣстны и раньше; онѣ просто не по вкусу, не въ модѣ, да и считаются менѣе удобными. Только все бѣльшая дороговизна лѣса, растущая съ каждымъ годомъ, заставляетъ иногда измѣнять прежнимъ строительнымъ вкусамъ и традиціямъ.

Эволюція въ этомъ отношеніи повидимому совершалась въ такомъ направленіи: сначала двускатная крыша съ бревенчатыми стѣнками и вышками на переднемъ и заднемъ фронтоѣ (въ щипцахъ); затѣмъ одна вышка, на озадкѣ, и бревенчатая стѣнка въ щипцѣ замѣняются поставленной парой быковъ (стропиль), къ которымъ прибивается дощатая зашивка; затѣмъ—съ той же задней стороны, вмѣсто того, чтобы ставить быки и дѣлать зашивку, рѣшили ограничиваться постановкой лишь второй, средней пары быковъ на озадкѣ и отъ вершины ихъ на заднюю сторону дома дѣлать третій откосъ (склонъ) крыши. До четвертаго склона съ передней стороны всего одинъ шагъ, но къ нему еще прибѣгаютъ лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ и то, какъ бы въ видѣ компромиса сохраняется здѣсь вышка съ крышею на ней на два ската. (См. рис. 60). Даже въ названіи формы и способа закрытія на три или на четыре ската—„крыть колпакомъ“—чувствуется нѣкоторая непріязнь, или во всякомъ случаѣ,—недостатокъ симпатіи къ такой крышѣ.

Итакъ, нормальная крыша—на два ската; передняя и задняя стѣны дома подъ крышей принимаютъ форму треугольных щитовъ, повторяющихъ сверху очертанія поставленныхъ и утвержденныхъ стропиль, такъ что всѣ обрѣшетины ложатся на эти скошенныя стѣны, совершенно такъ же, какъ и на быки, выдаваясь впередъ и назадъ своими концами примѣрно аршина на два. Определеннаго и постояннаго названія эти верхи передней и задней стѣнъ не имѣютъ, но иногда называются косникáми или кошникáми. Средины кошниковъ этихъ, какъ было выше упомянуто, скрѣпляются стѣнками вышки.

Крыши бывають почти исключительно тесовыя ¹, при чемъ это

¹ Лишь въ самое послѣднее время начинаютъ появляться крыши драневыя, а соломенныхъ на домахъ не дѣлають вовсе, на другихъ постройкахъ—крайне рѣдко.

слово можетъ быть понимаемо нѣсколько различно—въ настоящемъ его значеніи и видоизмѣненномъ. Тесовыя въ собственномъ значеніи этого слова крыши, хотя и существуютъ еще повсюду, но съ каждымъ годомъ ихъ становится меньше и меньше. Кроются онѣ настоящимъ тесомъ, т.-е. вытесанными съ помощью только топора толстыми массивными досками. Когда-то это изумительно трудное дѣло приготовления теса производилось въ лѣсу; тамъ срубленное дерево раскалывалось и затѣмъ изъ расколотыхъ частей вытесывались доски для крыши—тесины, одна сторона которыхъ дѣлалась въ видѣ неглубокаго желоба, а другая—плоская; на узкихъ доскахъ послѣдняя сторона даже дѣлалась нѣсколько выпуклой. Ширина такихъ тесинъ доходила до $1\frac{1}{2}$ —2-хъ вершковъ; длина же могла быть различной въ зависимости отъ потребности,—въ три, четыре и болѣе сажень.

На обрѣшетины сначала укладывались врьдъ (поперечно обрѣшетинамъ) наиболѣе широкія тесины желобоватой стороной кверху; большой плотности при этомъ не требовалось; на эти тесины—„желобовицы“ укладывался второй рядъ тесинъ, обращенныхъ желобоватой стороной книзу и прикрывающихъ щели между тесинами первого ряда; это тесины-нащилки.

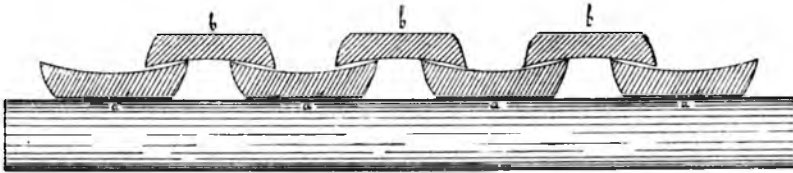

Рис. 26. Разрѣзъ части тесовой крыши.
а—тесины нижнія, желобовицы; в—нащилки.

Верхніе концы тесинъ одного ската сходились на князевой съ таковыми же другого склона крыши, а нижніе концы опускались въ желоба.

Поперечный разрѣзъ (способа укладки) тесинъ виденъ на рисункѣ.

Съ давнихъ поръ уже употребляется и „пиловый“ тесь, приготовляемый предварительной „роспилѣвкой“ дерева на толстыя доски, изъ которыхъ и вытесываются тесины такого же вида, какъ и описанныя, только уже и тоньше.

Въ послѣдніе годы собственно тесовыя крыши начинаютъ быстро уступать свое мѣсто другимъ, кроющимся „въ карту“. Крыша „въ карту“ кроется тоже „тесомъ“, но уже не въ собственномъ значеніи этого слова: тесомъ—т.-е. досками, которыя вовсе не вытесываются, а получаютъ „роспилѣвкой“. Каждая такая „тесина“ можетъ быть такой же длины и даже ширины (хотя обычно и ширина значительно меньшая), какъ и настоящая, но толщина ея обыкновенно не превосходитъ $\frac{3}{4}$ вершка и даже бываетъ меньше. Послѣ распила дерева на такія

тесины, каждая изъ нихъ, по надлежащей просушкѣ, выстругивается съ одной стороны, съ помощію „стружки“ (рубанокъ съ двумя ручками), и „говтелится“ по краямъ съ той же стороны, съ помощію „гоутельника“, образующаго по краю тесины полукруглый каналъ до одного сантиметра глубиною и до трехъ съ небольшимъ сант. ширины. „Строганой и гоутеленой“ стороной эти „тесины“ укладываются одна возлѣ другой сплошнымъ рядомъ, а поверхъ такимъ же образомъ накладывается другой рядъ, при чемъ наблюдаютъ, чтобы каждая верхняя тесина приходилась на промежуткѣ двухъ сосѣднихъ нижнихъ; иногда эти послѣднія употребляются и не полной ширины, тогда между ними щели остаются нѣсколько большія, чѣмъ обычно; верхнія же доски всегда укладываются вплотную одна къ другой.

Рис. 27. Поперечный разрѣзъ части крыши въ „карту“.

Видны два ряда „тесинъ“ на обрѣшетинѣ.

При укладкѣ крыши „въ карту“, „тесъ“ прибивается гвоздями, чтобы при своей сравнительной легкости не сносился сильными вѣтрами. Точно также и здѣсь нижніе концы „тесинъ“ опускаются въ желоба, а верхніе сходятся съ обѣихъ сторонъ на князевой. Поверхъ этихъ концовъ почти всегда возлагаютъ охлупень или князекъ (князекъ, впрочемъ, иногда называютъ переднюю и самую верхнюю часть охлупня), представляющій изъ себя особаго устройства желобъ, прикрывающій самый гребень крыши, гдѣ встрѣчаются верхніе концы обонихъ скатовъ ея; охлупень является вѣнцомъ крыши, а вмѣстѣ и всего зданія, и служить предметомъ заботливыхъ украшеній иногда по всей длинѣ его и всегда—въ передней части, выступающей нѣсколько надъ краемъ верхушки крыши; эта часть имѣетъ форму конька, птицы и т. под., а на протяженіи верхней части всего охлупня разставляютъ рѣзные столбики, „солдатишковъ“, птичекъ и проч. См. рис. 6, 30 и др., а также разрѣзъ и видъ охлупня на рис. 28.

Охлупень иногда прибивается длинными желѣзными гвоздями къ князевой.

По всей длинѣ гребня крыши приходится укладывать обыкновенно не одинъ, а три охлупня, причемъ средній безъ головки, а крайніе имѣютъ на концѣ указанныя украшенія.

Вмѣсто охлупня верхушка крыши иногда укрѣпляется гнетами—двумя продольными толстыми жердями, положенными по ту и другую сторону параллельно гребню крыши, и скрѣпленными на концахъ, выступающихъ надъ краемъ крыши, спереди и сзади,—съ помощію

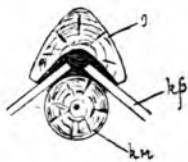

Рис. 28. Охлупень.

О — охлупень въ поперечномъ разрѣзѣ съ частью крыши (Кр) и кнезевой (Кн).

особой доски (или нетолстой довольно широкой балки) съ дырами на концахъ, которыми эта доска и надѣвается на концы гнетовъ; (См. рис. 29) иногда концы гнетовъ прикрѣпляются къ концамъ обрѣштинъ при помощи свитыхъ изъ гибкой измятой вицы (прута, тонкаго молодого ствола дерева) колець (см. рис. 4)

Свободные, выступающіе наружу отъ стѣнъ дома, края крыши, навѣсы, могутъ быть около $1\frac{1}{2}$ —2 арш. шириною. Со стороны передняго фронтона, иногда и задняго, эти навѣсы „обшиваются“ съ боковъ

Рис. 29. Крыша съ гнетами.
(Дер. Бычья на Усѣѣ, Вельск. у.).

и снизу тонкими досками съ различными украшеніями. Подшивка и обшивка эта вмѣстѣ съ украшеніями носятъ названіе подзоровъ. Главными украшеніями подзоровъ являются рѣзба и различные узорчатые дощатые выступы, напоминающіе собою узорчатые концы вышитыхъ полотенецъ и проч.; но нерѣдко подзоры еще и раскрашиваются различными красками. Украшенія подзоровъ почти всегда тѣсно переплетаются и выдерживаются въ одномъ стилѣ съ украшеніями выходовъ, или, какъ теперь стали называть, баухоновъ (балконовъ), устраиваемыхъ часто передъ окнами вышки переда дома. Несмотря на свое названіе „выходы“, балконы являются только для украшенія, и попасть на нихъ можно лишь, пролѣзая въ окно; впрочемъ, въ последнее время появляются и балконы съ выходными дверями изъ вышки, какъ это дѣлаютъ и въ городахъ.

Рис. 30. Наружныя украшенія столбики и птицы на охлупнѣ, рѣзба на балконѣ подзорахъ и окнахъ.
(С. Шангалы, Вельск. у.).

Иногда рѣзба распространяется и на наружныя части косяковъ, наличниковъ (неширокій щитокъ надъ окномъ, прикрывающій „пролетъ“, между верхнимъ косякомъ и вышележащимъ бревномъ, и его задѣлку) и подоконковъ (См. рис. 30).

Въ качествѣ украшенія служатъ также и обоконки (ставни), первоначально имѣвшіе исключительно значеніе защиты отъ холода или выбитія стеколъ, а въ настоящее время устраиваемые въ пере-

дахъ и горницахъ лѣтнихъ и никогда не закрываемые. Обоконки дѣлаются или распашными, открывающимися на обѣ стороны (см. рис. 5 и 30), или одиночными, открывающимися на одну сторону; они обыкновенно съ рѣзбой и раскрашенные.

Рис. 31. Распашные обоконки и наличники оконъ. Зимовка отдѣльно сбоку.
(Дер. Горка въ 4-хъ верст. отъ г. Вельска).

Кромѣ рѣзбы, различныхъ „фигурокъ“, частенько можно видѣть раскрашиванья балконовъ и подзоровъ. Преобладающими цвѣтами

Рис. 32. Раскрашенный „баухонъ“ (выходы).
(Дер. Плоская на Усьѣ, Вельск. у.).

Рис. 34. Крыльцо лѣтнее и зимнее.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.).

Рис. 33. Двойни озадка украшены балкономъ и подзорами.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.).

являются бѣлый, красный, зеленый и синий. Изъ рисунковъ чаще можно встрѣтить цветы, круги, звѣзды (см. рис. 32), а также львовъ, всадниковъ и проч.

Всѣ эти украшения обыкновенно дѣлаются съ фронтона переда, но изрѣдка встрѣчаются и на озадкѣ, если послѣдній не выходитъ лицомъ въ совершенное захолустье. (См. рис. 33).

Излюбленнымъ мѣстомъ украшеній послѣ фронтона переда является часто крыльцо, описанію котораго и придется ниже удѣлить нѣсколько специальныхъ строкъ.

5) Крыльцо.

При домѣ обычно бываетъ два крыльца: зимнее, ведущее на зимній мостъ, и лѣтнее, ведущее на лѣтній мостъ,—оба съ одной боковой стороны дома. „Зимней крылецъ“ рѣдко имѣетъ сколько-нибудь сложное устройство и, въ такомъ случаѣ, это устройство заимствуется отъ лѣтняго крыльца. Часто можно встрѣтить, что открытая срубленная изъ „чурокъ“ или „кряжей“ (короткихъ и не особенно толстыхъ бревень) лѣстница или двѣ-три наклонно положенныхъ врядъ толстыхъ доски, съ набитыми (приколоченными на гвоздяхъ) на нихъ поперечными ступеньками въ видѣ трехгранныхъ брусковъ, ведутъ къ зимнимъ

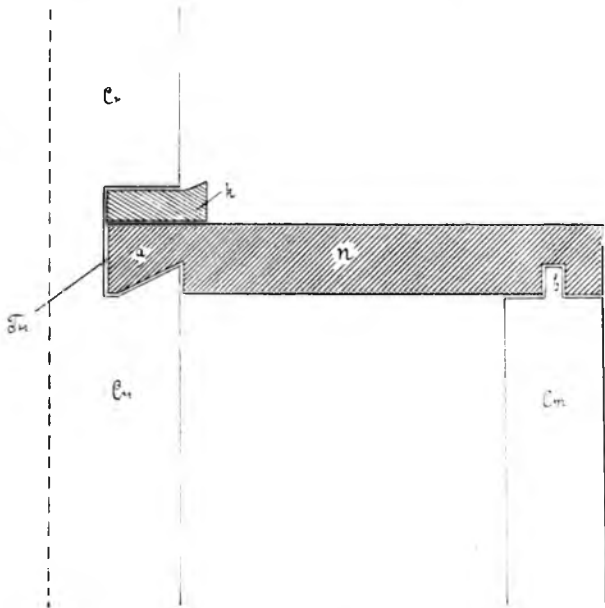

Рис. 35. Способъ скрѣпленія перекладины (балки) крыльца со стѣной и столбомъ. (Схема).

а—„сковородникъ“, *в*—шипъ; оба въ своихъ гнѣздахъ;
сн—стѣна; *ст*—верхушка столба; *н*—перекладина;
к—клинь; *гн*—гнѣздо для „сковородника“ перекладины въ стѣнѣ.

воротамъ“; иногда такая лѣстница, напоминающая парходный трапъ, заканчивается небольшой, тоже открытой, площадкой передъ входомъ. Болѣе сложныя формы встрѣчаются одинаково у зимняго и у лѣтняго крыльца, а еще болѣе сложныя—почти исключительно принадлежать лѣтнему крыльцу.

Наиболѣе типичной, старинной, но весьма распространенной и въ настоящее время, формой лѣтняго крыльца является изображенная на рисункахъ 34, 31 и др.

Крыльцо имѣетъ двѣ площадки верхнюю и нижнюю, соединенныя

лѣстницей, идущей вдоль стѣны переда дома. Все это закрыто общею, довольно сложною крышею. Верхняя площадка устраивается на толстыхъ, врытыхъ основаніями въ землю, столбахъ (два), верхушки которыхъ соединяются со стѣной толстыми перекладинами, иногда еще у стѣнки подпертыми болѣе тонкими столбами. Способъ скрѣпленія перекладинъ такой: на срединѣ верхушки столбовъ дѣлаются прочныя шипы, а въ стѣнѣ выдалбливаются на соответствующей шипамъ высотѣ гнѣзда. Одинъ конецъ каждой изъ двухъ перекладинъ имѣетъ выдолбленную снизу ямку—гнѣздо для шипа, на который потомъ и надѣвается этимъ гнѣздомъ перекладина; а на другомъ концѣ перекладины вырубается особое скрѣпительное сочлененіе, родъ угловатой головки, называемое сковородникомъ, который потомъ и закрѣпляется при помощи клиньевъ въ гнѣздѣ стѣны.

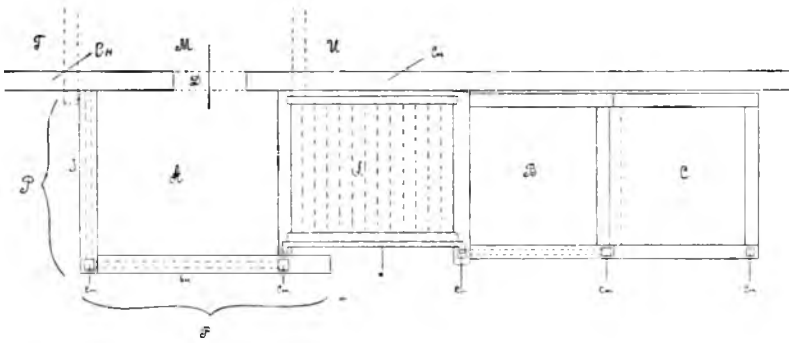

Рис. 36. Планъ лѣтняго крыльца. (Схематично).

А—верхняя, *В*—средняя, *С*—нижняя площадка крыльца; *Л*—лѣстница; *Р*—рондукъ; *З*—задняя, *вн*—внѣшняя стѣнка рондука (обруба); *Д*—входная въ сѣни дверь (лѣтній ворота); *Ст*—столбы, на которыхъ поддерживается крыша крыльца; *п*—дощатый поручень—барьеръ на внѣшней сторонѣ лѣстницы; *Сн*—стѣны дома; *И*—изба въ переду; *М*—лѣтній мостъ (сѣни); *Г*—горница-на-повѣти.

Иногда на верхушки обоихъ столбовъ укладывается предварительно четырехгранный брусъ (на шипы), а затѣмъ идутъ скрѣпленныя съ нимъ уже перекладины къ стѣнѣ; на нихъ еще кладутся, скрѣпляясь между собою шипами и образуя прямой уголъ, срубленный „въ лапу“, брусья съ двухъ сторонъ—задней (*з*) и внѣшней (см. рис. 34 и 36) боковой, параллельной стѣнѣ дома (*вн*).

Брусевъ въ этомъ вырубѣ обыкновенно бываетъ по 2—3 съ той и другой указанныхъ сторонъ. На внутренней сторонѣ нижняго бокового изъ нихъ дѣлается пазъ, черепъ (ройка); въ соответствіи, на той же высотѣ, дѣлается такой же черепъ или пазъ въ стѣнѣ дома; укрѣпляясь концами въ только что указанныхъ пазахъ, настиляется изъ досокъ верхняя площадка (поль) крыльца. Этой площадкѣ вмѣстѣ съ обрубомъ изъ брусевъ съ двухъ сторонъ ея, задней и боковой, присваивается обыкновенно названіе рондука или рундука. Иногда рундукъ не имѣетъ никакихъ надстроекъ (крыши) сверху и вмѣстѣ

съ ведущей на него лѣстницей и составляетъ все крыльцо, которое, однако, въ такомъ видѣ считалось бы не вполне законченнымъ. Въ надлежаще устроенномъ крыльцѣ на вырубѣ рондука надъ вкопанными въ землю основными, поддерживающими рондукъ столбами, утверждаются (вдальбливаются въ обрубъ рондука) болѣе легкія, иногда рѣзные, столбы, служащіе какъ бы продолженіемъ основныхъ кверху; между этими столбами, почти въ средней части ихъ, укрѣпляется, съ внѣшней боковой стороны, перекладина, на которой вдальбливаются еще два вертикальныхъ столбика, отстоящихъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга и концовъ перекладины; на верхушки этихъ столбиковъ и столбовъ, утвержденныхъ въ рондукѣ, кладется снова перекладина. Такимъ образомъ, между двумя этими перекладинами и столбами получаются три промежутка—окна, которымъ можетъ быть придана форма арокъ, своды которыхъ представлены рѣзными рамками и досками. На концахъ верхней перекладины (или на верхушкахъ столбовъ) утверждаются концы двухъ нетолстыхъ балокъ, идущихъ горизонтально къ стѣнѣ и закрѣпляющихся въ ней „сковородникомъ“; вмѣстѣ съ перекладиной эти двѣ балки образуютъ основу для крыши надъ рондукомъ крыльца. Пространство между крышей и верхней перекладиной, въ щипцѣ, зашивается досками; досками же зашивается и пространство между верхнимъ брусомъ рондука и нижней перекладиной, служащей основаніемъ для вышеназванныхъ трехъ арокъ; вся задняя сторона крыльца отъ обруба рондука до крыши также забирается досками (вертикально поставленными). Внутри крыльца вверху набирается пѣдволока (потолокъ), на высотѣ верхней перекладины; съ задней и боковой стороны придѣлываются лавки. Съ внутренней боковой стороны крыльца будетъ находиться стѣна дома, въ которой и продѣланы „ворота“ съ крыльца въ сѣни; съ передней идетъ лѣстница (Рис. 36, *A*), параллельно стѣнѣ дома. Нижній конецъ лѣстницы начинается съ особой площадки (Рис. 36, *B*) почти квадратной формы, приподнятой надъ поверхностью земли на $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ аршина, особымъ четырехугольнымъ срубомъ въ 2—3 вѣнца вышиною. Съ наружнаго бока площадки ставятся перила, а на боку, примыкающемъ къ стѣнѣ дома, часто дѣлается лавка. На площадку съ передней стороны ведутъ двѣ—три ступени иногда прямо съ земли, а чаще съ третьей площадки, такихъ же почти размѣровъ, какъ и вторая, а иногда и значительно длиннѣе, покоящейся почти на самой землѣ и открытой съ передней и наружной боковой стороны (Рис. 36, *C*). Обѣ эти площадки называются иногда нижнимъ крыльцомъ. По наружному краю лѣстницы, ведущей съ нижняго крыльца на верхнее (первая площадка, рондукъ) устраивается глухой досчатый поручень.

Надъ лѣстницей и нижними частями крыльца, такъ же, какъ и надъ верхней, устраивается крыша; при чемъ часть ея, закрывающая

лѣстницу, обыкновенно служить продолженіемъ одного изъ двухъ скатовъ крыши, прикрывающей верхнюю часть крыльца; надъ площадками нижняго крыльца идетъ крыло крыши со скатомъ въ томъ же направленіи, какъ и надъ лѣстницей, лишь съ меньшимъ уклономъ. Крыша поддерживается особыми рѣзными столбами, поставленными по наружному краю площадокъ, и переброшенными съ верхушекъ ихъ тонкими балками — перекладинами, укрѣпленными внутренними концами въ стѣнѣ дома. Наружный край крыши украшается рѣзбою, а гребень верхней части ея маленькимъ охлупнемъ съ конькомъ; въ общемъ украшенія крыльца напоминаютъ подзоры и др. украшенія фронтона переда дома.

Такимъ образомъ, „лѣтней крылецъ“ представляетъ изъ себя довольно большое и сложное сооруженіе, тянущееся возлѣ стѣну переда и лѣтняго моста, во всю почти ихъ длину, и доходящее почти до 4-хъ сажень въ этомъ направленіи, при почти саженной ширинѣ. Увеличивающая значительно общую длину крыльца нижняя площадка имѣетъ еще и значеніе крытаго хода въ подваль.

При двухъэтажныхъ домахъ устройство крыльца только что описаннаго вида является и ненужнымъ и невозможнымъ. Тогда дѣлается самого простаго вида площадка, покрытая двускатной крышей (см. рис. 12); въ послѣднее же время надъ такой входной площадкой стали устраивать крытый сверху, рѣзной по бокамъ, „баухонъ“ (балконъ), какъ видно на рис. 6. На балконъ ведетъ выходъ черезъ особую дверь изъ верхняго этажа лѣтняго моста (сѣней).

Болѣе простыя формы крыльца видны на рис. 5 и 12.

2.

Постройки при домѣ.

Нѣкоторыя изъ вышеописанныхъ частей дома (конюшня, хлѣвъ) хотя обычно и строятся въ общей связи съ другими частями дома, подъ общей крышей, но могутъ быть построены и „на-отставѣ“, т. е. отдѣльно отъ дома (см. рис. 37); зато другія домовыя постройки и хозяйственныя приспособленія (службы) бываютъ или всегда „на-отставѣ“ (гумно, баня) или только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть помѣщены въ самомъ домѣ. Уже въ началѣ этой статьи были названы главнѣйшія хозяйственныя пристройки въ домѣ и нежилыя строенія, при немъ находящіяся. Остановимся здѣсь на нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе подробно.

Гумно (гумно).

Наиболѣе крупной и важной хозяйственной постройкой является *гумно* (гумно). Оно ставится по возможности подалеже отъ дома и обыкновенно въ разстояніи сажень 20 отъ него. Гумно состоитъ изъ

овина, гдѣ сушится хлѣбъ для молотбы, и собственно гувна, гдѣ онѣ молотится. Часто эти двѣ постройки лишь примыкаютъ одна къ другой, сохраняя каждая свою нѣкоторую самостоятельность и имѣя отдѣльныя крыши; иногда же онѣ сливаются болѣе тѣсно подъ одной общей крышей; во всякомъ случаѣ овинъ по существу своему долженъ быть постройкой болѣе или менѣе изолированной.

Рис. 37. Конюшня на-отставѣ со ввозомъ.
(Д. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.). Рядомъ съ конюшней справа видна половина открытыхъ воротъ въ „каретникъ“.

Овинъ всегда строится въ два этажа, изъ которыхъ нижній служитъ для помѣщенія топки, а верхній — для сноповъ хлѣба. Нижній этажъ цѣликомъ почти строится въ землѣ, для чего предварительно выкапывается надлежащихъ размѣровъ яма, въ которой и выводятся затѣмъ стѣны нижняго помѣщенія овина (подовинъ); такъ какъ входъ въ „подовинъ“ долженъ быть сбоку, то яма съ этой стороны уширяется, и рядомъ съ подовинной частью дѣлается подобіе узкаго корридора, т. наз. передовинья. Передовинья выводится нѣсколько выше уровня земли и здѣсь закрывается особой крышей; подъ крышей передовинья со стороны гумна оставляется входъ въ него, никогда обыкновенно не закрываемый; отъ этого входа ведётъ внизъ лѣсенка. Изъ передовинья въ подовинъ устраивается, вмѣсто двери, у самой почти земли узкая горизонтальная лазейка (около аршина въ ширину и полуаршина въ вышину, рѣдко больше). „Въ подовинѣ“ противъ этой лазейки, называемой обыкновенно окномъ, на земляномъ полу дѣлается топка, печка, т. наз. каменця, представляющая изъ

себя грубое подобіе русской печи-пекарки въ избахъ; и бока, и задъ и сводъ, и широкое устье—все въ ней выложено изъ валуновъ (преимущественно гранитныхъ и гнейсовыхъ) безъ всякаго цемента, смазки или скрѣпленія. Во время топки дымъ проходитъ въ щеляхъ между камнями свода, а съ дымомъ нерѣдко прорываются и искры, которыя легко могутъ садиться на потолокъ и верхнія части стѣнъ подовина; поэтому во время топки постоянно слѣдятъ за этимъ, и, если дѣйствительно искра попала на потолокъ и не погасла, ее сметаютъ оттуда имѣющей для этой цѣли метлой, иногда смоченной въ водѣ, которая ставится для этого въ небольшомъ количествѣ въ какомъ-нибудь горшкѣ или черепкѣ. Слѣдятъ за топкой, „сушатъ овинъ“, обыкновенно очень старыя, уже не способныя къ болѣе тяжелой работѣ, старики¹, которые все время сушки и полеживаютъ въ сторонкѣ отъ струи воздуха, притекающаго отъ окна къ топкѣ. Такъ какъ опасность пожара здѣсь дѣйствительно велика, то соотвѣтственно съ этимъ конечно должна быть велика и осторожность при сушкѣ; поэтому даже слова, здѣсь употребляемая, выбираются тщательно, чтобы отъ недобраго или неосторожнаго слова или выраженія не случилось бѣды. Такъ никомъ образомъ здѣсь не скажутъ: „зажечь огонь въ подовинѣ“, а говорятъ: „въ подовинѣ роскласть (разложить) тѣплину“; или „засвѣтитъ лучѣну“ (засвѣтитъ лучину), а не „зажечь“ и т. под.

Тамъ, гдѣ мѣстныя условія (большая сырость почвы и проч.) не позволяютъ подовинную часть устраивать въ овинѣ, она можетъ быть устроена и на поверхности земли.

Надъ подовиномъ настиляется потолокъ, служащій въ то же время поломъ для овина, т. е. для верхняго его помѣщенія; онъ долженъ быть очень плотнымъ и прочнымъ, поэтому набирается изъ круглыхъ средней толщины бревень съ пазами, такими же примѣрно, какъ и при рубкѣ стѣнъ жилыхъ помѣщеній. Лишь у входной въ подовинъ стѣнки, въ которой продѣлано окно—лазейка, въ потолокъ оставляется широкая, до четверти аршина ширины, щель, называемая пазухой, черезъ которую и проходитъ дымъ и тепло изъ подовина въ овинъ, т. е. въ помѣщеніе для сушки сноповъ. Внутри верхняго помѣщенія овина, или собственно овина, бревенчатый полъ замазывается и уравнивается глиной, образуя гладкую ровную поверхность, называемую пѣдомъ. Примѣрно на три четверти аршина выше пѣда, дѣлаются колосники, представляющія изъ себя рядъ близко расположенныхъ одна возлѣ другой тонкихъ жердочекъ, своими краями опирающихся на двѣ балки, положенныя у противоположныхъ стѣнъ, въ полуаршинномъ примѣрно разстояніи отъ нихъ. На колосники „са-

¹ Это обыкновеніе любятъ здѣсь при случаѣ выражать поговоркой: „И старъ—да овинны сушить, и младъ—да городъ держитъ“.

дять“ снопы для сушки. Верхъ овина потолка не имѣеть, а прикрывается непосредственно тесовой крышей, въ щели которой и выходитъ дымъ и парь, когда „сушатъ овинъ“.

Въ срединѣ стѣнки овина, обращенной въ сторону гумна, дѣлается окно, въ видѣ равнобокой трапеціи, ббольшимъ основаніемъ обращенной кверху, откуда могутъ задвигаться одна за другой три широкихъ доски, для закрыванія окна. Черезъ это окно подаются снопы, когда „садятъ овинъ“, и выкидываются съ овина сушенные снопы

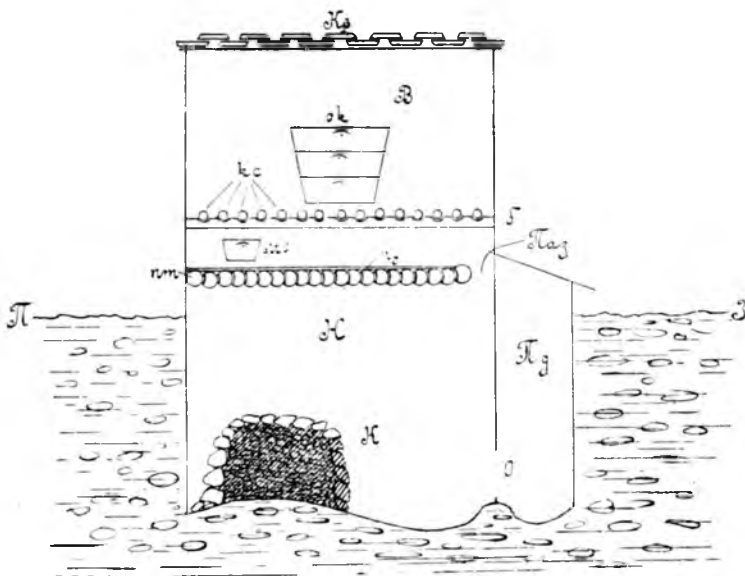

Рис. 38. Поперечный разрѣзъ овина (Схема).

Разрѣзано вертикальной плоскостью черезъ средину. На плоскость разрѣза проектированы съ передней, въ сторону гумна обращенной, стѣнки его два окна (*ок, мо*) и балка (*б*) подъ колосниками, пдушая внутри овина близъ этой стѣнки. *ПЗ*—поверхность земли; *В*—верхнее, *Н*—нижнее помѣщ. овина; *Пд*—передовинье; *о*—окно, лазейка изъ передовинья въ „подовинь“; *к*—каменка; *пт*—потолокъ, сверху котораго „набитъ подъ“ (*нд*); *Паз*—пазуха; *кс*—колосники.

для молотбы. Просвѣтъ окна достигаетъ одного квадратнаго аршина, рѣдко больше. Въ сторонѣ отъ этого окна и пониже продѣлывается еще другое маленькое оконце (около 1 кв. фута площадью) такой же формы, какъ и большое, нижній край котораго лежитъ на одномъ уровнѣ съ подомъ; черезъ это оконшко выметаютъ провалившіеся подъ колосники на подъ, во время сушки и выметыванія съ овина сноповъ, колосья и зерна.

Размѣры овина доходятъ до 5 аршинъ длины, такой же ширины внизу подовинь вмѣстѣ съ предовиньемъ, а вверху, надъ подомъ, ширина около 4-хъ арш.; общая высота—до 6 аршинъ.

Собственно гувно (гумно) въ своемъ устройствѣ и размѣрахъ можетъ значительно варьировать. Наиболье распространеннымъ яв-

ляется нижеслѣдующее устройство. Рубится по преимуществу изъ старыхъ, бывшихъ въ употребленіи, бревенъ, корпусъ около пяти (иногда больше) сажень длиною и въ 4—5 сажень шириною, съ такимъ расчетомъ, чтобы противъ одной изъ поперечныхъ сторонъ его (передней) приходился овинъ; между овиномъ и корпусомъ гумна остается пространство въ 1—2 сажени; съ боковъ это пространство ограждается болѣе легкими, чѣмъ стѣны главнаго корпуса гумна, стѣнками или заплотами, укрѣпляемыми часто при помощи столбовъ. И такъ какъ передняя стѣнка главнаго корпуса открытая, то при помощи этой послѣдней достройки внутреннее помѣщеніе главнаго корпуса гумна еще нѣсколько увеличивается въ сторону овина, доходя вплоть до него.

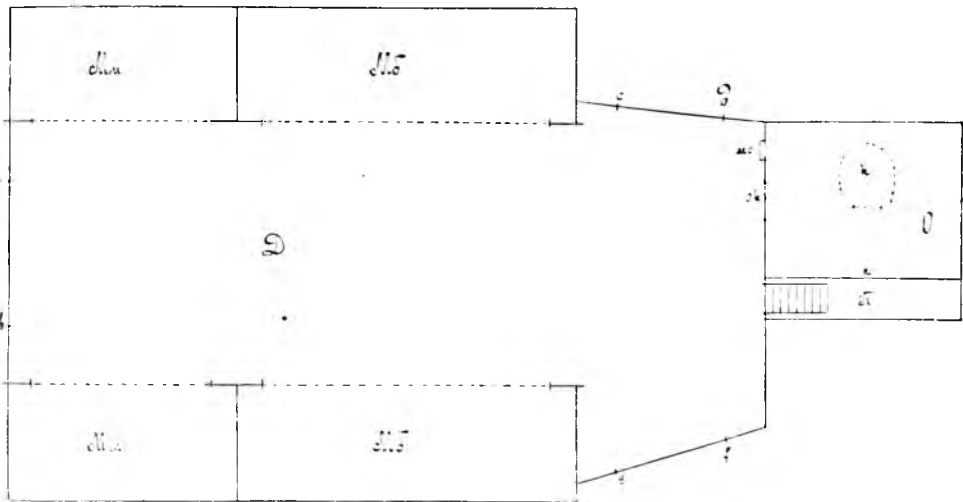

Рис. 39. Планъ гумна.

О—овинъ, *Д*—, долонь, *Мб*— больш. микильница, *Мм*— мал. мик.; *Ст*— Сторонки, *ав*— больш. ворота, *сд* и *еф*—ворота; *П*—передовинье, *я*—лазейка въ подовинь, *л*—лѣстница въ передовинье; *к*—каменця; *Ок*—б. окно; *мо*— мал. окно.

Высота стѣнъ нѣсколько болѣе одной сажени. Главный корпусъ гумна покрытъ тесовою крышей на два ската; иногда эта крыша распространяется и на вышеуказанную достройку, но чаще послѣдняя имѣетъ свою особую крышу, такъ же, какъ и овинъ. Линія изрѣдка на гумнѣ можно встрѣтить и соломенную крышу; овинъ же всегда покрытъ тесомъ.

Снаружи ведутъ въ гумно трое воротъ, изъ которыхъ самая большія продѣлываются въ задней, наиболѣе удаленной отъ овина, поперечной стѣнѣ, а двое другихъ—по ту и другую сторону овина—въ достройкѣ, связывающей главный корпусъ гумна съ овиномъ. Войдя внутрь гумна черезъ боковыя ворота, находящіяся справа отъ овина, по лѣвую сторону мы будемъ имѣть лицевую стѣнку овина

съ окнами и входомъ въ половинъ, прямо—вторыя боковыя ворота, направо—остальное помѣщеніе гумна; обратившись въ сторону этого послѣдняго, спиной къ овину, прямо передъ собой мы будемъ имѣть долонь—ровный глиняный полъ гумна, отъ овина вплоть до задней стѣнки съ большими воротами. По обѣ стороны „долони“, достигающей 2—3 сажень ширины, расположены по двѣ микильницы (мякинницы; отъ сл. мякина, по мѣстному—микина),—по одной большой и одной малой; ширина ихъ (глубина) около одной сажени или нѣсколько больше, а длина большихъ до 3-хъ сажень и меньшихъ—до двухъ. Иногда „микильницы“ дѣлаются съ одной стороны и тогда бываютъ

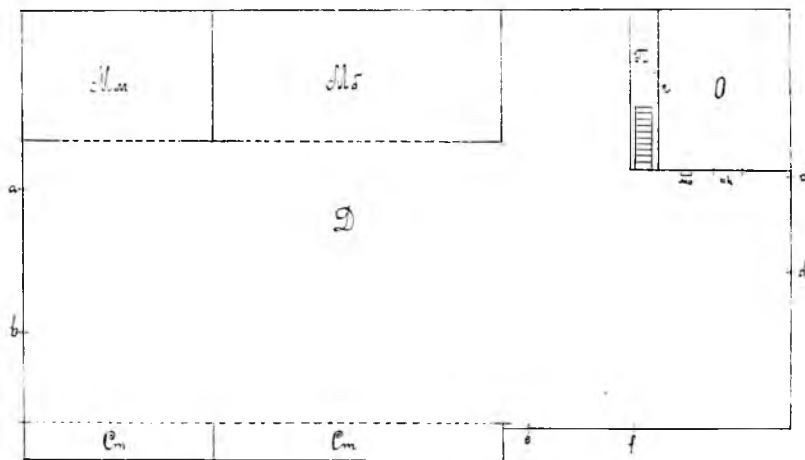

Рис. 40. Второй планъ гумна. (Обозначенія тѣ же, что и на рис. 39).

значительно шире, а съ другой стороны лишь узкія „сторонки“. И „микильницы“ и „сторонки“ служатъ частью для складки сноповъ хлѣба, преимущественно же для свалки соломы и другихъ остатковъ послѣ молотбы и провѣиванія зернового хлѣба; для той же цѣли служатъ еще расположенныя врьдъ на переводахъ (связинахъ; см. выше), подъ крышей, жерди, куда солому, чаще гороховую (гороховину), мечутъ вилами, вилами же и достаютъ потомъ обратно. Чтобы на днѣ „микильницъ“ не залеживался отъ земли хлѣбъ или солома, туда набрасываются старыя доски или жерди и т. подобное.

Нечего говорить, что „долонь“ служитъ для молотбы, которая повсюду здѣсь производится ручнымъ способомъ при помощи „молотилъ“ (цѣповъ). Измолоченный хлѣбъ тутъ же провѣивается при помощи лопаты; для чего открываютъ тѣ изъ воротъ, въ которыя дуетъ достаточно сильный вѣтеръ, и сюда спихиваютъ „пѣшками“ и граблями вѣрохъ непровѣяннаго свѣжевымолоченнаго зерна.

Вмѣсто глиняной „долони“ иногда устраивается въ гумнѣ плотный дощатый полъ, на которомъ и производится молотба и провѣиваніе хлѣба.

Рис. 41. Гумна.

(Дер. Рыкаловской Спасек. вол. Т. у.).

На первомъ планѣ, слѣва, овинъ сбоку, подъ общей крышей; дальше овинны по срединѣ, какъ показано на планѣ рис. 39; у перваго гумна стоятъ „острови“, вынутыя со своихъ мѣстъ и собраны въ кучу.

Такъ какъ главное назначеніе воротъ въ гумнѣ—служить для цѣлей провѣиванія зерна, то и устройство ихъ, или нѣкоторыхъ изъ нихъ—своеобразное. Главныя, самыя большія ворота, въ дальней отъ овина стѣнѣ, бывають въ 4—5 аршинъ шириною при саженой и болѣе высотѣ; онѣ двигаются при открываніи и закрываніи на толстой вереѣ, представляющей вертикальную по срединѣ проходящую ось, черезъ которую продѣты вверху и внизу двѣ поперечныя толстыя рамы, края которыхъ въ свою очередь скрѣплены двумя вертикальными рамами; на этомъ остовѣ прибиты съ одной, виѣшней, стороны вертикально поставленныя тонкія доски. До нижняго края отверстия для этихъ воротъ въ стѣнѣ идутъ отъ земли два или три вѣнца бревень, и, такимъ образомъ, уже на второмъ или третьемъ бревнѣ, въ углубленіи посрединѣ, ставится нижній конецъ веревъ („пятя“) воротъ; верхній же конецъ этой веревы вплотную притянуть къ стѣнкѣ надъ отверстіемъ для воротъ помощью деревяннаго крюка, скобы или кольца. Когда ворота открыты, то одна половина ихъ оказывается внутри, а другая виѣ гумна. Черезъ такія ворота проѣздъ совершенно невозможенъ, и даже неудобенъ проходъ. Другія ворота дѣлаются также довольно большими, хотя и въ другомъ родѣ: обыкновенно высокаго порога уже здѣсь не бываетъ, и черезъ нихъ возможенъ свободный проходъ и проѣздъ, даже съ возами сноповъ, соломы и проч.; открываются онѣ чаще въ одну сторону, вращаясь при этомъ тоже на толстой вереѣ, идущей уже не по срединѣ, а по краю ихъ; или бывають распашными на двѣ стороны и тогда висятъ на желѣзныхъ петляхъ.

Рядомъ съ гумномъ всегда бываетъ особый участокъ земли, обнесенный огородомъ и называемый гувннщемъ. „Гувннще“ имѣетъ площадь обыкновенно нѣсколько большую, чѣмъ занимаетъ самое гумно, и служитъ для складыванія въ немъ во время уборки сноповъ хлѣба, а во время молотбы—соломы, которая не помѣщается въ „мкильнищахъ“.

Онбаръ (амбаръ).

Среди нежилыхъ построекъ онбаръ (амбаръ) занимаетъ особенно почетное мѣсто. И неудивительно: въ немъ хранится „хлѣбъ—кормилецъ—батюшко!“

Наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для „онбара“ является промежуточное между гумномъ и домомъ, чтобы не особенно далеко было носить хлѣбъ съ гумна въ амбаръ и изъ амбара въ домъ. Изстарин принято строить амбаръ въ два этажа и съ крышей на два ската. Въ основаніи со стороны передней, входной, стѣны амбара дѣлается выступъ по всей ширинѣ амбара, выдающийся впередъ на одинъ аршинъ, а высотой около одного аршина; онъ представляетъ нѣкоторое подобіе галереи и называется пережитнщемъ; съ земли на пере-

житнище ведетъ маленькая лѣсенка. Съ пережитнища въ амбаръ по срединѣ стѣны ведетъ прочная, изъ толстыхъ досокъ, дверь со скобой и большимъ врѣзаннымъ въ нее желѣзнымъ замкомъ; дверь обрамлена толстыми косяками и высокимъ порогомъ. Полъ въ амбарѣ набирается изъ прочныхъ толстыхъ досокъ—брусевъ на той же высотѣ какъ и полъ пережитнища, или чутьчку ниже, т. е. примѣрно около $\frac{3}{4}$ арш. надъ землею. Войдя въ амбаръ, прямо передъ собою будемъ имѣть засѣки, въ которые сыпаютъ зерновой хлѣбъ; налѣво и направо отъ входа обыкновенно стоятъ кадки съ мукой; еще дальше, въ одномъ изъ угловъ, чаще въ правомъ, начинается лѣстница, ведущая во второй этажъ, называемый вышкой. Гдѣ-нибудь надъ засѣкомъ, или рядомъ на стѣнѣ виситъ икона: амбаръ помѣщеніе „чистое“. Вышка,

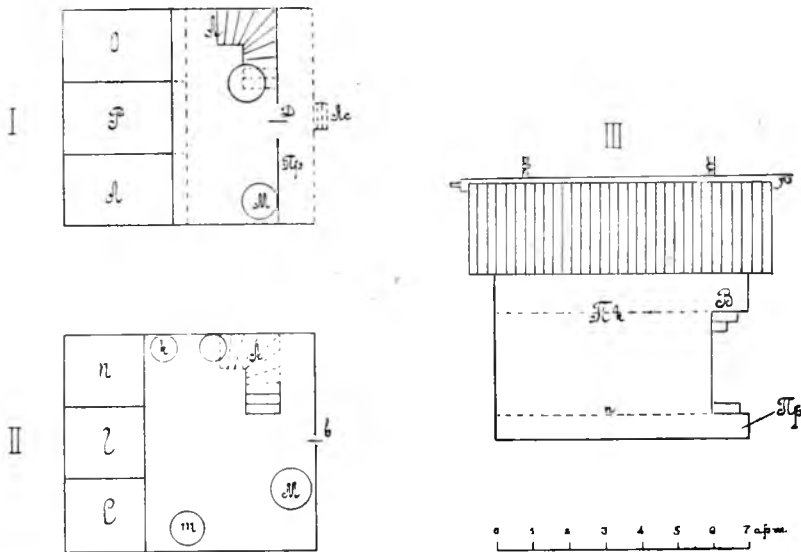

Рис. 42. Планъ и боковой фасадъ амбара.

I—нижній этажъ (собственно амбаръ), II—верхній эт. (вышка), III—бок. фасадъ. *Пр*—пережитнище; *Лс*—лѣстница на него; *Л*—входъ въ амбаръ; *Л*—лѣстница на вышку; *о, р, я, н, з, с*—засѣки; *м, т, к*—кадки съ мукой.

по занимаемой ею площади, бываетъ больше собственно амбара, такъ какъ часть ея выступаетъ въ видѣ навѣса надъ пережитнищемъ. Полъ вышки служить потолкомъ собственно амбару и состоитъ изъ такихъ же толстыхъ досокъ, какъ и полъ нижняго помѣщенія амбара (собственно амбара), поддерживаемыхъ по срединѣ матицей. Вышка прикрывается непосредственно крышей; особаго потолка нѣтъ. Длина амбара вмѣстѣ съ пережитнищемъ бываетъ 5—7 арш., ширина—4—6 арш. и высота до князька около 6—7 арш. На рис. 42 представлено обычное расположеніе частей амбара.

Въ засѣкахъ и кадушкахъ собственно амбара хранятся рожь, ячмень, овесъ, ржаная мука, житная (ячменная) мука—что идетъ

больше всего для обыденнаго продовольствія, частью въ продажу (овесъ); на выскѣ помѣщаются запасы зерна, отсыпаннаго для сѣмянъ, и болѣе цѣнные и рѣже употребляемые хлѣбные продукты: пшеница и пшеничная мука, гороховая мука, толокно и проч. Въ амбарѣ же хранятъ, особенно лѣтомъ, сухую рыбу, соленую свинину, соль и проч. и проч., даже иногда на лѣтнее время вѣшаютъ сюда зимнюю мѣховую одежду.

Рис. 43. Амбаръ.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в. Тог. у.).

Погребъ.

Хотя погребъ и можетъ быть чаще, чѣмъ другія нежилыя хозяйственныя помѣщенія, устроенъ въ подвальной части самаго дома, но все же предпочитаютъ его строить отдѣльно отъ дома; стараются при этомъ помѣстить его какъ можно ближе къ входу, особенно въ зимнюю избу. Существенную часть его представляетъ конечно, яма, со спущеннымъ въ нее четырехугольнымъ бревенчатымъ срубомъ, около сажени глубиною и аршинъ четырехъ въ длину и ширину. Яма (срубъ ея) покрывается бревенчатымъ потолкомъ, на который сверху наваливается неособенно толстымъ слоемъ земля. Въ потолокъ ближе къ стѣнѣ или углу прорублено широкое окошко, прикрываемое досками или люкомъ изъ досокъ, ведущее по особой лѣсенкѣ въ глубь ямы. Надъ ямой строится наземная часть—небольшое зданіе, которое чаще всего и именуется погребомъ; внутреннее помѣщеніе

этой части, называется часто погребной цѣй. Размѣры этой наружной части почти таковы же, какъ и ямы, или нѣсколько больше. Стѣны всегда остаются нетесанными; сверху имѣется потолокъ изъ досокъ или плахъ и надъ нимъ тесовая односкатная (лабазомъ) крыша. По стѣнамъ внутри устроены полки.

Въ погребную яму весною набрасываютъ для лѣта снѣгъ и, набивши имъ яму почти до верху, застилаютъ снѣгъ соломой. Въ погребу хранятся овощи (картофель, рѣпа, рѣдька и др.), мясо, рыба, молоко и разная другая провизія.

Б а н я.

У каждаго сколько-нибудь исправнаго крестьянина здѣсь имѣется баня, которая строится обыкновенно, въ пожарныхъ охранительныхъ цѣляхъ, подалеже отъ дома, и поближе къ водѣ, чтобы не носить послѣднюю издалека; частенько можно видѣть, поэтому, бани на самомъ берегу рѣчки или ручья: а, когда для бани пользуются водою колодца, то ее ставятъ и вблизи дома.

Рис. 44. Двѣ бани.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.).

Какъ самое зданіе, такъ и все устройство бани просто и незатѣбливо. Рубится „на моху“ простой четырехугольный срубъ, часто изъ старыхъ обрѣзковъ бревенъ, длиною 4—6 арш., аршина въ 4 шириною и около 3-хъ арш. высотой; набирается бревенчатый или изъ половинокъ бревень (плахъ) потолокъ, прикрываемый потомъ сверху землею; надъ потолокомъ—тесовая односкатная крыша. Почти никогда (или въ очень рѣдкихъ случаяхъ) въ самой банѣ не отдѣляется комнаты для раздѣванія; для послѣдней цѣли, у входа въ баню, при-

страивается иногда изъ досокъ, иногда изъ бревень, маленькій холодный корридорчикъ, открытій съ одной стороны и часто не имѣющій дверей, называемый передбаньемъ. Лишь въ послѣднее время все чаще рубятся „передбанья“ въ общей связи съ баней и устраиваются съ дверями и потеплѣе. Въ передбаньѣ дѣлается одна коротенькая лавка, вбивается два три гвоздя въ стѣну въ качествѣ вѣшалокъ—и этимъ ограничивается устройство его; даже окошка часто совсѣмъ не бываетъ.

Изъ передбанья ведетъ маленькая дощатая дверь, съ высокимъ порогомъ, въ самую баню. Остановившись у двери, можно видѣть сразу всю простоту устройства бани: налѣво у самой почти двери въ углу расположилась каменца, печка, сложенная изъ дикаго камня; далѣе и налѣво и впереди—полокъ для мытья и паренья; къ полку примыкаетъ впереди у стѣнки лавка; лавка же тянется и вдоль правой

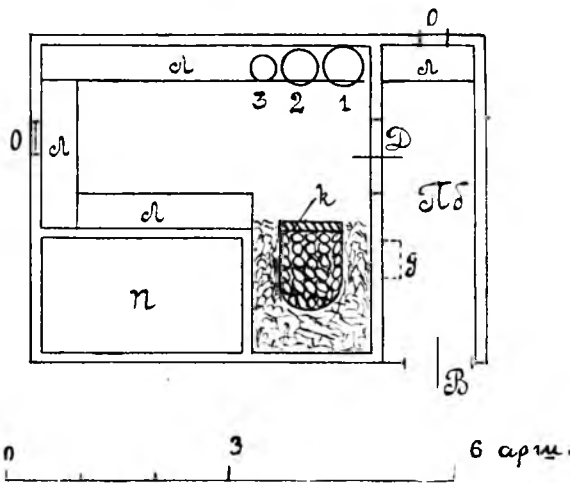

Рис. 45. Планъ бани.

Пб — передбанье; В—входъ въ предбанье; Д—дверь въ баню; л—лавки; п—полокъ; к—каменца; о—дымовое окно (вверху); 1, 2, 3—ушата и ведро съ водой; о, о—каются шесты („грядки“) окошки.

стѣны. На концѣ этой послѣдней, ближе къ двери и противъ самой каменцы, ставятся два ушата и третье ведро—съ водой. Противъ входа въ передней стѣнѣ, дѣлается маленькое, въ одинъ квадратный футъ и даже меньше, окошечко, безъ косяковъ и иногда безъ рамы для стекла, обрѣзокъ котораго въ такомъ случаѣ прикрѣпляется какъ нибудь лучинками. Въ пазы бревенчатыхъ, пестотесанныхъ стѣнъ втыкаются шесты („грядки“) для сушки и согрѣванія

одѣваемого послѣ мытья бѣлья и для выжариванья блохъ изъ платья, которое для этого вѣшается на грядки въ только что вытопленной банѣ, передъ мытьемъ.

Каменца выкладывается на подобіе того, какъ и въ „подовникѣ“ (см. выше); только на сводъ изъ болѣе крупныхъ камней набрасывается здѣсь много щебня, „чекоту“, изъ гранитныхъ по преимуществу, какъ менѣе трескающихся, валуновъ. „Чекотомъ“ же, т. е. осколками изъ камней, заполняется и уголь двухъ стѣнъ у каменцы, чтобы предохранить стѣны отъ нагрѣванія и пожара, а съ другой стороны—каменцу отъ охлажденія, иначе бы послѣдняя скоро переставала давать парь при плесканіи на нее („бздаванья“). Дымъ и парь выхо-

дить въ особое, на входной стѣнѣ прорубленное въ передбанѣ, у потолка надъ каменней, окно, закрываемое сбоку задвигающейся доской съ ручкой въ видѣ толстаго деревяннаго гвоздя, торчащаго изъ середины доски; это окно называется трубой.

Полѣкъ представляетъ изъ себя возвышенную площадку изъ досокъ, насланныхъ на вырубленной изъ „кряжей“¹ клѣткѣ, высотой немного болѣе аршина. Длина полка едва равняется росту чело-вѣка, а ширина доходитъ до 1¹/₂ аршинъ. Для воды ставится два ушата, въ одномъ изъ которыхъ готовится щелокъ, а въ другомъ—горячая вода; то и другое нагрѣвается до кипѣнія при помощи камней, бросаемыхъ въ каменцу во время топки и накаливаемыхъ въ ней. Для разбавленія горячей воды и щелоку во время мытья ставится ведро съ холодной, только что принесенной изъ колодца (а по израсходованіи вычерпываемой опять заново), водой, или зимою, — со снѣгомъ.

Мокутся изъ деревянныхъ шаекъ, глиняныхъ горшковъ, мѣдныхъ котловъ и, въ послѣднее время, изъ тазовъ. Парятся вѣниками только взрослые, но преимуществу пожилые мужчины. Стоковъ для воды при мытьѣ никакихъ не устраивается; вмѣсто того, полъ дѣлается рѣдкій, со щелями, а подъ полкомъ и вовсе не бываетъ пола. Чтобы не было холодно при такомъ устройствѣ пола въ банѣ, снаружи нижняя часть бани всегда заваливается обыкновенно „костіцей“ (кострикой,—деревянистые отбросы стеблей льна при его чисткѣ).

Другія хозяйственныя постройки, какъ поварня, каретникъ и проч., имѣютъ менѣе постоянное устройство, да и бывають онѣ далеко не всегда; мѣсто ихъ устройства тоже не постоянное. Поварня, напр., можетъ быть устроена при рѣчкѣ, при колодцѣ, а то и просто въ полѣ—подальше отъ домовъ. Въ настоящее время пивовареніе все болѣе и болѣе сокращается, поэтому и въ устройствѣ поварни становится все меньше и меньше надобности. Но тамъ, гдѣ еще поварни существуютъ, онѣ могутъ имѣть видъ невысокаго сарая, часто не имѣющаго дверей, безъ пола и потолка и съ неполной крышей: надъ костромъ огня, гдѣ варится пиво, оставляется широкая дыра въ крышѣ, или почти половина поварни съ этой стороны остается не покрытой; подъ крышей ставится „судно“ и другія принадлежности пивоваренія. „Коритникъ“² (каретникъ) пристраивается гдѣ-нибудь у конюшни, у дома или у погреба то въ видѣ простаго дощатаго навѣса на столбахъ и даже кольяхъ, то навѣса съ неполными дощатыми стѣнками съ боковъ

¹ Длинные чурбаны.

² Названіе новое, не вошедшее во всеобщее употребленіе, что въ свою очередь показываетъ, что и самая постройка еще не получила всеобщаго распространенія.

то настоящаго зданія съ бревенчатыми стѣнами, съ широкими воротами, тесовою крышей, но безъ пола и потолка. На рисункѣ 37 справа, рядомъ съ конюшней, видна часть каретника съ отворенной половинкой воротъ. Въ „коритникѣ“ помѣщаются, кромѣ телѣгъ, тарантаса, дрвѣнь, саней и нѣкоторыхъ принадлежностей упряжи,—смола, деготь, матеріалы для ремонта экипажей, иногда сохи, бороны и проч.

Возлѣ дома, у „дворныхъ“ воротъ, т. е. при входѣ въ скотный дворъ, также часто дѣлается навѣсъ, иногда съ дощатыми стѣнками и особымъ входомъ въ него,—для соломы и корма рогатому скоту, чтобы они постоянно были подъ рукой. Такія обособленныя пристройки иногда называются солѣменниками; приходилось слышать для подобной же пристройки названіе—чумъ. Иногда такія же точно пристройки дѣлаются при нѣкоторыхъ домахъ для чистки осенью льна, преимущественно для трепанья, почему и называются трепайками. Въ трепалкахъ, конечно, ни пола ни потолка не бываетъ: для сидѣнія приносятъ скамьи или стулья, иногда пользуются досками, положенными на невысокихъ чурбанахъ (обрубкахъ бревенъ).

Тамъ, гдѣ не слишкомъ глубоко приходится копать, каждый крестьянинъ имѣетъ свой колодець. Онъ представляетъ изъ себя четырехугольную шахту, иногда до десятка саж. глубиною и около 2-хъ аршинъ длины и ширины. По бокамъ ея дѣлается такой же формы деревянный срубъ, суживающійся кверху въ видѣ трубы (см. рис. 21); или на срубѣ, не доводя его до верху дѣлаютъ потолокъ съ круглымъ отверстіемъ, надъ которымъ ставится изъ вертикальныхъ досокъ труба около 1 арш. въ діаметрѣ (рис. 15). Воду вычерпываютъ или коломъ (воротомъ) или „бѣяпомъ“ (журавль). Въ первомъ случаѣ надъ колодцемъ дѣлается навѣсъ, съ двускатной крышей; иногда кругомъ такого колодца сооружается и постройка, на подобіе маленькаго погреба.

На улицахъ очень часто можно еще встрѣтить розсадники, на которыхъ выращиваютъ розаду. Они представляютъ снизу клѣтчатый, а вверху сплошной, четырехугольный срубъ длиною въ 3 арш., шириною $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ арш. и высотой до $1\frac{1}{2}$ арш.; на высотѣ аршина отъ земли дѣлается полъ, на который кладется земля; сверху укладываются колья (подобно колосникамъ овина), прикрываемые соломой и проч.

Упомянемъ здѣсь еще о такихъ постройкахъ, которыя хотя и не находятся при домѣ, но стоятъ въ тѣсной связи съ жизнью крестьянскаго двора; и о сооруженіяхъ, которыя собственно не могутъ быть названы постройками, но отвѣчаютъ имъ по своему назначенію.

Къ первой категоріи относятся запольныя избушки, запольныя или зарѣчныя конюшни и шалаши.

Запольная избушка или изба, была въ большомъ употребленіи раньше, когда крестьяне свободно могли запахивать окружающія земли, не спрашивая о томъ, кому онѣ принадлежатъ. Тогда каждое семейство, кромѣ полевой земли, имѣло гдѣ-нибудь вдали распаханную „кулигу“ (ниву), на которой приходилось работать иногда по цѣлымъ недѣлямъ подрядъ. Около такихъ „кулигъ“ или на нихъ и ставились избушки для ночлега. Если избушка строилась однимъ семействомъ, для себя только, то размѣры ея были очень невелики: около сажени въ длину и ширину, въ ростъ человѣка вышиною, иногда и меньше. Четырехугольный бревчатый срубъ „на моху“ съ маленькой входной дверью, иногда крохотнымъ окошечкомъ, заткнутымъ сѣномъ или соломой, съ потолкомъ, но безъ полу, и односкатной тесовой крышей,—внутри не имѣлъ никакого особаго убранства; лишь недалеко отъ входной двери дѣлалась небольшая „каменца“ (печка болѣе убогая, чѣмъ въ банѣ и „подовищѣ“), дымъ изъ которой при топкѣ выходилъ въ избу и затѣмъ черезъ дымовое окно („трубу“) и дверь—наружу; изрѣдка устраивались лавки возлѣ стѣнъ, а чаще ихъ совсѣмъ не дѣлалось. Спали на земляномъ полу, на которомъ подстилались сѣно, солома, трава или молодая вѣтви деревъ съ листьями. Въ настоящее время иногда также пользуются запольными избушками, причемъ устройство ихъ остается такимъ же, какъ и раньше.

Для той же цѣли, какъ и запольная избушка, служить шалашъ—еще болѣе примитивная постройка; иногда онъ сооружается наскоро для одной только ночи, иногда же строится, какъ и избушка, въ качествѣ болѣе или менѣе постоянной постройки. Въ послѣднемъ случаѣ шалашъ даже рубится изъ „кряжей“, въ формѣ покоя и имѣеть три стѣнки: двѣ боковыхъ и заднюю; спереди же является открытымъ и приподнятымъ. Крыша, иногда даже тесовая, имѣеть довольно крутой склонъ спереди назадъ, для чего задняя стѣнка всегда дѣлается очень низкой. Передней открытой стороной шалашъ всегда обращенъ въ сторону защищенную лѣсомъ или чѣмъ-нибудь инымъ отъ вѣтра. Передъ шалашомъ во время сна непрерывно поддерживается огонь. Спать прямо на землѣ, подостлавши сѣно, солому, одежду или что-нибудь другое. Размѣры такого шалаша едва достигаютъ человѣческаго роста по длинѣ и ширинѣ, а по высотѣ—всегда ниже; задняя стѣнка иногда едва возвышается надъ поверхностью земли. Въ такомъ шалашѣ иногда ухитряются примоститься на ночь до десятка человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ шалаша устраиваются и болѣе большихъ размѣровъ; чаще же они бываютъ даже меньше и еще проще устроенными: стѣнки ихъ складываются изъ прутьевъ между двумя парами воткнутыхъ въ землю кольевъ для каждой стѣнки; крыша дѣлается изъ прутьевъ, еловой коры и бересты. И самой простой формой шалаша является та, когда утверждаютъ на козлахъ горизонтально перекладину (коль) и къ ней наклонно приставляютъ

съ одной стороны врядь нѣсколько длинныхъ кольевъ, на которые кладутъ еще прутья, траву или сѣно: такой простой навѣсъ играетъ роль одновременно и крыши и задней, отчасти и боковыхъ, стѣнокъ.

Зарѣчныя конюшни устраиваются въ томъ случаѣ, когда пастбище для скота отдѣлено отъ деревни значительной рѣкой, широко разливающейся въ половодье. Тогда, на время половодья, переправляютъ за рѣку скотъ и оставляютъ тамъ до обмелѣнія рѣки, загоняя на ночь въ особыя конюшни. Конюшни эти, разумѣется, представляютъ собой весьма простое устройство: четыре бревенчатыхъ стѣны, покрытыхъ тесовой односкатной крышей, съ входною дверью въ одной изъ нихъ—вотъ и все. Хотя называются эти постройки конюшнями, но чаще ими пользуются для рогатаго скота; если же одновременно приходится въ нихъ „заставать“ (загонять на ночь) и лошадей, то для нихъ дѣлается отгородка изъ жердей. Каждый хозяинъ имѣетъ свою конюшню, общихъ не бываетъ.

Къ сооруженіямъ, имѣющимъ значеніе построекъ лишь по своей функціи, а не по формѣ, надо прежде всего отнести рѣпныя ямы или просто ямы, въ которыхъ хранятся огородныя овощи: рѣпа, рѣдька, картофель, брюква („галапка“). Для ямъ избирается мѣсто съ сухимъ песчанымъ грунтомъ, вблизи перелѣска или кустарниковъ (чтобы зимой заносило снѣгомъ), иногда на значительномъ разстояніи отъ деревни, и въ сторонѣ отъ дорогъ. Яма выкапывается до двухъ, до 3-хъ и болѣе аршинъ глубиною и, смотря по надобности, можетъ имѣть большіе или меньшіе размѣры по длинѣ и ширинѣ (около $3 \times 1\frac{1}{2}$ арш.). Овощи тамъ укладываются ранней осенью прямо въ песокъ, и пересынаются „костицей“ (кострикой), яма сверху засыпается немного костицей, а затѣмъ прикрывается соломой, хворостомъ и сверху—землей (дерномъ). Въ такой ямѣ овощи отлично сохраняются до весны. Зимой обыкновенно изъ ямъ уже запасовъ и не берутъ, а берутъ только подъ весну; или, когда необходимость заставитъ взять часть хранимыхъ въ ямѣ запасовъ среди зимы, то для этого пользуются болѣе теплой погодой, чтобы ямы не „настудить“ и не подвергнуть остатки овощей опасности порчи. Ямами пользуются иногда даже имѣющіе погреба.

При описаніи гумна было сказано, что снопы сжатого хлѣба складываются въ „гувнищѣ“; надо добавить, что весьма часто ихъ складываютъ и на полѣ или нивѣ, особенно отдаленной. Рожь „кладутъ“ въ копны или скирды, а яровые, болѣе короткіе, хлѣба—въ зороды. Копны имѣютъ горшкообразную форму, а скирды такую же, только растянутую въ двѣ противоположныя стороны; въ горизонтальномъ разрѣзѣ копна имѣетъ форму круга, а скирда—вытянутого эллипса. Мѣсто для копны или скирды выстилается, не въ сплошную, старыми досками, обломками жердей, полѣньями дровъ и прочими

подмётнами и подкладнами, на которыя кладутся иногда прутья и наконецъ стелется солома. Вокругъ приготовленнаго мѣста вбиваютъ иногда колья, опредѣляющіе форму копны или скирды у основанія. На приготовленномъ мѣстѣ укладываются снопы внутрь колосьями, круглыми рядами такъ, чтобы середина все время шла выше краевъ и чтобы, благодаря этому, просочившаяся случайно сверху вода могла стекать наружу. Сверху копны и скирды заостряются и кроются соломой и еловыми или сосновыми лапами (прутьями); сверху кладутся еще иногда гнѣты изъ тяжелыхъ полѣньевъ, даже камней и проч.

Зорода „кладутся“ нѣсколько иначе. Прежде всего втыкаются въ землю (до $\frac{1}{2}$ арш. глубиною) острови, не длинныя суковатыя жерди, отъ которыхъ въ стороны и нѣсколько вверхъ торчатъ остатки (длиною около двухъ вершковъ) обрубленныхъ сучьевъ (см. рис. 4); прямолинейный рядъ „островей“, поставленныхъ на $\frac{3}{4}$ аршина, рѣдко больше, одна отъ другой, можетъ быть произвольной длины. Съ того и другого боку этого ряда кладутъ „подметины“ и ихъ покрываютъ соломой. Въ промежуткахъ между островами, въ „промѣжкахъ“, начинаютъ складывать снопы; ихъ кладутъ на бокъ рядами, по 3--4 снопа въ каждый „промѣжокъ“; ряды всѣхъ „промѣжковъ“ сливаются въ одинъ рядъ всего „зорода“. Первый рядъ укладывается такъ, что бы вершины сноповъ, колосья, занимали средину, немного переходя на другую сторону срединной линіи „зорода“, совпадающей съ линіей ряда „островей“; другой рядъ кладется въ обратномъ направленіи, „комлями“ (прикорневая часть соломы) съ другой стороны, а вершинами опять на средину, такъ что вершины сноповъ одного ряда прикрываются вершинами другого ряда; по мѣстному это называется „класьть напрѣметось“. Когда кладка доведена до такой высоты, что дальше уже становится трудно доставать съ земли руками, чтобы правильно уложить каждый снопъ,—тогда съ одного боку зорода устраиваютъ „пѣходни“; для чего втыкаютъ возлѣ самаго зорода двѣ острови, болѣе толстыхъ и короткихъ, чѣмъ обыкновенныя, и съ болѣе длинными сучьями, оставленными лишь съ одной стороны; на сучья той и другой острови, называемыхъ въ этомъ случаѣ пѣходнями (а каждая въ отдѣльности—пѣходнемъ), кладется прочная не гибкая жердь, по которой и ходятъ, придерживаясь руками за зорода. Съ земли или съ воза, съ противоположной стороны зорода, снопы подаютъ на зорода при помощи длинныхъ и легкихъ, съ двумя рожками, вилъ, именуемыхъ „подавальницами“; а кладчикъ, взобравшись на пѣходни, продолжаетъ все въ прежнемъ порядкѣ укладывать снопъ за снопомъ, двигаясь вдоль зорода по жерди пѣходней; когда зорода опять выростетъ, жердь приподымаютъ на болѣе высокіе сучья пѣходней. Когда уложить послѣдній рядъ сноповъ, зорода „кроютъ“ соломой, на которую кладутъ „гнѣты“,—по одной легкой жердочкѣ съ каждой стороны ряда островей. Теперь, „зорода складенъ и закрытъ“.

Съ боковъ его слегка подпирають кольями, „подпорами“, чтобы не шатало вѣтромъ. Въ законченномъ видѣ онъ представляетъ изъ себя сжатый съ боковъ параллелепипедъ произвольной длины (часто отъ 3-хъ—до 5 сажень), около одного аршина (когда кладуть овесъ) толщины и отъ 1½ до 2-хъ сажень высоты. При кладкѣ различныхъ хлѣбовъ мѣняется больше всего толщина зорода, въ зависимости отъ длины сноповъ. Уложенный въ такіе зороды, хлѣбъ не слеживается, такъ какъ сучья островей не позволяютъ осѣдать снопамъ и уплотнять первоначальную кладку, и сохраняется сухимъ.

Сѣно здѣсь „мечуть“ также въ зороды, въ которыхъ и сохраняють. Сѣнные зороды отличаются лишь тѣмъ, что „промежки“ здѣсь дѣлаются шире и, когда сѣно высушено хорошо, то, вмѣсто остробей, употребляютъ стожары—жерди гладкія, безъ сучьевъ, и нѣсколько болѣе длинныя. Сухое сѣно мечуть всегда почти двое: одинъ, обыкновенно старикъ, подростокъ или женщина, стоитъ на зородѣ, утаптываетъ и выравниваетъ подаваемое съ земли или съ возу сѣно; другой, болѣе сильный, „подаетъ“ или „мечетъ“ сѣно трехрогими деревянными вилами на зородѣ. Чтобы при утаптываніи и отъ тяжести сѣна крайніе „стожары“ не отходили отъ зорода, т. е. не отклонялись въ стороны, ихъ подпирають толстыми вилами. Кверху зородѣ дѣлають какъ можно уже—„вершатъ“, и на верхъ каждаго „промежка“ кладуть „віцы“—два связанныхъ верхушками прута или молодыхъ ствола ивы, березы, ольхи, около сажени длиною,—такимъ образомъ, чтобы одна вица свѣшивалась съ одной, другая—съ другой стороны промежка и зорода. Съ боковъ зороды подпирають кольями, „подпорами“, чтобы не слишкомъ осѣдало сѣно. Высота только что наметаннаго зорода достигаетъ сажень двухъ, ширина или толщина въ срединѣ—аршинъ четырехъ, а длина зависитъ отъ количества сѣна. Зороды сѣна иногда, изрѣдка, называютъ и стогами. Кромѣ зородовъ, въ послѣднее время стали метать сѣно и въ копны, возводя ихъ около одного срединнаго стожара на такую же высоту, какъ и зороды.

Сараевъ или сѣноваловъ почти не строятъ.

Для „вывѣшиванія“ (сушки) льна дѣлаются „вѣшала“, состоящія изъ горизонтально протянутыхъ, на высотѣ аршинъ 2-хъ, жердей, положенныхъ на „козла“. „Козла“ состоятъ изъ двухъ иногда трехъ воткнутыхъ наклонно одинъ къ другому кольевъ, верхушки которыхъ, будучи перекрещены между собою, связываются между собою соломеннымъ жгутомъ, обрывкомъ веревки, а чаще всего—„перевичкой“, т. е. гибкимъ молодымъ стволомъ ивы, ели, можжевельника и проч.

3.

Оріентировка дома и построекъ при немъ. Деревня.

Если на ту или другую постановку дома и распредѣленіе его частей и построекъ при немъ въ деревнѣ вліяетъ принятый планъ и

распорядокъ, сложившійся обычай и другія условія, опредѣляемыя самой деревней или поселеніемъ, то, съ другой стороны, и эти самыя условія и укоренившіеся распорядки возникали въ большинствѣ случаевъ изъ личныхъ мотивовъ, плановъ и расчетовъ первоначальныхъ отдѣльныхъ поселенцевъ, отчасти и послѣдующихъ насельниковъ той же деревни или села. Въ настоящее время считается наиболѣе удачнымъ такое мѣсто и планъ деревни, при которыхъ можно поставить домъ такъ, чтобы онъ „глядѣлъ“ на рѣку или на рѣчку и чтобы окна были обращены въ „теплую сторону“, на югъ; однимъ словомъ, чтобы было красиво и тепло. Но такъ какъ зимой не приходится любоваться красотой мѣста, особенно изъ оконъ дома, то это условіе имѣется въ виду главнымъ образомъ для лѣта; для зимы же особенно цѣнно второе условіе—тепло. Вотъ почему при вышеописанномъ составѣ дома, весьма часто можно встрѣтить такое расположеніе жилыхъ помѣщеній въ немъ, что большая часть ихъ выходитъ на югъ; при чемъ зимняя изба занимаетъ югозападный уголъ дома, лѣтняя—юговосточный, между ними, на югъ—горницы на повѣти и боковыя избы (о послѣднихъ см. ниже); всѣ входы—лѣтнее крыльцо, зимнее крыльцо и „дворныя ворота“—съ южной стороны; горница въ переду, служащая для лѣтней жаркой поры, обращена на сѣверо-востокъ. Передъ дома своимъ главнымъ фасадомъ, лицомъ, съ вышкой, подзорами, выходами и другими украшеніями, смотритъ на востокъ и вмѣстѣ на рѣку, на рѣчку, озеро, на красивую долину и проч.; на сѣверѣ Россіи, гдѣ большею частію рѣки текутъ съ юга на сѣверъ, условіе „на востокъ и на рѣку“ легко осуществимо.

Въ тѣсной связи съ распредѣленіемъ жилыхъ помѣщеній въ домѣ находится распредѣленіе и хозяйственныхъ построекъ при немъ. Такъ какъ большинствомъ хозяйственныхъ построекъ чаще приходится пользоваться въ свободное отъ полевыхъ работъ время, т. е. осенью, зимой и отчасти раннею весной, то естественно, чтобы онѣ группировались ближе къ зимнему жилью въ домѣ, къ зимней избѣ, къ озадку, что въ свою очередь будетъ въ согласіи съ условіемъ о красотѣ для лѣтняго помѣщенія, переда, передъ которымъ уже не будутъ громоздиться мозолящія глаза будничныя сооруженія, не блестящія своей красотой. Въ дѣйствительности чаще такъ и бываетъ: гдѣ-нибудь по близости ко входу въ зимнюю избу ставится погребъ, дальше—амбаръ, еще дальше—гумно. Колодець долженъ быть на одинаковомъ разстояніи отъ зимняго и лѣтняго жилья и близокъ къ скотному двору, противъ входа въ который, поэтому, часто и устраивается. Со стороны главнаго фасада переда разбиваютъ „садъ“, т. е. огородъ, въ которомъ, впрочемъ, нерѣдко сажаютъ кромѣ овощей и ягодныя деревья и кусты (черемуха, рябина, смородина, малина). Обыкновенно участокъ земли, занимаемый самымъ домомъ въ деревнѣ, носитъ названіе мѣста; къ „мѣсту“ со стороны озадка примыкаетъ

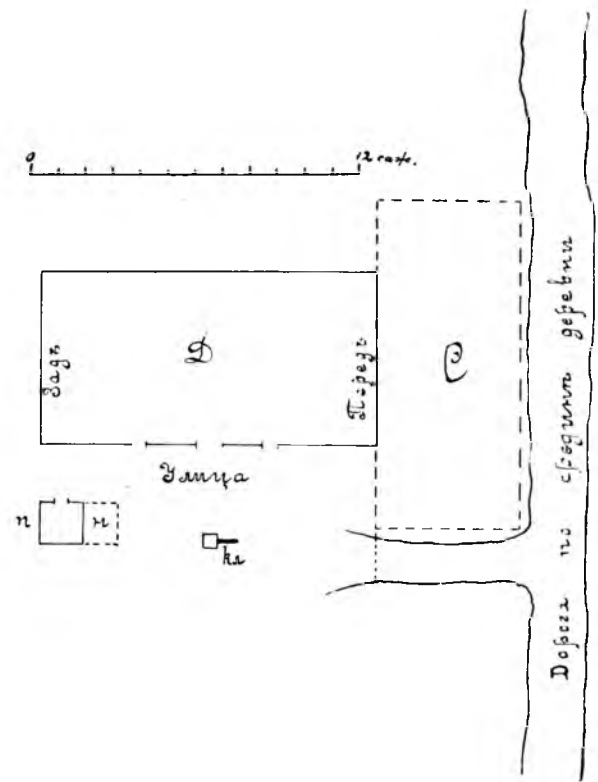
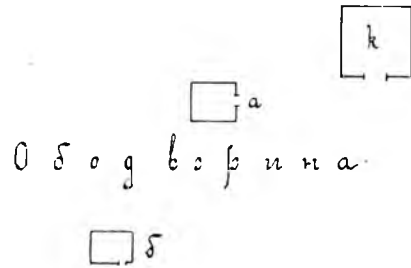
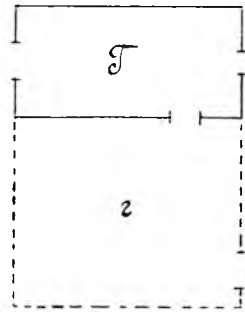

Рис. 46. Планъ дома и хозяйственныхъ построекъ.

Д—домъ; С—„садъ“ (огородъ); Г—гумно; г—„губніще“; а—амбарь; б—баня; к—конюшня; и—погребъ; кл—колодець; и—навѣсь, отчасти играющій роль каретника.

непосредственно участок полевой земли, именуемый ободвóриной, на которой и группируются хозяйственные постройки дома. Совокупные размѣры „мѣста съ ободвориной“ колеблются примѣрно отъ 35 до 50 сажень по длинѣ и отъ 10 до 12 саж. по ширинѣ. Для каждаго дома вырѣзываются такіе участки, которые и выстраиваются въ сплошной рядъ параллельно направленію теченія рѣки или рѣчки и проч.; дома на нихъ образуютъ рядъ или линію деревни. Очень часто въ деревнѣ и бываетъ только одна линія домовъ, на озадкахъ которыхъ расположены хозяйственные пристройки, передъ „передами“ разбиты „сады“, а дальше за „садами“ тянется „дорога по деревнѣ“, за которой опять могутъ идти „сады“ и за ними—поле; иногда дорога идетъ непосредственно передъ „передами“, а сады уже дальше, за дорогой. Съ дороги къ каждому дому открытъ свободный доступъ для прохода и проѣзда—со стороны „переда“; если передъ „передами“ тянутся „сады“, то между ними оставляется всетаки „проѣздъ“ къ каждому дому—со стороны главнаго бокового фасада (со входами въ домъ)—на улицу. Значитъ, у каждаго дома своя улица; такъ и говорятъ: „Ефимова улица“, „Ванькина улица“, „наша улица“ и т. д. Улица, слѣдовательно, лежитъ при каждомъ домѣ со стороны его бокового со входами фасада и дѣлится на части, которыя соответственно частямъ дома, къ которымъ онѣ прилегаютъ, называются: „улица у зимней избы“, „улица передъ дворными воротами“, „улица у переда“. Въ противоположность улицѣ, мѣсто по другую сторону дома, куда оконъ совсѣмъ почти не выходитъ и гдѣ нѣтъ входовъ въ домъ, называется задвóрками; сюда нерѣдко валяютъ разные отбросы, черешки посуды, шепки и проч.

Слово „улица“ можетъ имѣть и другія значенія. Такъ, всякая дорога по сторонамъ которой идутъ изгороди, огороды, называется улицей; при выѣздѣ изъ деревни на отдаленныя пашни или для выгона скота на пастбище постоянно приходится пользоваться такого рода улицами, ведущими обыкновенно между двухъ сосѣднихъ полей, при концѣ которыхъ заканчивается и улица; это окончаніе улицы носить названіе розуличья. На „розуличьѣ“ иногда и въ срединѣ улицы обыкновенно ставится икона на столбѣ, или крестъ, или даже маленькая часовенка (см. рис. 47).

Хотя ведущую по деревнѣ дорогу, особенно, если дома идутъ по обѣ стороны ея и если она проходитъ не между изгородами, и не называютъ обыкновенно улицей, по возможность такого наименованія не исключается и здѣсь. Когда поется: „Хороша наша деревня, только улица грязна“, то имѣется въ виду общедеревенская улица, проходящая по деревнѣ дорога.

Затѣмъ, понятіе „улица“ противопоставляется понятію „внутренность дома, изба, комната“; въ этомъ смыслѣ, конечно, говорится: „на улицѣ морозъ, на улицѣ оттепель“, или: „на улицѣ—краюшка, въ избѣ—

Рис. 47. „Улица“ между полями.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.).

Рис. 48. Улица, перегороженная изгородями (прототипъ двора).
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.). Видень колодець съ „оцяпомъ“.

Рис. 49. Улица отдѣлена постояннымъ заборомъ и плетнемъ отъ дороги.
(Близъ Никольскаго погоста В. у.).

ломотокъ“ (загадка о стѣнахъ, не тесанныхъ снаружи и вытесанныхъ внутри жилья), и т. д.

Пространство между двумя рядомъ стоящими домами называется обыкновенно проулкомъ, но это слово, повидимому, привилось позже изъ канцелярскаго обихода, при спорахъ о „мѣстахъ“ въ деревнѣ.

Въ послѣднее время замѣчается стремленіе „свою улицу“ отъ общедеревенской отдѣлять изгородью, иногда болѣе плотнымъ плетнемъ и даже дощатымъ заборомъ, при чемъ на улицу ведутъ ворота, устраиваемыя изъ жердей („заворъ“, „отводъ“), или тесовыя, собственно ворота. Такимъ образомъ замѣчается наклонность „свою улицу“ превращать въ замкнутый дворъ, въ иномъ, такъ сказать—въ городскомъ, смыслѣ слова. (См. рис. 49). Такія огражденія вызываются потребностью предохранить улицу отъ скопленія чужого скота съ одной стороны, а съ другой—задержать временно свой скотъ для поенія, доенія и проч., и имѣютъ значеніе только для лѣтней, частью весенней и осенней поры, а на зиму являются совершенно излишними и часто разбираются совсѣмъ.

Когда деревня разрастается и линія домовъ удлиняется настолько, что концы ея становятся далеко отъ середины, центра деревни, являются желающіе селиться болѣе охотно по другую сторону дороги (общедеревенской улицы), чѣмъ по концамъ первоначальной линіи домовъ. Такимъ образомъ возникаетъ вторая линія домовъ, лежащая по другую сторону дороги и занимающая болѣе низкую часть склона, чѣмъ первоначальная; поэтому одна изъ линій и называется верхней, а другая нижней. Мѣста нижней линіи заселяются обыкновенно выдѣленными сыновьями или братьями изъ домовъ (семействъ) верхней линіи, не желающими далеко „отѣхать“ отъ стараго дома; эти мѣста считаются менѣе удобными, чѣмъ по верхней линіи, и, дѣйствительно, поселившимся на нихъ приходится кое-чѣмъ поступиться: если сохранить такое же расположеніе частей дома, какъ на верхней линіи, то приходится всѣ хозяйственныя постройки ставить около переда или передъ нимъ; а если передъ перенести на другой конецъ дома, на мѣсто озадка, и обратно, то выступаютъ другія неудобства (см. выше). Все таки обычно и дома нижней линіи принимаютъ то же расположеніе, что и верхней, обращаясь въ ту же сторону передами, а озадками на общедеревенскую улицу; вслѣдствіе послѣдней причины озадки этихъ домовъ должны нѣсколько, такъ сказать, „прихорашиваться“, и на нихъ появляются двойни съ подзорами и др. украшеніями, присущими больше передамъ (см. рис. 33).

Расположеніе домовъ въ линіи является самымъ обычнымъ для большинства деревень. II деревня, раскинувшаяся по склону горки или высокаго берега, со своими продолговатыми домами, переды которыхъ съ ихъ вышками, охлупнями, коньками и проч., какъ огромныя

Рис. 50. Видь дер. Рыкаловской, Спасек. в. Тот. у.
Передь деревней рѣчка; выше и ниже—гумна, амбары и проч.

головы какихъ то гигантскихъ существъ, стройно и горделиво возвышаясь, потянулись всё въ одну сторону, куда-то вдаль—на рѣку, на озеро, на стоящій за ними лѣсъ, на просторъ,—подобно двойной вереницѣ лебедей, весело несущихся на свободно-пзбираемый просторъ и волю.

Разумѣется, указанные мотивы и способъ ориентировки домовъ въ деревнѣ далеко не являются единственными. Встрѣчаются деревни, расположенныя вдали отъ воды, по сторонамъ, напримѣръ, большой дороги, и тогда дома ихъ обращены съ той и другой стороны своими главными фасадами на эту дорогу; въ торговыхъ селахъ и деревняхъ дома „смотреть“ на торговую площадь; въ мѣстности овражистой—въ разныя стороны и т. д. и т. д. На расположеніе домовъ оказываетъ вліяніе и оффиціальная планировка. Въ большихъ и ста-

Рис. 51. Ориентировка „по дорогѣ“.

(Дер. Сметанина, В. у.; съ фотогр. П. А. Сабурова).

ринныхъ деревняхъ, раскинувшихся на мѣстахъ, обособившихся въ какихъ либо естественныхъ границахъ (берега, овраги, крутизны) можетъ быть весьма запутанное расположеніе и ориентировка домовъ. Тутъ могутъ быть „средняя“, и „боковая линія“, и „дома на-отставѣ“ и т. д. При чемъ, какъ и во всѣхъ, впрочемъ, случаяхъ, словомъ „линія“ не обозначается прямое направленіе, а только болѣе или менѣе врьдъ идущіе дома; поэтому слово „линія“ часто замѣняется словомъ „порядокъ“: „верхній порядокъ“, „нижній порядокъ“ и проч.

4.

Промышленныя и общественныя постройки.

При слабомъ развитіи промысловъ въ этомъ краѣ, промышленныя постройки не отличаются ни разнообразіемъ, ни сложностью устройства, да и число ихъ крайне ничтожно. Не вдаваясь въ подробности описанія технического ихъ устройства, упомянемъ лишь о характер-

ныхъ особенностяхъ оборудованія нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе обычныхъ, каковы кузница, смолокурня, мельница. Лишь насущная потребность въ кузнечномъ ремеслѣ заставляетъ изрѣдка браться за него и обзаводиться кузницей. Последняя ставится гдѣ-нибудь по сосѣдству съ банями, отъ которыхъ мало чѣмъ отличается и по размѣрамъ, и по внѣшнему виду, за исключеніемъ конечно отсутствія части, соответствующей „передбаню“. Въ кузницу ведетъ небольшая дверь, всегда открытая во время работы (зимой, въ морозы, не работаютъ). Посрединѣ, ближе ко входу, стоитъ широкій обрубокъ толстаго дерева, своимъ основаніемъ нѣсколько вкопанный въ земляной полъ кузницы; въ него вбита стальная „наковаль“. Подальше, за „наковалью“ съ ея подставкою, слѣдуетъ горно—маленькое углубленіе въ полу, обложенное дикими камнями, со сводомъ изъ такихъ же камней; при немъ ручные мѣхи для раздуванья. У одной изъ боковыхъ стѣнъ стоитъ корыто съ водой, для погруженія въ нее охлаждаемыхъ издѣлій. Вотъ почти и все. Передъ кузницей иногда ставится стойло для подковыванія лошадей. Если въ последнее время встрѣчаются какія-либо улучшенія, то они уже заноснаго характера.

Такой же простотой отличается и устройство смолокурни, смольной избушки. Ставится последняя гдѣ-нибудь на косогорѣ, вдали отъ деревни, и представляетъ изъ себя постройку, по своей простотѣ и размѣрамъ опять напоминающую съ внѣшней стороны баню. Почти все помѣщеніе этой постройки занято внутри кирпичною печью съ тремя устьями, среднее изъ которыхъ служитъ для закладыванья смолья во внутреннюю камеру, а боковыя—для топки. Дно, „подъ“ внутренней камеры воронкообразно углублено и заканчивается отверстіемъ, ведущимъ въ деревянную, выдолбленную изъ одного дерева, колоду, другой конецъ которой выходитъ въ обрывѣ косогора, гдѣ около него сдѣлана небольшая яма, чтобы подъ конецъ трубы можно было ставить бочку для стекающей смолы. Смола выгонялась изъ подобранныхъ въ дѣсу и на свѣжерасчищенныхъ пашняхъ смолистыхъ шней, колоднъ и проч. Въ настоящее время такое смолокуреніе почти вывелось и смѣнилось другимъ, болѣе усовершенствованнымъ, съ подсочкой сырыхъ деревьевъ: оно приурочено уже къ опредѣленнымъ районамъ и подчинено извѣстнымъ правиламъ технического надзора; соответственно улучшено и устройство смолокурень, въ основѣ оставаясь близкимъ къ упомянутому.

Значительно богаче этотъ край мельницами, хотя и онѣ носятъ характеръ простоты и примитивности, почему изрѣдко чувствуется въ нихъ большой недостатокъ, при кажущемся ихъ изобиліи, такъ какъ многія работаютъ совсѣмъ мало и пустыютъ.

Мельницы бываютъ водяныя и вѣтряныя, или „вѣтрянки“. Для водяныхъ мельницъ на маленькихъ рѣчкахъ устраивается запруда изъ досокъ, а на значительныхъ дѣлается „слань“, изъ сырыхъ де-

ревьевъ съ прутьями на верушкахъ, которыми погружаютъ ихъ на дно рѣки и засыпають щебнемъ, камнями, рухляками и проч.; „кóмли“ (прикорневья части стволовъ) уложенныхъ врьдъ деревьевъ направляются, приподымаясь изъ воды, внизъ по теченію и въ этомъ положеніи удерживаются подложенными снизу подъ нихъ бревнами, камнями и проч.; такимъ образомъ настилають нѣсколько рядовъ, одинъ выше другого, и получается слань, направляющая воду къ мельничнымъ воротамъ въ мелководье и пропускающая ее черезъ верхъ въ большую воду. Сланью, понятно, приходится пользоваться на неглубокомъ, а, слѣдовательно, болѣе широкомъ мѣстѣ рѣки, и потому длина слани по р. Кокшеньгѣ, напр., доходитъ иногда до 70 сажень. До

Рис. 52. Мельница на р. Кокшеньгѣ.

(Под. дер. Проневской, Швед. вол., Тот. у.). Видна „слань“.

самой мельницы „слань“ не достигаетъ 2—3 саж., гдѣ остается русло, запираемое уже досками. во время работы мельницы. Самое зданіе мельницы можетъ быть различной величины, отъ размѣровъ большого амбара доходить сажень до 4-хъ ширины и до 6 саж. длины. Обыкновенно кроется тесомъ, на два ската. По всей длинѣ бревенчатая перегородка отдѣляетъ часть нижняго этажа внутренняго помѣщенія къ сторонѣ рѣки („кожухъ“),—для лодка, по которому устремляется вода къ воднымъ колесамъ, помѣщаемымъ въ этомъ же отдѣленіи. Другая часть нижняго этажа, со стороны входа въ него и берега, заключаетъ въ себя ступы, въ которыхъ толкутъ овесъ на муку и „шастають“, т. е. очищаютъ отъ шелухи (кожуры) другіе зерновые хлѣба: кромѣ ступъ, здѣсь помѣщается зубчатое

колесо съ шестерней, для жернова; оно прикрывается находящимся ближе ко входу большимъ деревяннымъ засѣкомъ (ларемъ), въ который сверху сыплется изъ подъ жернова мука. Въ верхнемъ отдѣленіи, въ которое снизу внутри ведетъ лѣстница и имѣется еще непосредственный входъ снаружи, находятся жернова (изъ гранитныхъ и гнейсовыхъ мелкозернистыхъ валуновъ), надъ которыми, на прочныхъ переводахъ укрѣпленъ ящикъ, имѣющій форму четырехугольной пирамиды, обращенной вершиною внизъ, гдѣ сдѣлано отверстие для стока зерна по лодкѣ (рукаву) на жернова. Ящикъ этотъ, служащій для засыпки подлежащаго перемалыванію зерна, называется кошемъ. Вверху около коша, на переводахъ настланы доски для взваливанія на нихъ мѣшковъ, изъ которыхъ зерно засыпается въ кошъ; этотъ дощатый помостъ называется полатями. Внутреннее помещеніе мельницы, за исключеніемъ водной части, называется обыкновенно онбаромъ.

Возлѣ мельницы бываеъ для помольцевъ и для мельника небольшая избушка, немного лучше „запольной“, и сверхъ того, иногда конюшня для лошадей, на которыхъ привезенъ перемалываемый хлѣбъ.

Вѣтрянка или вѣтряная мельница представляетъ изъ себя небольшой амбарчикъ, вращающійся на вертикальной оси и кѣтчатой основѣ изъ бревенъ. Поворачиваютъ при помощи двухъ длинныхъ толстыхъ жердей, нижніе концы которыхъ связаны между собою деревяннымъ кольцомъ, а верхніе обхватываютъ какъ вилы корпусъ мельницы

Рис. 53. „Вѣтрянка“.

(Въ дер. Пунинской, Спасск. в., Тот. у.)

съ двухъ противоположныхъ сторонъ или прикрѣпляются къ задней стѣнкѣ. Сбоку придѣлывается маленькая висячая лѣсенка, по которой можетъ подняться одинъ человѣкъ безъ груза; мѣшки съ зерномъ и мукой поднимаются и опускаются воротомъ.

Изъ другихъ построекъ этого рода развѣ можно было бы упомянуть еще о кожевнѣ, но ихъ такъ мало въ этой мѣстности, что онѣ являются даже не совсѣмъ обычными постройками.

Рис. 54. Торговые ряды.
(С. Воскресенское, Шенкурск. у.).

Для торговли дома приспособляютъ иногда подвалъ переда, иногда ставятъ особую лавку, конечно, по близости къ дому. Лавка по внѣшнему виду и размѣрамъ мало чѣмъ отличается отъ амбара. На погостахъ и рыночныхъ мѣстахъ ярмарочныхъ селѣ устраиваются торговые ряды, то простые, то двойные съ галереями (по мѣстному— „гаударѣи“). Простые ряды обыкновенно представляютъ изъ себя длинный бревенчатый корпусъ, раздѣленный бревенчатыми перегородками (стѣнами) на отдѣльныя камеры, лавки, длиною въ 3—5 арш. каждая, шириною около 3-хъ арш. и даже меньше и немногимъ болѣе 3-хъ аршинъ высотой. По одной сторонѣ у лавокъ прорублены большія окна, почти во всю длину стѣнки, высотой нѣсколько меньше двухъ аршинъ; каждое такое „окно“ запирается дверью, распахивающеюся двумя половинками, одной—кверху, другой книзу; верхняя при этомъ зацѣпляется за крючекъ и остается приподнятой, а нижняя, откинутая подъ прямымъ угломъ къ стѣнкѣ и падающая при этомъ на специальныя стойки, становится прилапкомъ возвышающимся на аршинъ или нѣсколько больше надъ поверхностью земли. Внутри

устраиваются полки; пола и потолка может и не быть. Крыша надъ прилавками нѣсколько выдается впередъ.

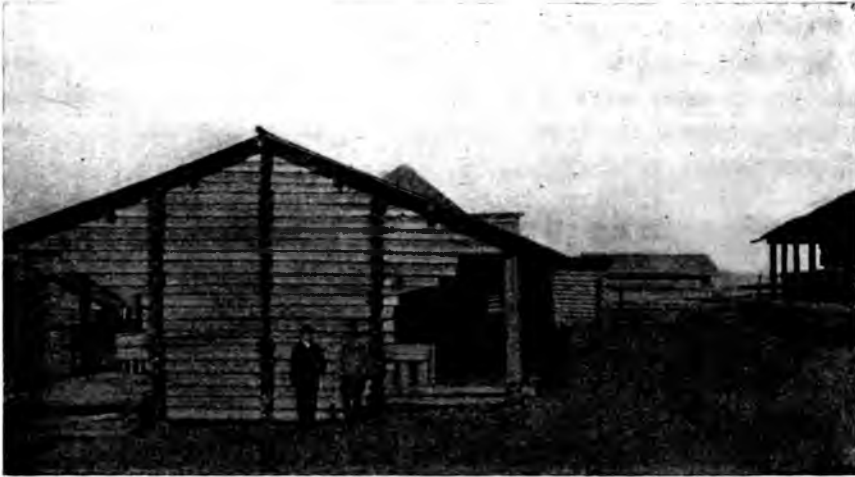

Рис. 55. Два двойныхъ корпуса торговыхъ рядовъ, съ галереями.
(С. Бестужево, Вельск. у.).

На рис. 54 (справа противъ алтаря церкви) представленъ задній фасадъ простыхъ рядовъ.

Двойные ряды (рис. 55) представляютъ также длинный корпусъ, раздѣленный по срединѣ продольною капитальною стѣною, по обѣимъ

Рис. 56. Хлѣбозапасный магазинъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ.

сторонамъ которой и помѣщаются лавки, подобныя вышеописаннымъ, съ такими же дверями (и прилавками).

Дѣлаются ряды и съ болѣе крупными лавками, напоминающіе городскіе гостинные дворы.

Хотя всѣ торговые ряды устраиваются обыкновенно на церковныя суммы (и сдаются затѣмъ въ аренду торговцамъ), но строятся мѣстными крестьянами по существующимъ планамъ и традиціямъ, издавна установившимся здѣсь.

Рис. 57. Часовня
(Въ дер. Бычьей, Вельск. у.).

Подъ большимъ, почти исключительнымъ постороннимъ вліяніемъ оффиціального характера сложился здѣсь типъ постройки хлѣбозапасныхъ общественныхъ магазиновъ (по мѣстному — „магазин“), которые легко выдѣлить изъ ряда другихъ крестьянскихъ построекъ по ихъ наружному виду. Для бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ существуетъ одинъ типъ, представленный на рис. 56, для бывшихъ казенныхъ — другой.

Изъ общественныхъ построекъ, возникающихъ по исключительно крестьянской инициативѣ и строящихся по вкусу и разумѣнію самихъ же крестьянъ, занимаютъ видное мѣсто часовни. Почти во всякой болѣе или менѣе многолюдной деревнѣ имѣется своя часовня. Ставить ее по среднѣй деревнѣ (въ Кокшенѣгѣ).

Въ простѣйшемъ случаѣ по внѣшности своей и по размѣрамъ она походитъ на амбаръ съ вышкой и пережитищемъ и часто дѣй-

ствительно передѣляется изъ пожертвованнаго кѣмъ-нибудь амбара (какъ зданія „чистаго“); при передѣлкѣ, вмѣсто пережитища является гаударея часовни, иногда открытая, а иногда закрытая; въ послѣднемъ случаѣ имѣетъ значеніе панерти и напоминаетъ ближе всего устройство маленькихъ сѣней. Входная дверь въ часовню тоже мало чѣмъ отличается отъ амбарной двери: такой же высокой порогъ, такой же большой внутренней замокъ съ большимъ желѣзнымъ „наличникомъ“ снаружи. Въ стѣнѣ съ которой-нибудь стороны двери

Рис. 58. Часовня.

(въ д. Медвѣдевѣ, Рост. в., Вельск. у.).

имѣется прорѣзъ для спускающаго денежныхъ пожертвованій: прорѣзъ бываетъ около $\frac{1}{2}$ арш. въ длину и одного вершка въ ширину и, следовательно, допускается возможность пожертвованій мелкими вещами. Надъ дверью виситъ икона. При входѣ въ часовню, прямо на задней стѣнѣ будетъ иконостасъ, съ иконами различныхъ размѣровъ и достоинства; при чемъ на среднѣ чаще ставятся иконы наиболѣе чтимыхъ святыхъ; церковнаго порядка установки иконъ не придерживаются. Передъ иконами ставятся восковыя свѣчи или на подсвѣчникахъ, подобныхъ церковнымъ, или иногда прямо на полкахъ.

На правой и на лѣвой стѣнахъ имѣются по одному окну съ желѣзными рѣшетками. На полу стоятъ столъ, аналой, а у входа, въ углу,—ящикъ для „казны“.

Крыша тесовая на два ската. Крестъ на ней можетъ быть, а мо-

жетъ и не быть; если онъ бываетъ, то чаще восьмиконечный, деревянный. Иногда на паперти, а то—на особомъ столбѣ, вѣшается колоколь (около 2-хъ пудовъ; бываетъ больше и меньше), которымъ извѣщаютъ о началѣ праздничной молитвы.

Рис. 59. Часовня.

(Въ дер. Мадовицахъ, Спасск. в., Тот. у.).

Однако отъ этого обычнаго простого устройства часовни бываютъ перѣдко и отступленія, выражающіеся больше всего въ стремленіи приблизить часовню и по внѣшнему виду и по внутреннему устройству—къ церкви. Съ другой стороны и самыя церкви, особенно деревянныя и старинныя имѣли много общаго въ нѣкоторыхъ деталяхъ ихъ архитектуры и съ часовнями и съ домами. Получалась несомненная архитектурная связь между всеми этими видами построекъ, при нѣкоторомъ, иногда, правда, значительномъ различіи въ формахъ. Эта связь всеми понималась или чувствовалась и давала общій колоритъ мѣстнаго, всемъ близкаго и роднаго. Вотъ почему до сихъ поръ крестьяне съ какимъ то особеннымъ благоговѣніемъ и любовію относятся къ уцѣлѣвшимъ стариннымъ деревяннымъ церквамъ.

Когда лѣтомъ 1911 г. я побывалъ въ древней деревянной церкви Орловскаго погоста на Усѣѣ, я былъ пораженъ удивительнымъ сходствомъ внутренней отдѣлки ея съ таковою же въ чистыхъ жилыхъ помѣщеніяхъ старинныхъ крестьянскихъ домовъ: такія же входныя, небольшія, съ высокимъ порогомъ, двери; такія же точно окна, лавки

возлѣ стѣнъ; такъ же набранъ „въ закрой“ невысокій потолокъ и проч. Сходство было тѣмъ болѣе поразительнымъ, что въ церкви былъ выбранъ весь иконостасъ, такъ какъ въ ней давно не служатъ ¹. Внѣшній видъ этого храма, въ устройствѣ котораго такъ удачно совмѣщалась съ его простотою и выдающаяся красота, представленъ на рис. 60.

Рис. 60. Церковь въ Орловѣ. Вельск. у.

Не мало общаго можно найти въ архитектурѣ и другихъ старинныхъ деревянныхъ церквей, а также часовенъ, и крестьянскихъ домовъ. Обративъ на примѣръ вниманіе на устройство оконъ, дверей, крылецъ и проч. церквей Верховской и Поцкой (рис. 61) въ Кокшеньгѣ, можно безъ труда и здѣсь, даже снаружи, подмѣтить общность деталей съ таковыми же въ крестьянскихъ домахъ.

5.

Дополненія.

Заканчивая на этомъ мой бѣглый обзоръ крестьянскихъ построекъ въ области рр. Кокшеньги, Усыи и Ваги съ ея нѣкоторыми другими притоками, я долженъ къ предыдущему сдѣлать еще кой-какія необходимыя поясненія и дополненія.

Хотя въ своихъ описаніяхъ въ качествѣ исходнаго или основнаго матеріала я пользовался постройками крестьянина Кокшеньги,

¹. Въ настоящее время уцѣлѣла лишь передняя половина этой церкви, охраняемая подъ надзоромъ Имп. Арх. Комиссіи. Мнѣ было чрезвычайно больно услышать, что вторая половина этой церкви была разобрана настоятелемъ этого прихода О. Фаддеевымъ, крупнымъ мѣстнымъ богачемъ, и испилена имъ себѣ на дрова.

Рис. 61. Церковь Поцкаго прихода (въ Кокшеньгѣ, Тот. у.).

средней руки, но во многихъ случаяхъ приходилось указывать на такія видоизмѣненія и детали, которыя свойственны постройкамъ или болѣе зажиточныхъ крестьянъ или по преимуществу крестьянъ какой-либо иной части описываемаго района. Однако, несмотря на указанные отступленія, все-же, ради болѣе-большой связности описанія, были опущены кой-какія весьма важныя особенности и варіаціи нѣкоторыхъ построекъ. Прежде всего слѣдуетъ указать на существованіе боковыхъ избъ, которыя изрѣдка встрѣчаются во всей указанной области.

Боковая изба можетъ существовать одновременно съ зимней на озадкѣ и лѣтней въ переду и занимаетъ чаще всего мѣсто со стороны главнаго бокового фасада дома, между зимнимъ крыльцомъ и „дворными“ воротами; при этомъ она можетъ иногда входить въ составъ „середки“, лишь отчасти выдаваясь за боковую стѣну дома въ сторону улицы, или вся цѣликомъ выходить на улицу.

Въ первомъ случаѣ положеніе ея отчасти соотвѣтствуетъ горницѣ на повѣти, съ той существенной разницей, что горница помѣщается надъ скотнымъ дворомъ, а боковая изба вдается въ послѣдній, закладываясь своимъ основаніемъ непосредственно на землѣ; входъ въ этомъ случаѣ въ боковую избу устраивается изъ зимнихъ сѣней. Во второмъ случаѣ изба ставится такъ, что между нею и боковой стѣной „середки“ оставляется мѣсто для моста (сѣней) этой избы; входъ (крыльцо) въ этомъ случаѣ можетъ быть устроенъ или со стороны „дворныхъ“ воротъ или со стороны зимняго крыльца, но даже можетъ быть одновременно и съ той и другой (два входа). Положеніе боковой избы обозначено на рис. 62.

Что касается назначенія боковой избы, то оно мѣняется въ зависимости отъ состоянія другихъ жилыхъ помѣщеній дома; она можетъ служить то зимней избой, то лѣтней, то—по преимуществу скотней (т. е. зимней, въ которой можетъ кормиться и скоть); но иногда можетъ служить, такъ сказать, полусезонной избой, въ которую переселяются на время весны и осени. Боковая изба можетъ занимать и другое мѣсто, напр., между лѣтнимъ входомъ (крыльцомъ) и „дворными“ воротами или рядомъ съ передомъ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чаще по р. Вагѣ, и зимняя изба занимаетъ положеніе боковой; тогда весь озадокъ дома какъ бы сдвигается въ сторону, становясь врядъ съ мѣстомъ обычнаго озадка вышеописаннаго расположенія частей дома и главнымъ фронтономъ обращаясь вдоль улицы въ ту же сторону, какъ и „передъ“ (см. рис. 31). Какъ и боковая изба, зимовка въ этомъ случаѣ можетъ занимать разныя мѣста и даже стать рядомъ съ передомъ, имѣя въ исключительныхъ случаяхъ и общій съ нимъ входъ, со стороны передняго фронта дома.

Многія особенности въ постройкахъ можно разсматривать и какъ новины, или не всѣмъ доступныя по ихъ дороговизнѣ или по дру-

гимъ соображеніямъ не вошедшія во всеобщее употребленіе. Къ числу таковыхъ надо отнести, между прочимъ, обшивку домовъ тесомъ и окраску. Лишь въ послѣднее время появляются у зажиточныхъ крестьянъ обшитые или, какъ здѣсь говорятъ, опушенныя дома (сплошь покрытыя снаружи тонкими досками). Не сразу былъ сдѣланъ этотъ шагъ и богатыми крестьянами: сначала только углы „опушивали“ (см. рис. 59), потомъ—переды и потомъ уже цѣлые дома (см. рис. 48). Въ связи съ опушкой непременно должна была появиться и окраска; а такъ какъ образцы при этомъ намѣчались на городскихъ постройкахъ, то съ ними вмѣстѣ появилась и новая орнаментика и новое устройство крылецъ и даже крытыхъ террасъ въ видѣ „фонарей“.

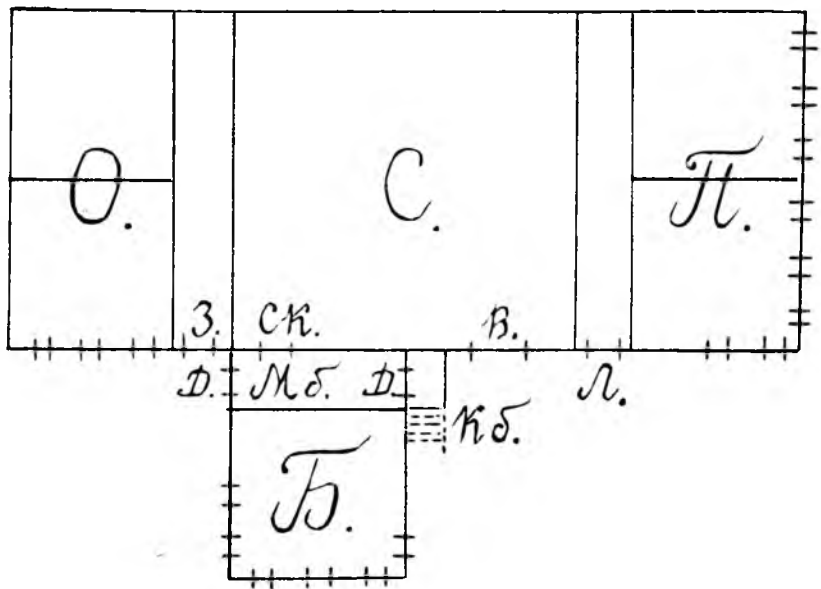

Рис. 62. Планъ дома съ боковой избой.

П—передъ; *О*—озадокъ; *С*—середка; *Б*—боковая изба; *Мб*—мостъ или сѣни боковой избы; *Д*—входъ въ эти сѣни; *Кб*—крыльцо боковой избы; *В*—дворныя ворота; *Л*—лѣтній входъ; *З*—зимній входъ; *Ск*—лѣстница на скотный дворъ.

Чаще стали появляться вышки, выступающія надъ переднимъ склономъ крыши, въ связи съ переходомъ послѣдней изъ двускатной въ трехъ или четырехскатную. Такая вышка имѣетъ въ сущности свой прежній видъ и форму, съ продолжающеюся на ней, и лишь только на ней, двускатной крышей, тогда какъ на остальной части переда со стороны его передняго фронтона двускатную крышу пересѣкаетъ новый скатъ, третій (см. рис. 60). Иногда, при двухэтажныхъ передачахъ, подобіе такой же вышки дѣлается со стороны бокового фасада дома надъ сѣнями верхняго этажа и надъ входомъ (крыльцомъ) въ нижній и называется, какъ и самая вышка, мизининомъ.

Въ связи съ измѣненіемъ вышки и числа скатовъ у крыши, становящейся въ то-же время все-тоньше, легче и уже (древяныя; крыши) понемногу перестаютъ употреблять желоба, курицы и охлупни; навѣсы крыши сокращаются до минимума и подпираются карнизами. Кой-гдѣ проглядываютъ и другія новинки. О нѣкоторыхъ упоминалось въ предыдущихъ описаніяхъ.

И по количеству, и по своему значенію всѣ эти видоизмѣненія представляются весьма внушительными. И вотъ является вопросъ: при такомъ обиліи переменъ, есть ли что-нибудь постоянное и устойчивое въ строительствѣ здѣшнихъ крестьянъ? На такой вопросъ можно отвѣтить пока въ общемъ утвердительно. Тѣ основныя формы, основной планъ, которые являются господствующими въ настоящее время, ведутъ свое начало съ давнихъ временъ; объ этомъ можно судить и по сохранившимся преданіямъ и по нѣкоторымъ другимъ даннымъ. Изрѣдка встрѣчаются постройки, уцѣлѣвшія еще отъ XVIII в. ¹; попадались мнѣ росписки и другіе письменные документы, отъ XVII столѣтія съ упоминаніемъ тѣхъ же частей дома и другихъ построекъ, какія являются обычными и въ настоящее время. Конечно, вопросъ объ эволюціи въ крестьянской архитектурѣ, интересный самъ по себѣ, является въ то же время и слишкомъ сложнымъ, чтобы его можно было, хотя бы въ общихъ чертахъ, изложить попутно, вскользь, въ статьѣ, имѣющей совсѣмъ другую задачу.

Съ устойчивостью основнаго типа построекъ все же невольно приходится сопоставлять фактъ большого обилія всякихъ измѣненій, появившихся въ теченіи небольшого числа послѣднихъ лѣтъ. Не угрожаютъ ли всѣ эти надвигающіяся съ каждымъ годомъ новшества болѣе существенными переменами и самымъ основамъ крестьянскаго строительства? Положительно на этотъ вопросъ можетъ отвѣтить лишь будущее и, повидимому, не особенно отдаленное; въ настоящемъ же, мнѣ кажется, приходится съ несомнѣнностью констатировать наличность нѣкотораго строительнаго кризиса, быть можетъ и затяжнаго, но уже неизбежнаго и неумолимаго. Среди многихъ обстоятельствъ, способствующихъ рожденію этого кризиса, наиболѣе ясно и отчетливо сказываются два: недостатокъ въ лѣсѣ и... въ хлѣбѣ. Стоить только представить себѣ тѣ блаженныя времена, когда жители этой лѣсной стороны, весь лѣсъ и всю землю вокругъ своихъ поселеній считали своими да Божьими; когда могли рубить любое дерево и распахивать любое мѣсто подъ хлѣбъ; когда вѣковыя деревья выплывали непосредственно за полемъ и никому до нихъ не было никакого

¹ Представленный на рис. 29 домъ кр. дер. Бычьей (Тарасоволоцкой) на р. Устьѣ, Вельск. у., по увѣренію старожиловъ этой деревни старше (хотя уже, правда, переставленъ на другое мѣсто) сосѣдней избы, на которой отмѣченъ годъ постройки—1784-й

дѣла: когда въ поискахъ лучшихъ мѣстъ для посѣвовъ расчищались и выжигались большія площади лѣсовъ и, въ случаѣ, если онѣ оказывались неподходящими, бросались и на мѣсто ихъ расчищались другія;—тогда будетъ ясно, при какихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ развивалось крестьянское хозяйство и его строительство. Воспоминанія объ этихъ блаженныхъ временахъ еще живы и въ настоящую пору; старики рассказываютъ, какъ ихъ отцы еще „ронили“ (рубил) строевой лѣсъ за какую-нибудь версту—двѣ отъ деревни, а на обширныхъ „кулигахъ“ (лѣсныхъ пашняхъ) много-семейные крестьяне вращивали столько хлѣба, что его по цѣлому плоту сплавляли въ Архангельскъ.

И не успѣло, кажется, опомниться крестьянство, по крайней мѣрѣ, забыть это недавнее счастливое прошлое, какъ наступили совсѣмъ другія времена: вся земля ихъ закована въ межи, лѣсу на ней—лишь одно воспоминаніе! Долго мужикъ не могъ понять, какъ это такъ „Божья да наша“ земля сдѣлалась удѣльной да казенной, и не признавалъ было этихъ межъ: лѣсокъ, по крайней мѣрѣ, втихомолку изъ-за нихъ таскалъ. Но въ концѣ концовъ его, кажется, разумили, поставивши чуть не на каждую деревню по лѣсному сторожу и передержавши чуть не каждыя крестьянина въ тюрьмѣ; по крайней мѣрѣ, теперь не возникаетъ у крестьянъ сомнѣнія въ томъ, что своего лѣсу у нихъ нѣтъ, а чтобы имѣть его, надо платить хорошія деньги да и везти его издалека; при чемъ на крупный лѣсъ цѣны оказались совершенно непосильными.

Наряду съ этимъ ясно ощутился и недостатокъ въ пахотной землѣ, а, слѣдовательно, и въ хлѣбѣ; ощутилась общая скудость, понудившая искать поддержки сложившемуся хозяйственному порядку заработками на сторонѣ.

И хозяйство и строительство крестьянское оказалось въ прямой зависимости отъ посторонняго заработка, ради чего значительная доля рабочаго населенія или совсѣмъ отхлынула изъ деревни или сдѣлалась передвижной. Крестьянскій дѣлежъ и возникновеніе новыхъ дворовъ также значительно сократились. Теперь ужъ отдѣлившійся и не имѣющій зарабатывающихъ на сторонѣ членовъ семьи крестьянинъ не построить себѣ полного двора заново. Съ другой стороны тѣ дворы, которые имѣютъ себѣ постоянную поддержку отъ своихъ членовъ, работающихъ на сторонѣ, могутъ достигать полного строительнаго развитія; лишь только этимъ и объясняется возникновеніе новыхъ, по прежнему, а иногда даже и болѣе, обширныхъ построекъ. Однако постройки начинаютъ обходиться настолько дорого, что даже и состоятельные люди ищутъ упрощеній или такихъ новинокъ, которыя давали бы выпрыгнуть въ затратѣ строительнаго лѣса; а навстрѣчу этимъ исканіямъ идетъ ознакомленіе съ другими, дотолѣ неизвѣстными, образцами строительнаго искусства и мудрости, озна-

комленіе, облегчаемое выпужденными странствованіями, ради заработка, по чужимъ мѣстамъ.

И какъ ни крѣпка привязанность здѣшняго крестьянина къ родной старинѣ и прежнимъ строительнымъ традиціямъ, но и она колеблется, и кризисъ нарастаетъ. Трудно сказать, какія новыя формы и скоро ли получатъ окончательное преобладаніе надъ прежними; но, пока что, денежные люди мечтаютъ о желѣзныхъ крышахъ и каменныхъ домахъ, даже кое-гдѣ уже въ простыхъ деревняхъ начинаютъ и осуществлять эти мечты, а малоземельные и одинокіе (съ малымъ количествомъ рабочихъ силъ), живущіе, безъ поддержки со стороны, крестьяне нерѣдко свои старыя повѣти и зауголки построекъ пилать и колютъ себѣ на растопки и на дрова...

Б. Нѣкоторыя особенности крестьянскихъ построекъ другихъ мѣстъ Вологодской и Архангельской губерніи.

Размѣры этой статьи не позволяютъ мнѣ остановиться хоть сколько-нибудь подробно на постройкахъ другихъ мѣстъ Сѣвера; — поэтому придется ограничиться въ настоящихъ строкахъ лишь самыми общими указаніями на главнѣйшія особенности только нѣкоторыхъ, по преимуществу въ сосѣдствѣ съ вышеупомянутымъ бассейномъ расположенныхъ мѣстъ Вологодской и Архангельской губерній.

Если направиться изъ бассейна Ваги и указанныхъ ея притоновъ въ сосѣднія мѣста той же Вологодской губ., то всюду можно встрѣтить уже болѣе или менѣе замѣтную разницу въ характерѣ построекъ. Особенно ярко бросается она въ глаза всякаго, кто изъ Кокшеньги, переваливши черезъ водораздѣль, по пути къ г. Тотьмѣ, выѣзжаетъ къ первымъ деревнямъ сухонскаго бассейна, Брюхачихѣ и др. Сразу видно, что это другой типъ постройки, что онъ развивался по другому плану и при другихъ условіяхъ, что и хозяева этихъ построекъ, какъ это оказывается и въ дѣйствительности, должны сильно отличаться отъ жителей Кокшеньги.

Прежде всего, за самыми рѣдкими исключеніями, и зимнее и лѣтнее жильѣ здѣсь одно и то же. Оно можетъ ограничиться одной избой или представлять изъ себя двойни, изрѣдка можетъ также быть и двухъэтажнымъ; лицомъ всегда почти обращено къ дорогѣ. За нимъ всю остальную часть дома занимаетъ сарай, нижняя часть котораго является скотнымъ дворомъ, съ хлѣвами и конюшней, а верхняя соотвѣтствуетъ новѣти и заключаетъ въ себѣ кладовку, для муки и др. хлѣбныхъ припасовъ, и иногда клѣть. Другихъ помѣщеній, горницъ и проч., обыкновенно не бываетъ.

Входъ въ избу и на сарай общій по бревенчатому взвозу; если же имѣется отдѣльный ходъ въ избу, то крыльцо имѣетъ самое при-

митивное устройство или его не бывает вовсе. Окна съ косяками появляются лишь въ послѣднее время, а раньше были болѣе чѣмъ волоковыя, среди которыхъ одно, среднее, — „косячное“; около оконъ снаружи бревна стѣны выструганы глаже и отличаются болѣею бѣлизной.

Крыши соломенные — не въ диковинку.

Такъ же точно меньше бываетъ и построекъ при домѣ; вмѣсто гумна, чаще всего только одинъ овинъ, который не имѣетъ подземной части и устроенъ внутри нѣсколько иначе.

При переходѣ съ Ваги и западнаго ея притока Вели въ бассейнъ Кубины, Двиницы и др., въ Кадниковскій уѣздъ, мы встрѣтимся почти съ такимъ же характеромъ построекъ, что вышеуказанныя, вблизи Тотьмы. Тѣ же двѣ главныя части дома: изба (болѣе или менѣе усложненная, двойни) и сарай. Избы обыкновенно черныя. Другихъ построекъ также мало. Скотъ держать въ подпольѣ; парятся въ избѣ, въ печахъ. Но на сѣнокосахъ устраиваются сѣновалы, называемые чаще сараями.

Подобный же характеръ построекъ распространяется и на Вологодскій уѣздъ, а по Сухонѣ направляется къ Устюгу и съ небольшими видоизмѣненіями заходитъ въ восточные уѣзды Вологодской губерніи. Въ большихъ торговыхъ селахъ, или заводскихъ, постройки могутъ носить болѣе смѣшанный характеръ, приближаясь иногда къ типу городскихъ мѣщанскихъ построекъ ближнихъ уѣздныхъ городовъ.

Что касается другого направленія отъ упомянутыхъ смежныхъ частей Тотемскаго, Вельскаго и Шенкурскаго уѣздовъ, направленія на сѣверъ, то оно будетъ совпадать съ непрерывнымъ продолженіемъ бассейна рѣкъ, по которымъ эти мѣста расположились, — а потому естественно ожидать здѣсь и меньшей разницы въ постройкахъ. Такъ оно и на самомъ дѣлѣ. Въ низовьяхъ Ваги и по берегамъ С. Двины постройки носятъ въ большинствѣ случаевъ тѣ же черты широкаго размаха и простора. Разница можетъ касаться главнымъ образомъ относительнаго расположенія частей дома (зимовка чаще сбоку), устройства входовъ, нѣкоторыхъ деталей формы и отдѣлки второстепенныхъ частей (вышки и пр.).

Болѣе подробное и обстоятельное ознакомленіе со всѣми этими различіями, какъ и описаніе построекъ другихъ мѣстъ сѣвера Россіи, чтобы не выходить изъ предѣловъ, отведенныхъ настоящей статьѣ, мы должны отложить до слѣдующаго раза.

М. Едемскій.

С.-Петербургъ.
Январь 1913 г.

Программа для изслѣдованія домашняго и семейнаго быта якутовъ.

Составили Э. К. Пекарскій и И. И. Майновъ.

Настоящая программа была составлена въ 1894 году специально для руководства членовъ Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова и организованной тогдашнимъ правителемъ дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Д. А. Клеменцомъ. Пособіями при ея составленіи служили: 1) Программа для собиранія свѣдѣній по этнографіи И. Р. Г. О., 2) Программа для описанія сибирскихъ инородцевъ, составленная Н. М. Ядринцевымъ, 3) Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при Этнографич. Отдѣлѣ Императ. Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи подъ ред. Н. А. Янчука, 4) Рукописная программа, составленная для членовъ экспедиціи Д. А. Клеменцомъ, а также его словесныя указанія, сдѣланныя при совмѣстномъ чтеніи третьей изъ перечисленныхъ выше программъ.

Нѣкоторые отдѣлы программы были заслушаны на организаціонныхъ засѣданіяхъ участниковъ экспедиціи, конми дѣлались замѣчанія по отдѣльнымъ пунктамъ, причемъ тутъ же вносились поправки и дополненія. Д. А. Клеменць тогда же высказалъ мнѣніе, что работа, выполненная по намѣченному составителями плану, „будетъ имѣть важное практическое значеніе не только для предстоящихъ экспедиціонныхъ занятій, но и лѣтъ на 10 впередъ“ (Протоколъ засѣданія 5 февраля 1894 г.). Составители именно имѣли въ виду сдѣлать свою программу пригодною и для другихъ изслѣдователей, даже въ другихъ, кромѣ Якутскаго, округахъ области.

Составленная такимъ образомъ программа, въ сокращенномъ видѣ и безъ отдѣловъ о скотоводствѣ и земледѣліи, была включена въ „Программу изданія трудовъ Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова“ (стр. 10—27), составленную по порученію Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. правителемъ дѣлъ В. А. Обручевымъ и изданную въ Иркутскѣ въ 1897 году. Это изданіе, имѣвшее свою специальную задачу и напечатанное въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, осталось почти неизвѣстнымъ широкой

публикѣ, и имъ до сихъ поръ никто не пользовался при собираніи этнографическихъ свѣдѣній.

Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что большинство лицъ, интересующихся бытомъ сибирскихъ инородцевъ вообще и якутовъ въ частности, ощущаютъ недостатокъ въ программѣ, сколько-нибудь полно охватывающей жизнь хотя бы одного инородческаго племени Сибири. Поэтому составители рѣшили предложить свою скромную работу вниманію Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О., полагая, что, при всѣхъ своихъ дефектахъ, она все же будетъ небезполезна для людей, не обладающихъ спеціальной подготовкой.

Считаемъ долгомъ засвидѣтельствовать нашу признательность Ѳ. К. Волкову, взявшему на себя трудъ предварительнаго разсмотрѣнія программы и сдѣлавшему много существенныхъ замѣчаній какъ относительно общаго ея плана, такъ и относительно отдѣльных ея частей.

Звѣроловство.

1) Способы охоты. Требуется ли охота за дичью постоянныхъ передвиженій или временныхъ перекочевокъ, и постоянно ли перекочевка производится въ опредѣленной мѣстности. Производится ли охота отдѣльными лицами или цѣлыми обществами.

2) Время года, въ которое якуты отправляются на охоту, запасы на время охоты, продолжительность ея.

3) Лѣса, въ которыхъ охотятся якуты; разстояніе ихъ отъ жилищъ. Породы звѣрей, водящихся въ лѣсахъ; на какихъ животныхъ производится охота въ данной мѣстности. Существуетъ ли запрещеніе убивать какихъ-либо дикихъ животныхъ и почему.

4) Орудія охоты: ружье, луки, стрѣлы, ловушки, силки, западни (описаніе ихъ устройства).

5) Количество добываемаго охотниками звѣря; количество вообще добываемыхъ въ данной мѣстности продуктовъ охоты. Цѣна звѣря. Урожай и неурожай звѣря.

6) Способы дѣлежа добычи между охотниками и обычаи при этомъ.

7) Есть ли спеціальныя охотничьи обряды, обычаи, примѣты, гаданья, предосторожности, суевѣрія, заклинанія, сопровождающія охоту. Повѣрья о животныхъ и птицахъ (медвѣдѣ, собакѣ, зайцѣ и лисицѣ). Существуетъ ли спеціальныи языкъ у охотниковъ.

Рыболовство.

1) Количество рыбалокъ. Мѣста ихъ.

2) Время рыбной ловли, продолжительность рыболовнаго сезона.

3) Сорта добываемой рыбы. Существует ли запрещеніе ловить какой-нибудь видъ рыбы и почему.

4) Орудія, употребляемыя якутами при рыбной ловлѣ: невода, сѣти, снасти, саки, уда; ихъ устройство.

5) Приемы при рыболовствѣ. Существуют ли при этомъ постоянныя или временныя передвиженія. Производится ли рыбная ловля отдѣльно или цѣлыми обществами.

6) Количество добываемой рыбы на неводъ и во все время сезона, дѣлежъ ея, питаніе рыбой во время промысла.

7) Сколько вывозится и запасается рыбы для своего потребленія и на продажу. Цѣна, по которой продается рыба.

8) Есть ли спеціальныя рыболовные обряды, обычаи, примѣты, гаданья и тому под. Предосторожности, суевѣрія и заклинанія, сопровождающія рыбный промыселъ.

Скотоводство.

1) Какіе существуютъ способы укрощенія, прирученія и одомашненія дикихъ животныхъ? Какія имена и другія ласкательныя и презрительныя прозвища даютъ животнымъ, въ особенности домашнимъ и вообще ручнымъ.

2) Названіе мастей, формы роговъ и животныхъ разныхъ возрастовъ.

3) Какіе существуютъ спеціальныя термины для обозначенія половыхъ отправленій у разныхъ животныхъ, разрѣшенія беременности и т. п.

4) Какія предосторожности принимаются настухами или хозяевами для охраненія стадъ отъ падежа, заболѣванія, отъ злоумышленниковъ.

5) Причины энизоогій.

6) Пользованіе домашними животными. Прокормленіе. Запасы корма на зиму. Какъ обращаются якуты съ домашними животными. Дрессировка ихъ. Не заставляють ли животное долго мучиться при зарѣзываніи, закалываніи и т. д. Насколько соблюдается опрятность въ уходѣ за скотомъ.

7) Какія спеціальныя слова и выраженія употребляются при обращеніи къ животнымъ, чтобъ ихъ призвать или прогнать, остановить, направить въ ту или иную сторону. Какіе знаки, мѣтки, клейма, тавры на скотѣ употребляются для обозначенія собственности и какъ они называются.

8) Составляетъ ли извѣстный значокъ постоянную принадлежность одной семьи, рода. Что дѣлается съ семейнымъ знакомъ при раздѣлѣ семьи.

9) Кастрація. Какіе обряды, повѣрья и примѣты относятся къ выхолощиванію животныхъ (наприм., когда лучше холостить животныхъ).

10) Примѣты и указанія, когда лучше пустить животному кровь.

11) Какіе совершаются религіозные обряды при уходѣ за скотомъ, при выгонѣ скота въ поле, при перекочевкахъ.

12) Свѣдѣнія о разведеніи домашнихъ животныхъ. Какія примѣты и повѣрья относятся къ размноженію скота и другихъ домашнихъ животныхъ. Существуетъ ли вѣрованіе, что нѣкоторыми таинственными обрядами или заклинаніями можно ускорить ростъ животныхъ. Употребляются ли для охраненія стада отъ падежа, заболѣванія или отъ злоумышленниковъ какія-либо молитвы, заклинанія, заговоры и т. п.

13) Существуетъ ли повѣрье, что кто-либо можетъ лишить корову молока или выданвать ее, и какія предосторожности принимаются въ этомъ случаѣ.

14) Какія примѣты существуютъ при встрѣчѣ съ животными.

15) Существуютъ ли гаданія по внутренностямъ животныхъ, по костямъ ихъ.

16) Придаютъ ли какое-нибудь значеніе крику и вою животныхъ, извѣстнымъ ихъ дѣйствіямъ.

17) Не посвящаютъ ли животныхъ какому-нибудь богу или богамъ. Разказы, ходящіе въ народѣ о необыкновенныхъ быкахъ или коняхъ, о лошадахъ съ тремя сердцами; богатырскіе кони по сказкамъ и преданіямъ, сказаніямъ и воспоминаніямъ.

18) Нѣтъ ли сказаній о дикихъ коняхъ и ихъ прирученіи.

19) Существуютъ ли сказанія о воплощеніи боговъ въ животномъ образѣ.

20) Имѣли ли животныя даръ слова. Всѣ или нѣкоторыя. Почему теперь не имѣютъ.

21) Нѣтъ ли русскихъ святыхъ, особыхъ покровителей скота.

Земледѣліе.

1) Когда и какъ усвоено якутами земледѣліе. Взгляды народа на земледѣліе. Кто научилъ человѣка пахать или сѣять.

2) Въ какой степени развито земледѣліе. Составляетъ ли хлѣбопашество главный промыселъ или побочный. Какое изъ разводимыхъ хлѣбныхъ растеній играетъ главную роль. Хлѣба, служащіе предметомъ культуры. Пропорція посѣвовъ и урожая. Величина пашень. Степень урожаяевъ.

3) Какова система земледѣлія. Извѣстно ли плодоперемѣнное хозяйство. Есть ли въ сѣвооборотѣ отдыхающія поля. Употребляется ли

удобрение. Отличается ли чѣмъ якутское земледѣліе отъ мѣстнаго русскаго. Чѣмъ отличается подъемъ цѣлны отъ обыкновенной пахотбы.

4) Орудія, которыми обрабатываютъ землю: соха (устройство ея съ приложеніемъ рисунка), мотыга, борона. Употребленіе силы животныхъ.

5) Посѣвъ. Какіе крайніе сроки посѣва. Какія предохранительныя средства употребляютъ при посѣвѣ, напримѣръ, чтобы меньше было гнилыхъ колосевъ, спорыньи. Какія практическія правила при этомъ соблюдаются. Какого рода изгороди употребительны. Ихъ матеріаль, устройство и названіе. Въ какой день обыкновенно начинаютъ посѣвъ и почему.

6) Какія мѣры употребляютъ противъ хлѣбныхъ червей, жучковъ, кобылки, мышей, кротовъ, сусликовъ и проч.

7) Какіе крайніе сроки уборки разныхъ хлѣбовъ. Орудія жатвы. Способъ сбора хлѣба: что жнутъ, что косятъ, что дергаютъ. Тотчасъ ли связываютъ. Тѣ же ли лица вяжутъ, что и жнутъ или косятъ. Чтò преимущественно дѣлаютъ мужчины и чтò женщины. Какія соблюдаются практическія правила при уборкѣ: стараются ли становиться такъ, чтобы вѣтеръ гнулъ колосья въ противоположную сторону отъ работающаго. Предпочитаютъ ли убирать слишкомъ спѣлый хлѣбъ „съ росю“, чтобы не осыпался и т. д.

8) Способы молотбы. Устройство цѣпа. Способы очищенія и помола хлѣба, способы его сушки и сохраненія.

9) Мѣры (емкости, вѣса и поземельныя), употребляемыя якутами.

10) Распространено ли огородничество. Какія предохранительныя средства употребляются при посадкѣ овощей, чтобы картофель не гнилъ въ грядахъ и т. д. Какія практическія правила при этомъ соблюдаются. Къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ для сохраненія огородовъ отъ дождя и холода, отъ насѣкомыхъ и птицъ, отъ животныхъ, отъ воровства.

11) Какъ производится заготовленіе сѣна. Орошеніе покоса. Какъ опредѣляетъ обычай пользованіе водой для орошенія.

12) Пользованіе дикорастущими растеніями (корни луковичныхъ растеній, лукъ, сборы ихъ, приготовленіе).

13) Какіе обряды связаны съ приготовленіемъ къ посѣву, съ сѣяніемъ и боронованіемъ. Не примѣшиваютъ ли чего къ разсѣваемымъ зернамъ и съ какой цѣлью. Какое значеніе имѣютъ при посѣвѣ перемѣны луны, извѣстное направленіе вѣтра, сумрачная или ясная погода, дождь и т. д. Молятся ли кому объ обильномъ урожаѣ при сѣяніи того или другаго хлѣба. Не ставятъ ли къ засѣяннымъ полямъ какихъ-нибудь знаковъ для предохраненія нивы отъ града, кобылки и т. п. Какія примѣты относительно урожая и погоды

наблюдаются при посѣвѣ, а также въ теченіи цѣлаго года. Существуетъ ли обычай „засѣванія“, чтобы предугадать урожай будущаго лѣта.

14) Нѣтъ ли особаго дня, съ котораго обыкновенно начинаютъ жатву. Какими обрядами, примѣтами, повѣрьями сопровождается начало жатвы, связываніе перваго или послѣдняго снопа и т. д. Не затыкаютъ ли косцы какую нибудь траву за поясъ, чтобъ работа шла спорѣе. Не перевязываютъ ли чѣмъ нибудь руки. Какіе обряды соблюдаетъ начинающій въ первый разъ жать. Описать подробно жатвенные обычай, записать пѣсни, молитвы и проч. Существуетъ ли обычай устраивать особый жатвенный праздникъ, какъ онъ называется, какъ проводится. Какія бываютъ угощенія (саламат). Какія пожеланія высказываются хозяину и т. д. Какія повѣрья ходятъ о первыхъ сжатыхъ колосьяхъ, о двуколосныхъ стебляхъ, о спорынѣхъ, о колосьяхъ, оставшихся на полѣ, и т. д. Праздники, имѣющіе отношеніе къ урожаю.

15) Молятся ли кому объ обильномъ урожаѣ при сажаніи картофеля.

16) Не затыкаютъ ли косари какую-нибудь траву за поясъ, чтобъ работа шла спорѣе. Какіе обряды соблюдаетъ начинающій въ первый разъ косить.

Р е м е с л а .

1) Гончарное производство. Орудія. Прибавляютъ ли къ глинѣ дресву и песокъ. Квашеніе глины. Употребляются ли при гончарномъ производствѣ орудія изъ камня. Извѣстно ли гончарное колесо. Обжигаютъ ли глиняные сосуды въ печахъ или сушатъ на воздухѣ. Есть ли слѣды существованія гончарнаго мастерства въ доисторическія времена и какъ давно существуетъ и къмъ введено нынѣшнее гончарное мастерство.

2) Кузнечное и слесарное ремесла. Какъ добываются металлы. На какой ступени находится вообще металлургія. Кузнечныя и слесарныя орудія. Желѣзныя, мѣдныя и серебряныя издѣлія и украшенія. Приготовленіе ножей. Какое оружіе производится изъ металла. Наконечники стрѣлъ. Нѣтъ ли производства ружей (винтовокъ, турокъ). Устройство ихъ и способъ приготовленія. Какія желѣзныя произведенія покупаются и находятся въ употребленіи у якутовъ. Нѣтъ ли преданій о происхожденіи металловъ. Какія повѣрья связаны съ разными металлами (желѣзомъ, золотомъ и т. д.). Есть ли повѣрья, что кузнецы знаютъ съ нечистою силою и что она ихъ боится.

3) Плотничье и столярное ремесла и орудія, употребляемыя въ нихъ. Деревянныя произведенія; какія изъ нихъ покупаются и въ употребленіи у якутовъ. Умѣютъ ли строить мосты. Что иногда замѣняютъ у якутовъ топоръ и пилу или другіе инструменты.

4) Кожевенное производство; орудія, употребляемыя въ немъ. Насколько развито искусство въ выдѣлкѣ кожъ, шерсти. Совершенство выдѣлки. Не употребляется ли кровь, печень и жиръ при выдѣлкѣ кожи для посуды и обуви.

5) Портняжество. Образцы шитья и рукодѣлья. Насколько искусно шьютъ. Что иногда замѣняетъ иглу, ножницы.

6) Костяныя и роговыя издѣлія. Какія орудія употребляютъ для отдѣлки кости, рога.

7) Украшенія на разныхъ издѣліяхъ (желѣзныхъ, мѣдныхъ, костяныхъ, роговыхъ).

8) Насколько развиты вообще домашнія занятія якутовъ, занятія мужчинъ и женщинъ по временамъ года и возрастамъ. Какъ распредѣленъ ремесленный домашній трудъ между мужчинами и женщинами. Какія занятія наиболѣе уважаются и какія считаются низкими, недостойными.

9) Существуютъ ли какіе-нибудь отхожіе промыслы. Специально женскіе промыслы. Какіе промыслы и ремесла особенно развиты въ данной мѣстности. Къ какимъ временамъ года они приурочены преимущественно. Какія орудія, снаряды, приспособленія употребительны при нихъ.

10) Покровители разныхъ ремеслъ (наприм., кузнечнаго) и занятій. Нѣтъ ли русскихъ святыхъ—особыхъ покровителей разныхъ профессій. Кто научилъ человѣка дѣлать разныя орудія и хозяйственныя принадлежности. Какіе обряды, обычаи и суевѣрія сопровождаютъ начало и окончаніе занятія тѣмъ или другимъ ремесломъ, промысломъ и вообще всякое занятіе.

Пища, питье и наркотическія вещества.

1) Мѣстныя названія, составъ и способъ приготовленія различныхъ родовъ пищи:

а) Соль (виды ея) и другія приправы. Не приписываются ли употребленію соли какія-либо болѣзни или физическіе недостатки.

б) Растительная. Какія растенія употребляются въ совершенно сыромъ видѣ и какія въ приготовленномъ на огнѣ или инымъ какимъ-нибудь способомъ: замораживаніемъ, соленіемъ, засушиваніемъ, вымачиваніемъ и т. п. Потребленіе грибовъ, ягодъ и корней растеній.

в) Молочная: въ сыромъ, вареномъ и квашенномъ видѣ. Различные сорта масла.

г) Рыбная: въ сыромъ, вареномъ, вяленомъ, копченомъ и квашенномъ видѣ.

д) Мясная: въ сыромъ, вареномъ и жареномъ видѣ. Соленіе мяса.

Употребленіе сала и жировъ. Различныя части разрѣзаннаго животнаго. Кровь, какъ пища. Дичь.

е) Смѣшанныя кушанья.

ж) Дѣтская пища.

з) Пища для больныхъ.

и) Лакомства.

і) Голодовочная пища: какія животныя, растенія или ихъ части (корни, заболонь, листья и т. п.) употребляются въ пищу лишь въ случаѣ голода.

2) Питье и напитки: а) вода, б) чай, в) кумысъ, г) другіе питательные и утоляющіе жажду напитки (ымдан, сіңай и проч.), охмеляющіе или одуряющіе напитки (водка).

3) Названіе употребительныхъ наркотическихъ веществъ и способъ ихъ употребленія (куреніе, нюханіе, жеванье).

4) Какая пища (или питье) употребляется ежедневно, въ праздничныя дни, при извѣстныхъ обрядахъ (наприм., при родинахъ, поминкахъ или жертвоприношеніяхъ), въ постныя и скоромныя дни. Въ урочныя ли часы принимается пища и сколько разъ въ день. Какія названія имѣеть ѣда въ зависимости отъ поры дня. Какія кушанья предпочтительны для каждой поры дня. Изъ сколькихъ кушаній состоитъ трапеза. Пища богатыхъ и бѣдныхъ. Соблюдается ли извѣстный порядокъ кушаньямъ и чѣмъ онъ объясняется. Женщины и дѣти ѣдятъ ли вмѣстѣ съ мужчинами. Существуютъ ли особыя кушанья, изготовляемыя для мужчинъ и для старшихъ вообще. Имѣеть ли каждый членъ семьи свой особый сервисъ.

5) Измѣненіе пищи по временамъ года.

6) Измѣненіе пищи подъ вліяніемъ русскихъ. Случаи неупотребленія хлѣба и его причины.

7) Манера ѣды. Количество (вѣсъ) пищи, которое можетъ съѣсть якутъ заразъ. Среднее количественное потребленіе по возрастамъ и поламъ (вѣсъ).

8) На чьей обязанности лежитъ изготовленіе пищи. Дѣлаются ли запасы и какъ они сохраняются.

9) Взгляды народа на разные сорта пищи (напр., на кровь) и опредѣленіе ими ея вкисности. Различныя виды гигиенической діеты. Есть ли понятіе о томъ, что смѣшеніе какихъ-нибудь кушаній или принятіе одного вскорѣ послѣ другого вредно. Какъ якутъ представляетъ себѣ самое лучшее питаніе. Какое кушанье считается самымъ почетнымъ угощеніемъ. Отсутствие какого рода пищи служитъ крайнимъ выраженіемъ бѣдности.

10) Потребленіе вина и склонность къ нему якутовъ, проявленіе пьянства у нихъ и его послѣдствія. Есть ли въ этомъ отношеніи разница по поламъ, возрастамъ, классамъ. Какія средства употребляются противъ запоя.

11) Старинные (вышедшие изъ употребленія) способы приготовленія пищи (наприм., жарится ли пища въ горячихъ ямахъ съ камнями). Разогрѣвается ли вода камнемъ или раскаленнымъ желѣзомъ.

12) Какія животныя, птицы, растенія и т. п. признаются нечистыми и почему считается невозволительнымъ употреблять ихъ въ пищу; не ѣдятъ вообще, или только въ сыромъ видѣ и почему. Части чистыхъ животныхъ, не употребляемая въ пищу. Мистическое значеніе пѣкаторыхъ видовъ пищи (наприм., сердце медвѣдя и проч.) или питья.

13) Пѣсни и сказанія про водку. Какія молитвы, закліятія, причитанія, прибаутки употребительны при питьѣ, нюханьѣ, куреньѣ и т. д. Какія пожеланія выражаютъ, когда пьютъ за чье-либо здоровье. Нѣтъ ли сказаній объ изобрѣтеніи кумыса и другихъ родовъ напитковъ.

Жилище и его принадлежности.

1) Расположеніе жилищъ и селеній. Разстояніе между жилищами и чѣмъ оно вызывается. Обычная форма отдѣльныхъ зданій и ихъ частей. Величина, размѣры ихъ. Сколько жилищъ имѣеть одна семья.

2) Мѣстныя названія и описаніе жилищъ, какъ отдѣльно (юрта, ураса, поварня, шалашъ), такъ и цѣлыхъ селеній. Каковы окна, двери, крыша.

3) Мѣстныя названія и описаніе устройства способа постройки и матеріала, изъ коего устроено жилище (приготовленіе бересты для урасы). Починка юрты. Перемѣны въ способъ постройки жилищъ. Насколько проникла русская постройка (изба, наз. амбар цѣа, русскій домъ, завозня и пр.). Стоимость жилища. Старинныя жилища. (напримѣръ, буор ураса).

4) Описаніе внѣшней и внутренней обстановки. Расположеніе и убранство жилищъ. Любимыя украшенія зданій: рѣзба, рисунки, узоры и т. п. Мѣсто, гдѣ помѣщаются иконы; старинное его названіе. Расположеніе орон'овъ (лавокъ); женская половина жилища и пр.; ихъ старинныя названія, отдѣльныя части жилища (хлѣвъ, чуланъ).

5) Описаніе всѣхъ дворовыхъ принадлежностей (амбаръ, погреба для молочныхъ скоповъ, рыбы, сарай, ограда, загороди или мѣсто для скота около жилища). Какъ далеко удаляются жители за своими естественными нуждами.

6) Отопленіе и освѣщеніе. Детальное описаніе печи (камина) или очага (матеріаль, способъ устройства, дѣлается ли труба). Какіе существуютъ способы для добыванія и сохраненія огня. Добывается ли огонь посредствомъ тренія и въ какихъ случаяхъ. Какіе матеріалы употребляются для отопленія. Снаряды для освѣщенія.

7) Домашняя утварь и другіе предметы обихода. Различныя виды утвари, матеріалъ и способъ ихъ приготовленія (приготовленіе кожи и бересты для посуды). Сами ли ее выдѣлываютъ. Украшенія и знаки на утвари. Дѣтская посуда. Древніе предметы домашней утвари. Какіе прежніе предметы замѣняются новыми. Описаніе ручныхъ мельницъ и, въ частности, жернововъ. Имѣются ли другія орудія изъ камня. Повозки, сбруя, сѣдла, челноки, лодки; ихъ устройство и названія; украшенія на нихъ (изображенія животныхъ). Наглазники, сѣтки для защиты отъ комаровъ, махалки и пр.

8) Чѣмъ отличается обстановка богатой семьи отъ бѣдной.

9) Нѣтъ ли суевѣрныхъ обрядовъ при постройкѣ новаго жилища и выборѣ мѣста для него; то же при перекочевкахъ и для очищенія юрты послѣ покойника.

10) Нѣтъ ли поговорокъ и пословицъ о юртѣ, урасѣ, хлѣвѣ и другихъ частяхъ жилища. Не противопологаются ли онѣ въ этихъ поговоркахъ другъ другу. Нѣтъ ли указанія на тунгусское происхожденіе урасы. Происхожденіе юрты.

11) Очагъ и его значеніе. Первый огонь въ новомъ домѣ. На комъ лежитъ обязанность поддерживать огонь. Живой огонь и его цѣлительная сила. Культъ огня. Не существуетъ ли обряда тушенія огня въ случаѣ продажи имущества съ молотка, окончательнаго разстройства или вымиранія семьи. Не бываетъ ли огней семейныхъ, общественныхъ и племенныхъ. Имѣютъ ли орудія для добыванія огня родовое значеніе. Какую роль играетъ огонь въ очистительныхъ обрядахъ.

12) Гигіеническія условія жилища: соотвѣтствуютъ ли онѣ климатическимъ условіямъ. Какія предосторожности принимаются при постройкѣ зданія, особенно жилища, а также впослѣдствіи, чтобы не было сырости, чтобы живущіе въ немъ не страдали болѣзнями и т. д.

13) Не наблюдается ли при постройкѣ жилищъ и другихъ зданій какихъ-нибудь примѣтъ.

14) Существуетъ ли обычай вѣшать на стѣнахъ зданій, надъ воротами и т. д. головы или другія части животныхъ. Дѣлаются ли на зданіяхъ какіе-либо символическіе знаки.

Одежда и наряды.

1) Платье верхнее и нижнее. Чѣмъ отличается форма и видъ одежды по поламъ (мужская, женская и дѣвчья одежда) и возрастамъ (у старыхъ людей, молодежи и дѣтей). Чѣмъ отличается одежда по временамъ года (зимняя и лѣтняя). Отличіе праздничной одежды отъ ежедневной (нарядной отъ обыкновенной—будничной). Дорожная одежда. Свадебная одежда и ея принадлежности. Мѣстныя названія

разныхъ видовъ одежды и частей ея. Старинная одежда и ея принадлежности. Какъ одѣвали и одѣваютъ покойниковъ.

2) Изъ какихъ матеріаловъ и кѣмъ готовится одежда. Способъ приготовления. Стоимость одежды у бѣдныхъ и богатыхъ. Любимые цвѣта въ одеждѣ.

3) Принадлежности одежды, ихъ названія (рукавицы, наглазники, нащечники, наушники, боа, пояса, кушаки, кисеты, шапки, обувь) и изготовленіе.

4) Украшенія (браслеты, пояса съ бляхами, узорчатые мѣшки и пр.), особенно дѣтей (въ частности первенцевъ). Носятъ ли на шапкахъ цвѣтные лоскутки и что они означаютъ. Изъ чего, какъ и кѣмъ изготовляются украшенія и кѣмъ употребляются.

5) Головные уборы (мужскіе, женскіе и дѣвичьи). Прическа и украшеніе головы, стрижка, бритье и выщипываніе волосъ. Манера заплетать волосы у женщинъ и дѣвушекъ. Сколько косъ заплетаютъ онѣ и что въ нихъ вплетаютъ. Употребляются ли мази для волосъ (масло). Какія средства употребляются для рашенія и украшенія волосъ или для уничтоженія ихъ (вообще косметика).

6) Развито ли искусство шить, вязать, плести, вышивать, дубить кожи и т. п.

7) На чьей обязанности лежитъ изготовленіе одежды.

8) Есть ли различіе въ одеждѣ по классамъ и по профессіямъ. Который полъ больше рядится.

9) Насколько соблюдается мода въ одеждѣ, особенно праздничной, и въ чемъ она главнымъ образомъ сказывается. Что вліяетъ больше всего на измѣненіе національнаго костюма и какія именно измѣненія происходятъ. Отмѣтить періоды моды.

Семейный бытъ.

А. Дѣтскій возрастъ и отрочество.

1) Рожденіе ребенка. Какъ считается возрастъ ребенка: со дня ли рожденія, или со времени зачатія.

2) Якутская колыбель. Устройство ея. Повѣрья, связанныя съ колыбелью; почему не годится качать порожнюю колыбель. Что кладется вмѣстѣ съ ребенкомъ при первомъ его укладываніи въ колыбель и впоследствии.

3) Положеніе ребенка въ первые дни. Какія исправленія стараются продѣлать бабушки надъ разными членами новорожденнаго. Формированіе головъ при помощи сглаживанія. Первое пеленаніе, первое обмываніе ребенка; не сопровождаются ли они какими-либо обрядами. Способъ кормленія ребенка. Сколько времени мать кормитъ ребенка грудью.

4) Особенности ухаживанія за ребенкомъ. Смазываніе тѣла ребенка масломъ. Каковъ уходъ за больными дѣтьми.

5) Съ какого времени прекращается кормленіе ребенка (безъ пособія). Отношеніе къ нему по мѣрѣ роста. Когда и съ какого возраста мальчики и дѣвочки одѣваются въ разные костюмы (по полу). Съ какихъ лѣтъ мальчики и дѣвочки начинаютъ одѣваться, какъ взрослые. Съ какихъ поръ мальчики и дѣвочки приучаются къ домашнимъ работамъ.

6) Обращеніе съ малолѣтними матери, отца, проявленіе пѣжныхъ чувствъ и страсти (ласкаютъ ли дѣтей и играютъ ли съ ними). Особенности слова и выраженія, употребляемыя въ разговорѣ съ дѣтьми (ласкательныя). Дѣтскія названія для пальцевъ. Какія наказанія употребляются для непослушныхъ дѣтей. Не пугаютъ ли дѣтей для острастки чѣмъ или кѣмъ-нибудь, когда они плачутъ.

7) Разница въ воспитаніи мальчиковъ и дѣвочекъ. Нѣтъ ли разницы въ отношеніяхъ къ старшимъ и младшимъ дѣтямъ. Въ какомъ возрастѣ кончается воспитаніе. Что должна знать благовоспитанная дѣвушка (образцы шитья, рукодѣлья). До какого возраста родители вообще пекутся о дѣтяхъ. Сговоръ малолѣтнихъ.

8) Дѣтскія игры. Какія любимыя игры у дѣтей. Существуютъ ли спеціальныя праздники, въ которыхъ участвуютъ дѣти. Дѣтскія игрушки. Нѣтъ ли колыбельныхъ пѣсенъ, присказокъ, прибаутокъ, спеціально дѣтскихъ.

9) Нѣтъ ли разницы при обрядахъ, сопровождающихъ рожденіе мальчика или дѣвочки. Какіе обряды, суевѣрія и примѣты соблюдаются при родахъ (собственно въ томъ случаѣ, если предшествующія дѣти у родителей умирали). Какія наблюдаются примѣты относительно вышшняго вида новорожденнаго, различныхъ частей его тѣла, перваго крика и т. д. По какимъ признакамъ судятъ о долговѣчности новорожденнаго и вообще ребенка (примѣты по пальцамъ). Средства, употребляемыя для удаленія дурныхъ примѣтъ. Существуетъ ли повѣрье, что злые духи особенно опасны для поворожденныхъ. Есть ли повѣрье о подмѣнѣ новорожденныхъ злыми духами, роженицами и проч. Какъ отвращаютъ дѣйствіе злыхъ духовъ на ребенка. Кто изъ духовъ приноситъ младенческую душу и присутствуетъ при рожденіи ребенка.

10) Суевѣрія, связанныя съ кормленіемъ грудью молокомъ матери. Какіе вообще обряды совершаются съ поворожденнымъ. Какими обрядами и примѣтами сопровождаются надѣваніе на новорожденнаго креста, разныхъ частей одежды (рубашки, пояса и т. д.). Кому приписывается покража дѣтей, если они мрутъ. Нѣтъ ли повѣрья, что мѣсяць воруетъ дѣтей. Нѣтъ ли обычая красть дѣтей у другихъ, если свои мрутъ. Какіе обряды и повѣрья связаны съ выборомъ имени для новорожденнаго. Существуютъ ли имена нехристіанскія, кто нарекаетъ эти имена и почему скрываютъ ихъ. Даются

ли въ одной и той же семьѣ два и болѣе одинаковыхъ имени и принимаются ли въ этомъ случаѣ въ расчетъ имена умершихъ членовъ семьи. Въ обычаѣ ли давать новорожденному имя его дѣдушки или бабушки и т. п. Промежутокъ времени между рожденіемъ и крещеніемъ. Какіе обряды, кромѣ церковныхъ, суевѣрія и примѣты сопровождаютъ крестины (особенно въ томъ случаѣ, если предшествовавшія дѣти у родителей умирали). Нѣтъ ли какихъ-либо особыхъ кушаній, сопровождающихъ крестины. Какія повѣрья связаны съ остриженными при крещеніи волосами, съ купельной водой и т. д.

11) Какими обрядами сопровождается уходъ за больными дѣтьми. Не существуетъ ли мнимой продажи дѣтей, если они очень слабы, не растутъ и т. д. Что значить, если ребенокъ смѣется или плачетъ во снѣ.

12) Какъ объясняютъ дѣтямъ, откуда взялся новорожденный.

Б. Брачный возрастъ, свадьба и супружеское сожителство.

1) Съ какого возраста начинается обыкновенно удовлетвореніе половыхъ склонностей. Не сопровождается ли какими-нибудь особенными переменами въ костюмѣ или обрядами наступленіе половой зрѣлости. Не сопровождается ли какими-нибудь обрядами первое появленіе мѣсячныхъ очищеній.

2) Взрослая молодежь. Съ какого возраста считается наступленіе совершеннолѣтія и существуетъ ли церемонія его достиженія. Не существуетъ ли спеціальныхъ празднествъ, игръ, увеселеній для ознаменованія и сближенія молодыхъ людей съ дѣвушками. Какія приняты манеры ухаживанія. Къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ дѣвушки, чтобы понравиться (напр., что пьютъ сами и даютъ пить). Какого взгляда держатся народъ на дѣвичью честь.

3) Кѣмъ опредѣляется выборъ невесты. Принимается ли во вниманіе равенство по родовитости и богатству. Не проглядываетъ ли въ свадебныхъ обрядахъ воспоминаніе объ обычаѣ похищенія невесты. Нѣтъ ли свадебныхъ обычаевъ или воспоминаній, указывающихъ на продажу невесты. Калымъ: условія его заключенія и выплаты. Когда невеста переходитъ въ домъ свекра: послѣ свадьбы или послѣ окончательной выплаты калыма. Изъ чего состоитъ приданое. Въ какихъ степеняхъ родства допускаются браки. Сговоръ взрослыхъ. Нѣтъ ли особыхъ обрядовъ при сговорѣ — молитвъ. Отношенія сговоренныхъ. Должна ли семья жениха кормить до свадьбы сговоренную невесту. Не бываетъ ли наканунѣ выдачи невесты чего-либо въ родѣ „дѣвичника“, гдѣ она прощается со своимъ родомъ.

4) Въ какой періодъ времени бываетъ больше всего свадебъ. Главные моменты свадьбы (сватанье, вѣнчаніе и т. д.); ихъ названія. Какой день на недѣлѣ предпочитается для ихъ совершенія.

5) Изъ кого составляется свадебная дружина жениха и невесты. многочисленна ли она и чѣмъ вооружена. Подробное описаніе приготовленій къ свадьбѣ (гостинецъ со стороны невесты, приготовленіе свадебнаго хлѣба, дорожки изъ сѣна и т. д.); распорядители свадебной церемоніи: сваты и свахи, посаженные отцы и проч. Подробное описаніе послѣдовательнаго хода свадьбы (угощеніе, отношеніе гостей другъ къ другу) со включеніемъ въ надлежащихъ мѣстахъ пѣсенъ, причитаній, рѣчей (съ соблюденіемъ, по возможности, всѣхъ отгѣнковъ языка). Приглашаются ли священники на свадьбу и роль ихъ. Какова роль крестныхъ, братьевъ невесты и жениха на свадьбѣ. Кому дается предпочтеніе при нѣкоторыхъ моментахъ свадьбы: матери или отцу (напр., при благословеніи и проч.). Какую роль играли шаманы на свадьбѣ и не приглашаются ли они и теперь. Кѣмъ замѣняются родители молодыхъ, если они умерли, или почему-либо не могутъ исполнять своихъ обязанностей на свадьбѣ. Чѣмъ отличаются свадьбы богатыхъ и бѣдныхъ, вдовыхъ, сиротъ, незаконнорожденныхъ. Какіе обряды и суевѣрія соблюдаются при переѣздѣ молодой въ домъ жениха. Гдѣ и какъ устранивается брачное ложе. Требуются ли доказательства цѣломудренности молодой и насколько дорожать ею. Какія происходятъ перемѣны въ свадебномъ ритуалѣ въ случаѣ нецѣломудренности невесты. Подарки со стороны родителей жениха родителямъ невесты и другимъ участникамъ свадьбы. Сколько дней продолжаются свадебныя торжества и какъ великъ расходъ со стороны жениха и невесты.

6) Промежутокъ времени между свадьбой и вѣнчаніемъ. Сопровождается ли вѣнчаніе какими-либо, кромѣ церковныхъ, обрядами.

7) Взгляды и повѣрья, связанныя со свадьбой. Какое значеніе придаетъ народъ свадебнымъ церемоніямъ. Какія примѣты наблюдаются относительно счастливой или несчастливой жизни молодыхъ супруговъ. Къ какимъ средствамъ и суевѣрнымъ обрядамъ прибѣгаютъ для избѣжанія дурныхъ послѣдствій разныхъ предзнаменованій и примѣтъ. Не прибѣгаютъ ли къ какимъ-либо суевѣрнымъ обрядамъ, чтобы молодые любили только другъ друга и хранили супружескую вѣрность. Къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ въ предупрежденіе порчи молодыхъ. По какимъ примѣтамъ судятъ о будущемъ потомствѣ супружеской четы.

8) Первый періодъ брачнаго сожителства; не носитъ ли онъ особаго названія. Не существуетъ ли обычая, по которому, въ первое время послѣ свадьбы, мужъ выдается съ женою только украдкой.

9) Раздѣленіе труда между супругами.

10) Случаи виѣбрачнаго сожителства, ихъ причины и формы. Взгляды на измѣну вѣрности супружескому союзу.

11) Пережитки архаическихъ формъ брака: наложничество, гостеприимная проституція и пр.

12) Не считается ли женщина нечистой въ періодъ мѣсячныхъ очищеній. Не существуетъ ли повѣрья, что въ эту пору легче всего напустить какую-либо болѣзнь на женщину. Не употребляется ли менструальная кровь для колдовства. Есть ли повѣрье, что если съесть менструальныя выдѣленія, то человекъ умретъ.

13) Періодъ беременности. Гигіеническія предписанія для беременной. Особенности въ положеніи беременной: чего не должна ѣсть, дѣлать и пр. Нѣтъ ли у женщинъ примѣты, по которымъ судятъ во время беременности о полѣ ребенка. Существуетъ ли какое-нибудь колдовство или суевѣрныя примѣты съ цѣлью произвести рожденіе дѣтей мужескаго пола.

14) Процессъ родовъ. Гдѣ совершаются роды и какими обрядами сопровождаются. Не отдѣляется ли родильница отъ прочихъ домочадцевъ въ отдѣльное помещеніе. Присутствуетъ ли мужъ при родахъ и какова при этомъ его обязанность. Кто ухаживаетъ за родильницей: родные мужа или приглашаются специалисты (повитухи). Повѣрья и примѣты относительно повитухъ. Какими средствами стараются облегчить и ускорить роды. Нѣтъ ли особыхъ молитвъ, заклинаній, помогающихъ разрѣшенію. При трудныхъ родахъ не заставляютъ ли мужа ослабить или развязать поясъ, разстегнуть рубашку. Не выдвигаютъ ли ящики, не открываютъ ли сундуки. Свѣдѣнія по бытовому акушерству. Часто-ли бываютъ выкидыши. Какія есть суевѣрныя объясненія этого явленія. Что дѣлаютъ съ дѣтскимъ мѣстомъ. Придается ли особое значеніе такъ называемой сорочкѣ. Существуетъ ли повѣрье, что злые духи опасны для родильницъ.

15) Постродовой періодъ. На который день послѣ родовъ родильница встаетъ съ постели. Какое нитье или кушанье обязательно дается родильницѣ по окончаніи родовъ. Обряды для очищенія женщины послѣ родовъ. Какіе подарки получаетъ родильница. Какія суевѣрія связаны съ молокомъ родильницы.

16) Какъ долго сохраняется дѣторожденіе у обоехъ половъ. Какія средства принимаются противъ безплодія.

В. Взаимныя отношенія членовъ семьи и родственниковъ.

1) Какія степени кровнаго родства различаются народомъ. Какое значеніе имѣютъ эти степени въ разныхъ случаяхъ жизни родственниковъ (наприм., при свадьбахъ и т. д.). Нѣтъ ли сказаній о кровосмѣшеніи или намековъ на нихъ. Взаимныя отношенія семей стоворенныхъ. Какія отношенія завязываются въслѣдствіи между участниками свадьбы. Кого выбираютъ въ кумовья. Почитается ли такое родство важнымъ. Въ какія отношенія становятся воспріемники другъ къ другу и къ родителямъ крестника. Есть ли опредѣленные

случаи, когда посѣщеніе родныхъ или близкихъ считается обязательнымъ.

2) Какія понятія существуютъ объ отношеніяхъ между членами семьи, между домашними вообще. Какія повѣрья связаны со всѣми этими отношеніями (обычай кѣтти). Положеніе женщины въ семьѣ: пользуется-ли она уваженіемъ. Какъ обращаются съ нею. Каковы обязанности женщины въ семьѣ въ различныхъ классахъ—у бѣдныхъ и богатыхъ. Положеніе вдовы и ея обязанности по отношенію къ покойному мужу. Не обязана ли вдова, по обычаю, выйти замужъ за родственника мужа. Различіе въ отношеніяхъ родителей къ мальчикамъ и дѣвушкамъ. Какъ относятся къ двойнямъ. Считаютъ ли ихъ дѣтьми разныхъ отцовъ. Признается ли право родителей на жизнь дѣтей. Имѣютъ ли родители право продавать дѣтей. Какую силу имѣетъ родительское проклятіе. Формы проклятій и относящіяся сюда преданія и рассказы. Какія понятія существуютъ о первородствѣ. Повѣрья и суевѣрія, связанныя съ первородствомъ. Дѣти по достиженіи совершеннолѣтія уважаютъ ли престарѣлыхъ родителей. Кто больше пользуется уваженіемъ: мать или отецъ. Развито ли уваженіе къ старикамъ и старухамъ. Не практиковался ли когда-нибудь обычай изводить стариковъ, неспособныхъ къ труду. Какія существуютъ объ этомъ легенды.

Г. Смерть и похороны.

1) Какъ отличаютъ агонію отъ простаго кризиса болѣзни и какъ удостовѣряются, что смерть дѣйствительно наступила. Какими средствами стараются облегчить дѣйствительную агонію. Не ставятъ ли у изголовья или на подоконникахъ воды, чтобы душа легче выходила или съ иною цѣлью. Нѣтъ ли повѣрья, что мученія умирающаго находятся въ зависимости отъ постели и обстановки.

2) Кто опрятаваетъ (обмываетъ) покойника. Способъ облаченія покойника въ одежду.

3) Какія принимаются предосторожности, чтобы не похоронить живого.

4) Всякому ли дозволяется дѣлать гробъ. Общественное значеніе гробовщика. Какія повѣрья связаны со щепками и съ обрѣзками досокъ, оставшимися отъ гроба. Старинныя формы гроба. Какіе предметы кладутъ или клали въ гробъ.

5) Старинные способы хоронить мертвыхъ. Въ какую пору дня совершается выносъ тѣла и погребеніе. Какіе обряды сопровождаютъ выносъ тѣла покойника изъ дома (прощаніе, оплакиваніе и проч.). Какіе соблюдаются обряды при похоронахъ. Чѣмъ отличаются похороны мужчинъ отъ похоронъ женщинъ. Не соблюдаются ли какія-нибудь особенности при похоронахъ дѣтей, при похоронахъ людей, умер-

шихъ отъ заразной болѣзни, во время эпидеміи и т. д., при погребеніи шамановъ, при погребеніи самоубійцъ, утопленниковъ, убитыхъ громомъ. Гдѣ хоронять такихъ мертвыхъ. Какія животныя употребляются для отвезенія тѣла на мѣсто погребенія и на какихъ не принято возить и почему. Всякому ли дозволяется нести покойника, присутствовать при похоронахъ. Каково положеніе покойника при зарываніи. Какіе предметы зарываются вмѣстѣ съ покойникомъ. Не зарываютъ ли гдѣ-либо коня вмѣстѣ съ покойнымъ хозяиномъ. Существуютъ ли какіе-нибудь обряды для очищенія возвращающихся съ похоронъ.

6) Устройство могилъ. Ставятся ли надгробные памятники и какіе именно. Чѣмъ украшаются могилы и кладбища.

7) Совершается ли тризна (погребальный пиръ по покойникѣ). Долго ли сохраняется память объ умершихъ. Въ какіе дни года совершаются поминки по усопшемъ. Для чего, по мнѣнію народа, дѣлаются поминанія усопшихъ. По какимъ покойникамъ не принято устраивать поминанія. Чѣмъ выражается трауръ и какъ онъ продолжителенъ.

8) Есть ли примѣты, по которымъ судятъ, что послѣ покойника въ томъ же домѣ долженъ быть еще покойникъ (наприм., если у умершаго глаза неплотно закрыты). Повѣрья, связанныя со случаями оживленія покойника. Какіе наблюдаются примѣты и обряды при встрѣчѣ съ покойникомъ. Есть ли особые обычаи, примѣты на случай посѣщенія кладбища или прохожденія мимо него. Какъ относятся къ могиламъ самоубійцъ, утопленниковъ, убитыхъ громомъ, шамановъ и т. п. Есть ли повѣрье, что иные покойники бродятъ по землѣ послѣ смерти. Что за причина и цѣль этого хожденія. Не употребляютъ ли при похоронахъ и позднѣе какихъ либо средствъ для того, чтобы покойникъ не могъ встать или чтобы онъ пересталъ ходить.

9) Что такое смерть. Гдѣ она живетъ, откуда приходитъ, кто ее посылаетъ, какъ она отнимаетъ жизнь. Вѣрятъ ли въ предчувствіе смерти. Что служитъ предзнаменованіемъ смерти, особенно важныхъ лицъ. Не объясняется ли смерть вліяніемъ злыхъ духовъ. Чѣмъ отличается смерть людей отъ смерти животныхъ. Нѣтъ ли разказовъ о борьбѣ со смертью.

Игры и увеселенія.

1) Игры. Игры молодежи. Развлеченія людей зрѣлыхъ (игры въ шашки, кости и т. д.); входятъ ли въ употребленіе карты. Существуетъ ли склонность къ азартнымъ играмъ. Когда и при какихъ случаяхъ играютъ въ тѣ или другія игры. Какія изъ употребительныхъ

игръ болѣе старинныя и какія новыя. Которыя изъ нихъ предпочитаются. Записать пѣсни и другіе тексты, относящіяся къ играмъ.

2) Пляски. Развита ли пляска. Какія существуютъ пляски. Ихъ названія и способъ исполненія.

3) Пѣсни. Развито ли пѣніе. Пѣсни молодежи. Поютъ ли хоромъ на пѣсколько голосовъ или только въ унисонъ. Что предпочитается. Существуетъ ли ритмъ въ пѣсняхъ. Каковъ преобладающій характеръ пѣнія — веселый или заунывный. Усвоеніе русскихъ мотивовъ и пѣсенъ.

4) Вообще забавы юношества. Поѣздки въ гости. Разные обряды и вѣжливости, соблюдаемые при пріемѣ и угощеніи, смотря по рангу гостей.

5) Какіе существуютъ музыкальные инструменты. Изъ чего, какъ и кѣмъ они изготовляются. Какой характеръ издаваемыхъ ими звуковъ. Способъ употребленія. Развита ли музыка. Какой полъ и возрастъ больше занимается музыкой. Развитъ ли музыкальный слухъ. Какая существуетъ гамма.

6) Праздники старинные (ысыахъ и) и христіанскіе; времяпрепровожденіе на нихъ.

7) Какія общественныя увеселенія приняты въ народѣ. Скачки и борьба. Записать хвалу лучшимъ конямъ, если она произносится на скачкахъ. Характеръ борьбы (въ обхватку, на кушакѣ). Существуютъ ли драматическія представленія или игры съ драматическимъ характеромъ. Насколько развита страсть къ зрѣлищамъ и къ какимъ въ особенности. Какія народныя зрѣлища и увеселенія приурочены къ извѣстнымъ временамъ года, праздникамъ и такъ далѣе.

Нравы и національный характеръ.

1) Отношеніе народа къ себѣ, къ сосѣднимъ народамъ и вообще къ иноплеменикамъ.

2) Какіе приемы и жесты употребляются, когда здороваются, прощаются, заключаютъ сдѣлку и вообще въ разныхъ житейскихъ отношеніяхъ.

3) Какіе признаки красоты цѣнятся женщинами въ мужчинѣ и наоборотъ. Чувствительны ли къ красотамъ природы. Въ чемъ видятъ красоту поэзіи и природы.

4) Какія обычныя выраженія и формы вѣжливости, уваженія, дружбы, любви, ласки и, наоборотъ, презрѣнія, неаппетитности и т. п. Какія употребляются зложеланія и проклятія. Вѣрить ли произносящій проклятіе, что его желаніе сбудется. Что придаетъ ему эту увѣренность. Какія зложеланія и проклятія считаются самыми легкими и какія самыми сильными. Какія ругательства считаются самыми неприличными.

5) Распространено ли гостепрѣимство. Какія церемоніи соблюдаются при посѣщеніи гостей.

6) Развито ли чувство состраданія. Простирается ли оно только на близкихъ по родству, на друзей и соплеменниковъ, или и на другихъ людей вообще. Какого взгляда на нищихъ держится народъ. Насколько распространено нищенство. Кѣмъ и какъ призрѣваются нищіе. Ухаживаютъ ли за больными, или бросаютъ ихъ на произволь судьбы, особенно неизлѣчимыхъ.

7) Существуютъ ли какія-либо преданія о людоѣдствѣ или о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ.

8) Какіе пороки особенно распространены въ народѣ вообще и въ данной мѣстности. Каковы причины ихъ распространенія. Какъ относится народъ къ лицамъ, подверженнымъ тѣмъ или другимъ порокамъ.

9) Страсть къ половымъ излішнествамъ. Извѣстны ли случаи противоестественнаго удовлетворенія.

10) Въ обычаѣ ли дѣтоубійство. Признается ли право родителей на жизнь дѣтей. Практикуется ли вытравленіе плода.

11) Насколько соблюдается опрятность между людьми. Чѣмъ замѣняется баня. Любятъ ли кушаться въ лѣтнее время. Какія суевѣрія связаны съ кушаньемъ и съ разными омовеніями.

12) Какъ и гдѣ проводятъ свободное время. Спать ли днемъ. Продолжительенъ ли сонъ. Чутокъ ли.

13) Часто ли видятъ сны. Обращаютъ ли на нихъ вниманіе. Тревоженъ или спокоенъ сонъ.

14) Разные виды омеряченія и меперяченія. Какъ относится народъ къ слабоумнымъ, идіотамъ и т. п. Чѣмъ объясняютъ себѣ помѣшательство, изступленіе, идіотизмъ, сомнамбулизмъ и другіе виды психическихъ болѣзней.

15) Измѣненіе правовъ подѣ влияніемъ русскихъ. Какъ отражается на якутахъ сосѣдство съ русскими. Какова ихъ воспримчивость къ русскимъ обычаямъ и привычкамъ. Что воспринимаютъ инородцы отъ русскихъ.

Программа для описанія этнографическихъ музеевъ Россіи.

Имѣя въ виду помѣщать въ органѣ Отдѣленія Этнографіи журналѣ „Живая Старина“ краткія описанія находящихся въ Россіи Этнографическихъ музеевъ (или Этнографическихъ отдѣленій при музеяхъ), основанныхъ Правительствомъ, городами, земствами, учеными обществами или частными лицами, редакция „Живой Старины“, съ цѣлью оказать такимъ свѣдѣніями содѣйствіе лицамъ, изучающимъ въ этнографическомъ отношеніи русское и инородческое населеніе нашего отечества, обращается къ гг. хранителямъ такихъ музеевъ съ усердною просьбою не отказать въ доставленіи ей желаемыхъ свѣдѣній приблизительно по слѣдующимъ рубрикамъ:

1. Время основанія музея и происхожденіе этнографическихъ коллекцій.
2. Помѣщеніе (число залъ, комнатъ) и размѣщеніе коллекцій.
3. Средства содержанія и завѣдываніе.
4. Научныя изданія, описанія, каталоги, путеводители.
5. Библіотека. Число книгъ, брошюръ, рукописей.
6. Общее число этнографическихъ предметовъ; число ихъ по народностямъ, губерніямъ или областямъ.
7. Свѣдѣнія о малекенахъ, жилищахъ въ натурѣ или въ моделяхъ.
8. Свѣдѣнія о приращеніяхъ этнографическихъ предметовъ.

Не стѣсняясь намѣченной программой, редакция Ж. С. проситъ гг. хранителей сообщать и такія свѣдѣнія, которыя они сами найдутъ нужными, а также не отказать въ доставленіи библіотекъ П. Р. Г. О. печатныхъ описаній, каталоговъ, путеводителей и вообще всякихъ изданій, относящихся къ завѣдуемымъ ими музеямъ.

Въ журналѣ „Живая Старина“ за 1911 годъ напечатаны уже описанія двухъ столичныхъ этнографическихъ музеевъ:

- 1) *Л. Штернбергъ*. Музей Антропологій и Этнографіи имени Императора Петра Великаго.
- 2) *Н. Могиланскій*. Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея Императора Александра III.

Чудь и Паны.

(Происхождение и современное значение этих слов).

Чѣмъ скуднѣе и малочисленнѣе памятники, свидѣтельствующіе о какой-либо исторической эпохѣ или моментѣ, тѣмъ больше разгорается любопытство изслѣдователя, пытающагося проникнуть въ таинственную глубь вѣковъ. Къ числу историческихъ загадокъ, неразрѣшенность которыхъ обусловлена недостаткомъ памятниковъ, относится вопросъ о первоначальныхъ обитателяхъ сѣверной Россіи. Не пытаюсь затрагивать этотъ серьезный вопросъ съ чисто научной точки зрѣнія, я имѣю въ виду лишь высказать нѣсколько умозаключеній, обоснованныхъ на изученіи народныхъ преданій и народнаго быта.

Огромная, малозаселенная сѣверная полоса Россіи, конечно, также имѣла свою исторію, но довольно бѣдную сколько-нибудь значительными событіями. Даже при столкновеніи различныхъ народностей, происходившемъ здѣсь въ историческую эпоху, трудно усмотрѣть какую-либо упорную или продолжительную борьбу за самобытность или политическую самостоятельность. Напротивъ, всѣ данныя говорятъ о безболѣзненной ассимиляціи аборигеновъ сѣвернаго края съ пришлымъ славянскимъ элементомъ.

Если обратиться къ болѣе поздней эпохѣ, то опять-таки можно видѣть, что сѣверъ во всѣ острые моменты русской исторіи сохранялъ почти ненарушимый покой, который создавало для него счастливое положеніе вдаль отъ границъ съ могущественными державами.

Тѣмъ не менѣе въ памяти сѣверянъ сохраняется не мало различныхъ преданій, касающихся глубокаго прошлаго. Изслѣдователь сѣвернаго края прежде всего натолкнется на повсемѣстное воспоминаніе о чуди, загадочномъ финскомъ народѣ, населявшемъ, судя по преданіямъ, почти весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи. Во многихъ селеніяхъ еще до настоящаго времени могутъ сообщить, что такіе-то роды ведутъ свое происхожденіе отъ чуди, такіе-то отъ новгородцевъ; укажутъ чудскія городища, крѣпости, могилы и т. п.

Съ другой стороны, сохранилось воспоминаніе о какихъ-то зага-

дочныхъ „панахъ“ или „панькахъ“, воинственныхъ пришельцахъ, съ которыми населенію пришлось вести борьбу, хотя не особенно тяжелую. Точно также указываютъ могилы „пановъ“, мѣста, гдѣ они были разбиты и т. д.

Чаще же всего чудь и паны отождествляются въ устахъ народа. Нерѣдко въ одной и той же легендѣ, распространенной въ разныхъ мѣстахъ, фигурируютъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, то чудь, то паны. Г. Куликовскій въ своемъ „Словарѣ Областного Олопецкаго нарѣчія“, объясняя слово паны, говоритъ: „Подъ этимъ именемъ, иногда замѣняемымъ именемъ чуди, въ памяти обывателей Олопецкой губ. смѣшаны, повидимому, всѣ, съ кѣмъ пришлось вести борьбу колонизаторамъ этого края, а также тѣ, отъ кого въ далекія времена пришлось отстаивать свою собственность, самостоятельность: здѣсь и дѣйствительная чудь, живущая мѣстами въ Олопецкой губ., и та загадочная чудь, воспоминанія о которой живутъ въ средней Россіи и въ Сибири, литовцы, шайки разнаго рода людей, во времена самозванцевъ рыскавшихъ по сѣверу“.

Приблизительно такое же отождествленіе чуди и пановъ въ устахъ сѣверянъ можно усмотрѣть въ статьѣ г. Едемскаго „Изъ кокушенинскихъ преданій о чудѣ“. „Съ преданіемъ о панахъ здѣсь тѣсно связано другое, о чудѣ. Обыкновенно при этомъ рассказчикъ, не замѣчая того самъ, переходитъ отъ пановъ къ чудѣ“...¹.

Но то, что въ данное время отождествляется народомъ, то, что представляется его несовершенному взору лежащимъ въ одной плоскости, несомнѣнно имѣетъ ярко выраженный историческій рельефъ.

Если признаемъ, что чудь—особый народъ, нѣкогда населявшій сѣверъ и сѣверо-востокъ, то покажется мало вѣроятнымъ, какъ могъ онъ сохранить хотя бы даже единство названія на такомъ колоссальнѣйшемъ пространствѣ? Если еще и теперь населеніе Архангельской губ. по преимуществу сосредоточивается вдоль рѣкъ, причемъ каждый такой районъ представляетъ изъ себя отдѣльный мірокъ, отграниченный отъ другихъ огромными лѣсными пустынями и отличающійся особымъ укладомъ жизни, то тѣмъ болѣе древняя чудь должна бы разбиться на мелкія племена, каждое съ особымъ названіемъ. На зарѣ исторіи почти всякій народъ дробится на мелкія группы, отличающіяся одна отъ другой какъ названіемъ, такъ и особенностями быта. Поэтому легче всего предположить, что слово „чудь“ въ устахъ славянъ-колонистовъ означало не что иное, какъ общее понятіе для обозначенія всѣхъ аборигеновъ-инородцевъ, съ которыми приходилось имъ сталкиваться во время своего поступательнаго движенія на сѣверъ. Подобное наименованіе, обобщающее нерѣдко самую чудьюя

¹ См. „Ж. С.“, вып. 1—2, 1905 г., стр. 103.

другъ другу этническія группы, встрѣчается неоднократно на протяжении исторіи человѣческихъ обществъ и вызывается самыми различными причинами. Сознаніе своего превосходства надъ всѣми прочими народами побуждало древнихъ грековъ и римлянъ именовать все остальное человѣчество унизительнымъ словомъ варвары. Славяне, придя въ соприкосновеніе съ племенами германскаго корня, окрестили ихъ нѣмцами, объединяя въ этомъ наименованіи множество мелкихъ племенъ. Даже шведы въ старинныхъ русскихъ памятникахъ и письменности называются свейскими нѣмцами.

Нѣчто подобное могло произойти съ сѣверными славянами, столкнувшимися на своемъ колонизаторскомъ пути съ народцами финскаго корня. Встрѣчая чуждыхъ, слишкомъ рознящихся отъ нихъ туземцевъ, вялыхъ, непредпріимчивыхъ дикарей, славяне-колонисты не могли не поражаться ихъ странностями, и что же удивительнаго, если они окрестили своихъ новыхъ сосѣдей насмѣшливымъ наименованіемъ чудь, чудными, странными людьми. Такую постановку вопроса о чуди вполне раздѣляетъ В. О. Ключевскій, который говоритъ, что „древняя Русь всѣ мелкія финскія племена объединяла подъ однимъ общимъ названіемъ Чудь¹“.

Нѣкоторымъ доказательствомъ такого происхожденія слова „чудь“ можетъ служить современное его значеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣвернаго края. Обозначая первоначально насмѣшливое прозвище всѣхъ сѣверныхъ дикарей, понятіе „чудь“ постепенно ассоціировалось въ представленіи русскаго народа со всѣмъ тѣмъ, что носитъ признакъ дикости и невѣжества. Упомянутое чуди въ такомъ значеніи мнѣ приходилось наблюдать въ Онежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Бесѣдуя съ крестьянами с. Шелексы, которое до самаго послѣдняго времени славилось невѣжествомъ и темнотой, вошедшими въ поговорку у сосѣдей, я съ удивленіемъ услышалъ такую рѣчь:

— Чудь у насъ была раньше, чудь. Нѣба не было видно отъ лѣсу. „Шелекса да Озерца не обрадуютъ сердца“, говорили про насъ бурлаки. Хлѣба зели отъ рудниковъ... Лѣсно у насъ было, а не сѣбно... Не знали самоваровъ, не знали разныхъ нитерскихъ гостинцевъ. Чудь у насъ была на Шелекѣ, чудь, что и говорить! А какъ провели машину въ Архангельско да какъ стали онежана вѣздить черезъ наше мѣсто на станцію, вотъ тебѣ и вырусѣла наша Шелекса... А допрежь чудь была, чудь.

Въ деревнѣ Воймозеро, Мардинской волости, расположенной верстахъ въ 120 отъ Шелексы и также отличавшейся дикостью, я слышалъ такія слова:

— Прежде у насъ была чудь, а теперь стала Русь, а еще немало, такъ и совсѣмъ вырусѣемъ.

¹ См. В. Ключевскій, „Курсъ Русской Исторіи“, т. I, стр. 364.

Такое противопоставленіе чуди, означающей дикость, понятію Русь, означающему культуру, несомнѣнно ведетъ свое происхожденіе изъ нѣдръ глубокой старины.

Далѣе, крестьяне сѣверныхъ губерній весьма часто даютъ своимъ односельчанамъ прозвища, сильно напоминающія то наименованіе, которое ихъ предки давали финскимъ аборигенамъ сѣвера. Въ д. Фехтальмѣ, Онежскаго уѣзда, одного дурковатаго мужика прозвали „Чудко“, а мать его „Чудихой“. Лицъ, которыя проявляютъ какія-либо странности, почти повсемѣстно зовутъ чудилами, чудышками или чудавками. Всѣ эти слова одного и того же славянскаго корня и имѣющія одинаковое значеніе лишній разъ подтверждаютъ, что „чудь“—главнымъ образомъ, есть общій терминъ для обозначенія всего изъ ряда вопъ выходящаго и достойнаго насмѣшки.

Но современное понятіе чуди, какъ синонима невѣжества, не исключаетъ значенія его, какъ наименованія нѣкогда существовавшего народа. Въ томъ же самомъ Воймозерѣ, гдѣ чудью именуютъ невѣжество, сохранилось множество преданій о чуди, какъ народѣ. Миѣ показывали то мѣсто, гдѣ чудь зарылась въ землю, не желая переходить въ христіанскую вѣру и платитъ подати.

Поэтому, если въ какой-либо деревнѣ сохраняется воспомнаніе о происхожденіи того или другого рода отъ Чуди или отъ Руси, то къ этому можно отнести съ полнымъ довѣріемъ, если подъ именемъ чудь разумѣть не какую-либо опредѣленную этническую группу, а всѣхъ тѣхъ прежнихъ насельниковъ, которыхъ застали пришельцы въ данномъ мѣстѣ и съ которыми они слились впоследствии. Въ зависимости отъ географическаго положенія данной мѣстности, эти прежніе насельники суть представители самыхъ различныхъ племенъ.

Если въ частности обратиться къ Онежскому уѣзду, гдѣ я производилъ свои наблюденія, то можно установить, что предшественниками славянскаго элемента здѣсь было финское племя — карелы. П. Ефименко, въ своемъ сочиненіи „Чудь Заволоцкая“ говоритъ слѣдующія слова относительно пребыванія карель въ нынѣшнемъ Онежскомъ уѣздѣ: „Всѣмъ финнологамъ Шегрену, Кастрену и Европеусу извѣстно, что по вѣсму Поморью почти до самаго города Онеги встрѣчаются во множествѣ чисто карельскія наименованія мѣстностей. Даже весь берегъ отъ угла Кандалакской губы Бѣлаго моря до Онежской называется нынѣ Карельскимъ, а въ старину подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ берегъ Лѣтній отъ Карельскаго или Западнаго устья Двины, гдѣ находится Николаевскій Карельскій монастырь, по направленію къ г. Онегѣ. Въ разныхъ мѣстахъ Архангельской губ. не мало названій съ именемъ Карельскій... Такъ въ Онежскомъ уѣздѣ имѣются; въ Наволоцкой волости при р. Онегѣ островъ Карельской; въ Кокоринской волости поле Старокорельско, гора Карельска, пере-

лѣсокъ Корельскій. Изъ деревень съ именемъ Корельское въ Онежскомъ уѣздѣ извѣстны двѣ¹.

По мѣрѣ проникновенія славянъ къ сѣверу, карелы все болѣе и болѣе поддавались вліянію пришельцевъ; поэтому въ болѣе южныхъ частяхъ Онежскаго уѣзда, гдѣ притокъ славянской крови былъ довольно великъ, отъ карель въ наше время остались лишь одни воспоминанія. По мѣрѣ же удаленія къ сѣверу карелы все болѣе и болѣе сохранили свою самобытность; но обрусѣніе идетъ и въ наше время, и быть можетъ, наступитъ такое время, когда карелы совершенно претворятся въ русскихъ.

Доказательствомъ сравнительно недавняго сліянія карель съ русскими въ нѣкоторыхъ частяхъ Онежскаго уѣзда можетъ служить существованіе старыхъ родовъ съ финскими фамиліями. Такъ въ д. Воймозерѣ мнѣ передавали, какіе роды русскіе, а какіе „чудейскіе“. Къ первымъ относятъ Кирилловыхъ и Гавриловыхъ, выходцевъ изъ Новгородской области, ко вторымъ—Хенковыхъ. Финское происхожденіе этого послѣдняго слова несомнѣнно. Точно также въ д. Пачепелда сохранился „чудейскій“ родъ Пачепеловыхъ. Самое слово пачепелда² можно произвести отъ patsas, что значитъ столбъ и peldo—поле.

Установивъ, что карелы нѣкогда населяли Онежскій уѣздъ и выясняя финское значеніе собственныхъ именъ, не трудно придти къ окончательному выводу въ отношеніи этого уѣзда, что понятіе чудь, общее прозвище всѣхъ финскихъ племенъ, въ данномъ мѣстѣ относилось не къ кому другому, какъ къ кареламъ.

Обратимся теперь къ панамъ и разберемъ, что разумѣется подъ этимъ словомъ въ наше время и откуда оно ведетъ свое начало. Въ современномъ значеніи панъ прежде всего чужакъ, челоѣкъ пришлый. Въ Онежскомъ уѣздѣ мнѣ приходилось слышать такой вопросъ, заданный крестьянкою своей сосѣдкѣ относительно супруговъ дѣсенчаго:

— А что она руська али паньска? (т. е. не русская).

Въ одной изъ деревень Шелековскаго прихода торгуетъ товарами нѣмецъ. Тамъ не менѣе о немъ всегда говорятъ какъ о панѣ, напримѣръ:

— Надо сходить къ пану, купить чаю.

— Панъ поѣхалъ на станцію и т. п.

Въ сохранившейся легендѣ среди крестьянъ с. Турчасова упо-

¹ См. П. С. Ефименко „Заволоцкая Чудь“, изд. Арх. губ. Стат. Комитета, 1859 г., стр. 94 и 95.

² Кромѣ пачепелды, окончаніе peldo находимъ въ наименованіи двухъ другихъ деревень Онеж. уѣзда Канзапелда и Пирзонелда.

минается, что папы говорили не по-нашему, произнося какія то непонятныя слова:

— Кути! Кути! Кути!

Изъ этихъ примѣровъ не трудно видѣть, что слово папъ синонимъ иностранца. Такое значеніе этого слова вполне естественно установилось въ сѣверныхъ трущобахъ, гдѣ пришлые, не чуждейскіе инородцы составляютъ болѣе чѣмъ рѣдкое явленіе. Поэтому во всякомъ приходѣ не русскомъ человѣкѣ видятъ папа, т. е. похорожаго по своимъ качествамъ на тѣхъ древнихъ паповъ, которые являлись сюда для грабежей. Въ то время, какъ чудь—туземные инородцы, дикари и тусы, папы—инородцы пришлые, развитые и смѣлые люди.

Для сѣвера Россіи, никогда не бывшаго ареной важныхъ историческихъ событій, нашествіе бродячихъ польско-казацкихъ шаекъ не могло (въ эпоху смутнаго времени) пройти безслѣдно. Въ разныхъ мѣстахъ сохранилось множество воспоминаній о тѣхъ схваткахъ, которыя происходили у сѣверянъ съ грабителями. На основаніи этихъ преданій, дополняемыхъ лѣтописными свѣдѣніями, не трудно установить даже самое распространеніе по сѣверу воровскихъ шаекъ. Главный потокъ вражескихъ силъ, хлынувшихъ изъ-подъ Москвы на сѣверъ, первоначально обрушился на Вологду, которая изъ-за оплошности воеводъ была взята и разграблена 22 сентября 1612 г.

Черезъ 3 дня послѣ этого событія воровскія шайки выступили изъ Вологды по направленію Холмогоръ, при чемъ по дорогѣ опустошили Поважье¹. Количество бродягъ, рыскавшихъ въ этомъ краю, достигало 7 тысячъ².

Разбитые въ 1613 г. подъ Емецкимъ Острогомъ въ Ратовомъ Наволокѣ, получившемъ свое наименованіе отъ этой битвы, бродяги двинулись въ низовскія волости и въ Поморье, нѣкоторые же пошли обратно на Вагу³.

Такимъ образомъ у Емецка грабители разсѣялись на малыя группы; одна изъ такихъ шаекъ, повидимому, пробралась съ р. Двины на р. Онегу и, опустошивъ волости по нижнему теченію этой послѣдней рѣки, достигла береговъ Онежской губы. О быломъ присутствіи польско-казацкихъ шаекъ на Онегѣ и въ Поморьѣ можно судить на основаніи слышанныхъ мною преданій о томъ, что „папы“ ѣхали внизъ по Онегѣ и напали на с. Турчасово. О пребываніи же ихъ въ Поморьѣ можно судить по тому факту, что возлѣ самой Онежской губы имѣется селеніе Ворогоры, которое раньше называлось Ворогоры, отъ слова воры и гора. Въ словарь „Архангельскаго

¹ Записки Н. Р. Г. О. по отдѣлу статистики, т. II, 1871 г., В. Л. Поповъ, Населеніе Вологодск. губ. стр. 66.

² Максимовъ „Годъ на сѣверѣ“, т. II, стр. 488 и 489.

³ Грандильевскій, „Родина Ломоносова“, стр. 260.

Областного Нарѣчія“, составленномъ Подвысоцкимъ, точно указано, что это селеніе получило свое наименованіе отъ засѣвшихъ здѣсь нѣкогда воровскихъ шаекъ смутной эпохи.

Исколесивъ почти весь сѣверъ, отважные грабители не могли не оставить по себѣ самыхъ живыхъ воспоминаній. Съ теченіемъ времени слово „паны“ стало нарицательнымъ наименованіемъ для всѣхъ разбойничьихъ шаекъ, появившихся въ разныхъ захолустныхъ уголкахъ. Г. Куликовскій рассказываетъ слѣдующее по этому поводу; „Въ деревнѣ Роксѣ, Лодейнопольскаго уѣзда, крестьяне такъ объясняли происхожденіе пановъ—„Соберется, бывало, шайка; вотъ и скажетъ кто-либо: я буду я надъ вами паномъ! И станетъ паномъ, да и у насъ всѣ зовутся паномъ, вся деревня пановы, паны“. Здѣсь такимъ образомъ пановъ не считаютъ чужими людьми, мало того, ежегодно спрашиваютъ по нимъ поминки ¹.

Наряду съ такимъ современнымъ значеніемъ слова „паны“, подъ нимъ, какъ мы упоминали, нѣредко разумѣютъ чужака, пришлага иноземца.

Выяснивъ происхожденіе и современное значеніе въ устахъ народа словъ „чудь“ и „паны“, слѣдуетъ еще разобрать вопросъ объ отождествленіи въ легендахъ этихъ двухъ главныхъ враговъ, съ которыми приходилось бороться сѣверянамъ.

Нѣредко рассказчики старинныхъ преданій упоминаютъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ то „чудь“, то „пановъ“. Какъ тѣ, такъ и другіе закапывались въ землю, не желая сдаваться; какъ тѣ, такъ и другіе доставляли сравнительно легкую побѣду сѣверянамъ.

Далѣе, одна и таже легенда, распространенная въ разныхъ селеніяхъ, приурочиваетъ мѣсто дѣйствія къ разнымъ пунктамъ. Такова, напримѣръ, легенда о панахъ, сообщенная мнѣ въ с. Турчасовѣ. Она гласитъ слѣдующее: „Вѣкомъ, т. е. когда-то давно, ѣхали по рѣкѣ „паны“ и кричали „Кути! Кути! Кути!“ Высадившись на прибрежной лудѣ, они полѣзли на Острожную гору, гдѣ въ то время, по всей вѣроятности, стояла маленькая крѣпость. Увидѣвъ непріятеля, жители Острога начали разбирать избы и скатывать бревна подъ гору. Конечно, паны всѣ были перебиты до единого“. Одинъ рассказчикъ упоминаетъ въ этомъ преданіи пановъ, а другой говоритъ, что это была чудь бѣлоглазая, которая „валила, какъ туча, къ морю“. Эта же самая легенда, но приуроченная не къ Острогу, а къ другимъ пунктамъ, распространена въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ланландіи, при чемъ здѣсь говорится только о Чуди, такъ какъ шайки грабителей эпохи лихолѣтія едва ли заходили въ этотъ отдаленный край.

Смѣшеніе историческихъ воспоминаній о чуди и панахъ весьма легко объяснить, если произвести хоть самый поверхностный анализъ

¹ Куликовскій, „Словарь Областного Олонскаго Нарѣчія“, стр. 78.

ихъ отношенія къ мѣстному населенію и характера той борьбы, которая велась между „Русью“ и ея врагами.

Прежде всего, какъ чудь, такъ и паны—люди чуждые русскому, элементу. Разница лишь та, что одни искони вѣковъ паселяли сѣверъ и предшествовали Руси, другіе же явились въ то время, когда она уже прочно осѣла и даже поглотила своихъ прежнихъ туземныхъ враговъ. Далѣе, какъ тѣ, такъ и другіе вели враждебныя дѣйствія съ Русью.

Эта борьба, какова бы она ни была, не могла не оставить по себѣ воспомнаній въ памяти сѣверянъ, избавленныхъ, въ силу географическихъ условій, отъ какой-либо другой, болѣе серьезной борьбы за самостоятельность. Во всѣхъ легендахъ говорится о легкости этой борьбы. То одна баба киселемъ заливаетъ множество пановъ или чуди, то одинъ легендарный герой истребляетъ ихъ въ невѣроятно большомъ количествѣ, то они сами бросаются въ озера, закапываются въ землю, убиваютъ другъ друга; то слѣпнуть и, какъ шальные, лѣзутъ на гору, откуда сбрасываютъ на нихъ бревна и камнями давятъ ихъ, какъ мухъ. Ни въ одной легендѣ не упоминается, чтобы „наши“ были разбиты этими врагами.

Слѣдовательно, черезчуръ тяжелой борьбы не было ни въ ту эпоху, когда новгородцы столкнулись съ туземнымъ элементомъ, ни въ эпоху смуты.

Чудь, т. е. мирныя финскія племена, разрозненныя, разбросанныя по необозримымъ лѣснымъ пространствамъ, не имѣвшія прочной общественной организаціи, едва ли могли представить серьезное сопротивленіе врагу, отважному, хорошо вооруженному и сѣорганизованному въ ушкуйничьи дружины. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разсказываютъ о томъ, что чудь оборонялась на одной сторонѣ рѣки, а нападающіе стрѣляли изъ луковъ съ другой, то по самому характеру такого сопротивленія трудно признать особое упорство и продолжительность подобной борьбы. Даже упоминаемое въ преданіяхъ самоистребленіе чуди, не желавшей пережить позоръ своего пораженія и согнуть вью передъ торжествующимъ врагомъ, едва ли можетъ служить доказательствомъ ея чрезмѣрной храбрости. Кромѣ того, нельзя признать за общее и постоянное явленіе самоубійство чуди, разбитой врагомъ. Всего вѣрнѣе, что закапывались только фанатики-жрецы съ ихъ приближенными, гдѣ-либо въблизи своихъ святилищъ.

Въ разныхъ мѣстахъ Онежскаго уѣзда мнѣ указывали, какъ на мѣста вѣчнаго упокоенія чуди, на довольно-таки живописныя боры или лѣсистыя прибрежныя пригорки, которые могли служить священными мѣстами для поклоненія божествамъ. Самыя чудскія крѣпости, гдѣ новгородцы встрѣчали наиболѣе упорное сопротивленіе, очевидно, являлись не болѣе, какъ религіозными центрами.

Почти всѣ легенды говорятъ, что одной изъ причинъ, побуждав-

шихъ чудь къ самозакапыванію, было нежеланіе принимать христіанство. Если это такъ, то вліяніе хранителейъ культа играло огромную роль въ погибели чуди. Жречество, наиболѣе заинтересованное въ сохраненіи прежней религіи, но не имѣвшее никакихъ положительныхъ средствъ для борьбы съ распространеніемъ новой религіи, могло только проповѣдывать среди правовѣрныхъ самоуничтоженіе, въ виду гибели старыхъ боговъ.

Но если религіозный пылъ фанатиковъ жрецовъ увлекалъ нѣкоторую часть чуди, то главныя массы ея, безъ сомнѣнія покорялись своей судьбѣ, принимали христіанство и постепенно ассимилировались съ болѣе сильными, энергичными и культурными пришельцами.

Заявъ сѣверные лѣса послѣ не продолжительной и легкой борьбы съ туземцами, русскіе колонисты также легко раздѣлались съ нашествіемъ польско-казацкихъ шаекъ. Еще задолго до этой эпохи русскіе обитатели сѣвера не разъ проявляли свое мужество и отвагу въ морскихъ бояхъ съ „урманами“, въ которыхъ по временамъ просыпался грабительскій духъ предковъ. Но не заходя такъ далеко въ исторію, можно констатировать факты, свидѣтельствующіе объ изумительной отвагѣ сѣверянъ. Стоитъ, на примѣръ, вспомнить чудеса храбрости, проявленныя поморами при отраженіи англійской и французской эскадры въ 1855 г. отъ Колы и Соловецкаго монастыря.

Вѣчная борьба съ суровой природой, морскими и лѣсными звѣрями, сдѣлала сѣверянина отважнымъ и храбрымъ. Естественно, что тѣ воровскія шайки, которыя ухитрились сюда пробраться, едва ли могли безнаказанно хозяйничать здѣсь въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Къ тому же, имъ пришлось проколесить тысячи верстъ, прежде, чѣмъ достигнуть лѣсныхъ дебрей, выдержать множество схватокъ, перенести не мало разныхъ лишеній и болѣзней.

Обезсиленные, малочисленные отряды „пановъ“ не могли явиться сколько-нибудь серьезнымъ непріателемъ. Неудивительно, что съ ними такъ же легко было бороться, какъ и съ чудью, не взирая на ихъ несомнѣнную храбрость и смѣтливость.

Отражая набѣги „пановъ“, сѣверяне какъ бы опять переживали ту эпоху, когда боролись съ чудью, съ тою лишь разницею, что теперь они занимали положеніе обороняющагося.

Многіе прежніе приемы борьбы могли быть употреблены и теперь. А то, что было въ ту эпоху и что не могло быть повторено теперь, народное воображеніе въ послѣдствіе все-таки перенесло отъ чуди къ панамъ.

Этихъ послѣднихъ, судя по легендамъ, также заливали киселемъ, давили бревнами, топили въ прорубяхъ. Какой-нибудь одинъ народный герой немилосердно истреблялъ цѣлыя толпы паньковъ¹. Даже самое

¹ Максимовъ, Годъ на Сѣверѣ, т. II, стр. 319—320.

воспоминаніе объ этой борьбѣ вызываетъ въ настоящее время въ крестьянахъ веселое настроеніе. Въ сел. Роксѣ (Лодейнопольскаго у.), напримѣръ, существуетъ обычай справлять поминки по „панамъ“ въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ. Крестьяне относятся къ этимъ поминкамъ шутливо, бѣгаютъ, возятся, обливая другъ друга молокомъ, обмазывая киселемъ, почему и самый день зовется Киселевымъ ¹. Вообще же можно сказать, что сѣверныя преданія о борьбѣ съ врагами носятъ комическій характеръ; они скорѣе напоминаютъ рассказы о пошехонцахъ, нежели какія-либо саги о героическихъ дѣлахъ давно минувшихъ дней.

Итакъ, имѣя въ основѣ историческую дѣйствительность, преданія о чуди и преданія о панахъ въ памяти русскихъ обитателей сѣвера смѣшались и переплелись между собою въ силу многихъ общихъ условій борьбы какъ съ тѣми, такъ и съ другими. Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше историческая дѣйствительность опутывалась туманомъ поэтическаго вымысла, тѣмъ болѣе въ глазахъ народа сливались въ одну плоскость воспоминанія о тѣхъ и о другихъ. Смѣшеніе эпохъ весьма часто наблюдается въ народныхъ разсказахъ. Былины, повѣствуя о богатыряхъ эпохи Владиміра Святого, заставляють ихъ защищать землю Святोरусскую отъ татаръ, которые появились на два вѣка позже.

Дальность разстоянія, отдѣляющая современную эпоху отъ эпохи „чуди“ и „пановъ“, вводитъ въ оптическій обманъ несовершенное око малообразованнаго народа. И не удивительно, если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами эти названія утратили свое историческое значеніе. Чудь стала обозначать тѣму и невѣжество, паны — разбойниковъ и иноземцевъ.

И. Калининъ.

¹ Г. Куликовскій, „Словарь Обл. Олонец. Нарѣчія“, стр. 36.

Изъ быта бессарабскихъ румынъ.

Поступившія въ Отдѣленіе Этнографіи И. Р. Г. О. за №№ 165 и 166 въ 1912 г., и переданныя Редакціонной Комиссіей мнѣ для отзыва, двѣ работы П. А. Сырку представляютъ безусловный интересъ не только по тому, что покойный славистъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ Россіи знатоковъ румынскаго языка, быта, старины и письменности и помогать А. Н. Веселовскому въ переводѣ памятниковъ румынскаго фольклора: какъ уроженецъ Бессарабіи, румынъ по матери, воспитанникъ Кипріановскаго монастыря, онъ зналъ во всякомъ случаѣ больше другихъ, изрѣдка пріѣзжавшихъ въ Бессарабію для этнографическихъ изученій. Судя по привлеченному для сравненія матеріалу и нѣсколько наивному характеру статей, онѣ написаны были въ ранній періодъ ученой дѣятельности П. Сырку, когда онъ учился въ Кишиневской семинаріи, занимался главнымъ образомъ этнографіей и помѣщалъ очерки въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ (за подписью Сиркувъ). Собиралъ свѣдѣнія онъ въ Кипріанахъ и въ окрестныхъ селахъ, обнаружилъ наблюдательность, пытливость, умѣло вызывая объясненія отъ крестьянъ и священниковъ; приводимые имъ тексты и термины, правда, въ нѣсколько необычной (или просто мало принятой) кирилловской транскрипціи, снабжены удареніями и близки къ произношенію. Кромѣ того, главную, быть можетъ, цѣнность работъ П. Сырку составляетъ ихъ давность: въ 70 гг. онъ могъ наблюдать многіе обычаи, которыхъ уже не было позднѣе, даже въ 90 гг., когда я собиралъ этнографическіе матеріалы, напр., по тому же народному календарю, и приблизительно въ тѣхъ же мѣстностяхъ (средняя Бессарабія). Рядъ обычаевъ, о которыхъ мнѣ говорили, какъ объ исчезнувшихъ, во время работъ П. Сырку еще бытовали. Поэтому его наблюдения цѣнны еще, какъ своего рода историческій документъ, тѣмъ болѣе, что тогда еще не являлись образцовыя монографіи S. Fl. Magianu „Sérbătorile la Români“, для которыхъ сообщенія покойнаго слависта служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ, иногда дополненіемъ: матеріалъ, собранный въ Бессарабіи, въ работахъ Мариану удивительно бѣденъ и поражаетъ своей случайностью.

Статья П. А. Сырку о народномъ календарѣ бессарабскихъ румынъ, повидимому, не вполне закончена, а отдѣлы параллелей изъ быта славянскихъ народовъ—очень случайный: свѣдѣнія взяты, главнымъ образомъ, изъ „Памятниковъ народнаго быта болгаръ“ Л. Каравелова. Возможно, что онъ былъ бы увеличенъ авторомъ очерка, но и сдѣланныя сопоставленія всетаки цѣнны, указывая пути для работъ дальнѣйшихъ. Очеркъ о погребальныхъ обычаяхъ румынъ Бессарабіи, повидимому, былъ написанъ П. Сырку въ качествѣ каникулярной работы: въ 70 и 80 гг. подобныя темы ирѣдко давали учителя Кишиневской семинаріи съ цѣлью подготовить будущихъ священниковъ къ веденію „Статистическихъ описаній приходовъ“.

При бѣдности этнографической литературы о румынахъ Бессарабіи на рускомъ языкѣ, замѣтномъ пренебреженіи этой стороной изученія румынскими учеными, и главное, при быстромъ исчезновеніи старыхъ формъ быта въ обезли-

ченной почти окраинѣ Россіи, очерки П. А. Сырку заслуживаютъ полнаго вниманія и, напечатанные, заставятъ и другихъ заинтересоваться румынской этнографіей, столь цѣнной и для романиста, и для слависта.

А. Яцимирскій.

I.

Народный календарь румынскаго населенія въ Бессарабіи.

Наряду съ астрономическимъ календаремъ, у бессарабскихъ молдованъ-сельчанъ, или, правильнѣе сказать, у румынъ Бессарабіи, существуетъ свой народный календарь, который, однако, въ большинствѣ случаевъ пріурочиваетъ свои дѣленія къ дѣленіямъ астрономическаго года: такъ, большинство обычаевъ и повѣрій въ настоящее время связано уже съ именами извѣстныхъ святыхъ и съ переходящими и непереходящими праздниками.

Бессарабскіе румыны, какъ земледѣльцы, раздѣляютъ годъ (анул) на четыре періода: весну (примъварь), лѣто (варь), осень (тоамнь) и зиму (яръ). Второе изъ главныхъ дѣленій, это—дѣленіе года на посты: великій (постул мари), петровскій (постул и сфинцлор апостолій Петру ши Павъл), успенскій (постул Адорміріитъ Майчій Дѣмнулуй) и рождественскій (постул Нанчерій). Къ этому же дѣленію года на посты слѣдуетъ прибавить счетъ недѣль отъ Троицына дня и до недѣли праотцевъ (думіникъ сфинцлор стръмошь)—предпостѣдняя недѣля предъ Рождествомъ Христовымъ. Другія дѣленія будутъ указаны мною въ самомъ календарѣ.

Это дѣленіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершенно вытѣсняется обычнымъ дѣленіемъ года на мѣсяцы (луиъ), недѣли (сѣптъмѣнь), дни (дзѣуа, множ. дзѣле) и т. д. Сутки у бессарабскихъ румынъ раздѣляются на слѣдующія части: збрь—предъ разсвѣтомъ (слав. заря); рьсьрѣря—разсвѣтъ; прѣндз—полдень (собст. „завтракъ“); кѣндѣа—предъ закатомъ солнца; кынтьтѣрь—полночь (собст. „пѣвцовъ“, т. е. время, когда поютъ пѣтухи); мынекате—предъ разсвѣтомъ, около трехъ часовъ ночи (отъ а мынека—„вставать, уѣзжать“).

Располагая народный календарь въ порядкѣ современнаго календаря, слѣдуетъ прибавить, что мѣсяцы у молдованъ не имѣютъ своихъ названій, хотя въ нѣкоторыхъ старинныхъ пѣсняхъ встрѣчаются мѣсяцы съ испорченными древне-славянскими названіями или съ переводомъ этихъ названій на румынскій языкъ, напримѣръ: Ясенуль, Просинць, Іѣрбурь (собств. „травы“, очевидно, переводъ Травень) Рюинуль и т. д. Точно также до сихъ поръ употребляются славянскія порядковыя числительныя для означенія чиселъ мѣсяца, наряду съ молдовскими, количественными числительными, напримѣръ, прѣвы декабрь—1-го декабря, ла пѣти юли—5-го іюля, де ла бѣси сентѣбри—отъ 8-го сентября и т. п.

Дни недѣли.

Названія дней недѣли слѣдующія: думіишникъ — воскресенье, лунь — понедѣльникъ, марц — вторникъ, нѣркурь — среда, жѣй — четвергъ, вѣнери — пятница, сѣмбѣтъ — суббота.

Нѣкоторые дни недѣли связаны съ суевѣрїями и примѣтами.

Понедѣльникъ — самый несчастный и тяжелый день (дзѣуа гря), въ который ничего не начинаютъ, не выѣзжаютъ изъ дому и даже ничего не задумываютъ, главнымъ образомъ, не считаютъ, напр. деньги, скоть, урожай, такъ какъ дѣло окончится неуспѣхомъ. Въ понедѣльникъ ничего не пересчитываютъ (а нумѣра) потому, что изъ пересчитаннаго непременно что-нибудь пропадетъ. Въ понедѣльникъ не слѣдуетъ давать что-нибудь изъ дому: тотъ, кто дастъ въ понедѣльникъ какую-нибудь вещь, цѣлюю недѣлю будетъ только давать и не получить ничего; въ особенности ни за что не дадутъ молдоване чего-нибудь взаймы. Если въ домѣ есть грудной ребенокъ, то никому въ этотъ день не дадутъ огня (фок) или спичекъ (сѣрнішь) и овечьяго творогу (брѣндзѣ), такъ какъ у матери не будетъ молока (лапте), или же будутъ болѣть груди (цѣцый). Если кого-нибудь хотятъ разсердить, то въ понедѣльникъ начинаютъ пересчитывать какія-нибудь его вещи, пересчитываютъ громко и параспѣвъ, указывая на эти вещи пальцемъ. На это нужно отвѣтить: „лучше считай грѣхи своей матери“ (май гѣни нумѣръ пѣкатице мамій) или спросить: „а что, ты пересчиталъ уже кучи коровьяго помѣту на дворѣ?“ (ай нумѣрат балигъ ла оградѣ?) Тогда злое намѣреніе его не будетъ имѣть силы. Въ понедѣльникъ нельзя парить щелокъ (шенѣш, собств. зола) для бѣлья, такъ какъ у прачки, или женщины, стирающей бѣлье (спѣльтори), будутъ болѣть пальцы (дѣжити), а на рукахъ появятся ранки (ранѣ, бѣбѣ ла мѣинѣ). Если въ понедѣльникъ женщина обидитъ кого-нибудь или оскорбитъ, и въ отвѣтъ на это ей плюнутъ въ глаза (а стукіи ын ѳкіи) да, притомъ, о случаѣ узнаютъ, то этимъ будутъ изводить ее (а батжѣкура) до самой смерти. Въ одномъ селѣ была помѣшанная старуха, которую такъ и называли „оплѣванной въ понедѣльникъ“ (стукітъ ын лунь). Дразня ее, мальчишки всегда спрашивали: „хорошо плюнули тебѣ въ глаза въ понедѣльникъ?“

Во вторникъ нельзя мыть голову и женщинамъ, и мужчинамъ, такъ какъ дьяволъ (драку, сатанѣ, некурат) поплетъ напасть (пѣпастѣ), бѣду (невѣе, непорочіри) и т. п.

Въ среду тоже нельзя мыть голову, но это суевѣрїе относится единственно къ женщинамъ замужнимъ (фимѣя), у которыхъ можетъ умереть мужъ (бѣрбат). Поэтому, мужчины (бѣрбаць) и вдовы (вѣдѣвѣи) могутъ мыть голову, такъ какъ боятся имъ нечего.

Въ четвергъ нельзя ловить воробьевъ (вѣрагій). Это повѣрье румыны объясняютъ такимъ преданіемъ. Когда въ четвергъ Спаситель

висѣлъ на крестѣ, вокругъ Него кружились птицы и жалобно пѣли, сожалея о смерти Праведника ¹. Когда же фарисеи съ воинами подошли къ кресту для того, чтобы посмотрѣть, живъ ли Христосъ, кружившіеся надъ Нимъ воробьи кричали: „живъ, живъ!“ (віу, віу); фарисеи, не желая быть въ сомнѣніи относительно смерти Спасителя, велѣли перебить Ему голени. Съ тѣхъ поръ воробей — проклятая птица и постоянно повторяетъ тѣ слова, которыя пѣлъ у креста: „віу, віу“ (звуко-подражаніе).

Въ пятницу нельзя мыть голову, такъ какъ выпадутъ изъ головы всѣ „волосы счастья“ (періи норѳокулуй). Для того, чтобы молдавскія дѣти чесали голову каждый день, имъ передаютъ такое повѣрье. Если у человѣка есть волосъ счастья, то онъ вьется въ кольца; а для того, чтобы этотъ волосъ приносилъ счастье, его нужно всегда выпрямлять. Поэтому нужно чесаться каждый день и не разъ. Самые счастливые и веселые люди, это люди съ вьющимися волосами (крѣцу). Среди румынъ, впрочемъ, такихъ почти не встрѣчается. Къ пятницу же относятся всѣ тѣ суевѣрія, которыя относятся и къ почитанію св. Парасковіи, нареченныя Пятницей, или св. Петкѣ, и описаны въ Календарѣ ниже, подъ 14-мъ октябремъ.

Въ субботу ничего не кроютъ (а кроі) и не шьютъ, такъ какъ то лицо, которому шьютъ, можетъ скоро умереть. Одна старуха рассказывала мнѣ, какъ она въ субботу, совершенно невольно, сшила для своей дочери вмѣсто рубахи — длинный саванъ. Черезъ мѣсяць ея дочь умерла. Въ субботу послѣ обѣда (собств. послѣ вечерни) работать уже грѣшно. Поэтому въ субботу въ полдень на работѣ въ полѣ не ѣдятъ, а ѣдятъ рано утромъ и затѣмъ по возвращеніи домой вечеромъ. Такимъ образомъ выходитъ, что „послѣ обѣда“ (дѣиъ мѣсъ) они дѣйствительно не работаютъ.

М ѣ с я ц ы .

Январь.

Весь первый день новаго года пьютъ обыкновенно вино для того, чтобы весь годъ жилось легко и весело (ка съ трѣім тот анул ку букуріи). Обычное пожеланіе, которое произносятъ за каждымъ стаканомъ, такое: „(желаю) новаго здоровья и на слѣдующій годъ (встрѣтить тебя) со здоровьемъ!“ (сынътѣти нѳу ши ла ан ку сынътѣти).

¹ Этотъ мотивъ находимъ, между прочимъ, въ одной повѣсти изъ „Великаго Зеркала“ (Magnum Speculum), озаглавленной: „Иже птицы Господнимъ страдемъ состраждутъ“ и переведенной на славянскій языкъ съ польскаго (Collector Speculi, 740). П. В. Владиміровъ. Великое Зерцало. М. 1884. Изъ „Чтеній“. Приложение—второй типъ списковъ, № 31-й, стр. 61. Въ отрывкѣ „Слова о птицахъ, како стали на свѣтъ жити и вѣкъ свой провождати“, воробей говоритъ: „миѣ видно было, какъ Христа жиды распинали!“

Изъ другихъ новогоднихъ пожеланій, которыя сами по себѣ ничѣмъ не связаны съ новымъ годомъ, слѣдуетъ отмѣтить три:

I.

Сы-нфлоріць ка мѣри, ка пѣри—
Пи-ла нїялок ди вѣрїй!

„Цвѣтите, какъ яблони, какъ груши¹ — въ срединѣ лѣта“.

II.

Съ дей, Доамни, тот ди гини,
Сынътати ши букурїи,
Мульць ань,
Плин сак ди бань
Ши моарти-н жидань.

„Дай, Господи, всего хорошаго! Здоровья и веселья, много лѣтъ (жизни), полный мѣшокъ денегъ и смерть среди евреевъ!“

III.

Обращаясь къ Богу съ молитвой, румыны говорятъ:

Доамни, мила та сы шиї
Ын жин ши ын букурїй.

„Господи, да будетъ милость Твоя въ винѣ и весельѣ!“

Днемъ на Новый годъ, преимущественно утромъ послѣ обѣдни, ходятъ съ поздравленіями. Ходятъ обыкновенно мальчики или парни-подростки, собираясь въ группы по 3—8 человекъ. У каждаго колядующаго (колиндетѣр) въ рукахъ—длинная палка (2—3 аршина); къ ея концу привязывается небольшая полочка (поль аршина) подъ косымъ угломъ. Это должно изображать „плугъ“ (плуг). Ставъ въ рядъ передъ окнами какой-нибудь хаты, мальчики начинаютъ показывать „плугамъ“, изображая этимъ „паханье“. Одинъ изъ мальчиковъ говоритъ поздравленіе, а остальные припѣваютъ или подхватываютъ крикомъ конецъ каждой строфы поздравленія. Тотъ, кто говоритъ поздравленіе, называется „молодцомъ“ (войникъ); на его долю достается и самая большая часть выручки. Обыкновенно поздравителямъ даютъ деньги (бань; копейши—„копейки“) или баранки, называемыя здѣсь въ Бессарабіи бубликами, по-молдавски—„ковригами“ (множ. коврийъ)².

¹ Пери—лучшій сортъ грушъ; обыкновенный сортъ называется прѣсади.

² Коврига—древне-русское слово. „На единомъ ковризѣ дати по полтына“. Псковск. Лѣтопись. 54.

Одно изъ самыхъ распространенныхъ новогоднихъ поздравленій:

1. Скулаць, скулаць, бойёръ марь,
Ши скулаць ши служили,
Ши дискидиць поарцыли,
Ши априндиць фъкльицели,
5. Ши мьтураць курцыли.
Ну-въ винім к-ун рьу:
Въ адушём ши Думнезъу,
Митптел ши ынфъшищел;
Фашъ-албъ ди мьтасъ.
10. Ку кикя ди ушиник.
Ести-н кятры пьстрьнатъ,
Ди куринди луми тоатъ!

„Вставайте, вставайте, великіе бояре, вставайте и слуги, отворайте ворота, зажигайте факелы и метите палаты! Не приходимъ мы къ вамъ со зломъ: мы приносимъ вамъ Бога—маленькаго и спелена-таго: пелена — бѣлая изъ шелку, чепчикъ—бархатный. Есть у насъ пестрый камень, освѣщающій весь міръ“¹.

Другое поздравленіе, также весьма распространенное по крайней мѣрѣ въ Кишиневскомъ уѣздѣ, носитъ названіе „Флоариле далбе“, такъ какъ за каждымъ стихомъ нараспѣвъ повторяются всѣмъ хоромъ мальчиковъ эти слова „флоариле далбе“. Это поздравленіе приводится мною въ одной изъ лучшихъ записей:

1. Скулаць, скулаць, бойёръ марь,
Скулаць вой, румынь-пругарь,
Къ въ вин колиндѣторь
Ноаптя де ла кынтѣторь,
5. Ши въ-дѣк пе Думнезъу,
Съ въ-мынтуѣ ди рѣу,
Пе Думнезъу нбу-нѣскѣт,
Ку флорь ди крин ыивѣскѣт,
Думнезъу адивѣрат,
10. Соаре-н разе луминат.
Скулаць, скулаць, бойёръ марь,
Скулаць вой, румынь-пругарь,
Къ ши чер с-о арѣтат
Уи лучихер д-имѣрат,
15. Стя коматъ стрѣлучитъ,
Пинтру фиричиръ мишиць.

¹ Русскій переводъ, безъ молдавскаго текста, одного поздравленія, весьма близкаго къ приведенному, напечатанъ А. Зашукомъ въ „Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи. Бессарабская область“, т. I, стр. 484.

- Якъ лѹмя к-ынфлорешти,
 Пъмѣнтул к-ынтынерешти,
 Кынт пи лѹнкъ туртурели,
 20. Ля фирястры рындунели
 Шь-ун порѹмб фрумос лейт
 Де спр-апѹс о венѣт.
 Флоари далбъ о-адѹс
 Ши ла къпътый ус-о пус,
 25. Ел въ зѣче съ трѣйиць,
 Бѣнтре мѹлць анъ феричиць
 Ши ка поамѣи с-ыфлорѣиць
 Ши, ка ей, с-ынбѣтрѣиць.

„Вставайте, вставайте, великіе бояре! Вставайте вы, румыны-пахари; вѣдь къ вамъ идутъ колядовать ночью, когда поютъ пѣ-тухи, и приносятъ вамъ Бога, для того, чтобы Онъ спасъ васъ отъ зла, Бога новорожденного, украшеннаго цвѣтами лилій, Бога истиннаго, солище, свѣтящееся своѣми лучами. Вставайте, вставайте, великіе бояре! Вставайте вы, румыны-пахари; вѣдь на небѣ показалась утренняя царская звѣзда, звѣзда хвостатая и свѣтлая, созданная для счастья. Вотъ, разсвѣтаетъ мѣръ, оживаетъ (молодѣетъ) земля! Въ рождѣ поютъ голубицы, на окнѣ—ласточки и голубъ красивый, какъ будто прилетѣлъ онъ съ запада. Принесъ онъ бѣлые цвѣты, положилъ ихъ себѣ на голову. Онъ желаетъ (говоритъ) вамъ долго жить, на много счастливыхъ лѣтъ, цвѣсти, какъ виноградъ, и состариться, какъ они“¹.

Въ Бессарабіи эту пѣсню поютъ на Новый годъ — по крайней мѣрѣ, въ Кишиневскомъ уѣздѣ, — несмотря на то, что и по смыслу она скорѣе должна пѣться на Рождество или подъ Рождество, такъ какъ главная мысль въ ней — возрожденіе природы съ рожденіемъ Спасителя.

Нѣкоторыя поздравленія характерны шутливымъ тономъ, напри-мѣръ; слѣдующее:

1. Скоаль, бадя, ну дорні;
 Къ ну-й время ди дорніт,
 Да-й время ди арат
 Ла кымпу курат

¹ Насколько это поздравленіе распространено, свидѣтельствуеетъ запись румынскаго поэта Василя Александри. Несмотря на то, что запись сдѣлана въ самой Румыніи и передана не фонетически, обѣ записи почти вполне схожи. Въ данномъ случаѣ настоящая запись тѣмъ цѣннѣе, что сдѣлана возможно фонетически. Въ примѣчаніяхъ къ этому новогоднему поздравленію, В. Александри говоритъ, что „коляда“ (colindă) поется наканунѣ Рождества, и что поюшіе ее держатъ образъ Рождества Христова. „Тогда же,—прибавляетъ онъ,—ходятъ и со звѣздой, большой звѣздой, склеенной изъ бумаги и освѣщенной изнутри“.
 V. Alexandri. Poesii populare, стр. 132.

5. Ла мъръ тротат.
Ашъ Думнезбу о лъсать!—
— Скоати колаку,
Кы мъ не драку!
Кыте кетришели ын фънтѣнъ,
10. Атыте оале ку смънтѣнъ!
Скоати копѣркуцы,
Къ съ усукъ пунгулица!

„Вставай, братецъ (старший братъ), не спи; вѣдь не время спать, а время пахать въ чистомъ полѣ, у большой яблони. Такъ назначилъ Богъ!—Вынь калачъ, а то меня возьметъ чортъ! Сколько камешковъ въ колодецъ, столько (дай миѣ) горшковъ со сметаной! Вынь копеечку, а то (у меня) высохнетъ (т. е. опустѣетъ) кисеть!“

Вторая половина этого шутиваго поздравленія весьма напоминаетъ, по характеру своему, одну малороссійскую „щедрѣвку“, записанную въ Хотинскомъ уѣздѣ:

„Дайте ковбасу,
Бо хату разнесу!
Дайте кнышь,
Бо впустию в хату мышъ!
Дайте колача,
Бо впустию рогача (жука)!“

Говорятъ еще разныя куплеты, которые къ Новому году не имѣютъ никакого отношенія, а сами по себѣ мало характерны. Это, навѣрное, тѣ „куплеты“, которые А. Защукъ называетъ „легендами“ (!) и говоритъ, что войникъ „декламируетъ страшную чепуху (?) чрезвычайно быстро, отчетливо и безъ запинки“ („Матеріалы“, т. I, стр. 485); но текстовъ не приводитъ.

Для характеристики ихъ можно привести одинъ изъ такихъ куплетовъ:

1. Дар мораріу,
Мештер бун,
Ку окій стекліцій,
Ку дѣншіи рѣняціцій,
5. О фъ-кѣт: „шѣк-бокъ“
ПГѣ дат моаръ ла лок.
• Мънаць, бойецѣй, гѣй-гѣй!..

„А мельникъ, мастеръ хорошій, со стеклянными глазами, съ оскаленными зубами, сдѣлать: „шѣкъ-бокъ“ и поставилъ мельницу на мѣсто. Ну-ка ¹, ребята, гей-гей!“

¹ Мънаць, собственно означаетъ—„гоните“, затѣмъ „жарьте, дуйте“ и т. п.

Всѣ эти поздравленія произносятся во дворѣ, передъ окнами хаты и непременно съ плугами въ рукахъ, отчего и самое поздравленіе называется иногда „плугъриѣт“.

Есть еще другой родъ поздравленій, а именно, посѣванье (сѣмъ-нат). Мальчики входятъ въ комнату и осыпаютъ хозяина или хозяйку дома зернами пшеницы или ржи (кукурузой—не принято), при этомъ говорятъ привѣтствія и пожеланія, обыкновенно чисто-хозяйственныя, вродѣ такого: „да дастъ Господь всякаго богатства, много хлѣба и кистей винограда, воловъ и коровъ“ (сы дѣе Думнезѣу тоатъ богаціи, мулт пѣни ши стругуръ ди поамъ, бой ши вашъ).

Другія пожеланія относятся къ урожаю винограда:

Сы дей, Доамни, а-тыт ди стругуръ,
Ка ла дялу-бѣлгъръ!

„Дай, Господи, столько гроздьевъ (винограду), сколько въ полѣ—земляныхъ глыбъ,“—

или къ общему крестьянскому довольству:

Сы дей, Доамни,
Полобок ди жин,
Каръ ку фын,
Дой бой грашь
Таръ, кльпонашъ,
Вашъ льптоасе,
Копкій фрумоасе!..

„Дай, Господи, бочку вина, возъ сѣна, двухъ жирныхъ воловъ, сильныхъ, охолощенныхъ, дойныхъ коровъ, красивыхъ дѣтей!“

Днемъ же на Новый годъ обыкновенно гадаютъ относительно урожая наступающаго лѣта. Изъ печи вынимаютъ нѣсколько угольковъ, раскладываютъ ихъ на черепкѣ разбитой миски и прикрываютъ кускомъ жести. На жестъ кладутъ по нѣсколько зеренъ разнаго хлѣба. Скоро зерна истѣвуютъ. Тогда смотрятъ: если зерно, напримѣръ, пшеницы, только высохло или все обратилось въ пепель и не потеряло своей формы, то урожай пшеницы будетъ хорошій; если же зерно сгорѣло цѣликомъ или разсыпалось, то урожай будетъ плохой.

Другимъ способомъ можно узнать, какой мѣсяць будетъ счастливый для урожая, т. е. въ какой мѣсяць нужно сѣять, собирать или продавать хлѣбъ. Для этого нужна луковница. Отъ нея отдѣляютъ одинъ за другимъ слои, изъ которыхъ она состоитъ („ризки“, „кожухи“, „тулуны“, рум. кожущъ). Двѣнадцать такихъ „кожуховъ“ кладутъ въ рядъ и начпаютъ по очереди каждый изъ нихъ посыпать солью. На которомъ изъ нихъ по счету отъ лѣвой руки будетъ вода, тотъ по порядку мѣсяць, соответствующій луковницѣ, будетъ болѣе счастливый. Старуха передавала миѣ, что ни одинъ „кожухъ“ не вы-

пустилъ воды, когда гадали на Новый годъ одного неурожайнаго года. Это же замѣтили и всѣ крестьяне цѣлой деревни, гадавшіе въ этотъ день ¹.

На Новый годъ вывѣшиваютъ на воздухъ вещи, главнымъ образомъ, шубы и ковры, чтобы ихъ не ѣла моль. Если почему-нибудь нельзя вывѣспть вещи эти на дворѣ, то ихъ, по крайней мѣрѣ, вывѣшиваютъ въ комнатѣ или же только перекадываютъ съ мѣста на мѣсто.

Третье января—день св. пророка Малахіи. Ему молятся объ исцѣленіи больныхъ черною (?) болѣзнью, головной боли, а также—лихорадки (фригур), хотя въ молдавскихъ заговорахъ противъ лихорадки имя пророка Малахіи, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается.

Пятый день—канунъ Крещенья. Цѣлый день продолжается постъ, а обѣдаютъ только вечеромъ. Этотъ вечерній обѣдъ носитъ названіе цѣлаго дня, т. е. „Кануна крещенья“ (Ажѳн ди Ботѣзы). Съ утра ждуть священника съ причтомъ и святой водой. До прихода священника насыпаютъ на столъ слой отрубей (тѣриць) и накрываютъ сверху скатертью. Священникъ окропляетъ столъ св. водой и, освящая такимъ образомъ и отруби, которыя даютъ затѣмъ коровамъ и воламъ, чтобы не болѣли цѣлый годъ ². Послѣ краткаго моленія, священникъ долженъ хотъ немного посидѣть въ каждой хатѣ. Это нужно для того, чтобы у хозяйки побольше было куръ-насъдокъ. Если священникъ сейчасъ же уйдетъ, то цыплятъ будетъ мало, или же на нихъ будетъ моръ наступающей же весной. Поэтому, когда и въ другое время гость сидитъ очень мало, ему говорятъ, что онъ посидѣлъ, „какъ священникъ у бобыля“: священнику нечего сидѣть въ канунъ крещенія у бобыля, у котораго нѣтъ хозяйства.

Освященная въ этотъ день вода никогда не портится. По уходѣ священника ею сами крестьяне окропляютъ хлѣвъ (пойтъ), кошь съ кукурузой (сусуяк), повозку (каруць), сани (саніе) и т. д.

Послѣ ухода священника, на дверяхъ съ внутренней стороны, т. е. изъ хаты, чертятъ углемъ крестъ съ четырьмя значками по угламъ. Объясненіе этого обычая мнѣ неизвѣстно. Точно также безъ объясненія сообщено было какое-то повѣрье, совсѣмъ утратившее теперь свой смыслъ. А именно, псаломщикъ носитъ съ собой вѣлну (шерсть, рум. вѣлнѣ) и даетъ всѣмъ женщинамъ по клочку, который онѣ вплетаютъ себѣ въ косы ³.

Шестой день—Крещенье. Въ ночь на Крещенье, приблизительно

¹ Такое же гаданье существуетъ и у сербовъ. По влажности каждаго „кожуха“ судятъ о влажности даннаго мѣсяца (зимніе мѣсяцы должны быть снѣжные). Затѣмъ у сербовъ насыпаютъ солью съ ночи, а смотрятъ утромъ.

² У болгаръ существуетъ такое же повѣрье.

³ У сербовъ существуетъ подобный же обычай, но съ большими подробностями и сопровождающийся—при обмываніи шерсти въ водѣ—пѣсями.

отъ 12-ти до 2-хъ часовъ, по повѣрью румынъ Бессарабіи, открываются небеса. Если кому-нибудь удастся увидѣть, какъ откроется небо, то онъ можетъ просить Бога всего, чего ни захочетъ: все ему будетъ дано сейчасъ же. Говорятъ, охотниковъ такихъ находилось немало, но они не видѣли открытыхъ небесъ потому, что чортъ имъ мѣшалъ, иной разъ пустяками. У одного, напримѣръ, мужика въ этотъ самый моментъ зачесалось въ носу, и онъ чихнулъ какъ разъ тогда, когда открылись небеса ¹.

По словамъ одной молдавской сказки, въ день Крещенья—большой праздникъ и въ раю: вновь расцвѣтаютъ цвѣты, созрѣваютъ золотыя яблоки, а вся вода райскихъ рѣкъ превращается въ вино.

Въ нѣкоторыхъ селахъ, расположенныхъ по берегамъ Днѣстра или Прута, освящаютъ воду „на Иордани“, т. е. въ проруби, куда иногда бросаются парни. Въ остальныхъ селахъ воду освящаютъ у колодца, хозяинъ котораго особо платитъ священнику. Въ продолженіи всего года вода изъ этого колодца считается святою: ее не даютъ пить скотинѣ и не бѣлятъ въ ней холста; ею очищаютъ оскверненную посуду и даже колодцы. Поэтому и хозяинъ такого колодца пріобрѣтаетъ въ глазахъ сельчанъ извѣстное уваженіе. Освященную въ бочкахъ или въ рѣкѣ воду хранятъ въ стеклянкахъ вмѣстѣ съ вѣтками василька и ею лѣчатъ слабыхъ дѣтей, наливая въ ухо, когда въ немъ „стрѣляетъ“, окропляютъ фруктовыя деревья отъ гусеницъ и виноградныя кусты отъ филлоксеры и мильдіу.

Цѣлую недѣлю послѣ Крещенья (6—12 января) совсѣмъ нельзя стирать, такъ какъ, по повѣрью молдованъ, всюду и всякая вода въ продолженіи этой недѣли—священна. Если кто-нибудь станетъ стирать, то или бѣлье станетъ рваться и гнить, или у стиравшей появятся на рукахъ нарывы.

18—день св. Аванасія (сфѣнтул Тънаѣ)—пастушескій праздникъ (сърбьтоари ди шебанъ) ².

Въ этотъ же день гадаютъ о погодѣ, объ общемъ состояніи ея для каждаго времени года, по цвѣту неба во время солнечнаго заката ³.

Февраль.

1—св. мч. Трифона. Приглашаютъ священника и освящаютъ воду и сѣмена для весеннихъ посѣвовъ. Нѣкоторые крестьяне окропляютъ этой водой свои поля, сада и виноградники для того, чтобы съ нихъ

¹ У сербовъ такое же повѣрье. У болгаръ—то же.

² У болгаръ—тоже; у сербовъ—пастухи постятся семь дней св. Саввѣ, чтобы волки не рѣзали овецъ.

³ У болгаръ,—если погода хорошая, то весна начнется рано. У сербовъ гадаютъ о погодѣ по дню св. Трифона.

хорошо сходили снѣга,—сходили бы невдругъ и не долго бы лежали, и чтобы солнце не стало грѣть сразу и сильно ¹.

2—Срѣтенъе Господне. Въ этотъ день, говорятъ, зима встрѣчается съ лѣтомъ, и уже можетъ быть громъ, вообще—гроза ².

На литургіи стоятъ со свѣчами. Во время сильной грозы ихъ зажигаютъ у себя дома передъ образами.

Водой, набранной по утру изъ родника, кропятъ больныхъ: сглаженныхъ, бѣсноватыхъ, порченныхъ. Если эту воду освятить въ церкви, то она очень помогаетъ отъ болѣзни глазъ.

Послѣ обѣдни, въ церкви освящаютъ восковыя свѣчи, которыя дарятъ другъ другу, со словами: „пінтру снѣгѣтати!“, т. е. „для здоровья“ (а не за умершихъ), какъ обыкновенно дѣлается при раздачѣ свѣчь.

3—св. Симеона Богопріимца (Сынѣну Пъзѣторю). Ему молятся и служатъ молебны во время болѣзни грудныхъ дѣтей ³.

5—св. Агафіи. Освящаютъ у себя на дому хлѣбы. Подъ хлѣбы стараются, незамѣтно для священника, положить соли. Освященная вмѣстѣ съ хлѣбомъ соль дается коровамъ, чтобы не болѣли и давали побольше молока. Эта соль помогаетъ и людямъ во время внутреннихъ, преимущественно желудочныхъ, болѣзней ⁴.

17—св. Θεодора Тирона (сф. Тоадор). Ему молятся, когда ищутъ неизвѣстнаго вора, и рассказовъ на эту тему у молдованъ очень много ⁵.

Дѣвушки моютъ себѣ голову и, заплетая косы, поютъ хоромъ, чтобы волосы росли, не выпадали бы:

Тоадоре сфинту!
Дѣ косіць фѣтильорь,
Кум кодіць пепильорь:
Фатъ ын—сус,
Коадъ ын—жес,
Фатъ ка сѣрмъ,
Коадъ ка бѣрнъ.

„Святой Θεодоръ, дай дѣвушкамъ косу, какъ у зайцевъ хвостикъ: дѣвушка (пусть растеть) вверхъ, а хвостъ (т. е. коса)—внизъ (пусть удлиняется), дѣвушка—(пусть будетъ) какъ проволока (т. е. тонкая), коса—какъ бревно (т. е. толстая)“.

¹ У болгаръ—срѣзываютъ лозу и обливаютъ ее виномъ.

² У великороссовъ—„Громница“, у поляковъ—„Марья-громница“, у болгаръ и сербовъ—тоже.

³ У великороссовъ Симеонъ—хранитель младенцевъ.

⁴ У великороссовъ—по селамъ бѣгаетъ „корова смерти“.

⁵ У великороссовъ—молятся объ обрѣтении украденнаго.

М а р т ь .

Первое марта не празднуется совсѣмъ, но съ первымъ днемъ мартовскаго новолунія связаны слѣдующіе два обряда:

I. Старухи перевязываютъ лѣвую руку, ногу и шею, преимущественно дѣтямъ, бѣлой и красной нитками, сплетая ихъ жгутомъ. Это дѣлаютъ для того, чтобы цѣлый годъ не болѣть, а повязку, называемую „мартушбр“¹, носятъ цѣлый мѣсяць².

II. Тщательно метутъ всѣ комнаты и на заваленкѣ (пріспѣ) для того, чтобы цѣлый годъ не было блохъ (ѹришь) и прусаковъ (гын-дашъ — общее названіе для жуковъ. Гындак — собственно значить навозный жукъ). Метутъ и приговариваютъ: „мартъ—въ домъ, блохи вонъ!“ (март ѹн касъ, пѹришь афъръ).

9—Сорока мучениковъ. Пахать можно только съ этого дня: раньше грѣшно: рассказываютъ по этому поводу много случаевъ³.

Если въ домѣ есть дѣти, то родители заставляютъ каждого изъ нихъ положить предъ иконами 44 поклона: по объясненію старухъ, 40 поклоновъ—каждому изъ 40 мучениковъ, а 4 за родныхъ и близкихъ. За обѣдомъ пьютъ красное вино для того, чтобы „набраться крови“ (симв. красное вино) на цѣлый годъ. Кто выпьетъ 44 стакана вина, тотъ считается „молодцомъ“ цѣлый годъ и во всемъ будетъ имѣть успѣхъ⁴.

Пекутъ 40 птичекъ (пуй), но „жаворонками“ (журжен) ихъ въ Бессарабіи не называютъ⁵.

17—Алексія Человѣка Божія. Бессарабскіе румыны называютъ день этотъ Аликсій Калду, т. е. „Алексѣемъ Теплымъ“. Въ этотъ день вылѣзаютъ изъ земли змѣи (шѣрпій), ящерицы (шѣкѣрли) и жабы (броашти). Для того, чтобы змѣи не влѣзли какъ-нибудь въ домъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ вокругъ дома разводятъ вечеромъ въ этотъ день костры⁶.

Праздникъ рыболововъ (сѣрбѣтоари пескарилор). Для того, чтобы въ продолженіи цѣлаго года у рыболововъ хорошо ловилась рыба,

¹ Очевидно, это названіе происходитъ отъ названія марта мѣсяца, но нѣкоторые видятъ въ немъ связь съ римско-католическимъ словомъ martus—свидѣтель, и надѣвая перевязку, говорятъ, что она служитъ свидѣтелемъ въ томъ, что данный человѣкъ не будетъ цѣлый годъ болѣть. Конечно, такое объясненіе—чисто случайное.

² У болгаръ—дѣвушки гадаютъ о замужествѣ по красной ниткѣ.

³ У болгаръ—начинается лѣто. У великороссовъ—„куликъ принесъ весну“. У поляковъ, бѣлороссовъ и малороссовъ — начало весны.

⁴ У болгаръ пьютъ 40 чашъ вина въ честь 40 мучениковъ.

⁵ У болгаръ пекутъ круглый хлѣбъ „кравайче“.

⁶ У великороссовъ и малороссовъ—„Алексѣй Теплый“. У болгаръ—на Благовѣщеніе змѣи вылѣзаютъ. У сербовъ—змѣю, вылѣзшую въ Благовѣщеніе, слѣдуетъ убить.

въ этотъ день слѣдуетъ поймать маленькую рыбку (пешти мѣкъ) и проглотить ее живою, не жуя ¹.

25—Благовѣщеніе („Бѣнь Вестіри“). Этотъ день необыкновенно читается румынами и, по значенію своему, считается наравнѣ съ Пасхой. Поэтому не работаютъ совсѣмъ; даже обѣдъ варятъ наканунѣ. Наканунѣ же Благовѣщенія жгутъ передъ домомъ коровій навозъ (балигъ ди вашъ) для того, чтобы родителямъ и предкамъ вообще было бы теплѣе на томъ свѣтѣ ².

Вѣроятно, это повѣрье вытекаетъ изъ другого, а именно, что весь этотъ день грѣшники не горятъ въ аду, а отдыхаютъ въ холодной водѣ: послѣднее повѣрье основано на свидѣтельствѣ „Хожденія Богородицы по мукамъ“, весьма распространеннаго среди молдованъ въ спискахъ на румынскомъ и славянскомъ языкахъ.

По другому повѣрью, день Благовѣщенія данъ умершимъ для того, чтобы они могли сходить на землю къ своимъ роднымъ. Поэтому въ этотъ день встаютъ какъ можно раньше и затапливаютъ печи, чтобы мертвые погрѣлись, и совершаются поминки.

Интересно еще и то, что читается не только самый день Благовѣщенія, но въ продолженіи всего года и тотъ день, въ который пришлось Благовѣщеніе. Насколько эти дни празднуются, мнѣ неизвѣстно: во всякомъ случаѣ, въ нихъ нельзя ни пахать, ни сѣять, такъ какъ будетъ плохой урожай. Здѣсь кстати привести одну примѣту. Когда крестьянинъ сѣетъ, и за нимъ идутъ по бороздѣ птицы, то наблюдаютъ: если идутъ за нимъ одни только вороны, то урожай будетъ хорошей; если къ воронамъ присоединятся еще другія какія нибудь птицы (точно неизвѣстно), урожай ожидается плохой ³.

Благовѣщенскую просвиру сушатъ, толкутъ на чистой дощечкѣ и смѣшиваютъ съ сѣменами. Передъ выѣздомъ на первую пахоту ее сѣдаютъ. Эту же просвиру крошатъ и кладутъ въ воду, которую даютъ пчеламъ, когда выпускаютъ послѣ зимовки изъ погребовъ, или когда пчелы мрутъ цѣлыми роями.

Изъ-за моря (дин вѣрѣи) прилетаютъ птицы (конечно, нѣкоторыя, такъ какъ многія уже прелетѣли раньше), а тѣ птицы, которыя прилетѣли, гнѣздъ не вьютъ и не несутъ яицъ ⁴. Тѣ яйца, которыя несутъ въ этотъ день домашнія птицы, не кладутъ подъ насѣдокъ, такъ какъ выводки будутъ калѣки или уроды ⁵.

¹ У великороссовъ и малороссовъ—просыпается рыба, „рыба со стану“. У малороссовъ—щука пробиваетъ хвостомъ ледь.

² У великороссовъ (Курской губ.)—сжигаютъ навозъ среди двора, по тому же повѣрью.

³ Такой же обычай наблюдается и у сербовъ, но только при паханьи.

⁴ Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ селахъ (Хотинскаго уѣзда) выпускаютъ изъ клѣтокъ птицъ. Въ другихъ мѣстахъ этотъ обычай не наблюдается, такъ какъ птицъ не ловятъ и не сажаютъ въ клѣтки (конечно, въ селахъ).

⁵ У великороссовъ и всѣхъ славянъ—птица гнѣзда не вьетъ.

Для того, чтобы избавиться отъ веснушекъ (кистурбѣ), поступаютъ такъ. Съ утра въ этотъ день носятъ въ карманѣ горсть земли. Когда увидятъ первую ласточку (рѣндунѣкъ), то бросаютъ землю вверхъ. Если земля разсыпется, то печезнутъ и всѣ веснушки. На это повѣрье, несомѣнно, вліяло народное „химическое“ средство отъ веснушекъ, весьма распространенное среди румынскихъ дѣвушекъ, а именно—пометь ласточекъ, смѣшанный съ уксуомъ, или вообще съ чѣмъ-нибудь кислымъ.

30—св. Іоанна Лѣствичника (сфѣнтул Іон Скърарѣул). Изъ тѣста пекутъ „лѣствници“, а чаще всего—просто 30 (по числу ступеней „Лѣствницы“) небольшихъ хлѣбовъ или калачей. Ихъ раздаютъ бѣднымъ для „поманы“ за души умершихъ и для прощенія собственныхъ грѣховъ, чтобы легче можно было взобраться на небо ¹.

Въ мартѣ, обыкновенно въ началѣ мѣсяца, бываетъ первая весенняя гроза. Когда молдованинъ первый разъ въ году услышитъ громъ, то ударяетъ себя по головѣ кулакомъ и говоритъ: „пусть будетъ голова моя крѣпка, какъ желѣзо“.

Въ мартѣ же, по утрамъ и по вечерамъ, парни играютъ на „бушюм'ахъ“. Это—длинная, около сажени, бузинная трубка, дающая громкій и рѣзкій звукъ. Игрой на „бушюмѣ“ они отгоняютъ отъ своего села всякую повальную болѣзнь (боалъ). Боалъ—собственно, „эпидемія“, затѣмъ—„смерть“. Но слова эти румынъ понимаетъ не какъ отвлеченныя понятія, а какъ живыя существа, олицетворенія, воплощенія Эпидеміи и Смерти.

А п р ѣ л ь .

23—Юрєвъ день („сфѣнтул Дѣрди“). Св. Георгій—весьма почитаемый святой, и имя его особенно распространено въ Бессарабіи. Съ этого дня въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинается новый контрактный годъ (до 26-го ноября).

Наканунѣ собираютъ въ горшочекъ росу съ листьевъ и травъ для того, чтобы ею промывать глаза. Промытые такой росой глаза не должны болѣть цѣлый годъ.

Чтобы увидѣть во снѣ своего суженаго, дѣвушки кладутъ себѣ подъ подушку кусокъ хлѣба, или мамалыги, и маленькое зеркальце ².

Въ эту же ночь дѣвушки срѣзываютъ виноградную лозу (?) выжимаютъ изъ нея сокъ и мажутъ имъ косы, чтобы росли подлиннѣе ³.

День св. Георгія—пастушескій праздникъ (сърбѣтоари ди шѣбань), такъ какъ св. Георгій считается покровителемъ скота (пѣзѣтор

¹ У великороссовъ—пекутъ пироги, называемые „лѣствницами“.

² У сербовъ—то же самое, нѣсколько сложнѣе.

³ У сербовъ—точно такое же повѣрье.

ди добиток) ¹. Рано утромъ выгоняють стадо въ поле, провожая его большой толпой. Теперь провожаютъ стадо одни ребята, а прежде, говорятъ, провожала вся деревня съ пѣснями, музыкой и танцами. Привы и чолки лошадей, рога коровъ и воловъ украшали разноцвѣтными лентами и цвѣтами. Теперь въ немногихъ только селахъ служатъ на полѣ молебень и окропляютъ стадо святой водой. Въ этотъ же день пастуховъ угощаютъ виномъ, и они вполне отдыхаютъ, хотя и находятся при стадѣ, такъ какъ самъ св. Георгій на своемъ бѣломъ конѣ (пи кал ѡлбу) пасеть стадо и охраняетъ его отъ волковъ. Многие пастухи рассказываютъ, что они видѣли всадника на бѣломъ конѣ и съ копьемъ, который то исчезалъ, то снова показывался. Одинъ пастухъ, возвращаясь въ село поздно вечеромъ въ этотъ день, нашелъ на опушкѣ лѣса у самаго стада свѣжій трупъ волка, проколотый копьемъ. Пастухъ былъ увѣренъ, что это—дѣло св. Георгія.

Наканунѣ грѣшно работать что-нибудь изъ шерсти, такъ какъ овцы опаршивѣють (ар сы ши ранъ).

Чтобы волки не могли унести овцу, накануне Георгіева дня перевязываютъ пилкою ножницы, которыми стригутъ овецъ. Ножницы оставляютъ цѣлый день перевязанными; вмѣстѣ съ ножницами, по повѣрью, хозяева „завязываютъ“ какъ бы пасть волку. Если же волкъ все-таки унесетъ овцу изъ стада, то говорятъ, что „навѣрное, самъ св. Георгій такъ назначилъ въ свой день“ (матинкъ сѣнгур сѣнтул Дѣрди ашъ о пус ын дѣуа дуй) ².

Въ этотъ день хозяйки тщательно берегутъ своихъ коровъ, чтобы ихъ не могли выдоить вѣдьмы, которыя превращаются въ самые разнообразныя предметы, чтобы подойти къ коровамъ. Для того, чтобы вѣдьмы не могли выдаивать коровъ, этихъ послѣднихъ выгоняють въ поле утромъ же, до церкви ихъ не доятъ, а доятъ только послѣ обѣдни. Вотъ рассказъ одной старухи, въ русскомъ только переводѣ, о томъ, какъ вѣдьма доила ея корову: „Выдоила я корову утромъ, выгнать въ поле мнѣ некогда было, да кромѣ того корова болѣла ногами. За это разгнѣвался на меня св. Георгій и послалъ вѣдьму. Вышла я передъ вечеромъ, было довольно еще свѣтло, вижу: крадется подъ заборомъ старуха, простите меня, совсемъ голая, съ распущенными волосами и съ суковатой палкой. Только увидела меня,—пѣтъ ужъ ея. Подхожу къ тому мѣсту, гдѣ ее видѣла,—на землѣ огромная куча коровьяго помета. Пошла я въ сарай, гдѣ стояла корова, и скры-

¹ Добитокъ—старое славянское слово. Съ тѣмъ же значеніемъ оно существуетъ у сербовъ и у болгаръ въ современномъ языкѣ и существовало въ старинномъ русскомъ языкѣ, напримѣръ: „много добитка добыша молитвами благовѣрныхъ князей“. Псковск. Лѣтоп. стр. 76. Существованіе его въ современномъ народномъ языкѣ бессарабскихъ румынъ весьма интересно.

² У великороссовъ—„что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ“.

лась за сѣномъ. Вскорѣ слышу чей-то голосъ, мѣрно говоритъ: „час, час, час!“ (такъ успокаиваютъ корову, когда ее доятъ). Присматриваюсь: возлѣ коровы на корточкахъ сидитъ эта самая вѣдьма, подѣ коровой—дойница, а молоко само изъ всѣхъ четырехъ сосковъ льется въ нее. Испугалась я крѣпко, на другой день зажгла лампаду предѣ св. Георгіемъ—и вѣдьма перестала ходить“.

Коровъ высасываютъ еще и лягушки ¹, особой породы—огромныя и необыкновенно безобразныя; ротъ у нихъ—совсѣмъ, какъ у телъ. Если ее испугать, когда она сосетъ корову, то она можетъ откусить ей вымя. Если ее тогда согнать, то она бросится на человѣка, вцѣпится лапами въ лицо и вопьется на всегда; избавиться отъ нея тогда нѣтъ никакой возможности. Когда эта лягушка захочетъ ѣсть, то кусаетъ человѣка въ губы и за языкъ ². Въ дѣтствѣ мнѣ рассказывала старуха, что въ одномъ селѣ жила женщина съ такой жабой на лицѣ; ея лапы срослись съ тѣломъ той женщины, и вырѣзать „даже въ Кишиневѣ“ нельзя было.

Къ этому же дню приурочены еще два суевѣрія. Рано по утру нужно поймать черепаху и держать ее въ кадкѣ, откуда пьеть корова воду или помой. Корова станетъ давать больше молока и не будетъ болѣть. Интересно еще, что это средство можно наблюдать въ хозяйствѣ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ.

Второе суевѣріе относится къ тому же. Наканунѣ Георгіева дня хозяйка, выходя на встрѣчу коровамъ, вырѣзываетъ на полѣ кругъ изъ дерна, по величинѣ дна своей дойницы. На этотъ кругъ ставитъ дойницу и не снимаетъ съ него цѣлый день. Такіе-же круги изъ дерна кладутъ въ этотъ день и на столбы у воротъ. Въ эти круги втыкаютъ по вѣткѣ вербы. Это дѣлаютъ для того, чтобы отгонять вѣдьмъ (вѣштицъ) отъ коровъ и вообще отъ всего дома.

Старики рассказываютъ, что прежде, еще „во времена турокъ“, встрѣчали утреннюю зарю пальбой изъ пистолетовъ—просто для того, чтобы люди были здоровѣе. Теперь этотъ обычай не замѣчается ³.

М а й.

1—прор. Іереміи. Этотъ праздникъ называется „Ирміндиш“. Плуги и бороны окропляютъ богоявленской водой. Интересно то, что поля въ это время давно уже вспаханы: слѣдовательно, обычай скорѣе всего слѣдуетъ считать, если не заимствованнымъ цѣликомъ, то во

¹ Судя по названію, которое даютъ такой лягушкѣ (броской), слѣдуетъ считать ее скорѣе какимъ-то духомъ, такъ какъ лягушка по румынски—броаскъ, а окончаніе ой имѣютъ и другіе духи, напримѣръ, Бордой, Стригой, Урсой и др.

² Въ одной румынской сказкѣ злая царевна за непослушаніе матери своей наказана такой же лягушкой, которая вцѣпилась ей въ лицо.

³ У сербовъ—стрѣляютъ, чтобы стало было здоровое, „као тресак“.

всякомъ случаѣ приуроченнымъ къ данному дню искусственно, быть можетъ, подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ ¹.

Пьютъ вино (виноградное), настоенное на полыни (пеліи); вѣтки полыни прячутъ за поясъ и за пазуху, чтобы русалки не защекотали во время ночного купанья. Это повѣрье относится собственно ко дню св. Троицы, а къ первому маю приурочено, повидимому, только въ нѣкоторыхъ селахъ ².

Въ этотъ день имѣютъ особую силу заговоры змѣй ³.

8—св. Іоанна Богослова („Іон Богослову“). Праздникъ считается большимъ. Собирается лопухъ (брустуръ) и черныбыль, т. е. конскій полынь (пеліи калулуй), и кладутъ его въ застрѣхи, за перекладыны брусевъ, на которыхъ держится потолокъ; тамъ эти растенія высыхаютъ. Настоемъ на этихъ растеніяхъ моютъ голову.

9—св. Николая (сфынтул Микулай). Съ этого дня начинаютъ стричь овецъ ⁴.

• Съ этого только дня можно купаться, а раньше—грѣшно и можно утонуть: впрочемъ, въ Бессарабіи начинаютъ купанье гораздо раньше. Старшки говорятъ, что купаться слѣдуетъ начинать только послѣ ѣды перваго въ году свѣжаго каша ⁵, приготовленнаго изъ молока, которое, въ свою очередь, получено отъ овецъ, когда онѣ были еще на подножномъ корму.

10—св. Симона Зилота. Этотъ святой считается у молдованъ хранителемъ цѣлебныхъ травъ (бурьень) и кореньевъ (ръдъшіне). Старухи-знахарки (бабіи) молятся св. Симону для того, чтобы онъ „открылъ имъ глаза“, и онѣ стали бы хорошо узнавать полезныя въ народной медицинѣ травы. Известныя травы, собранныя въ этотъ именно день, кладутъ на время въ копны сѣна, и этимъ сѣномъ кормятъ скотину во время болѣзни.

12—св. патр. Германа. Ему молятся о томъ, чтобы посявовъ не выбилъ градъ (кятры) ⁶.

21—свв. Константина и Елены. Въ этотъ день не пашутъ, такъ какъ у нарушившихъ праздникъ посявы побьетъ градъ.

¹ У великороссовъ—„Еремья Запрягальника“: на майскую росу выходятъ пахать поле, служатъ молебны и начинаютъ пахать. У болгаръ этотъ обычай не наблюдается, такъ какъ пахать начинаютъ раньше.

² У болгаръ—женщины и дѣвушки пьютъ „пелынь черезъ русалиа“ (стволь растенія), но этотъ обычай приурочивается къ 3-му числу (память св. Мавры).

³ У сербовъ—бьютъ въ желѣзную посуду и говорятъ: „Еремѣй—въ поле, а всѣ змѣи—въ море“.

⁴ У болгаръ—колятъ ягнятъ.

⁵ Кашемъ въ Бессарабіи называется особый видъ рыхлаго, очень сладкаго творога, приготовляемаго изъ сырого молока. Въ кадку съ молокомъ опускаютъ одну изъ внутренностей молодой овцы, молоко окисляется и сгущается въ кашъ.

⁶ У сербовъ—то же.

Начинають сѣять ленъ (ш). Если посѣять ленъ раньше, хотя бы дня за два, за три, то ничего не выростеть: останется голое поле. Рассказываютъ по этому поводу дѣйствительные случаи¹. Впрочемъ, это повѣрье держится только въ глухихъ мѣстахъ.

І ю н ь.

12—св. Онуфрія. Имя его среди бессарабскихъ румынъ сравнительно распространено. День святого Онуфрія празднуютъ потому, что тѣхъ, кто въ этотъ день работаетъ, можетъ рогами забодать волъ. Въ с. Кипріянахъ до сихъ поръ рассказываютъ такой случай. Крестьянинъ въ день св. Онуфрія поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, несмотря на то, что его предостерегали и предсказывали бѣду. Не прошло и мѣсяца, какъ его собственный волъ, всегда очень смиренный, поднялъ его на рога, и не столько отъ ранъ, сколько отъ пережитаго волненія крестьянинъ недѣли черезъ двѣ умеръ.

24—Рождество св. Іоанна Крестителя. Этотъ праздникъ называется Сындыѣени². Рано утромъ хозяйки выносятъ изъ комнатъ во дворъ платья и комнатныя вещи, главнымъ образомъ шубы и ковры, для того, чтобы въ нихъ не завелась моль.

Въ ночь подъ „Сындыѣени“ можно получить неразмѣнный червонецъ (галбънаш). Для этого въ полночь нужно объѣзжать три раза церковь. Бѣзжать нужно по солнцу, а въ рукахъ держать чернаго кота въ мѣшкѣ. Тогда изъ-земли выйдетъ какое-то страшилище (Стригѳой), котораго бояться не слѣдуетъ. Сейчасъ же нужно потребовать у него неразмѣнный червонецъ, который непременно будетъ данъ. Передававшій мнѣ это повѣрье крестьянинъ рассказывалъ, что онъ не получилъ такого червонца только потому, что испугался Стригѳоя.

29—свв. апост. Петра и Павла (сын-Кетру ши Павлу). Косить траву можно только съ этого дня. Съ того же дня можно жать хлѣбъ и охотиться, а раньше птицы сидятъ на яйцахъ, или выводки еще очень слабы (повѣрье существуетъ помимо законнаго постановленія объ охотѣ)³.

І ю л ь.

8—св. Прокѳія. Съ этого дня нужно собирать хлѣбъ и свозить. „На св. Прокѳія,—говорятъ бессарабскіе румыны,—уже есть копны“

¹ У великороссовъ—сѣютъ первый ленъ.

² По объясненію мѣстныхъ жителей, слово это образовалось изъ трехъ словъ: сфинтъ дзыуа Іеній, т. е. день св. Іоанна. Подъ этимъ же названіемъ „сындыѣени“ извѣстна также сыворочная трава (великоросс. „подмарѣнникъ“); также душистая шерошница (сындыѣени ди пѣдурѣ—собств. лѣсная).

³ У болгаръ—собираютъ сѣно: работать въ этотъ день положено самимъ ап. Петромъ.

(ла сѣнту Прикопи ёсти копій). Бываетъ, что вслѣдствіе дождливой погоды хлѣбъ къ этому дню не созрѣваетъ настолько, чтобы его можно было жать; тогда служатъ молебень св. Прокопію, чтобы предохранить хлѣбъ отъ запала (ка съ ну съ прикѣшти). Этотъ обычай основанъ, по объясненію священниковъ, отъ которыхъ я записывалъ нѣкоторые матеріалы, на созвучіи имени святого со словомъ „выгорать“ (а прикопи) по-румынски.

20—пророка Ильи. По имени прор. Ильи, весь іюль мѣсяць называется у молдованъ Ильинымъ мѣсяцемъ¹. Въ этотъ день нельзя купаться. Рано утромъ можно слышать глухой ревъ изъ воды: это, говорятъ, реветъ „водяной“ и проситъ жертвы. Интересно, что нѣсколько весьма памятныхъ случаевъ смерти на водѣ, въ Кипріяновскомъ прудѣ, падало именно на 20-е іюля.

По представленію молдованъ, прор. Илья разѣзжаетъ по небу на своей огненной колесницѣ и производитъ колесами ея громъ (тѣнет), отъ колесныхъ спиць идутъ молніи (фѣлжер). Если въ этотъ день случится гроза, то загорается домъ того, кто чѣмъ-нибудь прогнѣвалъ пророка. Такой пожаръ нельзя затушить водой: отъ простой воды огонь разгорается еще больше, а затушить пожаръ можно водой, смѣшанной съ медомъ (ку нѣри) или однимъ молокомъ отъ черной коровы (ди вакъ нѣгръ), наконецъ, накрывъ его чернымъ платьемъ или ковромъ². Пожаръ можно потушить медомъ потому, что въ день св. Ильи освящается медъ, который накануне только и можно снимать. Если медъ снять раньше, то рои улетитъ или зачахнетъ³.

Черти (дрѣшій) боятся Ильиной молніи, разбѣгаются отъ нея въ разныя стороны и ищутъ себѣ пріюта. Лучшій пріютъ для нихъ—грѣшный человѣкъ. Поэтому во время грозы, особенно въ Ильинъ день, нужно воздерживаться отъ всякаго грѣха, а больше всего—отъ брани. Это—потому, что, по объясненію, данному мнѣ однимъ іеромонахомъ, „слова брани и крикъ больше всего напоминаютъ собою раскаты грома“. Если чорту удастся влѣзть въ человѣка, и человѣкъ не покается на первыхъ же порахъ, то чортъ поселится въ немъ навсегда. Если молнія убиваетъ человѣка, то говорятъ, что онъ могъ бы сдѣлаться впоследствии великимъ грѣшникомъ. Во время грозы выгоняютъ изъ комнатъ кошекъ и собакъ, въ особенности черныхъ.

22—св. Маріи Магдалины. Если не праздновать этотъ день, то Марія Магдалина можетъ послать на все село пожаръ или холеру. Холеру бессарабскіе румыны считаютъ существомъ живымъ. Во время эпидеміи въ 20-хъ годахъ XIX вѣка ее видѣли очень многіе. Это—

¹ У сербовъ— тоже: Ильински месец.

² У болгаръ—работать нельзя: сожжетъ хлѣбъ громомъ. У сербовъ—Илья громовникъ зажигаетъ живо. У великороссовъ—ждутъ грома и грозы.

³ У великороссовъ—Ильинскіе соты.

женщина съ провалившимся носомъ и съ воловьими ногами, очень безобразная. Ночью она ходитъ по селу закутанная въ бѣлое покрывало, то плачетъ, то хохочетъ и „береть къ себѣ“ только тѣхъ людей, которыхъ намѣтила раньше, и всегда опредѣленное число, отмѣченное у нея на слоѣ воска на ногтяхъ.

27—св. Пантелеймона. Св. Пантелеймонъ, очень почитаемый у молдованъ цѣлитель, помогаетъ въ болѣзни скорѣе тѣмъ, кто всегда постился 27-е іюля. Ему же молятся для того, чтобы узнать неизвѣстнаго вора (тылгар). Св. Пантелеймонъ пазывается еще „Пантелимон кьльтору“, т. е. „Путникомъ“. По объясненію самихъ же румынъ, названіе дано святому потому, что съ 27-го іюля „лѣто отправляется въ путь на-зиму“.

30—св. Іоанна Воина, по-молдавски „сфинт Іон Суташул“ (собств. сотникъ). Ему служатъ молебень, когда неизвѣстно, кто украсть какую-нибудь вещь. Если предъ образомъ св. Іоанна Воина поставить свѣчу огнемъ внизъ, а если это невозможно, то по крайней мѣрѣ, накапать съ нея на полъ, держа огнемъ внизъ, то воръ будетъ испытывать страшныя муки. Одинъ крестьянинъ с. Кипріянь передавалъ мнѣ такой случай. Весной у него пропали изъ сарая желѣзныя части отъ плуга. Дней черезъ пять старуха посоветовала ему поставить такимъ образомъ свѣчу. Не успѣлъ онъ сдѣлать этого, въ комнату вошелъ его сосѣдь, отдалъ украденное желѣзо и съ плачемъ рассказалъ: ему стало такъ тяжело, что оставалось одно—покаяться и возвратить вещи. Не смотря на это, воры считаютъ этого святого своимъ покровителемъ. Когда поймали цыгана Баласа, извѣстнаго въ Бессарабіи конокрада, то на шеѣ у него оказался образъ св. Іоанна Воина. Когда съ него сняли этотъ образъ, то онъ, говорятъ, махнулъ рукой и сказалъ: „теперь для меня все пропало“.

А в г у с т ь .

1—Спасовъ день. Въ церковь приносятъ цвѣты, которые послѣ литургіи освящаютъ окропленіемъ святой водой. Освященные въ этотъ день цвѣты помогаютъ противъ головной боли.

6—Преображеніе, или „Большой Спасъ“ (Спасъ Маріи). Рано утромъ каждый хозяинъ отправляется на свой виноградникъ (жін), самъ же срываетъ нѣсколько кистей винограда (поамъ) того сорта, который больше другихъ созрѣлъ, и вмѣстѣ съ другими фруктами приноситъ въ церковь для освященія. До Преображенья (по молдавски—Скимбари ла фэць) ѣсть виноградъ грѣшно. Когда первый разъ въ году ѣдятъ виноградъ, крестятся и говорятъ: „новый виноградъ—въ старыи ротъ“ (поамъ поубъ ын гуръ веки). Послѣ обѣдни нищимъ раздають

часть освященныхъ фруктовъ, и особо—милостыню деньгами за умершихъ (поманъ) ¹.

15 — Успеніе Богородицы („Оспеніе“ и или „Адорміря“, чаще— „Сфѣнта Марія Марі, т. е. „св. Марія Великая“). Литургію служатъ уже на новомъ винѣ (апáуз ку вин ноу), хотя бы оно было совсѣмъ мутное и кислое. Послѣ литургіи священникъ освящаетъ сѣмена для озимыхъ посѣвовъ и нѣкоторые фрукты, которые созрѣваютъ позднѣе, напримѣръ, орѣхи. Освященные въ этотъ день орѣхи имѣютъ цѣлебную силу: ими натираютъ тѣло, когда оно покрывается сыпью; затѣмъ эти орѣхи выбрасываютъ на крышу воронѣ (ла шѣаръ).

Праздникъ Успенія весьма чтится румынами еще потому, что большинство монастырей въ Бессарабіи посвящено этому празднику, и народъ собирается у монастырей на храмовой праздникъ большими толпами.

29 — Усѣкновение главы Іоанна Предтечи. Весь день соблюдаютъ строгій постъ. Въ этотъ день грѣшно срывать (собственно — срѣзать) все круглое: арбузы, яблоки и т. п. (груши, напримѣръ, или огурцы можно срѣзывать). Если нужно сорвать арбузъ или яблоко, необходимо вѣтку перебить кулакомъ: даже палкой нельзя этого сдѣлать. При ѣдѣ тоже нельзя употреблять ножа, такъ какъ все это напоминаетъ усѣкновение главы Предтечи ².

Августъ мѣсяцъ, обыкновенно — самый жаркій мѣсяцъ въ году. Румыны празднуютъ въ августъ самые жаркіе три дня, говоря, что такіе жаркіе дни даетъ самъ Богъ для того, чтобы люди въ эти дни отдохали. Эти дни они называютъ самыми жаркими „горешницами“ (горешнице шѣй май кáлде). Интересно, что въ одномъ разсказѣ про цыгана говорится, что цыганъ оттого такой черный, что не праздновалъ (конечно, пропія) „горешницъ“; за это его и припекло солнце.

С е н т я б р ь .

1 — св. Симеона Столпника. Румыны его называютъ Симеономъ Столпникомъ, „держашимъ небо и землю“ (Сынѣну Стѣлпникул, кáри цѣни шѣрю ши пѣмѣнту). Изъ объясненій, которыя давали мнѣ сами же молдоване, нужно было предположить, что, по ихъ представленію, земля и небо держатся на какомъ-то столбѣ или нѣсколькихъ. День этотъ празднуется въ Бессарабіи далеко, впрочемъ, не во всѣхъ пунктахъ.

14 — Воздвиженіе Креста, по-молдавски — День Креста („Дзыуа Крушій“). Въ этотъ день улетаютъ въ теплые края (ла вѣршій) первыя

¹ У болгаръ и сербовъ—до этого дня виноградъ не ѣдятъ, приносятъ въ церковь для освященія.

² У болгаръ и у сербовъ—грѣшно ѣсть все красное, а также пить красное вино.

партіи нѣкоторыхъ птицъ, а змѣи, ящерицы и лягушки прячутся (собственно, начинаютъ прятаться) въ землю. Въ этотъ же день нельзя чесать голову и шить иглой, такъ какъ нарушившаго празднику можетъ укусить гадюка. Тѣ змѣи, которыя укусили кого-нибудь въ продолженіи лѣта, остаются на поверхности земли и замерзаютъ, потому что „земля ихъ не принимаетъ“. Поэтому то послѣ этого дня, по рассказамъ молдованъ, находятъ на тропинкахъ много дохлыхъ змѣй¹.

Наканунѣ этого дня священникъ на всеношной воздвигаетъ крестъ. Подъ коверъ, на которомъ стоитъ священникъ, кладутъ клокъ сѣна: настоемъ на немъ лѣчатъ больныхъ падучей болѣзнію (сѣмкъ). Цвѣты, среди которыхъ находился крестъ, дѣвушки разбираютъ и несутъ домой, прячутъ въ волосы для того, чтобы скорѣе выйти замужъ. Этими же цвѣтами лѣчатъ и отъ головной боли.

16 — св. Никиты. Ему молятся родители, чтобы святой спасъ дѣтей отъ корчей и испуга. Говорятъ, что Никита держитъ чертей за волосы (цѣни ши драшь ди кѣкъ) и не допускаетъ ихъ до дѣтей.

О к т я б р ь.

1 — Покровъ Богородицы. Этотъ день празднуется въ Бессарабіи далеко не вездѣ и съ недавняго времени, такъ какъ въ старинныхъ служебныхъ румынскихъ и славяно-румынскихъ книгахъ этотъ праздникъ даже не отмѣченъ. Дѣвушки молятся Богородицѣ, чтобы выйти замужъ до зимы².

26 — св. Димитрія. Последняя суббота предъ Дмитріевымъ днемъ, весьма почитаемымъ среди молдованъ, называется „помянной“ или „стариковской“ (сѣмбѣтъ ди поменѣри, мѣшилорь). Въ день св. Димитрія пекутъ круглые хлѣбцы съ чеснокомъ (нѣмпѣшти ку устурѣи).

Св. Димитрій считается покровителемъ стадъ паравнѣсь Георгіемъ; но только Георгій — лѣтній покровитель, а Димитрій — зимній. Этотъ день особенно празднуется пастухами. Въ загонахъ (стѣнъ) и зимовникахъ (кѣшлѣ) зажигаютъ освященные свѣчи, чтобы волки и нечистые духи не вредили стаду. Пастуховъ угощаютъ такъ же, какъ на Георгіевъ день. Пастухи замѣчаютъ, съ какой стороны дуетъ въ этотъ день вѣтеръ: съ той стороны они дѣлаютъ на зиму изгороди (гѣрдъ),

¹ У болгаръ — змѣи въ этотъ день не кусаютъ, ядъ ихъ безвреденъ. У малороссовъ — птицы улетаютъ, гадюки уходятъ въ землю.

² У бѣлороссовъ — „пришла Покрова, зареве дивка якъ корова“. У малороссовъ — то же: „якъ прѣйшла Покрова, то-й жинка здорова“.

такъ какъ всю зиму, по ихъ убѣжденію, больше всего съ той стороны будетъ дуть вѣтеръ ¹.

Въ день св. Димитрія, обыкновенно, заканчиваются свадьбы. Этимъ объясняется одна молдавская поговорка: „до Димитріева дня дѣвушка хитра“ (пѣнъ ла Дунитру фѣта й хѣтръ), т. е. дѣвушка должна хитрить только до этого дня, такъ какъ послѣ все-равно она не можетъ выйти замужъ ².

28 — св. Параскевы-Пятницы, по-молдавски „Вінеря Мѣри“, т. е. Большая Пятница, весьма чтимая святая. Въ Бессарабіи есть монастыри съ храмовымъ праздникомъ въ честь св. Параскевы, привлекающіе множество богомольцевъ, и нѣсколько церквей ³.

Въ этотъ день грѣшно пряхъ (а торка), такъ какъ веретено, кружась въ мискѣ, на самомъ дѣлѣ ходитъ по сердцу св. Параскевы (прыхъ грѣшно, впрочемъ, и во всякую пятницу). Вообще въ этотъ день нельзя дѣлать того, что и въ обыкновенную пятницу: шить, ткать, чесать ленъ и мыть голову. Если въ этотъ день мыть голову, то выпадутъ волосы счастья (пѣру ди норѣк) ⁴.

Среди бессарабскихъ румынъ довольно распространена „Легенда о 12 пятницахъ“ въ устныхъ разсказахъ, а также въ рукописяхъ.

Съ праздникомъ „Вінеря Мѣри“ смѣшиваютъ часто другой праздникъ „Вінеря флѣорилор“, т. е. пятница цвѣтовъ. Это—пятница шестой „Цвѣтной“ недѣли великаго поста; въ эту пятницу соблюдаютъ строгій постъ, и женщины ничего не работаютъ, разсказывая случаи о гнѣвѣ (шюдъ) Пятницы.

Н о я б р ь.

1 — свв. Космы и Демьяна. Имена ихъ даютъ румыны своимъ дѣтямъ весьма рѣдко, такъ какъ считаютъ слишкомъ „простыми“ именами. Косма и Демьянъ считаются покровителями кузнецовъ (апърѣторъ ди шѣраръ). Такъ какъ въ Бессарабіи кузнечествомъ занимаются исключительно цыгане, то румыны въ шутку называютъ первое ноября цыганскимъ праздникомъ (сърбѣтоари цыгѣнилор). Говорятъ, будто и сами цыгане „празднуютъ“ этотъ день и пьютъ вино, „настоенное на гвоздяхъ“.

¹ У болгаръ—свв. Димитрій и Георгій были товарищами, юнаками.

² У малороссовъ—„до Дмитра дивка отказуе“.

³ Въ Яссахъ, въ митрополіи лежатъ мощи преп. Параскевы, перенесенныя въ Румынію изъ Тернова въ XVII столѣтіи. Господарь молдавскій Василій Лупулъ (1634—1654) выкупилъ мощи у турокъ за 300 кошельковъ золота и перенесъ въ столицу своего княжества. С. Н. Палаузовъ, „Валахія и Молдавія“. („Отеч. Записки“, т. СХХ, стр. 586).

⁴ У великороссовъ—пятница—вѣшая пряха; пятница—льняница.

Эти же святые помогают дѣтямъ при обученіи грамотѣ. Поэтому передъ началомъ ученія дѣтки читають тропарь Космѣ и Демьяну.

8 — Архистратига Михаила. Имя Михаила (по молдавскому простонародному произношенію, Михѣлаки) очень распространено, и извѣстно много церквей, посвященныхъ арх. Михаилу. По рассказамъ молдованъ, онъ относитъ къ Богу души умершихъ или молитвы людей на небо. Въ правой рукѣ онъ держитъ мечъ, изъ острія котораго исходитъ молнія. Этой молніей онъ разгоняетъ нечистыхъ духовъ ¹.

Предъ днемъ арх. Михаила, въ нѣкоторыхъ селахъ постятся цѣлую недѣлю для того, чтобы архангелъ не послалъ на нихъ холеру ².

11 — св. Мины. Мина, одинъ изъ самыхъ распространенныхъ святыхъ въ Бессарабіи, по рассказамъ нѣкоторыхъ румынъ, былъ армянскимъ святымъ, „прибывшимъ на конѣ съ Кавказа“ (на самомъ дѣлѣ св. Мина—изъ Египта). Ему молятся при отысканіи воровъ, и съ помощью его иконы легче всего можно найти вора. Для этого нужно достать икону св. Мины, писанную на деревѣ. Затѣмъ просятъ сквозь сито (ситъ) золу (шенѹш) на столъ, послѣ чего руками къ золѣ уже не прикасаются. На просѣянную золу кладутъ икону Мины, предъ которой нѣсколько времени горѣла свѣча. Икону кладутъ лицевой стороной внизъ и оставляютъ въ такомъ положеніи до утра. Въ золѣ должны оказаться дорожки; ихъ направленіе указываетъ мѣсто, гдѣ спрятаны украденныя вещи, или же гдѣ живетъ воръ. Если дорожекъ въ золѣ не видно, то украденная вещь не найдется совсѣмъ. Одинъ священникъ, не разъ выдавшій такой способъ отысканія воровъ, объяснялъ мнѣ это явленіе тѣмъ, что во всякой старой доскѣ есть особые черви, которые вытѣзаютъ изъ своихъ норъ въ золу и естественно дѣлаютъ въ ней дорожки.

14 — св. Іоанна Милостиваго. Въ ночь подъ 14-е ноября съ неба падаетъ множество звѣздъ. На падающія звѣзды въ этотъ день, какъ и всегда, впрочемъ, нельзя смѣтрѣть, такъ какъ онѣ, по представленію молдованъ змѣи,—посылаемая Богомъ на землю для наказанія грѣшниковъ.

15 — свв. Гурія, Самона и Авива. Первому изъ нихъ, св. Гурію, молятся женщины, когда съ ними жестоко обращаются мужья. Рассказовъ о томъ, что молитва св. Гурія помогала въ такихъ случаяхъ, можно услышать немало ³.

¹ У болгаръ и сербовъ—св. Архангелъ Михаилъ беретъ души умершихъ и относитъ ихъ въ мытарства.

У сербовъ—ночь „Арханђеловица“, чтобы не заболѣть особой болѣзнью похожей на холеру.

³ У бѣлоруссовъ—свв. Гурію, Самону и Авиву молятся о любви мужа къ женѣ.

30 — ап. Андрея Первозваннаго. Ап. Андрею, весьма уважаемому среди румынъ святому, молятся дѣвушки, желающія поскорѣе и выгодно выйти замужъ: весь этотъ день онѣ постятся.

До 30-го ноября, какъ говорятъ румыны, не хорошо ѣсть чеснокъ (устурѳѳ). Въ нѣкоторыхъ семьяхъ въ этотъ день готовятъ къ обѣду пампушки съ чеснокомъ (гълушіѳ ку устурѳѳ). Этого повѣрья и обычая объяснить не могъ мнѣ никто. Чеснокомъ же въ этотъ день мажутъ стѣны и потолокъ въ комнатахъ, а также грудь, руки и ноги для того, чтобы домовою или иное загадочное существо (Стригѳѳѳ) не могъ войти въ домъ и не пугалъ бы людей.

Д е к а б р ь.

4 — влмч. Варвары. Этотъ день празднуютъ въ Бессарабіи повсемѣстно, такъ какъ св. Варвара считается цѣлительницею отъ оспы (ди вѣрсѳѳ) ¹.

6 — св. Николая Мирликійскаго (сѳ. Микулай). Къ этому дню отсрочиваютъ въ Бессарабіи всякіе наймы и денежные счета. Этотъ же день считается благоприятнымъ для лѣченія уха, когда въ немъ стрѣляетъ. Для этого, послѣ молитвы св. Николаю, берутъ кусокъ свѣжаго коровьяго помета и замазываютъ имъ плетень (гѳрдѳѳ) съ внутренней стороны двора. Затѣмъ берутъ кусокъ сухого помета, которымъ раньше былъ замазанъ заборъ съ наружной стороны, и подкуриваютъ имъ больное ухо. Больного при этомъ накрываютъ тулупомъ (кожѳѳх). Въмѣсто коровьяго помета, нѣкоторыя старухи подкуриваютъ ухо шелухой отъ пшена.

12 — св. Спиридона. Съ этого дня ночь становится короче, а день длиннѣе. Спиридонъ считается цѣлителемъ отъ ушибовъ (ди стрѳѳшѳтѳрѳѳ) и отъ порѣзовъ (ди тѳнтѳрѳѳ). Лучшее средство отъ порѣзовъ — прикрыть рану паутиной изъ-за образа св. Спиридона.

24 — канунъ Рождества Христова. Вечеръ этого дня называется „Ажѳѳн“: это слово собственно значить „канунъ“ вообще и, въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, пропускается при словѣ канунъ: „Рождества“ (ажѳѳн Крѳѳчѳнулуй). Въ этотъ день соблюдается строгій постъ, и до первой звѣзды ничего не ѣдятъ. Вечеромъ устраиваютъ обѣдъ, который начиняютъ кутьею изъ пшеницы, орѳѳховъ, меду и маку (ку грѳѳу, нушь, нѣри ши мак). Впрочемъ, этотъ обычай замѣчается преимущественно въ Хотинскомъ уѣздѣ, благодаря, конечно, сосѣдству Подоліи. Въместо обычной мамалыги, готовятъ калачи изъ бѣлой муки, съ крестомъ посерединѣ, и даютъ его воламъ и коровамъ для того, чтобы у нихъ „прибавилось силы“. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ

¹ У болгаръ — св. Варвара исцѣляетъ раны и все наружныя болѣзни.

изъ тѣста выдѣлываютъ фигуры воловъ, домашнихъ птицъ, земледѣльческія орудія и т. п. Къ обѣду подаютъ также и пампушки съ чеснокомъ ¹.

Въ ночь подъ Рождество, по рассказамъ румынъ, происходитъ чудо: всѣ домашнія животныя нѣсколько часовъ могутъ разговаривать по-человѣчески. Въ одной, напримѣръ, молдавской сказкѣ, въ ночь подъ Рождество царевичу говоритъ лошадь, что дома у него случилось несчастье. Это повѣрье сами же молдоване объясняютъ тѣмъ, что въ пещерѣ, гдѣ родился Христосъ, ночевали и домашнія животныя и по-человѣчески, вмѣстѣ съ пастухами, славили Христа и Богоматерь. За это Богъ и позволилъ говорить имъ разъ въ годъ нѣсколько часовъ.

Въ сочельникъ, отправляясь въ церковь, берутъ съ собою въ карманъ кусокъ хлѣба или мамалыги. Этотъ хлѣбъ крошатъ затѣмъ и даютъ курамъ, отчего онѣ стануть нести больше яицъ ¹.

25 — Рождество Христово, называется у молдованъ „Крычун, Кръшюн, Краштюнъ“ и т. д. Въ день Рождества стараются встать пораньше и заняться какой-нибудь работой. Поэтому, несмотря на большой праздникъ, не считается грѣхомъ рубить рано по утру дрова, убирать комнаты, и др. Это дѣлаютъ, какъ говорятъ молдоване, для того, чтобы легко работалось круглый годъ.

Послѣ обѣдни въ каждой семьѣ устраиваютъ небольшой обѣдъ — скорѣе завтракъ — называемый „потыкъ“ ³, на которомъ подаютъ въ разныхъ кушаньяхъ (букати) свиное мясо (карни ди порк), напримѣръ жаркое (фриптуръ), голубцы (сармáли) и др. Вино пьютъ съ прессованными сухими колбасами, приготовленными изъ воловьего мяса (карни ди ббу) съ перцемъ (ку кипер) и называемыми „кърнаць“.

Днемъ послѣ обѣдни и до самаго вечера мальчишки (бѣйецъ) ходятъ по домамъ со звѣздой (ку стѣуъ), которая устраивается такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ ее и городскіе мальчишки: изъ разноцвѣтныхъ бумагъ. Ее склеиваютъ и прикрѣпляютъ къ палкѣ; въ серединѣ звѣзды помѣщаютъ фонарь съ зажженной свѣчей, а къ рогамъ звѣзды привязываютъ колокольчики или гарусныя кисточки. Поютъ, большею частью, церковныя тропари празднику по-румынски. Пѣніе специальныхъ пѣсенъ во время хожденія со звѣздой (кѣнтишь ди стѣуъ) въ послѣднее время замѣтно исчезаетъ; по рассказамъ стариковъ, прежде было очень много такихъ пѣсенъ. Вотъ содержаніе одной изъ нихъ: Три еврея встрѣтили Богородицу и стали спрашивать, гдѣ Она

¹ У болгаръ, — „Крачунъ“, пекутъ прѣсный хлѣбъ, готовятъ медъ и т. д. У малороссовъ — кутя. У сербовъ — „Бадни дан“, пекутъ изъ тѣста воловъ, плуги, пѣтуховъ и т. д.

² У великороссовъ — примѣта: свѣтлыя святки — носкія куры.

³ Потыкъ собственно называется ремень или веревка, которымъ перевязываютъ плугъ.

скрыла Младенца. Богородица отвѣтила имъ, что Младенецъ — въ ущельяхъ горъ. Тогда преслѣдователи разрыли всѣ горы, но Младенца тамъ не нашли. Пѣсня оканчивается похвалою Богородицѣ за то, что Она сохранила Спасителя для всего міра, и величаніемъ хозяевъ, которые своей щедростью извѣстны всему селу и даже въ окрестности ¹.

Въ прежнее время по селу ходили парни и представляли „вертепъ“, въ которомъ участвовали слѣдующія лица: Продъ, Валтазаръ и два другихъ волхва, воины и др. Предъ началомъ представленія и въ концѣ его, пѣли хозяевамъ привѣтствіе. Вотъ начальныя стихи одной сцены. Продъ, съ жезломъ въ рукѣ и въ золотой коронѣ, говоритъ:

Еу сынт Ирѣд ымпѣрат.
 Ди кал ам дискъликѣт,
 Ку тояг ын пѣмѣнт ам дат,
 Ши пѣмѣнту о тремурѣт.

„Я—царь Продъ, слѣзъ съ коня и ударилъ жезломъ въ землю, и земля сотряслась“.

Записанная мною „Пѣсня о звѣздѣ“ (кѣнтик ди стѣ), при отсутствіи другихъ записей этой пѣсни въ предѣлахъ Бессарабіи, представляеть собою, мнѣ кажется, большой интересъ.

1. Трѣй краѣй ди-ла рѣсърѣт
 Ку стѣуъ о кѣльторѣт.
 Кынд ын кѣля пурчидѣ,
 Стѣуъ яр ле ынгѣдѣя.
5. Кынд ста ди съ одихнѣ,
 Стѣуъ ыннѣинти мержѣ.
 Кынд ла Прусѣлім о ажѣнс,
 Стѣуъ бунъ с-о аскѣнс.
 Ши атѣншь о ынтребѣт:
10. — Унди с-о нѣскѣт Ымиѣрат?
 Унди штиць, къ с-о нѣскѣт
 Ун краѣту мѣри ди-курѣнд?
 Унди стѣуъ аць възѣт?
 — „Ам възѣт ла рѣсърѣт,
15. Дупъ я ам кѣльторѣт“.
 Прод яръ л-о кемѣт:

¹ Припоминавшій эту пѣсню старикъ говорилъ прозой или сильно испорченными стихами. Такимъ образомъ, лучше всего привести одно только содержаніе пѣсни своими словами, а стихи такого же содержанія пѣсни мы встрѣчаемъ въ малороссійскихъ колядкахъ. Такъ, напримѣръ, у П. Чубинскаго (Труды этнограф. статист. экспед., т. III. СПб. 1872) находимъ нѣсколько подобныхъ колядокъ (№№ 74, 78, 82 и др., стр. 344, 348, 353 и др.).

въ прекрасное старое вино, дающее людямъ силу и веселье. Претворяется въ вино и всякая вода въ посудѣ дома, и въ колодцахъ, и въ озерахъ, и въ рѣкахъ, даже въ болотахъ: остается только соленая въ моряхъ. Если воспользоваться этимъ мгновениемъ и, перекрестивъ вино, быстро перелить въ другой сосудъ, въ который раньше этого была налита святая вода, то вино это сохранится навсегда. Рассказываютъ, что нѣкоторые молдоване ждали всю ночь, но какъ разъ въ то время, когда вода претворялась въ вино, имъ мѣшала чортъ; одному, напримѣръ, изъ нихъ чортъ явился въ видѣ настоящей жены, звавшей его громко по имени. Онъ обернулся и потерялъ нужный моментъ. Если у крестьянина сохраняется много прошлогодняго вина къ осени, его шутя спрашиваютъ: „не ждалъ ли ты съ коновкой подъ новый годъ?“

Способовъ гаданья подъ новый годъ очень много. Вотъ четыре самыхъ распространенныхъ способа:

а) Ночью дѣвушка выходитъ во дворъ, завязываетъ себѣ глаза и подходитъ къ плетню; затѣмъ нащупываетъ ближайшій колъ плетня (пар) и отсчитываетъ влѣво отъ него девять колеьевъ въ плетнѣ. Этотъ девятый колъ она перехватываетъ краснымъ снуркомъ и привязываетъ къ нему засушенный еще лѣтомъ цвѣтокъ василька (бусуек). Утромъ она смотритъ на этотъ колъ. Если онъ высокій, то и женихъ ея будетъ высокій; низкій—и женихъ окажется низкій; если на колѣ много коры, — женихъ будетъ богатый; если голый, то женихъ бѣдный, и т. д.

б) Ночью дѣвушка выходитъ во дворъ и подходитъ къ сажалкѣ затѣмъ кричитъ на свинью, какъ бы прогоняя ее: „гудѣ“. Если свинья хрюкнетъ сейчасъ же, то дѣвушка выйдетъ замужъ въ томъ же году, если за вторымъ разомъ, то въ слѣдующемъ, и т. д. Если совсѣмъ будетъ молчать, то никогда не выйдетъ.

в) Слушаютъ разговоръ сосѣдей и толкуютъ первыя подслушанныя слова. Хорошимъ знакомъ считается, если одно изъ первыхъ словъ говорить о движеніи, объ успѣхѣ, о счастьѣ и т. д., напри- мѣръ, идти, бѣжать—и наоборотъ: нехорошо, если первыя слова говорятъ о противоположномъ, напри- мѣръ, спать, лежать, сидѣть, уми- рать и т. п.

д) Пекутъ маленькія лепешки (бѣльбѣушь), раскладываютъ ихъ на полу и приводятъ къ комнатѣ собаку. Каждая дѣвушка намѣчаетъ себѣ лепешку (можно намѣтить и для подругъ) и слѣдитъ, когда собака съѣстъ ее: скоро или несоро, и въ какомъ порядкѣ будутъ ѣсть ихъ. Въ такомъ порядкѣ и дѣвушки будутъ выходить замужъ

Праздники непереходящіе.

Масленицу, т. е. недѣли мясоѣда (лѣсѣт ди карни) и мясопуста (лѣсѣт ди брѣндзѣ), бессарабскіе румыны не празднуютъ совѣмъ.

Первую недѣлю великаго поста соблюдаютъ строгій постъ, въ особенности тѣ, у которыхъ умерли дѣти, но вино всю эту недѣлю разрѣшается, такъ какъ считается лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ смерти на водѣ (дин некѣт). Связь между разрѣшеніемъ пить вино въ эту недѣлю и между смертью на водѣ можно видѣть, повидимому, въ томъ, что около первой недѣли великаго поста бываетъ ледоходъ (при ранней Пасхѣ), или же начинаютъ купаться (при поздней).

Среда четвертой недѣли, т. е. переломъ великаго поста, празднуется, какъ объясняютъ молдоване, только потому, что все равно ничего въ этотъ день не удастся сдѣлать. Если кто возьмется за работу, то цѣлый день будетъ хлопотать, блуждать, бѣгать по комнатамъ и по двору, устанетъ, а ничего не сдѣлаетъ или, еще хуже, заболѣетъ.

Суббота четвертой недѣли празднуется, главнымъ образомъ, мужчинами и носитъ названіе „волчьей субботы“ (сѣмбѣтъ лѣпулуй). Ее празднуютъ, такъ какъ боятся, что волкъ можетъ зарѣзать что-нибудь изъ домашняго скота.

Въ пятницу Вербной недѣли (сѣптѣмѣнѣ Флоринлор) не ѣдятъ ничего, ничего и не дѣлаютъ. На чемъ основывается этотъ обычай, не могли мнѣ объяснить. Эта пятница называется „Цвѣтной Пятницей“ (Віперя Флоринлор).

Вербу, освященную въ Лазареву субботу (6-я недѣля), даютъ ѣсть коровамъ, чтобы онѣ не заболѣли и чтобы давали побольше молока, а главное, чтобы не наѣдались полыни и ядовитыхъ травъ; „верба,—говорятъ молдоване,—освящаетъ ротъ у коровъ“. На почкахъ той же вербы настаиваютъ водку (ракіу) и даютъ ее дѣтямъ отъ испуга (ди спърѣт). На ночь ставятъ въ воду цвѣты, непременно садовые, а не полевые, утромъ умываютъ этой водой лицо, какъ сами говорятъ, „для здоровья“ (пінтру снѣгѣтати) ¹.

Свѣча, горѣвшая въ церкви въ Четвергъ страстной недѣли (сѣптѣмѣнѣ пѣтимилор) во время чтенія двѣнадцати Евангелій, зажигается, когда умираетъ кто-нибудь изъ домашнихъ. Эту свѣчу даютъ умирающему въ руку для того, чтобы легче было бы ему умирать. Этой же свѣчей окуриваютъ страдающихъ „черной (?) болѣзью“.

Въ Пятницу страстной недѣли купаются въ водѣ знахарки (бабе, или фѣрмѣкѣтоаре). Это купанье даетъ имъ особую силу. Въ ту же пятницу онѣ ничего не ѣдятъ. Если женщина, исполнивъ эти

¹ У сербовъ—точно такой же обычай, только не опредѣляется, какіе должны быть цвѣты.

два обряда, скажетъ кому-нибудь: „быть тебѣ сухимъ, какъ великая пятница“ (съ хій ускатъ за вінеря мари), то такой человекъ скоро станетъ сохнуть. Весьма вѣроятно, что повѣрье связано съ Великой Пятницей: въ этотъ день, какъ говорятъ молдоване, вѣтъ вообще грѣшно, и нарушившій постъ умретъ внезапно, не простившись со своими родными.

Въ пятницу же обыкновенно красятъ яйца. Пасхальные яйца сохраняются въ домѣ за образами, и скорлупа ихъ помогаетъ противъ разныхъ болѣзней людей и домашнихъ животныхъ. Пасхальными яйцами мажутъ стволы фруктовыхъ деревьевъ и виноградныхъ кустовъ, чтобы они не замерзли зимой, и чтобы не бѣли ихъ гусеницы. На скорлупѣ пасхальныхъ яицъ настаиваютъ водку или полынный настой на виноградномъ винѣ (пелинаш) и даютъ больнымъ лихорадкой.

Когда въ церковь на Пасху (Пашти) несутъ освящать куличи, творогъ, яйца и другія яства пасхальнаго стола, то подъ скатерть, на которой раскладываютъ все это, насыпаютъ крошки сухого хлѣба и затѣмъ даютъ ихъ коровамъ и воламъ „для здоровья“.

Въ пасхальную ночь, въ нѣкоторыхъ селахъ на кладбищахъ (цинтирѣм, или цвинтаръ) разводятъ костры (общее названіе—фок) изъ старыхъ бочекъ и гнилыхъ бревенъ. Пасхальные костры называютъ нур. Вокругъ костра стоятъ мальчики, которымъ не находится мѣста въ церкви, и грѣются. Для чего это дѣлается, молдоване не могутъ объяснить ¹.

Первые три дня Пасхи, по рассказамъ бессарабскихъ румынъ, ходитъ по землѣ Богъ съ апостолами и бесѣдуетъ съ праведниками. Одинъ крестьянинъ с. Кожушны разсказывалъ, что видѣлъ на Пасху двухъ апостоловъ, принявшихъ видъ его старыхъ знакомыхъ — стариковъ молдованъ изъ сосѣдняго сѣла Скорянъ. Они съ нимъ бесѣдовали, угостили его хорошимъ виномъ въ какой-то корчмѣ; но о чемъ они съ нимъ говорили, крестьянинъ уже не помнитъ.

На Пасху сироты относятъ красное яйцо на могилу родителей. Положивъ на могилу яйцо, они должны три раза громко сказать: „Христосъ воскресъ!“ (Христосъ ынвѣет). Нѣкоторые слышали, какъ изъ могилы имъ отвѣчали: „Воистину воскресъ“ (адивѣратъ ынвѣет).

Всѣ четверги отъ Пасхи до Троицына дня пельязъ пахать землю или боронить, такъ какъ постѣвы можетъ побить градъ.

Въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли (съптъмѣнъ Тѳоміи) всѣ сельчане отправляются на кладбище, гдѣ служатъ панихиды надъ могилами близкихъ покойниковъ. Тамъ же на могилахъ они дѣлятъ и пьютъ остатки отъ пасхальнаго стола. Вино они не допиваютъ до конца, оставляютъ на днѣ въ каждомъ стаканѣ и затѣмъ выливаютъ на могилу. По однимъ объясненіямъ, это вино предназначается для

¹ У болгаръ—повѣрье, что на Пасху ангелы приносятъ „нур“ (огонь съ неба).

чорта, у котораго покойникъ кушилъ себѣ землю; по другимъ, вино выливается для того, чтобы и покойнику было веселѣе. Остатки кушаній оставляютъ на могилѣ, такъ какъ домой нести ихъ—большой грѣхъ или же дурной признакъ. На могилахъ оставляютъ ладанъ, который насыпаютъ на черепокъ, съ горящими угольями.

Приведу нѣсколько извѣстныхъ мнѣ „заплачней“ (бѣчет).

Плачь по матери.

<p>1. Скоа́ль-те, мѣмѹкъ, скоа́ль,
Къ ц-ѣя хп дистѹл ди-сѣръ,
Ши т-е уйтъ пи фирѣстръ,
Къ-ць ви́ни кѣрти домнѣскъ,
5. Де-ла ной съ-те порнѣскъ,
Съ те дук ын шѣя лѹми,
Унди сѣте фѣръ ди пѹми
Ши кѣрари фѣръ ѹрми,
Унди ну ѹмблѣ нѣми.
10. Да-къ цѣй, мѣмѹкъ, гѣни,
Вин диграбъ ш-ѣе пи мѣни
Ши мѣ ѣе ын шѣя лѹми,
Сы м-петрѣк ши ѣу ку тѣни.
Да-къ цѣй, мѣмѹкъ, рѣу,
15. Ласъ-мѣ ку Думнезѣу,
Сы трѣйѣск ын сѣтул мѣу.</p>	Переводъ: „Вставай, матушка, вставай: вѣдь теперь довольно поздно. И взгляни въ окно, такъ какъ къ тебѣ идетъ шисьмо отъ Бога, чтобы ты уѣзжала отъ насъ и отправлялась на тотъ свѣтъ, гдѣ села—безъ названій и тропинки безъ слѣдовъ, гдѣ никто не ходитъ. Если тебѣ, матушка, хорошо (тамъ), то приди поскорѣе и возьми меня на тотъ свѣтъ, чтобы и я кончилась вмѣстѣ съ тобой. А если тебѣ, матушка, плохо, то оставь меня съ Богомъ жить въ моемъ селѣ“.

Плачь по отцу.

<p>1. Скоа́ль, тѣтыкѹць, скоа́ль
Ши ни спѹнъ адивѣратъ,
Кум ди ной т-ѣй ындуратъ
Ши копкѣй ц-ѣй лѣсѣтъ
5. Мититѣй ши ну-ынваѣаць.
Скоа́ль, тѣтъ, милъ ноа́стръ,
Мѣлъ ноа́стръ, грѣжъ ноа́стръ;
Къ тѣтѹкъ, кынд ѣера,
Ел ди ной тотъ ынгрѣжѣ,
10. Дар амѹ ел ну н-а хп
Ши ди ной ку с-ынгрѣжѣй,
Ши ной н-ѣм кулкѣ пи вѣтръ
Н-ѣм шти, шѣни н-ѣ фост тѣтъ.
Тоа́тъ лѹмн-ѣй ку милѹць,
15. Нумъ ной фѣръ тѣтѹць.</p>	Переводъ: „Вставай, батюшка, вставай и скажи мнѣ по правдѣ: какъ это ты насъ не пожалѣлъ и оставилъ дѣтей, дѣтей малыхъ и неученыхъ? Вставай, батюшка, наша жалость и забота, такъ какъ батюшка при жизни своей всегда заботился о насъ, а теперь не будетъ его у насъ, и не будетъ онъ больше заботиться о насъ. И будемъ мы ложиться спать на очагъ и не будемъ знать, кто былъ отцемъ нашимъ. Весь свѣтъ (т. е. люди) съ отрадой, и только мы—безъ батюшки!“

Троицынъ день (Русалинле) и вся недѣля (сѣптѣмѣнъ русалинлор) считаются праздникомъ русалокъ, которыя выходятъ изъ воды,

щекочуть людей, пугаютъ ихъ и сводятъ съ ума. У молдованъ, повидому, нѣтъ цѣльнаго представленія о русалкахъ. Такъ или иначе, но рассказы ихъ про русалокъ сводятся къ слѣдующему: русалки, это — умершія некрещенныя или незаконорожденныя дѣти (байструшь), или дѣти, проклятыя (блѣстьмаць) родителями, главнымъ образомъ, еще до своего рожденія. Живутъ онѣ въ озерахъ (язь) и болотахъ (бълць), спятъ всю зиму и питаются сыростью (узьяль). Эти русалки очень безобразны, злы и стараются какъ можно больше повредить человѣку: сдѣлать пьяницей (бецівъ), самоубійцей, свести его съ ума (а небуні), и т. п. Наряду съ этими русалками, въ представленіи бессарабскихъ румынъ существуютъ и другія, болѣе поэтичныя: это — дѣвушки-утопленницы (фѣте ыннекате) или дѣвушки, умершія на Троицу. О нихъ рассказывается только въ сказкахъ: онѣ очень красивы, съ зелеными распущенными волосами, живутъ въ подводныхъ дворцахъ, среди жемчуговъ, на время превращаются въ земныхъ царевенъ, и т. д.

Празднованіе этой недѣли имѣетъ отношеніе, главнымъ образомъ, къ злымъ русалкамъ. Въ продолженіе всей недѣли, а больше всего — въ четвергъ, нельзя работать: нужно шить вино и ѣсть лукъ (шяпъ) и чеснокъ. Къ Троицыну дню украшаютъ всѣ дома снаружи, а также сараи и хлѣвы вѣтвями, поля посыпаютъ травой. Все это оставляютъ въ продолженіе недѣли, такъ какъ это одно можетъ предохранить людей отъ дѣйствія русалокъ. Въ субботу эти вѣтви и траву снимаютъ, несутъ къ колодцу и тамъ обливаютъ водой изъ колодца, сажать же ихъ въ землю нельзя. Этотъ обрядъ называется „Проводами русалокъ“ (петрешеря русалилор), которыя затѣмъ на цѣлый годъ уходятъ въ свои болота.

Въ лѣсистыхъ мѣстахъ Бессарабіи комнаты украшаютъ обыкновенно липой. Изъ стволовъ липовыхъ деревьевъ мальчики вырѣзываютъ свистки и свистятъ цѣлую недѣлю. Этимъ свистомъ они также отгоняютъ русалокъ отъ домовъ.

Въ субботу, когда провозжаютъ русалокъ, раздаютъ бѣднымъ цѣлыя миски съ готовыми кушаньями для поминанія покойниковъ (пинтру поманъ). Эта „помана“ тоже охраняетъ людей отъ русалокъ.

Какъ сказано раньше, всю эту недѣлю молдоване пьютъ вино. Самое лучшее средство противъ русалокъ — пить полынную настойку на винѣ (нелинаш), а также носить листь полыни (фойе ди неліи) за пазухой и въ волосахъ.

Въ эту недѣлю легко даются людямъ въ руки многія цѣлебныя травы, которыя въ другое время прячутся отъ глазъ собирателей, принимая видъ самыхъ обыкновенныхъ сорныхъ травъ. Въ эту же недѣлю многія изъ такихъ травъ расцвѣтаютъ.

(†) Полихроній Сырну.

Замѣтка по поводу перевода выраженія „зэгэтэ аба“ — охота на росомахъ въ статьѣ М. Н. Хангалова и Д. А. Клеменца „Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятов“.

Въ своей статьѣ „Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятов“, помѣщенной въ I т. „Матеріаловъ по этнографіи Россіи“, М. Н. Хангаловъ переводитъ бурятское названіе общественной облавы „зэгэтэ аба“ словами: „россомашья охота“, производя данное выраженіе отъ двухъ словъ: зэгэтэ—россомашья и аба—облава. Переводъ слова „аба“—правильнень, но слово „зэгэтэ“—по моему мнѣнію, переведено ошибочно.

Если производить слово „зэгэтэ“ отъ слова „зѣѣц“—россомаха, то „зэгэтэ аба“—нужно было бы перевести „охота съ росомахой“, а никакъ не „на росомахъ“, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ „охота на росомахъ“ выразилась бы, по-бурятски „зѣѣні аба“. Кромѣ того, едва ли вообще, производилась общественная охота у сѣверныхъ бурятов на росомахъ, а тѣмъ болѣе съ росомахой, мясо которой не употребляли и не употребляютъ въ пищу, а изъ за одной шкуры росомахи едва ли устраивались общественныя охоты, такъ какъ таковую могли замѣнить, при изобиліи звѣрей, лучшими мѣхами; да и сама росомаха считается у бурятовъ поганымъ и опаснымъ звѣремъ въ томъ смыслѣ, что если во время погони за ней она испуститъ запахъ изъ задняго прохода, то отъ этого, по убѣжденію бурятовъ, портятся человѣкъ и конь, и желтѣетъ снѣгъ. И до сихъ поръ есть среди бурятовъ повѣрье, что во время преслѣдованія росомахи нужно приговаривать слова „нере бе алда“—„не теряй имени“ (т. е. чести), какъ бы уговаривая этимъ, чтобы росомаха не испустила запаха. Вслѣдствіе такого моего пониманія Хангаловскаго слова „зэгэтэ“ осмѣливаюсь предложить читать это слово „зѣѣте“ въ точной транскрипціи, какъ произносятся современные сѣверныя буряты, говоря, объ общественной облавѣ. „Зѣѣ“ представляетъ изъ себя волосяную веревку въ три скрутки, а отсюда „зѣѣте“¹. Подобной волосяной веревкой съ привѣской на нее нѣкоторыхъ предметовъ-эмблемъ буряты окружаютъ съ внѣшней стороны по основанію юрту, или же натягиваютъ подобную веревку отъ входа юрты къ палкѣ, — шесту, вкопанному въ землю немного поодаль отъ дверей, когда у нихъ рождается ребенокъ.

Подобную волосяную веревку безъ эмблемъ или простую, конопляную веревку, которая въ данномъ случаѣ тоже называется „зѣѣ“, буряты натягиваютъ также предъ дверьми юрты во время исполненія извѣстныхъ шаманскихъ обрядовъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, говорятъ: „зѣѣ татха“—натянуть „зѣѣкъ“.

¹ Вообще веревка, какая бы она ни была, называется „аргамжі“.

юртой веревку, буряты показываютъ, ознаменовываютъ, что родился ребенокъ, или что совершенъ такой то религіозный обрядъ, а потому для данной юрты и ея хозяевъ, а такъ же и для постороннихъ должны быть извѣстныя запрещенія, извѣстныя правила, (не входить въ подобную юрту постороннимъ лицамъ чужого рода, пьянымъ и т. д.).

Слово „зѣг“ въ письменномъ монгольскомъ языкѣ имѣетъ видъ „цегег“, (срв. Монг.-русскій словарь Голстунскаго III, 346 „тонкій плетеный спурокъ“, „цег“ (Дополн.) „оторочка, карнизъ, опушка (тесъмой)“).

Въ героическомъ эпосѣ, сказкахъ, пѣсняхъ и шаманскихъ гимнахъ сѣверныхъ бурятъ вовсе не упоминается о какой либо охотѣ на росомахъ. Если бы, въ дѣйствительности, была охота на росомахъ, то герои, навѣрно, не преминули бы показать свою доблесть и ловкость въ подобной охотѣ и были бы воспѣты росомадами, а мы видимъ, что герои эпоса охотились на благородныхъ оленей, дикихъ козъ, которые воспѣвались и воспѣваются по сіе время у бурятъ. Все это позволяютъ мнѣ высказать, что слово зэгэтэ, какъ пишетъ М. Н. Хангаловъ, производя его отъ слова зѣѣѣ—„россомаха“ нужно писать Зэгтэ (отъ слова „зѣг“), и выраженіе „зэгте аба“ переводить — охота круговая (окруженіемъ звѣрей, сомкнутіемъ ихъ въ кольцо, облавой, охота цѣпью) или знаменная (съ извѣстными правилами и запрещеніями во время общественной облавы. Напомню, что драконовскія правила во время „зэгте аба“ исполняются бурятами и до настоящаго времени (вырѣзываніе подола, ломаніе лука и стрѣль надъ головой виновныхъ, изгнаніе провинившихся изъ облавы и пр.).

Въ современныхъ облавахъ впереди огневица галчина (облавоначальника), натягивается „зѣг“, или за немѣніемъ такового втыкаютъ шесть съ ремешкомъ или какой нибудь бичевой. За этотъ „зѣг“ кладутъ убитыхъ во время облавы звѣрей и за него никому не позволяется переходить. Вѣроятно, встарину предъ походной палаткой облаво-начальника натягивался „зѣг“, показывавшій, что охота въ данномъ случаѣ не частная, а общественнаго или обще-государственнаго характера. Понятіе о словѣ „зѣг“ въ обыденной жизни бурятъ, вѣроятно, перенесено и на понятіе общественной облавы. Да и самый способъ облавы, окруженіе живою цѣпью мѣста стоянокъ звѣрей, напоминаетъ окруженіе „зѣгомъ“ основанія юрты.

Поэтому „зэгте аба“—есть облава круговая, знаменная, цѣпная, но ни въ коемъ случаѣ не охота на росомахъ.

Самъ авторъ, упомянувъ въ началѣ, что „зэгтэ аба“—охота на росомахъ дальше, на протяженіи всей своей статьи, въ доказательство своей терминологіи не приводитъ ни одного случая охоты, связанной съ росомахой.

В. Михайловъ.

Два условія въ договорѣ найма пастуха въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губ.

По народнымъ понятіямъ, пастухъ, — если онъ женатъ, — долженъ на весь срокъ пастыбы поввать всякія отношенія со своею женою и жить совершенно отдѣльно отъ послѣдней. Такая „непогрѣшимость“ пастуха требуется въ видахъ сохраненія стада отъ хищнаго звѣря, который не рѣшится прикоснуться ни къ какому животному изъ пасомага пастухомъ стада, если этотъ пастухъ непогрѣшимъ.

Пастухъ же, со своей стороны, не можетъ выдать ни одного животного изъ принятаго имъ подъ свою охрану стада, вплоть до конца сезона. Принимая у деревни стадо, онъ обходитъ стадо съ извѣстными одному ему заклинаніями, которыя и должны охранить животныхъ отъ дикаго звѣря. А если изъ стада хоть одну скотину выпустить, волшебный кругъ будетъ разорванъ, и дикій звѣрь, почуя убыль и кровь, переведетъ все остальное стадо.

А. А. Каменевъ.

Примѣчаніе. Замѣтка г. Каменева печатается въ полной неприкосновенности, безъ всякихъ, даже стилистическихъ, поправокъ. Данное въ ней объясненіе народнаго обычая взято, вѣроятно, авторомъ изъ народныхъ устъ, а не вычитано изъ ученыхъ книгъ. Какъ видно, понятіе о магическомъ кругѣ у архангельскихъ поморовъ — не окаменѣлое переживаніе, а нѣчто живое и всѣмъ ясное.

Относительно же аскетическаго взгляда архангельскихъ поморовъ на половое общеніе съ женою, какъ на „грѣхъ“, котораго необходимо избѣгать, въ данномъ случаѣ, пастуху, — можно замѣтить, что взглядъ этотъ бытуеть у русскихъ крестьянъ кое гдѣ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, намъ извѣстна широко распространенная на Вяткѣ примѣта, по которой ямщикъ (respect. ѣздокъ) наканунѣ своей поѣздки не долженъ спать съ женою; иначе путь его будетъ несчастливымъ. Сколько удалось намъ выяснитъ изъ бесѣдъ со стариками-крестьянами Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи, смыслъ этой примѣты тотъ, что лошади тяжело везти грѣшнаго человѣка. (Срв. съ этимъ языческій

взглядъ на коня, какъ на существо высшаго порядка).—У однодворцевъ Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи, отмѣчено близкое къ этому повѣрье. Приводимъ свидѣтельство о немъ мѣстнаго бытописателя Трунова: „Въ Ливѣнскомъ уѣздѣ (крестьяне) послѣ исполненія супружескихъ обязанностей, равно какъ и послѣ грѣха противъ седьмой заповѣди, омываются водою (безъ этого не долженъ дѣлать шагу со двора; если поѣдетъ на лошади, то она или страшно потретя упряжью, либо издохнетъ). Чтобы очиститься, достаточно брызнуть на себя хотя-бы нѣсколько капель воды. (Записки Г. О. по отдѣл. этнографіи, II, 13). То же самое повѣрье о „потѣни лошади отъ грѣховъ хозяина“ отмѣчено и въ Мышкинскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи (Этнографич. Обзор. 1911, № 1—2, с. 251, статья Ив. В. Костоловскаго). — Напомнимъ, наконецъ, свидѣтельство Олеарія о томъ, что русскіе того времени, при совершеніи плотскаго грѣха, снимали съ себя патльные кресты и завѣшивали иконы въ комнатѣ (А. Олеарій, Подробное описаніе путешествія. Москва, 1870, с. 215).

Д. Зеленинъ.

Изъ прошлаго каликъ перехожихъ.

Мало извѣстно о происхожденіи и исторіи нашего духовнаго стиха. Все, что можно сказать объ этомъ, почерпается обыкновенно изъ него же самого. „Стихъ о сорока каликахъ со каликою“ и стихъ названный „Воскресеніе. Ивашъ Богословъ“ берутся какъ характеристика создавшей его среды. Она—не совсѣмъ народная. „По очевидному вліянію книжному на составъ духовныхъ стиховъ,—писаль Буслаевъ,—надобно полагать, что они обязаны своимъ происхожденіемъ не простонародью вообще, а избранной массѣ, которая впрочемъ, не составляла особаго сословія, а только случайно являлась въ видѣ корпораціи. Всякій книжный человѣкъ могъ входить въ эту корпорацію, но, безъ сомнѣнія, не всѣ члены ея были людьми грамотными, такъ какъ и теперь поютъ духовные стихи безграмотные слѣпцы“¹. Но что такое эта „избранная масса“? Просто народные грамотѣи, одинаково изъ высшихъ и низшихъ слоевъ населенія? Во всякомъ случаѣ церковь оказывается тутъ не при чемъ. Гдѣ связь съ нею? Между церковью и духовнымъ стихомъ, какъ причина розни, стоитъ главное его содержаніе: апокрифъ. Значитъ ли, что самостоятельно, совершенно такъ же „естественно“ какъ „естественно“, т.-е. по принципу *humanum erga est*, возникло язычество, колыбель поэзіи, на смѣну прежней новымъ и вящимъ заблужденіемъ явилась поэзія двоевѣрія, ересей, богомилства, христіанской миѳологіи—апокрифическій духовный стихъ? Это была уступка христіанства, если не компромиссъ, то приспособленіе. Народъ отвѣтилъ пѣсней на встрѣчу вносимому въ его среду свѣту Христова ученія, и пѣсня эта—духовные стихи. Ихъ надо изучать въ зависимости отъ отреченныхъ книгъ, съ ихъ легендами, вошедшими позднѣе въ составъ сказокъ. Такъ говоритъ историко-литературная *vulgata*.

Однако, вчитавшись повнимательнѣе въ стихъ „о сорока каликахъ со каликою“ можно добиться болѣе точнаго представленія, чѣмъ „избранная масса“. Прежде всего передъ нами самымъ определен-

¹ Э. И. Буслаевъ. Народная словесность Спб. 1887, стр. 455. Сб. отд. р. яз. и сл. Имп. Ак. Н. т. XLII, № 2.

нымъ образомъ—паломники. Въ качествѣ таковыхъ и надо разсматривать пѣвцовъ и составителей духовныхъ стиховъ. Паломничество коренная, опредѣляющая ихъ значеніе среда.

Насколько рано распространилось у насъ паломничество и богомольство, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Мы встрѣчаемъ повѣстие о томъ, что люди ходятъ на роту въ Ерусалимъ ¹, т.-е. этимъ паломничествомъ заканчивались даже простые частные распри и споры. Выраженіе: „рота“ несомнѣнно относитъ насъ къ глубокой древности. Церковь, судя по Псевдо-Владимирову Уставу, очень рано начала добиваться, чтобы паломники и прощенники были признаны людьми церковными ². Можно ли тогда сомнѣваться въ томъ, что хожденіе на богомолье поощрялось церковью очень рано? На это указываетъ особенно находящееся среди каноническихъ статей запрещеніе ходить на богомолье бѣднымъ людямъ ³. Только при распространенности богомолья могло возникнуть такое увѣщаніе. А среди прочихъ Псевдо-Владиміровъ Уставъ считаетъ церковными людьми еще слѣпца, хромца, калѣку. Что слѣпецъ, хромецъ, прощенникъ, калѣка подводятъ насъ къ каликамъ переходимъ, на это я и вижу вполне ясное указаніе въ духовномъ стихѣ о „сорока каликахъ со каликою“. Сюжетъ „Стиха о сорока каликахъ со каликою“ ⁴—излюбленный на Руси отъ Кіево-Печерскаго Патерика ⁵ до повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ рассказъ объ козняхъ и соблазнахъ злой жены, схожій съ исторіей молодого Іосифа и его собственной продѣлкой надъ братомъ Веньяминомъ по Библіи. Но это только сюжетъ, фабула, внѣшность. Существеннѣе бытовья черты.

Сюжетъ прекраснаго Іосифа, соединенный съ сюжетомъ Веньямина, отлично подходилъ къ тому, чтобы прославить и возвеличить каликъ. Они не какіе-нибудь „воры-разбойники“, а благочестивые пилигримы, идущіе ко Гробу Господню. Ихъ, конечно, не совратить никакими женскими прелестями, хотя бы обольстительницей была сама

¹ Статья „Дубенскаго сборника“, Срезневскій. Свѣд. и Зам. т. II, LVII, стр. 314. Сборникъ отд. русск. яз. и слов. Ак. Наукъ т. XII и Вопросаніе Пльино. Памятники др. р. каноническаго права. Спб. 1880. I, 61—62.

² Текстъ у Лейбовичъ. Сводная Лѣтопись, Спб. 1876. стр. 298; ср. Голубинскій Исторія русск. церкви I, I, стр. 422.

³ Вопросы Кирика § 12; II. др. р. к. пр. I, 27; сужу о томъ, что это касается бѣдныхъ по аналогіи съ увѣщаніемъ бѣдныхъ не идти въ монахи; аргументъ тотъ же: не надо уклоняться отъ труда подъ видомъ благочестія.

⁴ Я пользовался слѣд. изводами этого стиха: Кириша Даниловъ Др. р. стихотв. изд. Шеффера Спб. 1901, стр. 93—100. тоже Безсоновъ, Калѣки переходіе. М. 1861, стр. 7, № 4; Безсоновъ, тамъ же, стр. 21, № 6 (изъ сборника Даля); Рыбниковъ, Пѣсни. Москва. 1860, I, 39, тотъ же стихъ у Безсонова, стр. 20, № 5; Гильфердингъ. Онежскія былины 2е изд., Спб. 1894—1900, №№ 72, 86, 96, 173, 301; Григорьевъ, Архангельскія былины, Спб. 1904, стр. 179, № 8 (44); Оичуковъ, Печорскія былины. Спб., 1904 г., № 47.

⁵ Разумью исторію Моисея Угрина въ изд. Яковлева, стр. CXLIV и слѣд.

княгиня Апраксія. Весь несложный замысел стиха ведетъ въ опозн-
зировацію каликъ, называемыхъ „добрыми молодцами“, а то даже
богатырями ¹. Идутъ они отъ монастыря Боголюбова ² или изъ самой
Корелы богатой ³ или изъ города Муромъ ⁴,

ко граду Еросѣлнму.

Ко святой святѣни Богу помолитесе

А во Ердань рѣки окупатесе ⁵.

Когда они „становятся во единый кругъ“, чтобы просить милостыню,
любо глядѣть на нихъ, любо и слушать;

А и будутъ въ городе Кеевѣ

Среди двора княжепецкова,

Ключи-посохи въ землю потыкали,

А и сумочки изподвесили,

Подъсумочья рыта бархата;

Скричать калики зычнымъ голосомъ:

С теремовъ верхи повалилися,

А з горницъ охлушья попадали,

В погребехъ питья сколыбалися ⁶.

Ничего пѣть и не можетъ быть жалкаго, униженнаго, просительнаго
въ той милостыни, которую они просятъ. Что милостыня гораздо вы-
годнѣе всякой „золотой горы“, и „рѣкъ медвяныхъ“, и „садовъ да съ
виноградями“, потому что все это могутъ отнять „вельможи люди
пребогатые“—это разъяснено въ стихѣ „Вознесенье: Иванъ Бого-
словъ“ ⁷. Поэтическая идеализація каликъ переходящихъ, конечно, пред-
ставляетъ дѣло такъ, какъ желательно, а не какъ было на самомъ
дѣлѣ, но намъ важна именно идеализація; она говоритъ про каликъ:

Будутъ они сыты да и пьяны

Будутъ и обуты и одѣты,

Они будутъ тепломъ да обогрѣты,

И отъ темныхъ ночи пріукрѣты ⁸.

Эта же идеализація, когда встрѣчаютъ калики Владимира, заста-
вляетъ его послать ихъ въ „столичный Кіевъ градъ“ и тамъ сама кня-
гиня приметъ ихъ и приметъ не какъ-нибудь, а посадитъ

¹ Гильф. № 72; Григорьевъ № 8; Рыбн. и Безсон. №№ 4, 5 (стихъ
Рябинина) и 6, и Онч. № 47.

² Кирша Дан. Безс. № 4.

³ Безс. № 6.

⁴ Гильф. № 173.

⁵ Гильф. № 72 стихи 25—29.

⁶ Кирша Данил. стр. 95. у Безс. № 4 стихи 81—89.

⁷ Съ этихъ стиховъ и начинается сборникъ Безсонова.

⁸ Безс. № 3 стихи 114—118.

За те столы убранья;
А и столники, чашники
Поворачиваютъ, пошевелеваютъ
Своихъ они приспѣшниковъ;
Понесли-та ества сахарныя,
Понесли питья медвяныя,—
А и те калики переходяи
Сидятъ за столами убраными.
Убираютъ яства сахарныя
А и те веть пьютъ питья медвяныя
И сидятъ они время-часъ другой ¹.

Итакъ, калики переходяе за ниромъ. Одна версія стиха даже называетъ его „столова богатырская“ ². Если вѣрить на слово этой бытовой чертъ каличьяго стиха, окажется, что въ памяти сказителей XVIII и XIX вв. сохранился образъ калики, угощаемаго на пиру въ качествѣ нищей братіи т. е. по особому, не въ примѣръ другимъ участникамъ княжескаго пира, сказителямъ богатырской эпопеи и скоморохамъ ³.

Стихъ о „сорока каликахъ со каликою“ уже этимъ намекаетъ на особыя отношенія каликъ паломниковъ съ княжескими сѣнями, гдѣ пируетъ его дружина. Объяснивъ себѣ эти отношенія мы и уяснимъ себѣ загадочное прошлое духовнаго стиха. Уже давно было замѣчено, что въ каждомъ поэтическомъ произведеніи, изучаемомъ лишь по болѣе позднимъ изводамъ, древнее—въ такихъ подробностяхъ, которыя придають ему характеръ несообразности, и потому именно на самое странное, кажущееся подробностью, вовсе не важной для общаго замысла, и слѣдуетъ обращать самое тщательное вниманіе. Такой несообразностью мнѣ представляется въ разбираемомъ стихѣ эпизодъ самосуда ⁴. По версіи Кириши Данилова, отправляясь въ путь, калики переходяе положили слѣдующій завѣтъ:

А в томъ-та веть заповедь положена:
— Кто украдетъ, или кто солжетъ,
— Али кто пуститца на женской блудъ,
— Не скажетъ болшему атаману,

¹ Кириша Даниловъ, стр. 95;—у Безс. № 4 стихи 118—128.

² Гильф. № 96 стихъ 47.

³ В. Миллеръ. Очерки I. с. стр. 52—63.

⁴ Эпизодъ самосуда забывается чрезвычайно рѣдко, о немъ не упоминалъ лишь Рябчининъ, но его стихъ въ сущности не только не оконченъ, а просто совершенно другой. Эпизодъ самосуда см. Гильф. 72, 95, 173, 301. Кириша Даниловъ у Безс. № 4, Григорьевъ № 8 (44) и Ончук. № 47.

- Атаманъ про то дело проведаетъ,—
- Едина оставить во чистомъ поле
- И окопать по плеча во сыру землю ¹.

Собразно этой „заповѣди“, когда обнаружена княжеская чашка, подложенная княгиней ² или Алешей Поповичемъ ³ въ „подсумочку“ атамана или его брата Касьяна Офонасьевича ⁴, либо Михайловича ⁵, либо Оомы Ивановича ⁶ или Михайла Касьянова ⁷, иногда по слову самого мнимаго преступника ⁸ и совершается самосудъ. Въ самомъ этомъ эпизодѣ еще не только нѣтъ несообразности, но онъ вполне логиченъ, усиливая самое поэтизацію: калики не только не „воры—разбойники“, но при малѣйшемъ подозрѣніи они готовы казнить виновнаго товарища самой страшной казнью. Значить, моментъ самосуда можетъ вытекать изъ основного замысла и въ немъ одномъ нельзя видѣть какой-либо древней, забытой, но существенно важной черты. Такъ—казалось бы. Пойдемъ однако съ другой стороны. Почему такимъ коварнымъ и жестокимъ оказался по отношенію каликъ дворъ Владимира? Откуда это желаніе заставить именно князя совершить несправедливость? Онъ правда не всегда поступаетъ хорошо и въ другихъ былинахъ; но почему тогда не могутъ богатыри справиться съ каликами и вернуть ихъ назадъ? Олеша Поповичъ ⁹ и Никита Романовичъ возвращаются ни съ чѣмъ, а Добрыня Никитичу удается лишь хитростью и лестью заставить каликъ произвести обыскъ ¹⁰. Почему? Оттого, что они не калики, а богатыри, либо, и не будучи богатырями, такіе, что съ ними не совладать? Вотъ тутъ нѣкоторая несообразность. Если бы эпизодъ о заповѣди или зарокѣ каликъ совершить самосудъ долженъ былъ усилить впечатлѣніе отъ честности каликъ, вовсе не нуженъ былъ бы эпизодъ борьбы съ каликами княжескихъ богатырей. Тогда развитіе дѣйствія торопилось бы скорѣе къ чуду, спасающему мнимо провинившагося калику и доказывающему его ненависть ¹¹. Но дѣло обстоитъ не такъ. Калики борются. Мало того, они возвращаются назадъ въ Кіевъ и уличаютъ князя ¹².

¹ Безс. № 4 стихи 22—30; Кирша Дан. стр. 94.

² Гильф. №№ 72, 96 и др. Безс. № 5

³ Кирша Даниловъ у Безс. № 4 стихи 156—160.

⁴ Гильф. №№ 72 и 301; Кирша Даниловъ у Безс. № 4.

⁵ Гильф. № 173 и Григорьевъ № 8 (44).

⁶ Гильф. № 96.

⁷ Безс. № 6.

⁸ Гильф. № 72.

⁹ Гильф. №№ 72, 96, 173; Григорьевъ № 8 (44); Безс. № 4.

¹⁰ Григорьевъ № 8 (44).

¹¹ Во всѣхъ версияхъ см. пр. 9-ое.

¹² Эпизодъ чуда на лицо во всѣхъ полныхъ версияхъ, но онъ разнообразится; у Кирши Данилова чудо однако лишь въ томъ, что закопанный Касьянъ Михайловичъ остался живъ.

Вотъ этотъ моментъ борьбы каликъ съ княземъ или его богатырями въ связи съ мотивомъ о самосудѣ или, иначе: о самостоятельной юрисдикціи каликъ, представляется мнѣ основнымъ содержаніемъ стиха, отражающимъ древнія бытовья отношенія. И наша церковь, какъ и церковь запада добивалась собственной юрисдикціи надъ церковными людьми, среди которыхъ мы находимъ прощенника, хромца, слѣпца, т.-е. каликъ. Не этимъ ли и представлялись сильными калики? Не отсюда ли—ихъ распря съ Владимировымъ (въ данномъ случаѣ Владимира, какъ типичнаго князя, окруженнаго богатырями-дружинниками) дворомъ и распря какъ разъ по тяжбному дѣлу? А если такъ, то вотъ — наглядный показатель несомнѣнной связи церкви съ особыми пѣвцами-паломниками. Нужды нѣтъ, что почти всегда апокрифиченъ репертуаръ каликъ. Церковь старательно „исправляла“, но не всегда могла исправить даже строго-церковныя книги; она должна была исправлять и каличьи стихи, а это послѣднее было, конечно, всего труднѣе; отсюда—разрывъ съ каликами, уклонъ каликъ въ ересь и расколъ; тамъ удержаться на высотѣ было легче, съ тѣхъ поръ какъ церковь, уже болѣе не нуждаясь въ каликахъ, стала лишь терпѣть ихъ и терпѣть только какъ нищихъ, отнюдь не допуская ихъ учительства.

Полученные изъ разбора духовнаго стиха „О сорока каликахъ со каликою“ выводы подтверждаются извѣстіемъ двухъ интереснѣйшихъ записей, извлеченныхъ проф. Д. В. Айналовымъ изъ Отчета Имп. Публичной Библіотеки за 1894 ¹.

Первая записъ:

„Въ лѣто 6671 (= 1163). Поставиша Іоана архіепископомъ Новоугороду. При семь ходиша во Іерусалимъ калицы і при князе рустемъ Ростиславе († 1168).

„Се ходиша изъ Великаго Новгорода отъ святой Софѣи 40 мужъ калици ко граду Іерусалиму ко гробу Господню. И гробъ Господень целоваша и ради быша. И поидоша, взявше благословеніе у патриарха и святыя мощи. И придоша въ Великій Новгородъ къ святей Софѣи. И даша святыя мощи въ церковь владыки Іоану святымъ церквямъ на священіе, а собору святыя Софѣи даша копкаръ, во веки имъ кормленіе, а собѣ во вѣки славы оукоуниша. И святыи владыка Іванъ и весь соборъ священническій благословиша ихъ всѣхъ 40 мужъ. И поидоша по градамъ съ великою радостію, славящи Бога. Придоша въ Русу къ святому

¹ Д. Айналовъ. Нѣкоторыя данныя русскихъ лѣтописей о Палестинѣ, стр. 14-16 отд. оттиска изъ Русскаго Паломника; Отч. Имп. Публ. Библ. за 1894, стр. 113-115 (Х. М. Лонарева).

Борису и Глѣбоу; аже седить соборъ, ины даша имъ святые мощи; а оу святого Бориса и Глѣба стоятъ 6 мужъ притворянъ и ины даша имъ скатерть во веки имъ кормленіе. И благословишася у собора вси 40 мужъ и поидоша по градомъ. И приидоша во градъ Торжокъ къ святому Спасоу; аже седить соборъ, святого Спаса священники; они же даша имъ святые мощи святымъ церквамъ на освященіе; аже стоятъ у святого Спаса 12 мужъ притворянъ, ины даша имъ чашу свою во веки имъ кормленіе“.

Значеніе этой, на первый взглядъ, болѣе ранней записи, повидимому, опредѣлится вполне только изъ слѣдующей; однако уже сразу бросается въ глаза, что это древнее упоминаніе о „сорока каликахъ“, извѣстныхъ намъ изъ духовныхъ стиховъ, представляетъ ихъ людьми церковными. Они исполняютъ по представленію автора записи важное дѣло: доставляютъ мощи и священные предметы въ церкви. Путь ихъ лежитъ свободно „по градомъ“, но въ Русу и въ Торжокъ они приходятъ, когда тамъ засѣдаетъ „соборъ“, т. е. съѣздъ приходскихъ священниковъ. Подаренные каликами священные предметы: скатерть, копкарь, чаша, дарятся церковнымъ людямъ клирошанамъ и притворянамъ и отъ нихъ „на вѣки имъ кормленіе“.

Вторая запись:

„Въ лѣто 6837 (= 1329). Ході князь великни Иванъ Даниловичъ в Великій Новгородъ на мироу. И постояше въ Торжоку, и приидоша къ нему святого Спаса притворяне съ чашею сію 12 мужъ на пиръ. И воскликнуша 12 мужъ, святого Спаса притворяне: „Богъ дай многа лѣта великому князю Ивану Даниловичю вся Русь. Напой, накорми нищихъ своихъ“. И князь великни вопросилъ бояръ и старыхъ мужъ повоторжцевъ: „Что се пришли за мужи ко мнѣ?“. И сказала ему мужи повоторжци: „То, господише, мужи святого Спаса притворяне; а ту чашоу дана имъ 40 мужъ калици, изъ Ерусалима пришедше“. И князь велики, пришедше, посмотрѣвъ оу нихъ въ чашу, а постави ея на тѣмя свое и рече имъ: „Что, брате, возмете оу мене въ сію чашу вкладе?“ И тако реконна ему притворяне: „Чимъ, господине, насъ пожалуешь, то возьмемъ“. И князь велики даше имъ гривну новую вклада. „А ходите ко мнѣ во всякую недѣлю и емлите у мене две чашы пива, а третью меду. Такъ-же ходите къ намѣстникомъ моимъ, и ко посадникомъ, и по бракомъ, а емлите собѣ по три чашы пива. А кто сію чашу избесчинить, ишь дастъ гривну золота да 6 берковсковъ меду князю и владыки. А кто на васъ подереть вотолу, ишь дастъ три крошны нитей, а цѣна имъ полтора рубля“.

Раньше чѣмъ взвѣситъ значеніе второй записи во всей полнотѣ, мнѣ хочется обратить вниманіе на слова: „и по бракомъ“. Церковные люди, владѣльцы подаренной имъ каликами чаши, притворяне церкви Спаса, получаютъ право ходить по бракамъ и брать себѣ три чаши пива. Рѣчь тутъ идетъ очевидно не о церковномъ бракѣ; пиво атрибутъ брачнаго пира, т. е. свѣтской, унаслѣдованной отъ язычества его части; это тотъ бракъ, что бичуютъ наши древнѣйшія проповѣди, классическое мѣсто пѣсенъ и плясокъ. Свѣтъ на происхожденіе и смыслъ обѣихъ записей проливаетъ прежде всего это упомянутое во второй записи присужденіе княземъ притворянямъ церкви Спаса нѣкоторой „десятины“. Употребляю нарочно это выраженіе, чтобы вызвать представленіе о связи по духу записей о „сорока каликахъ“ съ Псевдо-Владимировымъ Уставомъ. Вотъ—церковные люди, которымъ не только разрѣшается (или которые претендуютъ на полученіе подобнаго разрѣшенія) побираться по бракамъ, при чемъ оскорбителямъ ихъ угрожаетъ штрафъ въ пользу князя и владыки, но принадлежитъ и нѣкоторое право на часть княжескаго достоянія обязательное и для намѣстниковъ и посадниковъ. Притворяне не добиваются церковной юрисдикціи, какъ слѣпцы, хромцы, прощенники и т. п., упомянутые въ Псевдо-Владимировомъ Уставѣ. Они остаются подъ защитой князя, но защищаетъ ихъ и владыка. Таково правовое положеніе притворянь, которое имъ приписываетъ вторая запись. Выгоды, которыя приходятся или должны прійтись на долю церковныхъ людей Новоторжскаго Спаса очевидно и вызвала вторую запись т. е. рассказъ о посѣщеніи Иваномъ Даниловичемъ Торжка и встрѣчи съ притворянями. А первая запись? Проф. Айналовъ призналъ, что упоминаемая тутъ чаша та же, что и во второй записи. Мнѣ кажется, что это тѣмъ болѣе такъ, что первая запись и возникла-то подъ вліяніемъ второй. Она не старше, а моложе второй, хотя сообщаемыя въ ней событія и отнесены ко времени на двѣсти лѣтъ болѣе древнему. Правда, въ первой записи названы еще и другія церкви: новгородская Софія и церковь свв. Бориса и Глѣба. Но какъ можно судить по началу первой записи: „Поставиша Іоана архиепископомъ Новоугородоу. При семь ходиша во Іерусалимъ калицы і при князе рустемъ Ростиславе“, передъ нами отрывокъ какого-то извода Новгородской лѣтописи, такъ что вполне естественно было упомянуть и другія такія же святыни въ Новгородской землѣ.

Итакъ, мы имѣемъ отъ XVI в. извѣстіе о притворяняхъ, получившихъ отъ князя привилегіи, въ числѣ которыхъ—право брать на свадьбахъ въ свою пользу налогъ видѣ трехъ чашъ пива. Это единственное достовѣрное. Но намъ важно, что привозъ священныхъ предметовъ, дающихъ „во веки имъ кормленіе“ приписанъ сорока каликамъ. Тутъ несомнѣнно подтвержденіе того, что калики близки церкви; они ей не безразличны; это люди свои. Церковь т. е. клиро-

шане придаютъ имъ большое значеніе. Ихъ путешествія во святую землю заносятся въ лѣтопись. На нихъ ссылаются при указаніи того, откуда святыни, совершенно такъ же, какъ во Франціи въ церкви св. Динисія подъ Парижемъ жонглеры-клерики, пѣвшіе *chansons de geste* на ярмаркѣ въ день Индикта сообщали о происхожденіи хранившихся у св. Динисія священныхъ предметовъ и мощей. Это послѣднее мы знаемъ изъ старо-французскихъ *chansons de geste*: *Fierabras* и *Pèlerinage de Charlemagne*. То, о чемъ у насъ говоритъ лѣтописная записъ XVI в., на западѣ, дѣйствительно, имѣло мѣсто въ XII.

Дальнѣйшій свѣтъ на прошлое нашихъ каликъ и должны пролить нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о происхожденіи старо-французскихъ *chansons de geste*.

Недавно наблюденію надъ такими *chansons de geste* какъ *Fierabras* и *Pèlerinage de Charlemagne* суждено было получить самое неожиданно большое значеніе. Прежде всего Пѣснь о Роландѣ—эта самая знаменитая изъ всѣмъ міровыхъ эпопей, была поставлена въ самую тѣсную зависимость отъ монастыря въ Ронсельванскомъ ущельѣ. Тамъ показывали славные доспѣхи Роланда, тамъ показывали и могилу героя, и мѣсто битвы. Кому показывали? Кто могъ видѣть все это въ глухомъ и отдаленномъ монастырѣ въ забытомъ ущельѣ Пиренеевъ? Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. Все это показывали цѣлымъ полчищамъ паломниковъ всѣхъ націй, шедшихъ на поклоненіе къ ракъ Якова Кампостельскаго въ Испаніи. Пѣсня о Роландѣ стала знаменита лишь потому, что знаменитъ былъ этотъ монастырь въ Ронсевальскомъ ущельѣ, важная станція на пути къ Якову Кампостельскому. Не Ронсевальскій ли монастырь, спрашивается тогда, вызвалъ къ жизни появленіе и пѣсни? Выяснилось однако, что это не совсѣмъ то; въ самое недавнее время эта близость паломничества и монастырскихъ святынь съ *chanson de geste* послужила темой кропотливаго и внимательнаго изученія, и это то открываетъ цѣлый новый міръ въ области пониманія источниковъ и дальнѣйшаго развитія эпопей не только французской, а эпопей вообще. Какъ самое общее и самое неожиданное слѣдствіе этихъ изысканій и оказалось ближайшее участіе церкви и церковныхъ людей въ развитіи даже самой свѣтской изъ свѣтскихъ, героической и національной поэзіи.

Поль Мейеръ на конгрессѣ историковъ въ Римѣ обратилъ вниманіе на существованіе чего-то вродѣ особаго института паломниковъ—жонглеровъ. Полчища паломниковъ сопровождали жонглеры. О нихъ существуютъ свѣдѣнія по всей такъ называемой „французской дорогѣ“, тянувшейся отъ перевала черезъ Альпы на югъ въ Римъ. Это былъ главный путь паломничества. Особое названіе „*les romés*“ носили тѣ, кто ходилъ въ градъ Петра. Шли отъ монастыря къ монастырю, шли и очевидно, разъ тутъ были жонглеры, шли не молча... Что же пѣли жонглеры паломникамъ? Жозефъ Бедье, прослѣдившій

шагъ за шагомъ, этапъ за этапомъ указанную Поль Мейеромъ „французскую дорогу“ въ Италию, пришелъ къ тому выводу, что надо разъ на всегда окончательно разстаться съ гипотезой о кантиленахъ, т. е. о чемъ-то схожемъ съ нашими былинами, какъ объ источникѣ chansons de geste. Нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ утверждать, что когда-либо во Франціи существовала эпопея въ формѣ пѣсенъ, схожихъ съ нашими былинами. Свое содержаніе авторы chansons de geste, эти жонглеры-клерики, жонглеры, бродившіе по монастырямъ, черпали изъ легендъ монастырскаго происхожденія, чернымъ по бѣлому записанныхъ въ пергаментскихъ и харатейныхъ спискахъ и относящихся къ существующимъ иногда даже до сихъ поръ монастырскимъ святынямъ. Такого легендарно христіанскаго происхожденія Гильомъ д'Оранжъ, Жераръ-де Руссильонъ, Ожье Датчанинъ, Рауль де Камбрэ и другіе герои chanson de geste ¹.

Поэзія значитъ вотъ въ какомъ смыслѣ служила церкви; церковь пользовалась поэзіей, совершенно такъ же, какъ она воспользовалась ею и для распространенія житій, напр. на западѣ знаменитыхъ поэтическихъ житій св. Евлаліи и св. Алексѣя Человѣка Божія, и явленіе это въ сущности не можетъ удивлять послѣ того, какъ мы знаемъ о религіозномъ происхожденіи средневѣковой драмы. Но поэтическія житія и житія драматизованныя (miracles), это поэзія писанная, искусственная; это не пѣсни, а рядъ поэмъ, сочиненныхъ поэтами. Надо-ли тогда смотрѣть и на chansons de geste, какъ на писанную, вовсе не народную поэзію; т. е. на явленіе, которое сопоставлять съ памятниками русской народной словесности не приходится?

Такъ и смотритъ на добытыя его работой выводы самъ Бедье. Мнѣ важень пока однако лишь этотъ образъ жонглера-клерика, жонглера-паломника, близкаго монахамъ и начитаннаго въ монастырскихъ легендахъ. Я спрашиваю: не принадлежала ли къ тому же типу „избранная масса“—создательница, по мнѣнію Буслаева, нашихъ духовныхъ стиховъ? Можетъ быть и русская эпопея пережила моментъ весьма схожій съ тѣмъ, что обнаружено работами Бедье относительно французской. Нельзя не поднять—не устоишь—подобныхъ вопросовъ, читая изслѣдованіе А. А. Шахматова о „Корсунской ле-

¹ Joseph Bédier. Les légendes épiques. Recherches sur la formation des chansons de geste. Paris 2 v. 1908 (ождается еще два тома). Теорія Бедье прекрасно изложена по русски А. А. Смирновымъ въ статьѣ „Новая теорія происхожденія старо-французскаго эпоса“ Записки Нео-Филологическаго Общества. Вып. IV, стр. 83 и слѣд. Спб. 1910. А. А. Смирновъ въ критической части своей статьи явился выразителемъ тѣхъ сомнѣній, какія вызвалъ Бедье у большинства его многочисленныхъ рецензентовъ. Подводя итоги, Смирновъ говоритъ: „Вмѣсто теоріи происхожденія эпоса мы получимъ теорію его развитія. Вмѣсто монастырскаго источника всего эпоса мы получимъ монастырскій періодъ черезъ который прошелъ весь эпосъ, основательно переработанный (стр. 125).

гендѣ“. А. А. Шахматовъ вообще стоитъ на точкѣ зрѣнія очень близко приближающейся ко взглядамъ Курта. Онъ часто въ своихъ разысканіяхъ о лѣтописныхъ сводахъ заключаетъ отъ лѣтописной записи или лѣтописнаго разсказа къ былинѣ или народному сказанію¹. Самое блестящее изслѣдованіе его въ этомъ отношеніи—возстановленіе былины о Мстишѣ Лють Свѣнельдовичѣ². А. А. Шахматовъ отождествляетъ его съ Никитой Залѣшанинымъ, дошедшихъ до насъ былинь. Этотъ Мстиша, значить, отецъ Добрыни Никитича (Мстишинъ Микитичъ) и матери Владимира Мальфрѣди. Первоначально и Никита Залѣшанинъ былъ отцомъ Добрыни. Былинныя свѣдѣнія объ этомъ Мстишѣ-Микитѣ, какими пользовались лѣтописцы, сбивчивы. По однимъ это онъ убилъ Игоря, когда Игорь собиралъ дань въ землѣ Древлѣнъ, дань отдавшую раньше его отцу Свѣнельду. По другимъ онъ самъ убилъ Олегомъ Святославичемъ древлѣнскимъ за то, что охотился въ его владѣніяхъ; слѣдствіемъ чего была борьба Ярополка съ Олегомъ, кончившаяся гибелью послѣдняго. Тотъ же Мстиша или Мстиславъ отождествляется съ Мстиславомъ Владимировичемъ, братомъ Ярослава Мудраго, славнымъ Тмутараканскимъ героемъ. Не менѣе сбивчиво и то, что говорилось и пѣлось о Свѣнельдѣ. Историческій Свѣнельдъ, повидимому, воевода и бояринъ Святослава. Но онъ же названъ и бояриномъ Игоря и воспитателемъ Святослава. Все это вполне въ духѣ обычныхъ хронологическихъ несообразностей былинныхъ спѣвовъ. Но намъ особенно важно во всемъ этомъ то, что Свѣнельдъ и Мстиша родоначальники Владимира по матери, Мальфрѣди, родня Добрыни Никитича, а объ этой Мальфрѣди можно думать, что она была христіанка и подарила одно село (Будутино) Десятинной церкви; во всякомъ случаѣ о ней говорятъ „какія-то записи Кіевской Десятинной церкви“ и сообщеніе о ней „явно связано съ Десятинной церковью“³. Добрыня—по существу Купало, т. е. креститель Руси, для церкви богатырь близкій и дорогой.

Вотъ это послѣднее заставляетъ съ особымъ вниманіемъ отнестись къ изслѣдованію А. А. Шахматова о „Корсунской Легендѣ“.

То, что А. А. Шахматовъ назвалъ Корсунской легендой есть особое сказаніе о томъ, какъ Владимиръ крестился въ Корсунѣ. Легенда возникла въ XI в., и происхожденіе ея—клиросъ Десятинной церкви, въ составъ котораго входили потомки вывезенныхъ изъ Корсуни греческихъ поповъ⁴. Ни авторъ Древнѣйшаго свода, ни преп. Никонъ этой легенды не знали и они заставляютъ Владимира кре-

¹ Шахматовъ. Разысканія о древн. русск. лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908 г. стр. 27, 65, 75—78, 81, 95, 109—113, 125—127, 331—334 и т. д. особенно же 477—480.

² Тамъ же, 355—377.

³ Тамъ же, стр. 1087 и слѣд.

⁴ Сборникъ въ честь Ламанскаго. Спб. 1908 г. II, стр. 1087 и слѣд.

ститься въ Кіевѣ ¹. Эта Корсунская Легенда важна намъ тѣмъ, что и ея содержаніе или, если такъ можно выразиться, ея фабулу А. А. Шахматовъ видитъ въ былинѣ. Онъ тутъ возстановляетъ мнѣніе уже высказанное Костомаровымъ. Согласно Корсунской легендѣ походъ въ Корсунъ сопряженъ съ желаніемъ Владимира добыть себѣ важную жену—„цесаревну“. На лицо всѣ признаки народно-пѣсенной темы о добываніи невѣсты ². Прибавлю отъ себя, темы не только эпической. Тема эта въ своемъ чистомъ видѣ находится въ хороводной пѣснѣ: „Ходитъ князь вокругъ города“. Эта тема сплетается и съ другой, которую можно было бы назвать темой „укрошеніе строптивой невѣсты“ ³. Итакъ корсунскіе попы-клирошане Десятинной церкви, составляютъ сказаніе о походѣ на Корсунъ, и ихъ главная цѣль возвеличить корсунскія святыни, находящіяся въ Десятинной церкви, находящіяся также и въ Новгородѣ и во Псковѣ. Для этого они пользуются схемой народной пѣсни. Прибавлю еще, что рассказъ о добываніи невѣсты въ Корсунѣ, а, можетъ быть, и въ самомъ Царьградѣ совершенно тождественъ съ рассказомъ о женитбѣ Владимира на Рогнѣдѣ, въ которомъ главная роль выпала на долю Добрыни ⁴. А Рогнѣда не забыта и въ христіанскихъ легендахъ ⁵. Она далеко не представляется только язычницей. Сообщалось, что она крестилась одновременно съ Владимиромъ и приняла монашество. Нельзя-ли, стало-быть, и ее столько же, сколько и Мальфрѣдъ, признать, если не жертвовательницей Десятинной церкви, то чтимой въ какомъ-либо монастырѣ?

Между изслѣдованіемъ А. А. Шахматова и работами Бедье то сходство, нѣсколько неожиданное и, какъ мнѣ кажется, чрезвычайно важное для изученія эпическихъ сказаній европейскихъ народовъ, что и тутъ, и тамъ обнаружена связь между церковными святынями и національной эпопеей. По теоріи Бедье оказывается, что въ монастыряхъ Франціи и Италіи, куда заходили паломники, составлены были легенды о герояхъ, чьи гробницы находились въ этихъ монастыряхъ, и о святыхъ реликвіяхъ, завезенныхъ въ нихъ изъ далекихъ странъ: въ послѣдствіи эти легенды, написанныя сначала по латыни, были уже на національномъ языкѣ, особымъ составомъ бродячихъ жонглеровъ, сопровождавшихъ паломниковъ, переложены въ поэмы. По теоріи А. А. Шахматова древнѣйшая церковь въ Кіевѣ описываетъ происхожденіе своихъ святынь въ легендѣ, содержаніе которой широко черпаетъ изъ народныхъ былинъ ⁶. При этомъ оказывается

¹ Тамъ же, стр. 1102—1108 и др.

² Тамъ же, ср. стр. 1152—1153.

³ Объ темы см. въ моей Весенней обрядовой пѣснѣ т. II, стр. 285—297.

⁴ Шахм. Раз., текстъ стр. 614.

⁵ Сб. Лам. II, текстъ стр. 1095 примѣч. 1151.

⁶ Аналогія была бы еще полнѣе, если бы Корсунскую легенду можно было предположить записанной сначала по-гречески. И основанія для такого предположенія есть. А. А. Шахматовъ считаетъ, что авторъ—грекъ.

еще и то, что цѣлый рядъ героевъ русской эпопеи, частью такихъ, которыхъ воспѣваютъ извѣстныя намъ былины (Добрыня, Владимиръ, Анастасія, Никита Залѣвшанинъ), частью же извѣстныхъ лишь по лѣтописямъ, но сюда попавшихъ изъ древнѣйшихъ недошедшихъ до насъ эпическихъ пѣсенъ (Рагнѣда, Олегъ, Мистиша Лють Свѣнельдовичъ), такъ или иначе связаны съ древне-русскими святынями. Таково сходство, таково и различіе.

Изъ теоріи Бедье вытекаетъ, какъ совершенно необходимое слѣдствіе, что нѣкоторые церковные круги, монахи и клирики, способствовали развитію поэзіи не только косвенно, но и прямымъ воздѣйствіемъ. Христіанская церковь дала средневѣковой поэзіи даже не только поэтическія легенды о святыхъ, вродѣ пѣсенъ о св. Евлаліи и объ Алексѣѣ Божьемъ Человѣкѣ, не только крестоносцешскіе *chansons d'outrée*, не только драматическіе *Miracles* и легенды о Богородицѣ, не только благочестивыя пѣсни, перерабатывающія любовную лирическую пѣсню, но кромѣ того еще и эпическія поэмы: *chansons de geste*. Теперь нѣчто подобное, какъ будто бы вытекаетъ изъ изслѣдованій А. А. Шахматова и относительно Руси. Невольно возникаетъ предположеніе, что всѣ эти герои былины: Мстиша-Микита и его сынъ Добрыня, Мальфрѣдъ, Рогнѣда, въ качествѣ добываемой невѣсты, не говоря уже о самомъ Владимирѣ, воспѣвались не безъ участія въ этомъ клироса Десятинной церкви, что они стали героями поэзіи не языческой, а уже христіанской. Были ли они сами христіане т.-е. были ли христіанами ихъ историческіе прототипы, какое это имѣетъ значеніе? Мы узнаемъ о Мальфрѣди, что о ней помнятъ въ Десятинной церкви, наряду съ блаженной княгиней Ольгой, о Рогнѣдѣ, что она постриглась и, можетъ быть, основала монастырь, а Добрыня, этотъ уже не предполагаемый, а дѣйствительно существующій былинный герой, прежде всего характеризуется, какъ говоритъ о немъ Вс. О. Миллеръ, какъ Купало, т.-е. креститель ¹. А кромѣ этого Добрыня вѣдь еще и Змѣборецъ ², такой же какъ и Георгій Побѣдоносецъ, и Федоръ Тиронъ, и еще Алеша съ его не безинтереснымъ теперь *patronimicum* Поповичъ. Только Мстиша Лють Свѣнельдовичъ остается въ сторонѣ. Когда онъ превратится въ Никиту Залѣвшанина, о его христіанизаторской дѣятельности говорить не будетъ. Она либо забыта, либо ея и не было, и онъ только отецъ Купалы-Добрыни. Намъ остается спросить себя: надо ли думать, что греки-клирошане, составители Корсунской легенды лишь черпали сюжеты изъ эпическихъ пѣсенъ, либо, что подъ ихъ влияніемъ еще возникали уже христіанскія эпическія пѣсни?

¹ Очерки русской народной словесности. Москва. 1897. стр. 144 и слѣд., въ Хронографѣ ред. 1512 г. сказано: „а Добрыню посла и Новгород и повеле всѣхъ крестити“ прив. у Шахм. Корс. лог. Сб. Лам. II, стр. 1079.

² Вс. О. Миллеръ, тамъ же.

Сопоставленіе теоріи Бедье о монастырски-паломническомъ происхожденіи chansons de geste съ разысканіемъ А. А. Шахматова о корсунской легендѣ какъ будто отвлекло насъ отъ духовныхъ стиховъ. Оно заставляетъ однако думать, что вообще т. наз. народная эпопея европейскихъ народовъ—созданіе пѣвцовъ по основному типу своему схожихъ съ каликами переходными. Насъ уже всецѣло вернетъ къ репертуару нашихъ каликъ одно любопытное мѣсто изъ англо-саксонской поэмы о Беовульфѣ. Воспѣвая великолѣпіе построенной Хродгаромъ залы, мѣста дружиннаго пиршества, названной имъ Хеоротомъ, поэтъ изображаетъ въ такихъ выраженіяхъ происходившія тамъ пиво и медо-питія, чему и позавидовалъ врагъ людей изъ породы Каина, страшное чудище, Грендель:

„Тамъ арфы звенѣли и слышался сладкій голосъ скопа. Сказывалъ, кто умѣлъ, повѣсть о первомъ, древнемъ происхожденіи людей, говорилъ, что Всемогущій создалъ твердь, свѣтлое пространство, которое окружала вода, установилъ все побѣждающіе солнце и мѣсяць, чтобы свѣтилъ свѣтъ на населеніе земли и украсилъ лоно почвы цвѣтами и листьями“ (стихи 89—99).

Древній скопъ представленъ поющимъ именно духовный стихъ. Иначе нельзя понять этого мѣста. Рѣчь идетъ о стихѣ разсказывающемъ мірозданіе.

Застольныя пѣсни существовали и у насъ, и въ княжескихъ сѣняхъ онѣ были обычнымъ развлеченіемъ. Въ подтвержденіе этого, въ чемъ впрочемъ было бы и такъ странно сомнѣваться, приводится обыкновенно очень извѣстное мѣсто Патерика, гдѣ разсказывается, какъ Θεодосій Печерскій посѣтилъ князя Святослава Ярославича¹, тогда временно занявшаго великокняжескій столъ въ Кіевѣ. „Тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, яко обычаи есть прель княземъ“—сказано здѣсь, сѣлъ преп. Θεодосій на свое мѣсто. На этотъ же самый разсказъ ссылаются однако и какъ на доказательство того, насколько нетерпимо относились „новые люди“ къ играмъ и пѣснямъ на пирахъ. Преподобный Θεодосій, слушая музыку и пѣніе, „бѣ въ края его (т.-е. князя) сѣдя и долу нича, яко же мало въсклонився рече къ тому: то боудеть ли сице на ономъ свѣтѣ; тоу абіе онъ о словѣ блаженнаго оумилився и мало прослезився повелѣ тѣмъ престати“. И повѣствованіе продолжаетъ: „оттоле аще коли приставляше тѣхъ играти, ти слышавше блаженнаго пришедша, то повелеваша тѣмъ престати отъ таковыя игры“. Распоряженіе, ясно показывающее, что самое представленіе о томъ, чтобы за княжескимъ пиромъ можно

¹ В. Яковлевъ. Памятники русск. литературы. XII и XIII вв., Спб. 1872, стр. LIII.

было пѣть духовныя пѣсни, совершенно чуждо автору приведеннаго разсказа. На шире пѣлись стало быть, какъ будто лишь свѣтскія пѣсни, нечестивыя и не согласныя съ христіанскою моралью. Значить представленіе возникающее изъ „Беовульфа“ не примѣнимо къ нашимъ поэтическимъ древностямъ.

Но вотъ совершенно иначе понять обстоятельства дѣла поможетъ намъ „Поученіе Зарубчаго Чернеца Георгія“. Оно учило:

„Смѣха бѣгаи лихаго; скомороха и сла точьхара и гудца и свирца пѣ оуведи оу домъ свои глума ради; поганьско бо то есть, а не крестьяньско, да любяи та глумлѣнья погань есть и съ крестьяны причастья не имаѣ; дьяволи бо то суть всегда сли съ мысци и созанья и весѣлья блудская бо то есть краса и радость бѣсящихся отрокъ; а крестьяньскы суть гусли, прекрасная доброгласная псалтыря; еуже присно должьни есмы веселитися“¹.

Обращаю вниманіе на послѣднія слова. Христіанство устами Зарубчаго Чернеца Георгія сулитъ свои собственныя духовныя радости, свое искусство, свои пѣсни. Что пѣніе псалмовъ рано установилось на Руси и ихъ умѣли пѣть, видно изъ Патерика. Нѣсколько разъ, т. е. упорно изображается преп. Θεодосій поющимъ псалмы². Онъ прядеть кудель, что было обычнымъ его занятіемъ, прядеть кудель на продажу и для книгъ, которыя переплеталъ великій Никонъ и подиѣваетъ псалмы. Изъ безхитростнаго разсказа Патерика его образъ какъ будто еще новымъ вѣнцомъ святости окружаетъ „доброгласная псалтыря“. И такъ характерно это монастырское пѣніе за работой. Простой человекъ и до сихъ поръ не умѣетъ работать иначе, какъ подъ пѣсню. Рабочая пѣсня изначальная, не только крѣпкая быту, но важная составная часть его. Ритмъ рабочей пѣсни учитъ работать, налаживаетъ на нее, воспитываетъ неустойчивое легко воспламеняемое вниманіе. Псаломъ замѣнилъ посидѣлочную пѣсню. Не одинъ Θεодосій прядъ въ Печерскомъ монастырѣ; не одинъ онъ, конечно, и пѣлъ за работой псалмы³. Не ясно ли, что представить христіанство въ принципѣ враждебнымъ пѣнью—нельзя?

Конечно скомороховъ ни въ коемъ случаѣ не мыслимо считать даже терпимыми ни церковь, ни христіанствомъ вообще⁴. Но избличать и преслѣдовать „потѣшныхъ людей“, какъ бы ни назывались они:

¹ Срезневскій. Свѣд. и Зам. т. I, VII, стр. 56—57 1-го вып.

² Яковлевъ. Пам. русск. лит. XII и XIII вв., ср. стр. XXI, XXIII, XXXII и друг.

³ Тамъ же, стр. XXIV.

⁴ О преслѣд. скоморошества см. у Ал. Веселовскаго, Раз. въ обл. дух. стиха VII. Прил. къ XLV т. Запис. Имп. Ак. Наукъ стр. 149—222 и Фаминцинъ, Скоморохи на Руси. Спб. 1889, стр. 159—167.

жонглеры, шпильманы, мимы, скоморохи или игрецы, и отрицать вообще поэзію—вещи разныя. Не пора ли признать это? Не пора ли разбираться въ явленіяхъ, различая оттѣнки? Поученія, направленныя противъ язычества, даютъ возможность составить довольно длинный списокъ запретныхъ развлеченій и забавъ. Вотъ этотъ переченьъ: „плясанія и всякія игры“, „позоры дѣюще“, „на улицахъ града уродословія и глумленія“, „плесканія рукъ, пѣсьни сатанинскія“, „смѣхотворци, скоморохи, игрецы“, „бубенная плесканья, свирѣльные звук, плесканья сотонина, фряжскія слоньница, гусли, мусикна и замара“, „скоморохи, слы точьхара, гудцы, свирцы“, „коцюны елинскія и басни жидовскія“. Православіе не признаетъ музыкальныхъ инструментовъ, оттого ихъ оно и преслѣдуетъ. Но оно вполне признаетъ пѣніе. Что Зарубчій Чернецъ Георгій имѣетъ ввиду не только библейскіе псалмы, и не только библейскіе могъ пѣть и св. Θεодосій Печерскій, можно заключить изъ этого запрещенія, находящагося въ „Сказаніи Изосима объ отреченныхъ книгахъ“: „ни міръскихъ составленныхъ псалмовъ глаголите въ церкви“¹. Эти „міръскіе составленные псалмы“ сами по себѣ, стало быть, не запрещаются. Ихъ не надо пѣть въ церкви, но ихъ отнюдь не отмѣчаютъ среди отреченныхъ. Рядомъ съ этимъ послѣднимъ извѣстіемъ мнѣ и хотѣлось бы напомнить о найденномъ Срезневскимъ упоминаніи о „словутномъ пѣвцѣ Митусѣ“¹. Его захватилъ дворецкій князя Данила у владыки Перемышьскаго. Срезневскій спрашиваетъ себя, не идетъ ли тутъ рѣчь просто о знаменитомъ пѣвчѣмъ. Но не все ли это равно? Развѣ знаменитаго пѣвчаго не заставили бы пѣть и еще что нибудь кромѣ службы? „Міръскіе составленные псалмы“, во всякомъ случаѣ, подходящій репертуаръ для пѣвца, состоящаго при епископѣ. Но про этого Митусу сказано, что онъ „за гордость не въсхотѣ служити князю Данилу“. Пѣвецъ предпочелъ службу у владыки!

Мы можемъ отвѣтить теперь на вопросъ: долженъ ли казаться страннымъ при знакомствѣ съ русской словесностью открытый Поль Мейеромъ и Бедье образъ жонглера, сопровождающаго паломниковъ? И, можетъ быть, для тѣхъ древнихъ временъ позволительно нѣсколько отрѣшиться отъ взгляда на каликъ переходящихъ и Духовные стихи, какъ на совершенно особый строго отдѣленный отъ старинъ и историческихъ пѣсенъ родъ поэзіи; собиратели былинъ отмѣчаютъ нерѣдко совмѣщеніе у одного пѣвца обоихъ эпическихъ родовъ; тогда въ этихъ жонглерахъ-паломникахъ, шедшихъ по дорогамъ Франціи и Италіи, мы узнали бы близкое намъ представленіе, изображенное въ стихѣ о „сорока каликахъ со каликою“.

Евгеній Аничковъ.

¹ П. др. р. к. пр. I, 789.

¹ Древн. Пам. Извѣст. 2-го Отд. Ак. Н. 4⁰, т. X, стр. 194.

Александръ Николаевичъ Минхъ.

(1833—1912 г.).

Безпощадная рука смерти, вырвала и унесла въ вѣчность плодотворную жизнь одного изъ популярнѣйшихъ людей Саратовскаго края — человѣка, снискавшаго себѣ любовь и всеобщее уваженіе своими личными качествами на разностороннихъ поприщахъ своего, болѣе чѣмъ полувѣкового научно-общественнаго служенія.

21-го Іюля 1912 года въ г. Аткарскѣ, послѣ продолжительной болѣзни скончался глубокой старецъ Александръ Николаевичъ Минхъ, который въ лицѣ своемъ совмѣщалъ: и извѣстнаго историка и боевого ветерана кровавой Крымской войны и наконецъ чуть-ли не послѣдняго могикана достославной освободительной эпохи, т. е. одного изъ тѣхъ идейныхъ сотрудниковъ и исполнителей ВЫСОЧАЙШЕЙ воли Незабвеннаго Царя-Освободителя Александра II-го, по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которымъ въ качествѣ Мирowychъ Посредниковъ, выпала на долю великая честь быть воспріемниками новаго въ Россіи, правого строя, созданнаго на началахъ манифеста 19 Февраля 1861 г., и піонерами въ области освободительныхъ работъ.

Родился А. Н. 4 Апрѣля 1833 года, въ селцѣ Елизаветинѣ, (Вербки тожъ) Липецкаго у. Тамбовской губ., въ дворянской семьѣ майора Николая Андреевича Минха, которая въ началѣ 40-хъ г.г. оттуда переѣхала въ имѣніе свое с. Колѣно, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ. и здѣсь поселилась навсегда. Въ срединѣ 40-хъ же годовъ, по полученіи домашняго образованія, А. Н. былъ отданъ въ пансіонъ плѣннаго француза наполеоновской арміи, Адольфа Стори въ Москвѣ, гдѣ въ совершенствѣ и изучилъ: французскій, нѣмецкій и англійскій языки. А такъ какъ Стори былъ тогда преподавателемъ французскаго языка, въ 3-й Московской гимназіи, то А. Н., какъ воспитанникъ его, былъ зачисленъ ученикомъ этой гимназіи, въ которой, кромѣ специальныхъ предметовъ, научился рисованію и черченію.

Въ 1853 г. А. Н. совершаетъ поѣздку по Волгѣ отъ Саратова до Казани, знакомится съ бытовыми условіями жителей Поволжья, изучаетъ нравы и обычаи волгарей-судоходцевъ, описываетъ живописныя мѣстности красавицы рѣки, зарисовываетъ новые пароходы, ходившіе

† Александръ Николаевичъ Минхъ.

тогда отъ Нижняго до Астрахани. Результатомъ этой экскурсіи явилась первая его литературная работа, напечатанная въ 1903 г. въ Казанскомъ журналѣ „Двѣтель“ (№ 12).

Поступленіе свое въ военную службу и участіе въ Крымской кампаніи въ своихъ „Запискахъ мирового посредника 1861—1866 г.г.“¹

¹ Записки эти напечатаны въ „Матеріалахъ по крѣпостному праву“, изданныхъ въ 1911 г. Саратовской Архивной Комиссіей ко дню 50 л. освобожденія крестьянъ.

покойный А. Н. описываетъ такъ: „въ 1854 г. кровавая борьба Россіи съ Турціей, Англіей, Франціей и Сардиніей подняла всю нашу молодежь: со всѣхъ сторонъ воодушевленные горячимъ патріотизмомъ стремились молодые дворяне подъ Царскіе знамена и штандарты. Я послѣдовалъ общему влеченію и съ согласія отца моего, стараго Майора Екатеринославскаго кирасирскаго полка, поспѣшилъ вступить юнкеромъ въ Московскій (впослѣдствіи Лейбъ-ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА) драгунскій полкъ“. Сначала А. Н. Минхъ зачисленъ былъ въ резервный эскадронъ въ г. Чугуевѣ, а затѣмъ зимою отправленъ въ Крымъ въ дѣйствующую армію, гдѣ участвовалъ во многихъ кровавыхъ сраженіяхъ: при р. Черной, на Федюхиныхъ высотахъ и друг. Будучи юнкеромъ, А. Н. былъ ординарцемъ у князя Радзивила, а когда, въ Декабрѣ 1855 г., былъ произведенъ въ офицеры, то при графѣ Ржевускомъ. Знаніе языковъ способствовало тому, что покойный неоднократно былъ прикомандированъ къ свитамъ парламентаровъ, имѣлъ возможность быть нѣсколько разъ въ станѣ непріятелей, гдѣ иногда, въ качествѣ переводчика, принималъ участіе въ переговорахъ между враждовавшими сторонами. Послѣ войны А. Н. прошелъ курсъ офицерской стрѣлковой школы, получивъ дипломъ 1-го разряда.

Пытливый умъ, глубокая наблюдательность, въ связи съ горячею любовью къ научному изслѣдованію окружавшей его жизни не останавливали его литературныхъ работъ даже во время жгучихъ тревоженій походной и боевой жизни. Такъ, въ бытность свою въ военной службѣ А. Н. набросалъ, „Путевыя походныя замѣтки 1854 г.“ съ рисунками и планами гор. Чугуева; здѣсь описаны также г.г. Воронежъ, Бѣлгородъ, Чугуевъ. Рукопись эта и до днесь хранится въ Радищевскомъ музеѣ въ Саратовѣ. Во время же пребыванія въ Крыму А. Н. Минхъ составилъ „Походныя боевыя записки въ Крыму 1855—1856 г.г.“, также съ рисунками и чертежами. Работа эта находится въ Историческомъ Севастопольскомъ музеѣ.

Въ 1861 году по представленію предводителя дворянства А. Н. прямо изъ полка, находившагося тогда въ г. Шавли Ковенской губ., былъ назначенъ кандидатомъ мирового посредника 5 участка Аткарскаго у.; по приказу изъ штаба 1-й кавалерійской дивизіи въ чинѣ поручика выѣхалъ въ с. Колѣно, къ мѣсту своего новаго назначенія, а въ 1862 г., вмѣсто ушедшаго въ отставку посредника Фреймана, занялъ эту должность и утвержденъ былъ сенатомъ.

Будучи посредникомъ и стоя на стражѣ народныхъ интересовъ, А. Н. Минхъ на почвѣ устройства крестьянскихъ надѣловъ нерѣдко вступалъ въ острые конфликты даже съ своими родственниками: въ „Запискахъ мирового посредника“ (стр. 18 и 19-я) А. Н. рассказываетъ, какъ его дальняя родственница Елена Андреевна Иванова, богатая и вліятельная помѣщица-самодурка, державшая въ извѣстной почтительности губернскія власти и архіереевъ, сначала очень его любивъ

шая, впоследствии такъ возненавидѣла его какъ посредника, что при посѣщеніи имъ ея усадьбы она вооружалась образами и откещивалась отъ него, точно отъ антихриста; въ письмахъ своихъ предводителю дворянства, она по имени его не называла, а писала „онъ“ или „атаманъ разбойниковъ“. Другое столкновение произошло также съ дальнимъ родственникомъ Н. И. П. „Благодѣтель“ этотъ „отвелъ крестьянамъ подъ надѣль мелкіе разрозненные клочки во всѣхъ трехъ поляхъ своей огромной дачи. Крестьяне, ничего не подозревая, клочки эти засѣяли. Когда А. Н. пріѣхавъ для провѣрки уставной грамоты съ натурой, спросилъ владѣльца; „какимъ образомъ крестьяне будутъ ѣздить на свои надѣлы для пахоты, уборки хлѣба и какъ будутъ прогонять туда скоть, Н. И. указаль на небо и добавилъ: „по воздуху, братецъ“. Тогда А. Н. объявилъ ему, что такой грамоты не утвердить, и тутъ же землемѣру своему Чернышеву приказаль подъ своимъ наблюдениемъ нарѣзать прогонъ по 10 саж. ширины, отхвативъ для этого у стараго скряги до 100 десят. лучшей земли. Помѣщикъ подаль жалобу въ сѣздъ, а затѣмъ въ губернское присутствіе, но оба эти учрежденія прорѣзку прогоновъ утвердили. На слѣдующій годъ самодуръ вздумаль было взять самоуправствомъ, засѣяль прогонъ пшеницей, но А. Н. отвѣтилъ уже ему крутой мѣрой, разрѣшивъ крестьянамъ гнать по засѣяннымъ прогонамъ скоть; тогда Н. И. П. сдался, пересоставилъ грамоту и отвелъ хорошій надѣль при самой деревнѣ.

Примѣры такого рѣдкаго въ то время безпристрастія пріобрѣли А. Н. Минху среди населенія не только полное довѣріе, но широкую популярность, какъ защитника крестьянъ.

„Впоследствии мировые посредники стали ходатаями и защитниками народа,—пишетъ далѣе въ своихъ запискахъ покойный,—жалобы крестьянъ, часто неподлежащія ихъ вѣдѣнію, какъ напримѣръ на взяточничество и бездѣйствіе присутственныхъ мѣстъ и лицъ, чрезъ ихъ руки переходили къ начальникамъ губерніи, прокурору и архіереямъ. Намъ случалось иногда—писаль покойный—вступать въ довольно рѣзкую переписку съ губернаторами и губернскимъ присутствиемъ. Самостоятельное положеніе посредника позволяло ему дѣйствовать прямо, не стѣняясь высказывать правду о злоупотребленіяхъ и взяточничествѣ, такъ какъ мы не могли быть уволены никѣмъ, кромѣ сената, но и то по суду. Правда былъ еще судъ общественный: отъ мирового посредника такъ много требовало общество въ отношеніи дѣятельности, добросовѣстности и честности, что даже неумышленный промахъ сейчасъ же легъ-бы пятномъ на его добрую славу. *Лучшая награда посреднику народность*“¹.

¹ „Изъ записокъ миров. посредника“ А. Н. Минха (курсивъ нашъ).

Отъ вниманія того общества, которое покойный считалъ своимъ судьей, конечно, не ускользнулъ его крупный нравственный обликъ; оцѣнивъ въ немъ его человѣческія достоинства и администраторскія способности въ должности посредника, оно въ 1869 г. тотчасъ же выбрало его мировымъ судьей въ Аткарскій уѣздъ, какъ только кончились полномочія первыхъ, и вступали въ жизнь выборные судьи. Въ 1875 году покойный А. Н. занимаетъ должность мирового же судьи въ Саратовскомъ уѣздѣ и остается въ ней вплоть до введенія современныхъ земскихъ начальниковъ; болѣе 20 лѣтъ высоко неся онъ ввѣренное ему знамя, на которомъ начертано: „правда и милость да здравствуетъ въ судахъ“, и вынесъ его незапятненнымъ.

Въ 1896 году, покойный А. Н. Минхъ вышелъ въ отставку и безраздѣльно отдался своей любимой научно-литературной работѣ и предпринялъ цѣлый рядъ интересныхъ изслѣдованій по археологіи, географіи и исторической этнографіи, какъ общихъ, такъ и по Саратовскому краю.

Ученая и общественная дѣятельность покойнаго весьма плодотворна, и результатомъ неутомимыхъ трудовъ его явились многочисленные мемуары и рукописи, напечатанные въ специальныхъ изданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, а также въ разныхъ газетахъ.

Вниманіе свое покойный, главнымъ образомъ, посвящалъ Саратовскому краю. Такъ въ изданномъ Саратовскимъ статистическимъ комитетомъ „Саратовскомъ сборникѣ, 1881—1882 гг.“ помѣщены были статьи А. Н. Минха: „Открытіе намѣстничества, Саратовскіе губернаторы, губернскіе предводители, городскіе головы и епископы Саратов. епархіи“, „Набережный Увекъ“ и др.

Географическимъ обществомъ въ 1890 г. былъ изданъ трудъ его подъ названіемъ: „Народные обычаи, суевѣрія, предрасудки и обряды крестьянъ Саратов. губ.“; трудъ этотъ явился плодомъ систематическихъ изысканій покойнаго и заслужилъ ему награду отъ этого общества—серебряную медаль.

Саратовской Ученой Архивной Коммисіей (членомъ-основателемъ которой былъ покойный, А. Н.) съ 1898 по 1902 г. было издано четыре тома очень цѣннаго труда: „Историко-географическій словарь“ Саратов. губ. (объемомъ въ 1409 стр. съ 61 картой, чертежами и проч.). И въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ въ разное время печатались многочисленные работы А. Н. Минха по исторіи Саратовскаго края, въ „Саратов. Листкѣ“, „Губернскихъ вѣдомостей“ и особенно много въ „Трудахъ“ Саратов. Ученой Архив. Ком., начиная съ 1887 года.

Помимо всего этого, много цѣнныхъ и интересныхъ трудовъ покойнаго хранится въ нѣкоторыхъ ученыхъ учрежденіяхъ въ видѣ рукописей, такъ какъ они по тѣмъ или инымъ причинамъ до сихъ поръ не напечатаны. Высокій историческій интересъ представляютъ

упомянутыя выше рукописи покойнаго изъ его походной и боевой жизни 1854, 1855 и 1856 г.г. (хранятся: въ Радищевскомъ музеѣ, и въ Севастополѣ). Отмѣтимъ еще рукопись „Поѣздка въ Пятигорскъ 1868 г.“ (637 стр.).

Въ Казанскомъ обществѣ археологій, исторіи и этнографіи находится черновая рукопись: „Разбой и клады низоваго Поволжья“, копія же ея въ И. Р. Г. О.

Послѣ волненій 1905 г. А. Н. Минхъ поселился въ Аткарскѣ на постоянное мѣстожителство, и съ этого же времени разстроенное здоровье его осложнилось разными тяжкими недугами; въ 1906 г. онъ совершенно лишился ногъ и зрѣнія.

Не смотря, однако, на свое безпомощное и крайне болѣзненное состояніе, не смотря на свой глубокой возрастъ, А. Н. Минхъ съ юношескимъ энтузіазмомъ интересовался наукой и проявлялъ въ этомъ направленіи неутомимую дѣятельность, работая почти до самой своей кончины. Онъ до того увлекался любимыми своими предметами, историческими археологіей и этнографіей, а также интересами своего дѣтища—Саратовской Архивной Коммисіи, что какъ будто бы не чувствовалъ своихъ физическихъ страданій. Необычайная память и живой увлекательный рассказъ изъ боевой жизни и про съдую старину воскрешали въ немъ древняго русскаго Баяна.

Онъ не только работалъ самъ, но умѣлъ пріохотить и воодушевить къ своей работѣ и другихъ. Такъ будучи слѣпымъ и неподвижнымъ старцемъ, онъ съ помощью сотрудниковъ въ 1908 г. на свой счетъ издалъ историко-географическое описаніе: „Городъ Аткарскъ“ (157 стр. съ его же рисунками, снятыми имъ въ 1867 г., и планами). Много было подъ его руководствомъ вскрыто кургановъ близъ Аткарска, въ которыхъ оказались предметы домашняго и ратнаго обихода до-историческихъ людей. (Передано въ музей Саратов. Архив. Ком.). Въ 1910 году, Академіей Наукъ, въ обширномъ и глубоко интересномъ трудѣ академика А. А. Шахматова: „Мордовскій этнографическій сборникъ“, напечатана статья А. Н. Минха, описаніе мордвы Саратовскаго уѣзда, „Село Оркино“.

Въ концѣ 1911 г. А. Н. написалъ интересный трудъ по мѣстной археологіи—„о раскопкахъ могилъ скорченнаго погребенія въ Аткарскомъ уѣздѣ“. Трудъ этотъ съ 16-тью фотографіями отосланъ въ Императорское Московское Археологическое Общество, для напечатанія въ „Древностяхъ“.

Въ Іюнь 1912 года, А. Н. отъ мѣстнаго помѣщика А. А. Балашова пріобрѣлъ для музея мѣстной Арх. Ком. древнюю кольчугу и чугунную пушку конца XV вѣка. Описаніе его этихъ предметовъ, напечатано въ 29 выпускѣ „Трудовъ“ означенной Комиссіи.

Самымъ же послѣднимъ научнымъ трудомъ неутомимаго работника была статья „Каменный вѣкъ въ нижнемъ поволжьѣ“, напи-

санная покойнымъ за нѣсколько дней до смерти, исключительно для трудовъ Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи, эту статью А. Н., какъ бы предчувствуя близкую кончину, назвалъ своею лебединою пѣсней. Что и сбылось.

Покойный А. Н. состоялъ членомъ: Императорскаго Русскаго Географическаго, Императорскаго Московскаго Археологическаго общества; Основателемъ и почетнымъ предсѣдателемъ Саратовской Ученой Архивной Коммисіи; дѣйствительнымъ членомъ Нижегородской, Тамбовской, Владимирской, Витебской, Ставропольской и др. Ученыхъ Архивныхъ Коммисій.

Что касается частной жизни покойнаго А. Н. Минха, то таковая была обставлена чрезвычайными простотой и доступностью. Обаяніе покойнаго А. Н. Минха въ здѣшней округѣ было неотразимо.

На похоронахъ А. Н. Минха въ Аткарскѣ, 23 Іюля, кромѣ близкихъ родственниковъ покойнаго и семи членовъ Саратовской Ученой Архивной Коммисіи, присутствовали представители мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, почетныя лица города и уѣзда и мн. др. На гробъ возложено было много вѣнковъ, въ томъ числѣ отъ Саратовской Архивной Коммисіи, Саратовскаго и Аткарскаго дворянства и Аткарскаго земства.

По окончаніи отпѣванія гробъ на лошадахъ отправленъ въ село Колѣно, за 67 верстъ отъ города.

Автору настоящихъ строкъ, на правахъ члена Саратовской Ученой Архивной Коммисіи и ближайшаго сотрудника покойнаго, выпала на долю великая честь, сопровождать прахъ своего любимаго учителя, вплоть до мѣста послѣдняго его упокоенія и быть очевидцемъ трогательной картины, рѣдкой задушевной встрѣчи останковъ А. Н. Колѣновскими крестьянами ¹.

Похороненъ А. Н. Минхъ, противъ южной части алтаря Колѣновскаго храма, подъ тѣнистой кушей молодыхъ, красивыхъ деревьевъ,

¹ 24 Іюля не смотря на самое жгучее время — разгаръ жнитва, крестьяне по собственной инициативѣ, отложивъ полевые работы, пожелали почтить память своего благодѣтеля, всегда доброжелательно къ нимъ относившагося и сдѣлавшаго ихъ съ землей (А. Н. Минхъ уступилъ имъ свой участокъ земли по очень низкой цѣнѣ), торжественной встрѣчей всѣмъ селомъ. Часть крестьянъ встрѣтила печальную колесницу въ 8 верстахъ отъ с. Колѣна, въ д. Котовкѣ, а остальные разодѣтые по праздничному, отъ мала до велика съ иконами, духовенствомъ и хоромъ пѣвчихъ во главѣ, въ 5 верстахъ. Снявъ гробъ съ катафалка и тутъ же въ полѣ среди рѣвущихъ хлѣбовъ отслуживъ панихиду, мужчины понесли гробъ, а женщины попарно вѣнки. Дойдя до выгона, процессія эта повернула на право, на край села; отсюда и начался цѣлый рядъ служеній литій; каждый домохозяинъ выносилъ на улицу столъ съ хлѣбомъ солью; почти предъ каждымъ домомъ служилась литія и такъ продолжалось съ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера. Молитвенное настроеніе крестьянъ было неподдѣльно.

рядомъ съ могилами родителей его—отца Николая Андреевича Минха (храмоздателя церкви сей) и матери Варвары Борисовны, урожденной Бланкъ.

Такъ красиво жить и такъ красиво умереть, какъ жилъ и умеръ Александръ Николаевичъ Минхъ—примѣръ достойный подражанія.

Ө. П. Коноваловъ.

Аткарскъ. 5 августа 1912 г.

Списокъ трудовъ А. Н. Минха.

1. Старыя деревянныя церкви Аткарскаго уѣзда, Саратов. губ. древности. Археологич. Вѣстн. 1867 г., сент.-окт., стр. 239—240.
2. Сторожевыя курганы Аткарскаго уѣзда, Саратов. губ. Труды I-го Археологическаго Съѣзда. Т. I-й, стр. 163—165.
3. О волостныхъ судахъ. Судеб. Вѣстн. 1870 г. № 92.
4. Отечественное право въ народныхъ школахъ. *ibid.* 1871 г. № 173.
5. По вопросу объ увеличеніи срочныхъ платежей Обществу взаимнаго поземельнаго кредита соразмѣрно паденію курса бумажнаго рубля. Саратов. Справ. Лист. 1877 г. № 236.
6. Объ альбомѣ видовъ Саратова и его окрестностей. *ibid.* 1879 г. № 24.
7. Ягодно-Полянская волость. (Нѣмецкіе колонисты). Историко-статистическій очеркъ. Саратов. Губ. Вѣд. 1879 г. № 152 и 153. — Отдѣльный оттискъ: Саратовъ, 1879. 32^о. 64 стр.
8. Саратовскій Маріинскій институтъ благородныхъ дѣвиць. *ibid.* 1879 г. № 188 и 189. Отдѣльный оттискъ: Саратовъ, 1879. 8^о. 8 стр. въ два столб.

9. Саратовское реальное училище. (Истор. очеркъ). *ibid.* 1879 г. № 196.
10. Набережный Увекъ, съ планомъ. *ibid.* 1879 г. № 219—220. — Перепечатано въ „Саратовскомъ Сборникѣ“. Саратовъ, 1881 г., т. I, стр. 211—233.
11. Епархіальное женское училище и пріютъ въ Саратовѣ. (Истор. очеркъ). *ibid.* 1879 г. № 217 и 218.
12. Матеріалы для исторіи Саратов. губ. I. Открытіе намѣстничества. II. Саратов. губернаторы. III. Саратов. губ. предводители дворянства. IV. Саратов. городскіе головы. V. Епископы Саратов. епархіи. *ibid.* 1880 г. № 25—27. Перепечатано въ „Саратов. Сборникѣ“. Саратовъ, 1881 г., т. I, стр. 1—15. — Саратов. Дневникъ. 1880 г. № 27.
13. Саратовская Маріинская женская гимназія. Истор. очеркъ открытія. Сар. Губ. Вѣд. 1880 г. № 33.
14. Село Бѣлаза-Маматовка. Очеркъ. *ibid.* 1880 г. № 36, 39, 40—42.
15. Аткарскій уѣздъ. *ibid.* 1880 г. № 58, 60, 63, 69, 75, 94 и 111 и 117. — Перепечатана въ „Саратов. Сборникѣ“. Саратовъ, 1881 г., т. I, стр. 65—176.
16. Слѣды древняго вала или „стѣны“, между селами Мокрое и Оркино. Саратов. Дневникъ 1880 г. № 89.
17. Слѣды сторожевой линіи XVII вѣка, сохранившіеся между Петровскимъ и Саратовскимъ уѣздами. Саратов. Губ. Вѣд. 1880 г. № 107, 127 и 128.
18. Каналъ Петра Великаго между Волгой и Дономъ въ Камышинскомъ уѣздѣ. *ibid.* 1880 г. № 123.
19. Старыя кладбища въ Саратовѣ: Краснаго Креста и Воскресенское. *ibid.* 1880 г. № 160 и 161.
20. Село Малая-Дмитріевка, Ахтуба тожъ, Аткарскаго уѣзда. *ibid.* 1881 г. № 144.
21. Поселеніе Черкесъ въ Саратовскомъ уѣздѣ, Большой Дагестанъ. *ibid.* 1881 г. № 150.
22. Кладбища въ Саратовѣ. *ibid.* 1881 г. № 203 и 205.
23. Археологическія изслѣдованія о первобытномъ челоѣкѣ и доисторическихъ временахъ. Саратов. Листокъ. 1882 г. № 72, 78 и 81. Отдѣльный оттискъ. Саратовъ, 1882. 32^о. 42 стр.
24. Саратовскій уѣздъ. I. Пограничныя мѣстности въ Петровскомъ уѣздѣ. II. Ягодно-Полянская волость. III. Полчаниновская волость. Саратовскій Сборникъ. Матеріалы для изученія Саратов. губ. Изданіе Саратов. Статистич. Комитета. Саратовъ, 1882 г., т. II, стр. 203—327.
25. Заселеніе низоваго Поволжья. Саратов. Листокъ. 1883 г. № 27, 28, 36, 39, 42, 52 и 53.
26. Старинныя книги о Поволжьѣ. *ibid.* 1883 г. № 90, 128, 129, 198, 199, 208, 209, 212, 213 и 214.
27. Картофельный бунтъ въ Сердобскомъ уѣздѣ. *ibid.* 1884 г. № 60.
28. Старинная ариѣметика. *ibid.* 1884 г. № 96.
29. Изъ путевыхъ замѣтокъ 1868 года по Донской области. *ibid.* 1884 г. № 163.
30. Саратовъ 30 лѣтъ назадъ. Очеркъ 1853 г. *ibid.* 1885 г. № 79 и 80.
31. Западная граница Саратов. уѣзда. *ibid.* 1885 г. 257.
32. Матеріалы для исторіи осѣдлаго населенія Саратов. губ. Саратов. Губ. Вѣд. 1885 г. № 222, 227, 228, 238, 253, 260, 263; 1886 г. № 11, 13, 25 и 27.
33. Саратовскій край въ 17 и 18 столѣтіяхъ. *ibid.* 1886 г. № 29.
34. Саратовская старина. Учрежденіе почты въ Саратов. намѣстничествѣ 1790 г. Саратов. Лист. 1887 г. № 199.
35. Архивъ упраздненной Аткарскаго градской думы съ 1782 по 1850 г. Протоколъ V-го общаго собранія Саратов. Архивной Комиссіи, стр. 38—51; протоколъ

VI-го общ. собр., стр. 13—79; протоколъ VII-го общ. собр., стр. 40—137; Труды Саратов. Архив. Комиссiи, т. I, вып. I, стр. 81—119; вып. II, 224—252 и вып. IV, 456—483.

36. Описанiе дѣлъ Саратов. историческаго архива. Протоколъ IV-го общаго собр. Саратов. Архивной Комиссiи, стр. 46—6.7.

37. Замедвѣдичкiй край до рѣки Карамыша. Труды Саратов. Архивной Комиссiи. Сар., 1888 г. т. I, вып. IV, стр. 278—284.

38. Легендарныя урочища волжскаго побережья въ предѣлахъ Саратов. края. Саратов. Листокъ 1888 г. № 258.

39. Саратовская старина, Сторожевыя поселенiя Саратовскаго края въ 1700 г. *ibid.* 1888 г. № 275.

40. Матерiалы для исторiи заселенiя Саратов. уѣзда. Труды Саратов. Архивной Комиссiи 1889 г., т. II, вып. I, стр. 26—32 и вып. II, стр. 270—292.

41. Матерiалы для составленiя санитарнаго описанiя Саратов. уѣзда. Вып. I. Историческiй очеркъ заселенiя Саратов. уѣзда. Изданiе Саратов. санитар. совѣта. Саратовъ, 1889. 8⁰. 22 стр.

42. Историческiй очеркъ начала заселенiя Саратов. уѣзда. Труды Саратов. Архивной Комиссiи 1890 г., т. II, вып. II, стр. 259—269.

43. Народныя обычаи, суевѣрiя, предрасудки и обряды крестьянъ Саратовской губерни. Собраны въ 1861—1888 годахъ. Записки Имп. Русскаго Географическаго Общества, по отдѣленiю этнографiи. Т. XIX, вып. II. Отдѣльный оттискъ: Спб. 1890. 8⁰. II + 752 стр. Отзывы: 1) Саратов. Губ. Вѣд. 1890 г. № 22. стр. 163—164; 2) В. Полякъ. Опытъ мѣстной этнографiи. Саратов. Листокъ 1890 г. № 75.

44. Древнiй могильникъ въ Аткарскомъ уѣздѣ. Саратов. Лист. 1890 г. № 212.

45. Этнографическiй очеркъ народностей, населяющихъ Саратовскую губ. Адресъ-календарь Саратов. губ. на 1891 годъ, стр. 8—17.

46. Преданiя объ основанiи городовъ Саратов. губ. Саратов. Лист. 1891 г. № 53.

47. Легенды о Кудеярѣ въ Саратов. губ. *ibid.* 1891 г. № 99 и 1894 г. № 151.

48. Воровскiе городки. *ibid.* 1891 г. № 205.

49. Вѣроятное происхожденiе Скворцовскаго клада, *ibid.* 1892 г. № 141.

50. Археологическая замѣтка. *ibid.* 1898 г. № 248.

51. Русскiе на Волгѣ до покоренiя Казанскаго царства. *ibid.* 1892 г. № 273.

52. Моляны и обряды мордвы Саратов. губ. Этнографич. Обзорѣнiе 1892 г. № 4, стр. 116—128.

53. Къ исторiи переселенiя малороссiянъ въ Саратов. край. Труды Саратов. Архивной Комиссiи 1893 г., т. IV, вып. I, стр. 17—18.

54. Древнiй могильникъ Аткарскаго уѣзда. *ibid.*, т. IV, вып. II, стр. 22—25.

55. Репей въ народныхъ обрядахъ и пѣсняхъ. Этнограф. Обзорѣнiе 1893 г. № 2, стр. 191—192.

56. Сайгачьи и Крысы пастухи. *ibid.* 1893 г. № 3, стр. 162—163.

57. Легенды о Кудеярѣ. *ibid.*, т. VIII.

58. Волжское и астраханское казачье войско. Историческiй очеркъ. Адресъ-календарь Саратов. губ. на 1895 годъ, стр. 200—202. — Перепечатано въ Саратов. Лист. 1895 г. № 26.

59. Филологическiя замѣтки. Саратов. Листокъ 1894 г. № 201 и 219.

60. Турiй черепъ, *ibid.* 1895 г. № 61.

61. Ключевская каменная баба. *ibid.* 1895 г. № 219.

62. Переволока. Саратов. Губ. Вѣд. 1896 г. № 48.

63. Городъ Сердобскъ. Историко-географическiй очеркъ. *ibid.* 1897 г. № 82—83.

64. Царскiя могильницы, или каменные курганы Царицынскаго уѣзда. Саратов. Листокъ 1898 г. № 82.

65. Мірскія запашки. *ibid.* 1898 г. № 167.
66. Ключевская каменная баба. Труды Саратов. Архивной Комиссіи 1898 г., въ т. 21, стр. 5—7.
67. Курганы Тюриной балки, Царицын. уѣзда. *ibid.*, вып. 21, стр. 1—4.
68. Историко-географическій словарь Саратовской губерніи. Южные уѣзды: Камышинскій и Царицынскій. Т. I, вып. I, литеры А—I. Саратовъ, 1898. 8⁰. 207 стр. и 3 карты. Отзывы: — 1. Саратов. Дневникъ 1898 г., приложение къ № 245. — 2. Истор. Вѣстн. 1899 г. № 4, стр. 299—300.—3. Извѣстія Общ. Археологін, Исторіи и Этнографіи при Казан. университетѣ 1899 г., т. XV, вып. 3, стр.
- Тоже, вып. II, литеры Д—К (начало). Саратовъ, 1898. 8⁰, съ 209—278, 19 стр. и 1 карта.
- Тоже, вып. II, литеры Д—К (продолженіе). Саратовъ, 1900. 8⁰, съ 279+555+2 стр. и 11 картъ. Отзывы:—1. Саратов. Лист. 1900 г. № 72.
- Тоже, вып. III, литеры Л—Ф. Саратовъ, 1901, 8⁰; II н. съ 557+1091+II н. стр. и 17 картъ. Отзывы:—Саратов. Лист. 1902 г. № 18
- Тоже, вып. IV, литеры Х—Ф. Аткарскъ, 1902. 8⁰, съ 1093—1409+35+I н. стр. и 7 картъ. Отзывы:—1. Саратов. Коммерческій Вѣстн. 1903 г. № 65.—2. С. К. Кузнецовъ. Этнографич. Обзорніе 1904 г. № 4, стр. 190—192.—3. Ю(рьевъ), В. Наши археологи. Саратов. Дневникъ. 1905 г. № 81.
69. Саратовская Архивная Комиссія. Историческій очеркъ. Саратов. Дневникъ 1900 г. № 209.
70. Древній могильникъ Аткарскаго уѣзда, Саратов. губ. Древности. Труды Москов. Археологич. Общества. 1900 г., т. 16, стр. 151—153.
71. Церковныя лѣтописи. Саратов. Дневникъ 1901 г. № 37.
72. Бронзовая древняя стрѣла, найденная въ пашнѣ Сердобскаго уѣзда, близъ сельца Уваровки. Труды Саратов. Архивной Комиссіи 1902 г., вып. 22, стр. 58—59.
73. Сельцо Песчанка. Матеріалы для II тома историко-географ. словаря. Саратов. Листокъ 1902 г. № 257.
74. Снохачество и снохачи. Труды Саратов. Архивной Комиссіи 1903 г., вып. 23, стр. 31—34.
75. Наша статистика. Изъ недавняго прошлаго. *ibid.*, вып. 23, стр. 167—202.
76. Отъ Саратова до Казани полвѣка назадъ. Дѣятель 1903 г. № 12, стр. 531—542.
77. Путевыя замѣтки отъ Москвы до села Колѣна. Извѣстія Тамбовской Архивной Комиссіи 1905 г., вып. 50, стр. 1—21.
78. Быть духовенства Саратовскаго края XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Труды Саратов. Архив. Комиссіи 1908 г., вып. 24, стр. 55—73.
79. Дѣло мордвы селеній Захаркина и Славкина, Петров. уѣзда, о землѣ, 1703—1798 г.г. *ibid.*, вып. 24, стр. 98—109.
80. Городъ Аткарскъ. Матеріалы для историко-географическаго описанія Саратов. губ. По рукописямъ и изслѣдованіямъ, съ 15 рисунками. Изданіе В. И. Миловидова. Аткарскъ, 1908. 8⁰. Ин.+157+Ин. стр. 1 портретъ и 1 планъ города. Отзывы:—1. Саратов. Лист. 1908 г. № 217. 2. В. Р—въ. Истор. Вѣстникъ 1909 г. № 2, стр. 806.
81. Археологическія находки и раскопки въ Аткарскомъ уѣздѣ. Труды Саратов. Архивной Комиссіи 1909 г., вып. 25, стр. 215—223.
82. Старая могила въ гор. Аткарскѣ. Волга 1910 г. № 163 и 237. Перепечатано въ „Извѣстіяхъ Имп. Археологической Комиссіи“ 1911 г., прибавленіе къ вып. 39, стр. 133—136.
83. Описаніе села Оркина, Саратов. уѣзда. Мордовскій сборникъ, составленный А. А. Шахматовымъ. Изд. Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1910, стр. 681—720.

84. Археологическія раскопки и находки въ Аткарскомъ уѣздѣ. Труды Саратов. Архивной Комисіи 1911 г., вып. 27, стр. 1—4.

86. Изъ записокъ мирового посредника 1861—1866 годовъ. Матеріалы по крѣпостному праву. Саратов. губ. Изданіе Саратов. Архивной Комисіи. Саратовъ 1911. Отдѣльный оттискъ: Саратовъ, 1911. 8^о. 29 стр 50 экз.

87. Цѣнное пріобрѣтеніе нашего музея. Труды Саратов. Архивной Комисіи 1912 г., вып. 29, стр. 198—199. Отдѣльный оттискъ: Саратовъ, 1912. 8^о. 2 стр. 50 экз.

Критика и библиографія.

1. А. И. Путинцевъ, *Талагайская свадьба* (Памятная книжка Воронежской губерні на 1913 г. Воронежъ. 1913. Стр. 94—134).

Описана свадьба великоруссовъ „талагаевъ“, т. е. бывшихъ однодворцевъ, Ново-Хворостанской волости Коротоякского уѣзда. Описанію обрядовъ авторъ предпосылаетъ краткій очеркъ населенія данной мѣстности, извѣстной уже въ литературѣ по другимъ статьямъ того же А. М. Путинцева. Самая свадьба описана подробно, начиная со сватовства и кончая послѣ-свадебными пирушками. Но старинные обряды успѣли уже здѣсь въ значительной степени вымереть. Интересно обрядовое отличіе въ одеждѣ просватанной невѣсты: „символомъ того, что дѣвушка просватана-пропита, является небольшая перемѣна въ ея костюмѣ, а именно, она носитъ на головѣ уже не красный платокъ, а желтоватаго цвѣта“ (стр. 101)—свадебное обрядовое дерево сохранилось подъ названіемъ „садъ“; имъ служитъ большею частью вѣтка боярышника, украшенная разноцвѣтными бумажками, пряниками и леденцами и, воткнутая въ ковригу хлѣба.—На дѣвишникѣ совершается особый обрядъ подъ названіемъ „повиванье невѣсты“ или „плетеніе плетенка“: одна изъ невѣстныхъ подругъ беретъ клубокъ черныхъ или синихъ нитокъ домашняго приготовленія и, размотавъ его, дѣлитъ нитки на три равныя пряди; другая подруга плететъ изъ этихъ прядей „плетенекъ“, т. е. подобіе косы, причемъ поется пѣсня о томъ, что охотники ходятъ по берегу, хотягъ поймать бѣлую рыбушку, разрубить ее на 12 кусковъ, раскласть на 12 тарелокъ и разнести на 12 столовъ. „Плетенекъ“ этотъ кладутъ затѣмъ въ солонку на столъ, гдѣ онъ и лежитъ до слѣдующаго дня; по проѣздѣ отъ вѣнца, когда новобрачную убираютъ въ „бабій нарядъ“, плетенекъ берутъ изъ солонки и вплетаютъ въ косу молодой.

Изъ 36 долгихъ пѣсень, приведенныхъ въ статьѣ г. Путинцева, обрядовыхъ старинныхъ пѣсень сравнительно очень мало: на мѣстныхъ свадьбахъ поются уже больше обычныя пѣсни, не обрядовыя. Поютъ также и новѣйшія „страданья“ или „ихахошки“, которыхъ въ разсматриваемой статьѣ А. Путинцева приведено 125 нумеровъ. Это—едва ли не самое большое въ нашей литературѣ собраніе южно-великорусскихъ „страданій“, которыхъ вообще напечатано пока весьма мало.

Всѣ пѣсни, равно какъ и разговоры дѣйствующихъ на свадьбѣ лицъ, записаны г. Путинцевымъ съ точнымъ соблюденіемъ мѣстнаго народнаго говора, почему статья его представляетъ также большой интересъ и для діалектологовъ.

Д. Зеленинъ.

2. **С. Смирновъ, проф. Исповѣдь землѣ.** (Рѣчь, произнесенная съ сокращеніями на актѣ Москов. Духовной Академіи 1 октября 1912 г.). Сергіевъ Посадъ. 1912 г. 39 стр.

Въ своей небольшой брошюрѣ С. И. Смирновъ рассматриваетъ старинный обрядъ, существующій по мѣстамъ и въ настоящее время— исповѣдь землѣ.

Первое наиболѣе ясное свидѣтельство объ этомъ обрядѣ встрѣчается въ обличеніи еп. Стефаномъ ереси стригольниковъ (вторая половина XIV и первая половина XV в.), которые, отрицая духовную іерархію и церковное покаяніе, исповѣдывались землѣ, вѣря, что земля разрѣшитъ ихъ. Изъ словъ еп. Стефана нельзя однако узнать въ какіе обряды облекалась исповѣдь сектантовъ и какова была идея, лежавшая въ основѣ исповѣди землѣ, вслѣдствіе этого авторъ обращается къ нѣкоторымъ аналогичнымъ явленіямъ въ византійской и русской древности для разъясненія интересующаго его вопроса.

Въ обрядѣ исповѣди землѣ заложены два элемента: христіанскій— церковный институтъ тайной исповѣди и языческій—олицетвореніе земли и поклоненіе ей, какъ существу высшему, вліяющему на человѣка.

Авторъ даетъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ практики христіанскаго Востока, характеризующихъ тайную исповѣдь, которая совершалась передъ чудотворными иконами, святыми мощами и другими священными предметами; этотъ обычай, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя житія святыхъ, существовалъ и на Руси, занесенный сюда паломниками. Переходя на Русь обычай христіанской церкви встрѣчались здѣсь съ обычаями дохристіанскаго быта, съ которыми иногда и сливались. Обычай почитанія земли на Руси не достигалъ размѣровъ культа: памятники древней письменности не говорятъ о жертвоприношеніяхъ въ честь земли, но сохранившіеся пѣсни, заговоры, преданія и повѣрья вскрываютъ отчасти воззрѣнія русскаго народа на землю, какъ на мать-кормилицу, источникъ силъ и здоровья для человѣка, какъ на существо, достойное уваженія, имѣющее вліяніе на человѣка. Отсюда становится яснымъ, что тайная исповѣдь, совершаемая передъ святынями, стала совершаться передъ землею, тѣмъ болѣе, что въ дохристіанскомъ воззрѣніи человѣка земля мыслилась и, какъ судія и какъ искупительница грѣховъ, покрывающая ихъ. Какъ художественную иллюстрацію къ извѣстію еп. Стефана авторъ приводитъ одинъ духовный стихъ № 161 изъ сборника Варенцова, въ которомъ изображается молодецъ, кающийся передъ землею.

Разсмотрѣвъ составные элементы обряда исповѣди землѣ, авторъ указываетъ на его существованіе до сихъ поръ въ Сибири и у старообрядцевъ на Печорѣ; разновидностью стариннаго обряда авторъ считаетъ обычай прощанья съ землею передъ церковною исповѣдью. Передъ отправленіемъ въ церковь къ землѣ обращаются (Владимірск. губ.) съ такимъ причетомъ:

Возоюю я къ тебѣ, матушка сыра-земля,
Что топтали тея походчивы мои ноженъки,
Что бросали тея рѣзвы рученьки,
Что глазѣли на тея мои зенки,
Что плевала на тея скорлупошъки.
Прости, мать питомная, меня грѣшную неурядливу.

Прощанье съ землею (говорить С. И. Смирновъ) передъ церковной исповѣдью есть, очевидно, не что иное, какъ народная исповѣдь землѣ, дополняющая церковную... Въ ея перечнѣ грѣховъ слышится ясный отголосокъ культа земли!.. Таково кратко изложенное содержаніе статьи С. И. Смирнова. Для изученія народныхъ вѣрованій она является весьма цѣнной, какъ по матеріалу, въ ней приведенному, такъ и по тѣмъ соображеніямъ, которыми авторъ дѣлится съ читателями.

Е. Елеонская.

3. **Кн. Д. Ухтомскій. Чукотскія стрѣлы** (Ежегодникъ Русск. Антропологическаго Общества при Спб. Университетѣ, т. IV, стр. 103—122, 1912 года).

Этнографическому Отдѣлу Русскаго Музея Императора Александра III, въ стѣнахъ котораго за истекшее десятилѣтіе накопились огромный запасъ этнографическихъ сокровищъ, предстоитъ въ недалекомъ будущемъ сыграть крупную роль въ дѣлѣ изученія духовной и матеріальной культуры многочисленныхъ и разнообразныхъ по происхожденію, вѣрованіямъ и быту этническихъ группъ, входящихъ въ составъ всей массы населенія Россіи и ея Азіатскихъ и Средне-Азіатскихъ владѣній.

Первый фундаментъ въ этомъ направленіи положилъ самъ Этнографическій Отдѣлъ своимъ изданіемъ „Матеріаловъ по этнографіи Россіи“. Помѣщенные въ нихъ статьи посвящены описаніямъ извѣстной части этнографическихъ коллекцій, являющихся достояніемъ Музея.

Онѣ дали также необходимый матеріалъ для совершенно самостоятельной этнографической работы, напечатанной кн. Д. Ухтомскимъ въ „Ежегодникъ Русск. Антрополог. О-ва при Спб. У-тѣ“. Благодаря своей близости къ означенному Музею, авторъ имѣлъ удобный случай довольно обстоятельно ознакомиться съ весьма цѣнной въ научномъ отношеніи коллекціей, доставленной въ Музей изъ Анадырскаго края (Камчатской обл.) Н. П. Сокольниковымъ.

Въ числѣ ея обширнѣйшаго и разностороннѣйшаго этнографическаго матеріала нашелся преинтересный ассортиментъ чукотскихъ стрѣлъ, значительныхъ по количеству (130 штукъ) и оригинальныхъ по конструкціи и также 8 луковъ и 15 колчановъ. Ихъ-то и избралъ кн. Ухтомскій объектомъ своей небольшой сравнительно-описательной работы.

На тему о чукотско-эскимосскомъ оружїи, какъ боевомъ такъ и охотничьемъ, было уже писано очень компетентными въ этомъ вопросѣ учеными. Оказалось, однако, что наличность въ Русскомъ Музеѣ, въ частности, оригиналовъ чукотскихъ стрѣлъ „даетъ, по внимательной провѣркѣ автора, значительный дополнительный матеріалъ, который позволяетъ лишній разъ прослѣдить взаимоотношенія народностей Азіи и Америки въ бассейнѣ Берингова моря“.

Къ этой цѣли авторъ осторожно подходитъ путемъ анализа и синтеза существа вопроса и его частныхъ. Онъ подвергаетъ детальному осмотру самый матеріалъ, изъ котораго сдѣланы данныя стрѣлы, производитъ точныя измѣренія ихъ составныхъ частей,—древка и наконечниковъ,—изучаетъ пунктуально формы послѣднихъ, вникаетъ серьезно въ способы прикрѣпленія ихъ къ древку и снабженія опереніемъ оконечностей стрѣлъ, допытываясь принципа конструктивной техники, проявленной первобытнымъ народомъ при изготовленіи его примитивнаго оружїя. Затѣмъ, кн. Ухтомскій ищетъ и доискивается, гдѣ это возможно, указаній относительно: происхожденія чукотскихъ стрѣлъ, сходныхъ признаковъ ихъ устройства, одинаковыхъ болѣе или менѣе условій примѣненія на практикѣ дальности полета, настѣльности боя и степени пробивной ихъ силы. Въ этихъ поискахъ ему помогаетъ отчасти соответствующая литература о чукотско-эскимосскомъ оружїи; съ другой стороны, авторъ черпаетъ необходимыя данныя путемъ сравненія вещества и формъ стрѣлъ и наконечниковъ, доставленныхъ въ Русскій Музей Н. Сокольниковымъ, а также полученныхъ изъ бывшихъ Росс.-Американскихъ владѣній и недавнихъ археологическихъ раскопокъ по старымъ стойбищамъ приморскихъ чукочъ и камчадаловъ, съ экспонатами, собранными В.Г. Богоразомъ для Американскаго музея Естественныхъ наукъ въ Нью-Йоркѣ, и другими образцами.

Продѣлавъ столь сложный трудъ, кн. Ухтомскій достигъ извѣстныхъ положительныхъ результатовъ. На основаніи сближеній и аналогій, пропущенныхъ черезъ призму вдумчивой критики и обоснованныхъ разсужденій, ему удалось расширить нѣсколько предѣлы географическаго распространенія типа чукотскихъ стрѣлъ, главнымъ образомъ съ костяными наконечниками, найдя ихъ образцы и аналогичные случаи употребленія на территоріи всего почти сѣверо-востока Америки. Между тѣмъ, какъ образцы чукотскихъ стрѣлъ съ желѣзными остріями, смѣнившими собою кремень, шиферъ и обсидіанъ, находятся, по глубокому убѣжденію автора, подъ большимъ вліяніемъ

собственно Сибирскихъ типовъ, что вполне естественно, говорить онъ, при заимствованіи самаго матеріала изъ Сибири (стр. 105). Ихъ издѣліе въ большинствѣ случаевъ надо отнести на счетъ слесарно-кузнечнаго искусства ближнихъ сосѣдей чукочъ (коряковъ, ламутовъ, якутовъ и русскихъ), такъ какъ сами они, по какимъ-то невыясненнымъ причинамъ, весьма отстали въ означенномъ ремеслѣ.

Изумительную тщательность отдѣлки чукчи, подобно многимъ сибирскимъ и иноземнымъ аборигенамъ, проявили въ дѣлѣ оперенія своихъ стрѣлъ. На этой удивительной чертѣ мастерства чукочъ авторъ останавливаетъ свое особенное вниманіе, какъ на наиболѣе важномъ обстоятельствѣ, способствующемъ уясненію до нѣкоторой степени направленія эмпирической изобрѣтательности первобытныхъ народовъ, прибѣгающихъ въ актѣ самозащиты или нападенія къ содѣйствію лука и стрѣлъ.

Опереніемъ стрѣлы, по мнѣнію кн. Ухтомскаго, снабжаются для того, чтобы, приблизивъ къ пяткѣ центръ сопротивленія воздуха, дать устойчивость во время полета (стр. 117—118). Эскимосы, чукчи, коряки и другіе народы, стоящіе на одинаковомъ уровнѣ примитивной культуры, такимъ образомъ, въ глубокой древности зорко прослѣдили тѣсное взаимоотношеніе центра тяжести и центра давленія воздуха, что оказываетъ, какъ доказано научно, несомнѣнное вліяніе на правильность и дальность полета предмета, которому сообщено извѣстное движеніе. Этотъ принципъ, обусловленный физическими законами, чукчи съ большимъ успѣхомъ приложили къ древкамъ своихъ летательныхъ стрѣлъ. Поэтому рядъ чукотскихъ стрѣлъ, не имѣющихъ оперенія, говоритъ кн. Ухтомскій, слѣдуетъ разсматривать либо рассчитанными для стрѣльбы на очень короткое разстояніе, гдѣ вопросъ девиации не можетъ имѣть существеннаго значенія, либо какъ неоконченные изготавленіемъ экземпляры (стр. 118).

Касаясь технической стороны оперенія стрѣлъ, авторъ констатируетъ существованіе у чукочъ только двухъ способовъ. Въ первомъ случаѣ берутся два цѣльныхъ пера, вопреки противоположнымъ увѣреніямъ В. Богораза и Б. Адлера, признающихъ одностороннее опереніе, и, плоско налагаясь на древко, закрѣпляются, со стороны пятки стрѣлы, обмоткой изъ жильныхъ нитокъ; другой, корневой конецъ пера, бываетъ закрѣпленъ защемленіемъ въ короткой расщелинѣ древка, а иногда просто жильной обмоткой. Во второмъ случаѣ, болѣе совершенной конструкціи, перо сохраняетъ одну сторону бороздки или просто расщепляется пополамъ и корневая часть наклеивается продольно на древко, а концы перьевъ закрѣпляются жильной обмоткой; при этомъ бываетъ обычно три пера, иногда два. Очень рѣдко можно встрѣтить стрѣлы съ ненаклеенными, а лишь привязанными перьями (стр. 118).

Конструкція оперенія перваго типа стрѣлъ, по мнѣнію кн. Ухто м-

скаго, далеко несовершенна: загнутшіяся или оттопыривающіяся волокна бородки перьевъ, легко могутъ произвести смѣщеніе центра сопротивленія воздуха, съ линіи продольной оси стрѣлы, и тѣмъ самымъ вызвать весьма нежелательное отклоненіе стрѣлы отъ линіи первоначальнаго полета. Поврежденіе бородокъ пера при второмъ способѣ оперенія, можетъ вызвать лишь вращательное движеніе стрѣлы вдоль ея продольной оси, что будетъ способствовать большей вѣрности полета.

Точка зрѣнія кн. Ухтомскаго о баллистическихъ качествахъ чукотскихъ стрѣлъ нова и крайне интересна, какъ первая попытка теоретическаго обоснованія основныхъ началъ техники стрѣлъ, до которыхъ чукчи додумались многолѣтними наблюденіями и чисто эмпирическимъ путемъ.

Правильность и основательность логическаго построенія этой теоріи были бы совершенно доказаны, подкрѣпи авторъ свои разсужденія ссылками на составленныя имъ же математическія формулы. Очевидно, что для этого или не нашлось достаточнаго количества фактическихъ данныхъ, либо авторъ отложилъ эту часть своей работы до будущаго, когда онъ сможетъ вернуться къ затронутому имъ вопросу о баллистическихъ качествахъ стрѣлъ вообще.

Намъ кажется, что слѣдовало-бы также обратить вниманіе на вопросъ о способѣ укладки чукчами стрѣлъ въ колчаны. Въ этой детали можетъ сказаться особенность національной черты и степень практической неумѣлости или находчивости, отличающей чукочъ отъ сосѣдей. Такъ напримѣръ, тунгусы Енисейской губерніи, стрѣлы укладывали въ колчаны остриями наружу: беря затѣмъ стрѣлу изъ висѣвшаго за спиной колчана, тунгусъ ощупью руки безошибочно опредѣлялъ форму острія той стрѣлы, которую онъ собирался пустить въ дѣло.

Дѣлать подобнаго рода замѣчанія не значить-ли говорить о пробѣлахъ и недочетахъ подлежащей нашему обзору статьи. Тѣ и другіе разумѣется, найдутся въ ней. Они, однако, столь малозначительны, что не роняютъ научной цѣнности труда кн. Д. Ухтомскаго.

Алексій Макаренко.

4. В. Ф. Трощанскій. Наброски о якутахъ Якутскаго округа. — Подъ редакціей и съ примѣчаніями Э. К. Пекарскаго. — Казань, 1911. — Типо-литографія Имп. Казанскаго университета. — (Отдѣльный оттискъ изъ XXVII-го тома Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ за 1911 годъ).

Книга покойнаго В. Ф. Трощанскаго (посмертное изданіе, какъ и два другіе труда его, — „Эволюція Черной вѣрн (шаманства) у якутовъ“, Казань, 1902, и „Опытъ систематической программы для

собиранія свѣдѣній о до-христіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ“, Спб., 1911) — выдающееся явленіе не только въ области якутовѣдѣнія, но, пожалуй, и въ области этнографіи вообще.—въ виду двухъ обстоятельствъ.

Во-первыхъ, авторъ разсматриваетъ жизнь якутовъ чуть-ли не со всѣхъ сторонъ ихъ быта. Здѣсь встрѣчаемъ: и статистику населенія, и отношеніе къ землѣ, и описаніе экономическихъ отношеній вообще, и данныя объ общественной организаціи, и фізіологическія особенности племени, и характеръ и степень распространенія грамотности, и характеристику промысловъ. Уже перечисленнаго достаточно, чтобы книга заинтересовала этнографа въ широкомъ смыслѣ слова. Но авторъ не ограничивается этимъ: онъ пропикаетъ въ тайники интимной жизни якутовъ, посвящая цѣлую главу „любви“ и, съ точки зрѣнія той же „любви“, браку якутовъ, — съ одной стороны, а съ другой—при описаніи экономическихъ отношеній отводитъ мѣсто и способамъ обогащенія, „честности“, моральному значенію богачей—тойоновъ.

Затѣмъ, книга чрезвычайно интересна въ виду того, что это—плодъ непосредственныхъ наблюденій человѣка умнаго, наблюдательнаго и образованнаго, и притомъ—наблюденій многолѣтнихъ.

Но все это не дѣлаетъ, конечно, книгу покойнаго безусловно свободною отъ не вполне точнаго воспроизведенія фактовъ реальной дѣйствительности, не вполне справедливой оцѣнки характера якутовъ и не вполне вѣрнаго сужденія о явленіяхъ ихъ быта. Указать теперь же на этого рода недостатки книги В. Ф. Трощанскаго тѣмъ болѣе важно, что на нее, несомнѣнно, очень скоро же начнутъ ссылаться этнографы, и есть рискъ, что при этомъ они будутъ впадать въ весьма грубыя подчасъ ошибки.

Необходимо отмѣтить, что, несомнѣнно на лицо—общія причины ошибокъ автора.

Прежде всего, это — нѣкоторая склонность къ обобщеніямъ. Въ сущности, наблюденія В. Ф. Трощанскаго не распространялись дальше очень ограниченнаго района одного изъ улусовъ Якутскаго округа; между тѣмъ, авторъ въ заголовкѣ своей книги уже говоритъ о якутахъ всего округа и часто дѣлаетъ обобщенія, на которыя его не уполномочиваетъ ни количество, ни качество бывшаго въ его распоряженіи матеріала.

Затѣмъ, источникомъ ошибокъ въ данномъ случаѣ служитъ еще пессимизмъ автора: онъ съ какою-то настойчивостью отыскиваетъ въ характерѣ и бытѣ якутовъ дурныя черты. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что авторъ далекъ отъ мизантропизма. Стараясь выискать что-нибудь непривлекательное, онъ не успокаивается на этомъ, а во многихъ случаяхъ обнаруживаетъ очень теплое отношеніе къ страданіямъ, несчастіямъ и невзгодамъ якутовъ,—относится къ нимъ почти что съ

любовью,—и тутъ же указываетъ мѣры (не всегда рациональныя, а подчасъ— и наивныя) къ поднятію матеріальнаго благосостоянія этого народа и къ повышенію уровня нравственнаго и умственнаго его развитія. Благодаря этому, нерѣдко въ другихъ мѣстахъ книги онъ высказываетъ противоположные взгляды или, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ факты, изъ которыхъ приходится дѣлать заключеніе, какъ разъ противоположное тому, которое онъ высказалъ ранѣе. Такъ, по автору, „корыстолюбіе господствуетъ надъ всѣми остальными страстями якутовъ“ (стр. 103), — „всѣ ихъ способности направлены на плутни“ (стр. 122),—о якутской „недобросовѣстности и говорить нечего“ (стр. 120),—и т. д.; но это не мѣшаетъ автору доказывать въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 141), что „бываютъ минуты, когда цѣлое общество вдругъ почувствуетъ свою родственную близость и солидарность... Самый заклятый врагъ князя“, — иллюстрируетъ онъ это положеніе, — „котораго онъ готовъ былъ утопить въ ложкѣ воды, явился теперь его защитникомъ. Онъ вскочилъ съ мѣста и произнесъ краткую, но сильную рѣчь, смыслъ которой состоялъ въ томъ, что они не дадутъ въ обиду своего отца, — такъ и сказалъ: отца,—и всѣ поднимутся на защиту его, къ чему бы это ни привело“.

Замѣтимъ, что хотя В. Ф. Трощанскій совершенно не владѣлъ якутскимъ языкомъ, но это не имѣло для него большого значенія, какъ то мы видимъ въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ. Во-первыхъ, В. Ф. Трощанскій не задавался цѣлями—произвести исчерпывающее изслѣдованіе той или другой стороны быта якутовъ, а заносилъ въ свои записныя книжки лишь то, что случалось ему или самому наблюдать, или получать изъ вѣрныхъ рукъ. Во-вторыхъ,—и это — самое главное, — онъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ считалъ для себя обязательнымъ обращаться къ свѣдущимъ людямъ, къ голосу которыхъ внимательно и вдумчиво относился.

Къ сожалѣнію, при чтеніи книги В. Ф. Трощанскаго обнаруживается такъ много неточностей, невѣрныхъ сужденій и сомнительныхъ прогнозовъ, что нѣтъ возможности всѣ ихъ здѣсь отмѣтить. Я ограничусь лишь нѣкоторыми изъ нихъ, — не столько въ цѣляхъ исчерпывающаго внесенія поправокъ къ книгѣ покойнаго, сколько имѣя въ виду вооружить этнографовъ крптеріемъ для оцѣнки отдѣльныхъ положеній, которыя они пожелаютъ почерпнуть изъ „Набросковъ“.

По автору, на грамоту и, вообще, просвѣщеніе, какъ и на все въ мірѣ, якуты смотрятъ, съ грубо-утилитарной точки зрѣнія: богачамъ надо лишь умѣть записывать неоплатные долги своихъ кліентовъ (стр. 110), средняго сосоянія классъ стремится въ писаря при инородческихъ управленіяхъ (стр. 111), а, кромѣ того, „имъ не по силамъ то умственное напряженіе, которое требуется въ высшихъ школахъ“ (ibid). Не представляется особенно важнымъ, много ли или мало изъ представителей якутскаго племени слушаютъ лекціи въ высшихъ учебныхъ

заведеніяхъ, но чрезвычайно интересно для этнографа имѣть представленіе о стремленіи народа къ образованію вообще (въ томъ числѣ—и къ высшему образованію). А въ этомъ отношеніи утвержденіе В. Ф. Трощанскаго нуждается въ существенной поправкѣ. Таковую отчасти вноситъ редакторъ въ прим. на стр. 111, говоря: „за послѣднее время“ (курсивъ мой) „число якутовъ, стремящихся къ высшему образованію, замѣтно увеличилось“. Я сказалъ бы нѣсколько иначе. Уже тогда, когда наблюдалъ якутовъ В. Ф. Трощанскій, было извѣстно всѣмъ другимъ наблюдателямъ, что у якутовъ—далеко не грубо-утилитарный взглядъ на образованіе. „Наброски“ датированы концомъ 1893 г.,—и вотъ что встрѣчаю я въ своей записи, датированной 18 сентября 1894 г., т.-е. всего годъ спустя: „Въ юртѣ зажиточнаго якута одного изъ Таттинскихъ наслеговъ Ботурусскаго улуса Ив. Оросина: разговоръ съ хозяиномъ о якутской письменности. Онъ говорилъ, что нужно создать литературу на якутскомъ языкѣ, между прочимъ—и газету“. Замѣчу, что юрта, о которой рѣчь, находилась въ 20 в. отъ мѣста жительства В. Ф. Трощанскаго. Кромѣ того, онъ хорошо зналъ, какой громадный успѣхъ среди якутовъ, безъ различія состояній, имѣла школа В. М. Іонова,—онъ зналъ также, что этотъ педагогъ не обѣщалъ якутамъ давать и на самомъ дѣлѣ не давалъ грубо-утилитарнаго направленія своимъ занятіямъ съ учениками. Школа В. М. Іонова находилась также въ 20 в. отъ мѣста, гдѣ жилъ М. Ф. Трощанскій, и послѣдній въ школѣ нерѣдко самъ бывалъ. Что касается примѣчанія къ цитируемому мѣсту „Набросковъ“, то, мнѣ кажется, тутъ можно было бы еще сослаться, имѣя въ виду внести поправку въ сужденіе В. Ф. Трощанскаго, на этотъ фактъ, что именно осуществилось высказанное мнѣ 18 лѣтъ тому назадъ пожеланіе Ив. Оросина: въ г. Якутскѣ уже съ 1907 года издавались газеты на якутскомъ языкѣ (а съ прошлаго года издается и журналъ), издана книжка. Въ якутскихъ наслегахъ нерѣдко можно найти и русскую газету. Вообще, въ настоящее время именно мы имѣемъ полное основаніе утверждать что заключеніе В. Ф. Трощанскаго для его времени было невѣрно,—и въ такой же мѣрѣ оказался невѣрнымъ его прогнозъ.

Въ тѣсной связи съ указаннымъ является другой взглядъ автора „Набросковъ“: на отношеніе якутовъ къ русскимъ. „Надутъ русскаго—величайшее удовольствіе не только для надувшаго, но и для cadaго якута, узнавшаго объ этомъ; о русскомъ съ большой охотой распространяются самыя удивительныя небылицы... Питая къ русскимъ вражду, якуты, въ то же время,—самые завзятые патріоты. Имъ чрезвычайно льститъ, когда русскіе изучаютъ ихъ языкъ, а сами не особенно охотно обучаются русскому... Ихъ патріотизмъ выражается и въ томъ, что они упорно придерживаются національнаго костюма и общезакутскаго образа жизни“ (стр. 130—131). Здѣсь, опять-таки, и закрываніе глазъ на окружающія явленія, и отсутствіе пониманія ихъ. Якуты не могли от-

носиться иначе, какъ враждебно, къ наводнявшимъ наследи уголовнымъ ссыльнымъ, а равно—и къ представителямъ русской администраціи, которые, подчасъ, были для якутовъ опаснѣе уголовныхъ. Но совсѣмъ не такъ они относились къ русскимъ, которые сумѣли доказать, что заслуживаютъ на самомъ дѣлѣ много отношенія къ себѣ. Я не знаю, былъ ли вообще случай въ жизни самого автора „Набросковъ“, когда бы проявилось къ нему дурное отношеніе со стороны якутовъ. Вообще же, я могу указать на тотъ фактъ, что когда, въ 1906 г., состоялось совѣщаніе якутовъ по очень важному вопросу ихъ внутренней жизни, то въ предсѣдатели былъ избранъ русскій, одинъ изъ старѣйшихъ политическихъ ссыльныхъ,—въ изъясненіе признательности, какъ говорили якуты, ко всей политической ссылкѣ, которая, развивая въ нихъ чувство человѣческаго достоинства, довела якутовъ до сознанія необходимости установленія лучшихъ формъ общественно-политической жизни. Въ своихъ записяхъ 1894 г. я встрѣчаю, слова якута В. Я. Слѣпцова: якуты-де благодарятъ политическую ссылку за то, что она подняла въ нихъ чувство собственного достоинства. И къ отдѣльнымъ лицамъ изъ числа представителей какихъ-угодно категорій русскихъ якуты относились съ полнымъ уваженіемъ, если тѣ того заслуживали. Укажу, наприм., на покойнаго священника о. Иннокентія Неустроева,—лицо, которое, было извѣстно и автору „Набросковъ“. Въ сферѣ мелкихъ отношеній я обращаю вниманіе хотя бы на пѣсню ¹ (въ ряду многихъ другихъ), гдѣ женщина воспѣваетъ достоинства русскаго, — значить, уже не такъ отрицательно отношеніе якутовъ къ русскимъ, какъ къ таковымъ. Если мнѣ позволительно рѣшиться на нѣкоторое обобщеніе въ настоящей рецензіи, то я скажу, что русскую культуру, русскія привычки и обычаи якуты высоко ставятъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока русскій не начинаетъ вводить въ свой обиходъ явно несоответствующихъ мѣстнымъ условіямъ новшества. Якутъ прекрасно сознаетъ, что часы, наприм.,—хорошая вещь, и что ихъ можетъ сдѣлать русскій, а якутъ не можетъ сдѣлать,—и здѣсь якутъ отдаетъ предпочтеніе русской культурѣ. Нс если русскій, безъ всякой предварительной тренировки, начинаетъ послѣ поѣздки кормить, безъ „выдержки“ въ 2—3 часа, купленнаго у якута коня, то якутъ съ полнымъ правомъ называетъ русскаго „мерзлымъ“, потому что кони отъ этого гибнутъ. Съ другой стороны, на моихъ глазахъ многіе якуты начинали постепенно переводить своихъ коней къ кормежкѣ безъ выдержки, такъ какъ опытъ русскихъ ихъ убѣдилъ, что это—не такъ опасно, какъ имъ казалось раньше, а, между тѣмъ, конь согрѣвшійся за дорогу, не мерзнетъ, стоя на 40⁰ морозѣ, на привязи по 3—4 часа.

¹ См. мои „Матеріалы для изученія якутской народной словесности“, пѣсня № 3 (въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва, Т. XXI, № 2, Иркутскъ, 1890).

Но въ сообщеніи В. Ф. Трощанскаго есть еще одна сторона. Вопросъ о взаимодѣйствіи между русскою и якутскою культурою—вопросъ довольно сложный. Почему якуты медленно движутся впередъ по пути матеріальной культуры, почему, съ другой стороны, русскіе уже въ третьемъ поколѣніи до недавняго времени совершенно обьякучивались,—это очень интересный и важный вопросъ якутско-русскихъ отношеній. Но нашъ авторъ не останавливается передъ трудностями выясненія этого вопроса и рѣшающую роль здѣсь смѣло приписываетъ — „патріотизму“ (партикуляризму?) якутовъ (стр. 131).

Такое же явное игнорированіе глубокихъ основъ явленія мы встрѣчаемъ и въ другихъ случаяхъ. Между прочимъ, онъ описываетъ (стр. 109—101) „забавный“ случай съ однимъ изъ своихъ товарищей, который, изъ принципа, принялъ за правило покупать все на наличныя деньги, а не на табакъ, чай, сахаръ и т. д.—Ему понадобилась берестяная посуда, и онъ обратился за ней къ якуткѣ; та запросила 2 листа махорки, что оцѣнивалось въ 10 коп. Онъ не хочетъ дать табаку, а даетъ деньги, но та настаиваетъ на своемъ. Наконецъ, якутка согласилась взять 10 коп., но только съ тѣмъ, чтобы ей подарили 2 листа табаку. Обрадовавшись успѣшности пропаганды денежнаго хозяйства, русскій далъ ей и табаку,—„а та, съ вещественными доказательствами въ рукахъ, пошла по сосѣднимъ юртамъ рассказывать о томъ, до чего пуча глупъ“,—заканчиваетъ В. Ф. Трощанскій свое сообщеніе. Я неясно понимаю, съ какой стороны „забавнымъ“ представляется автору этотъ случай. Что якутка, представительница мало-культурнаго племени, не могла понять сложной эмоціи высоко-развитаго европейца,—въ этомъ ничего забавнаго нѣтъ. Если же автору кажется забавнымъ, что якутка согласилась получить и 10 коп. и 2 листа табаку, то я не знаю, кто, вообще говоря, даже не будучи якутомъ, откажется получить больше того, что самъ запрашиваетъ за товаръ. И единственно, что оказывается, можетъ-быть, здѣсь забавнымъ, это—доведеніе принципа, хотя бы и весьма возвышеннаго, до абсурда. Между тѣмъ, авторъ совершенно не уразумѣлъ смысла описаннаго имъ явленія, поскольку рѣчь идетъ о якутахъ, какъ показателя степени развитія экономическихъ отношеній среди нихъ: якуткѣ нужны 2 листа черкаскаго табаку,—и, кромѣ полученія этихъ 2 листовъ, она рѣшительно ни о чемъ въ данный моментъ не хочетъ думать. Я могу рассказать другой аналогичный случай. Спрашиваетъ русскій у якутки какую-то вещь,—та заломила несуразную цѣну: 1 рубль. Пораженный русскій спрашиваетъ, сколько же она возьметъ вотъ за эту вещь. Оказывается, также 1 рубль. Словомъ, якутка все и вся готова была отдать именно за рубль,—и дороже рубля, и дешевле рубля стоящую вещь. Скоро обнаружилось, что въ данный моментъ якуткѣ нуженъ былъ именно одинъ рубль. Но я этого случая не назову „забавнымъ“: онъ имѣетъ глубокое значеніе, и надъ нимъ стоитъ

задуматься не съ точки зрѣнія того, что якутка станетъ разносить по сосѣдямъ вѣсть о „глупости“ русскаго, разъ тотъ ей далъ вдвое дороже того, сколько она запросила за вещь.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ оперируетъ надъ неподлежащими сомнѣнію данными, онъ впадаетъ въ другого рода ошибку: онъ проявляетъ чрезмѣрную склонность къ обобщенію. Данныя о движеніи населенія по одному приходу обширной Якутской области даютъ автору основаніе говорить о жизнеспособности якутскаго племени вообще (стр. 87, 91, 92—93, 117 и др.). Конечно, авторъ поступилъ бы правильнѣе, если бы выразился въ томъ смыслѣ, что данныя по изслѣдованному имъ приходу подтверждаютъ общераспространенное мнѣніе, что якуты не вымираютъ. Нѣсколько якутскихъ преданій его уполномочиваютъ на реконструированіе исторіи происхожденія якутовъ (стр. 14 и 88—89), — очень грубая ошибка, въ которую авторъ впадаетъ уже во второй разъ (см. его „Черную вѣру и т. д., стр. 12—17).

Сказаннымъ я считаю возможнымъ ограничить свои замѣчанія на книгу В. Ф. Трощанскаго. Я не имѣю возможности остановиться на томъ, наприм., что якутское представленіе о „богатомъ“ человекѣ, какъ о „хорошемъ“ (стр. 97), имѣетъ своимъ источникомъ не отсутствіе „нравственныхъ“ чувствъ у якутовъ, а извѣстный экономическо-политическій укладъ ихъ жизни, — что проявляется извѣстная система въ томъ, что содержаніе лицъ, живущихъ на счетъ родовой благотворительности, падаетъ на якутовъ средняго достатка, а не на богачей, и что здѣсь вовсе не угодничество передъ богачами (тамъ же); — что ысыах — далеко не покрывается понятіемъ „кумысная попойка“ (стр. 15); — что землянной полъ въ юртахъ все-же иногда исправляется (стр. 16), — и т. д.

Конечно, скорѣе всего такого рода указанія слѣдовало бы ожидать отъ редактора, которому авторъ „завѣщаль“ (стр. 2) изданіе своихъ трудовъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, техническія условія изданія „Набросковъ“ были таковы, что Э. К. Пекарскому, по необходимости, пришлось сильно урѣзывать свои замѣчанія; къ тому же приводило и отсутствіе у него необходимаго досуга. И мы считаемъ долгомъ выразить здѣсь Э. К. Пекарскому признательность за то, что онъ затратилъ не мало времени и труда на приготовленіе къ печати и выпускъ въ свѣтъ какъ разбираемой въ настоящей рецензіи, такъ и другихъ работъ покойнаго В. Ф. Трощанскаго.

Книга В. Ф. Трощанскаго „Наброски о якутахъ Якутскаго округа“ распадается на 11 главъ: первая двѣ — „Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ“ 3-я — „Любовь и бракъ у якутовъ“, 4-я — „Землепользованіе“, 5-я — „Земледѣліе“, 6-я — „Скотоводство“, 7-я — „Прирость населенія. Происхожденіе якутовъ. Бракъ. Усыновленіе. Старики“, 8-я — „Способы обогащенія. Городчики. Карточная игра. Честность“, 9-я — „Органы самоуправленія. Школы. Грамотность. Медицина. Нерв-

ныя болѣзни“: 10-я—„Бюджетъ якутской семьи. Заработки (кузнечество). Культурная роль духовенства и поселенцевъ“ и 11-я—„Соприкосновеніе якутовъ съ русскими. Остатки родового быта. Роль богачей. Тѣлесное наказаніе“.

Но при пользованіи книгою надо имѣть въ виду, что названія главъ не вполне соответствуютъ ихъ содержанію. Такъ, въ главѣ о землепользованіи главному предмету посвящено всего лишь 2—3 страницы, остальное же касается сельско-хозяйственной культуры; въ главу 7-ю случайно вкраплено кое-что объ обычаяхъ одариванія; о скотоводствѣ говорится не только въ главѣ 6-й, но и въ другихъ мѣстахъ книги, какъ наприм., на стр. 69; о пищѣ якутовъ авторъ говоритъ въ разныхъ главахъ,—см., наприм., стр. 82, 56—57 и др.; статистика населенія (какъ упомянуто уже выше, только по одному приходу Якутской епархіи) разрабатывается авторомъ также въ разныхъ мѣстахъ книги—стр. 37 и стр. 86.

Такимъ образомъ, и съ этой стороны главная цѣнность книги заключается больше въ томъ, что въ ней мы имѣемъ литературное (а иногда и картинное) изложеніе непосредственныхъ впечатлѣній наблюдательнаго и вдумчиваго человѣка, воспринятыхъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ пребыванія въ средѣ якутовъ, нежели въ систематизаціи явленій якутской дѣйствительности.

Насколько это въ самомъ дѣлѣ цѣнно,—можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ.—Авторъ много говоритъ о несимпатичныхъ сторонахъ взаимоотношеній между богачами и бѣдняками. Но духъ пытливости и познавательное чутье ему подсказывало, что дѣло—не такъ просто, какъ оно можетъ казаться съ перваго взгляда. Правда, когда автору приходится высказать по этому поводу категорическое сужденіе, то онъ принужденъ ограничиться замѣчаніемъ: „уяснить себѣ эти отношенія чрезвычайно трудно“ (стр. 140). Однако, онъ подмѣтилъ,—и торопится занести это въ свои записи,— что „кліенты питаютъ къ нимъ (богачамъ) родственныя чувства, какія были у евреевъ въ патриархальномъ быту... Богачи покровительствуютъ своимъ кліентамъ и держатся съ ними болѣе или менѣе по-родственному“ (стр. 141), и что „у якутовъ только богатство даетъ силу и почетъ, власть сама по себѣ ничего не даетъ“ (стр. 142). Въ констатируемыхъ В. Ф. Трощанскимъ фактахъ мы видимъ подтвержденіе интереснѣйшаго обобщенія Генри С. Мэна, согласно которому на первобытныхъ ступеняхъ развитія общественности богатство и власть неотдѣлимы не въ силу какихъ-либо расовыхъ особенностей того или другого племени, а именно вслѣдствіе наличности тѣхъ чертъ общественнаго строя, который, за неимѣніемъ лучшаго термина, мы обозначаемъ названіемъ „патріархальнаго“. И для тѣхъ, кто знакомъ съ пріобрѣтеніями науки въ этой области, наблюденія В. Ф. Трощанскаго именно тѣмъ особенно и цѣнны, что, являясь плодомъ

многолѣтняго непосредственнаго общенія съ народомъ, не вышедшимъ еще изъ фазы патріархальнаго строя, въ значительной степени подтверждаютъ обобщеніе Генри С. Мэна.

Это даетъ намъ новое основаніе къ тому, чтобы видѣть въ книгѣ В. Ф. Трощанскаго дѣйствительно цѣнное приобрѣтеніе этнографической науки. Надо только, повторяю, при пользованіи этою книгой помнить, что она писана не ученымъ, а добросовѣстнымъ наблюдателемъ - диллетантомъ, при томъ же — не свободнымъ отъ нѣкоторой склонности къ обобщеніямъ и находившимся во власти прирожденнаго пессимизма.

Н. Виташевскій.

Настоящій выпускъ „Живой Старины“ печатался подъ наблюденіемъ Товарища Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи И. Р. Г. О. А. А. Шахматова и за секретаря А. Д. Руднева и выпущенъ въ свѣтъ 4 іюля 1913 г.